80 коп. Индекс 70544

**В 1990 ГОДУ ЖУРНАЛ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ
СЛЕДУЮЩИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:**

Н. Расул-Заде. **«ЗАПИСКИ САМОУБИЙЦЫ»** — повесть о действующей в стране наркомафии, о трагической судьбе воина-интернационалиста, запутавшегося в сетях мафии.

Бернардо Гимараэнс. **«РАБЫНЯ ИЗАУРА».** Впервые роман, по мотивам которого был снят телевизионный многосерийный фильм, полюбившийся советскому зрителю, был опубликован в 1875 году в Бразилии. Перевод с португальского Владимира Пузатова.

А. Савенков. **«РОССИЯНЕ»** — остросюжетный исторический роман о заговоре боярина Хованского с целью посадить на российский престол своего сына.

С. Жунусов. **«ТРОПА»** — повесть о трагической судьбе казахского рода, вынужденного в период коллективизации покинуть Родину и уйти в Китай. Перевод Владимира Солоухина.

В. Пикуль. **«ИСТОРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ».** Как всегда, речь пойдет о неизвестных страницах истории Русского государства.

Ю. Чирков. **«СОЛОВКИ».** Воспоминания известного советского ученого Юрия Чиркова. Мальчишкой он был арестован в 1937 году. В лагере изучил несколько языков, прошел курс средней школы. Его учителями были известные русские ученые — такие же, как и он, незаконно репрессированные.

С. Караславов. **«НИСПРОВЕРЖЕНИЕ ВЕЛИЧИЯ».** Роман известного болгарского писателя переносит читателя в Болгарию 1943 года. Умер царь Борис. Профашистские элементы во главе с послом Германии в Софии, резидентом абвера, пытаются ввергнуть страну во вторую мировую войну. Им противостоят коммунисты во главе с Георгием Димитровым.

М. Пыляев. **«ЗАБАВНЫЕ ЧУДАКИ»** — из литературного наследия, исторические курьезы из жизни знаменитых людей XVIII—XIX веков. В советское время произведение не переиздавалось.

Н. Вирта. **«ЧЕРНАЯ НОЧЬ».** Роман, посвященный анализу неизвестных ранее обстоятельств рождения фашизма. Написан около тридцати лет назад.

Б. Тимофеев. **РАССКАЗЫ.** Незаслуженно забытый русский писатель, о творчестве которого высоко отзывался М. Горький. Он прожил короткую, но яркую жизнь. Умер Б. Тимофеев в 1920 году, когда ему было всего 38 лет.

А вы подписались на журнал «Молодая гвардия» на 1990 год! Напоминаем, что в розничную продажу журнал практически не поступает.

Подписка принимается без ограничения.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

К 175-летию со дня рождения.

Гравюра Владимира Воронина

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала:
Рисунок Б. Сошина

«Молодая гвардия», 1989, № 10, 1—288.

Наш адрес:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-15; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

СУДЬБА РОДИНЫ — НАША БОЛЬ И ЗАБОТА

Письмо в номер

Уважаемая редакция!

Чем объяснить, что сегодня, на пятом году перестройки, когда так остро встали перед обществом проблемы национальных отношений, сохранения национальной культуры, нравственных ценностей, чувства патриотизма и человеческого достоинства, некоторые газеты и журналы продолжают нападки на нашу социалистическую мораль, духовность, с особой прицельностью травят и шельмуют людей, обладающих чувством осознанной ответственности за мир, за землю, на которой мы живем, не приемлющих сионизма, космополитизма, эмигрантской возни, словоблудия, биологической чувственности, — всего того, что чуждо нашему народу, противоречит его идеалам?

Кто же бьет по основам нашей государственности, по основам нашей жизни? На мой взгляд, тон задают вчерашние диссиденты, пролезшие ныне в «прорабы перестройки». Это им и их быстро «перестроившимся» единомышленникам из числа тех, которые при любой структуре власти и демократии рвутся к обогащению и личному благополучию, нужно построить общество по западному образцу, это

они не прочь реставрировать буржуазную мораль, буржуазную нравственность, строй. Именно для этого им нужны национальная рознь в стране, стычки, кровь... И именно всему этому противостоят нравственность, мораль, культура, патриотизм всех советских народов.

Я знаю, сейчас каждый честный советский человек готов встать на защиту Отечества. Ведь нам навязывается гражданская война, в том числе и война в области духа, в области слова. Я думаю, мы должны активно противостоять замыслам реакции, несмотря на то, что силы в этом сражении пока неравные. К услугам реакции не только значительные средства массовой информации страны, но и многочисленные центры культуры, «ДС», всевозможные народные фронты и объединения землячеств и на нашей российской земле, и в союзных республиках. Об их «деятельности» чуть ли не ежедневно трубят газеты, журналы, радио и телевидение. Но ведь есть же и альтернативные объединения. Такие, например, как общество русской культуры «Отечество», Движение любителей российской словесности и искусства «Единство». Только вот о их целях и задачах, о том, каким образом можно помочь им в работе, информации недостаточно.

Журнал «Молодая гвардия», по моему мнению, занимает принципиальную позицию. Может быть, пора рассказать об «Отечестве» и «Единстве». Думается, читателям знать о них необходимо.

Н. ЯРЕМЕНКО,
штурман,
Мурманск

От редакции. Мы получили немало писем с подобными просьбами — от молодых читателей и ветеранов, от рабочих и колхозников, от интеллигентов и военнослужащих. Многих из них интересует деятельность обществ, объединяющих людей на любви к Родине, на тревоге за ее будущее. Удовлетворяя их потребность, публикуем статью председателя Московского городского добровольного общества русской культуры «Отечество», доктора исторических наук, профессора А. Кузьмина и обращение инициативной группы по созданию Движения любителей российской словесности и искусства «Единство».

Аполлон КУЗЬМИН

ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ — ОТЕЧЕСТВО

Общество наше молодое. Оно зарегистрировано Моссоветом как Московское городское добровольное общество русской культуры «Отечество» в апреле, в мае мы провели свою первую конференцию, на которой были избраны Совет и Правление, были определены основные направления деятельности. (Материалы конференции опубликованы в специальном бюллетене.)

В общей форме цели и задачи Общества определены в пункте 1.2 устава: «Общество содействует интернациональному воспитанию трудящихся, подъему их политической активности, направленной на культурное, историческое, экономическое, экологическое и демографическое возрождение русского народа и народов России». Этот пункт вызывает больше всего вопросов и разночтений, и его необходимо пояснить.

Само название Общества показывает, что высшей ценностью для его членов является Отечество. Мы исходим из того, что люди, безразличные к судьбам страны, не имеют права что-либо предлагать, а тем более навязывать ее народу. Мы исходим из того, что любые наши проблемы могут и должны решаться своими средствами, вовлечением в их решение широких масс трудящихся. Мы исходим из того, что нет более действенной силы для пробуждения общественного энтузиазма, как боль за судьбу Отечества. Мы исходим из того, что лишь общими усилиями можно преодолеть усугубляющиеся трудности и от общего блага зависит положение каждого из нас. «Для граждан гораздо полезнее, когда процветает все государство в целом, а не когда отдельные лица преуспевают, целое же разрушается». Почти две с половиной тысячи лет назад это было сказано Фукидидом, и история разных стран многократно это подтверждала.

Сейчас сами понятия «Отечество» и «патриотизм» третируются открыто, и это в определенном смысле положительное явление: меньше людей, прикидывающихся патриотами. Сплошь и рядом можно встретить такой логический ряд: патриот — значит, националист, значит, шовинист. Между тем как раз психология шовинизма отражается в подобной логике.

Стоит напомнить слова Салтыкова-Щедрина, недавно процитированные «Советской Россией»: «Воспитательное значение патриотизма громадно: это школа, в которой человек развивается к восприятию идеи о человечестве... Нельзя быть паразитом и патриотом ни в одно и то же время, ни по очереди, то есть сегодня патриотом, а завтра проходимцем. Всякий должен оставаться на своем месте, при исполнении своих обязанностей». Очень это верно и весьма актуально. К общечеловеческому нельзя прийти, минуя Отечество. Противопоставление этих понятий не более чем спекулятивное прикрытие антиобщественных, корыстных устремлений отдельных лиц или групп. «Чтобы быть интернационалистом, нужно сперва иметь родину», — резонно замечал французский писатель Дюамель. Мы к этому добавляем: и обязательно любить ее. «Любовь к родине — первое достоинство цивилизованного человека». Слова эти не бледнеют от того, что сказаны великим завоевателем (Наполеоном).

Обычно возникает и вопрос о том, какое содержание вкладываем мы в понятия «Отечество» и «патриотизм». На этих понятиях также спекулируют, вкладывая подчас в них такой смысл, что они становятся собственной противоположностью. Понятия эти действительно многомерные. В общих чертах можно отослать к признанному определению: «Отечество — это исторически сложившаяся общность населения той или иной страны (одного или нескольких народов, наций), включающая данную социальную, политическую и культурную среду, язык и территорию, на которой искони проживает народ (народы)». Это определение можно конкретизировать применительно к задачам общества.

Отечество — это территориальная общность, благополучие отдельных частей зависит от их гармонического взаимодействия.

И мы будем крепить эту целостность, добиваясь гибкой внутренней гармонии. Отечество — это земля, реки, недра, воздух, которым мы дышим. От их количества и качества зависит наше настоящее и будущее. И мы будем добиваться оздоровления среды нашего обитания самым решительным образом. Отечество — это социально-психологическая среда, духовная атмосфера, в которой формируется любое поколение. И мы будем добиваться сознательного отношения к наследию прошлого, традициям, народной памяти: у тех, кто забывает прошлое, не может быть будущего. Отечество — это определенный социально-экономический уклад, насильственное разрушение которого чревато огромными жертвами и ненадежными результатами. Мы требуем открытого, широкого обсуждения социально-экономических программ, затрагивающих материальные интересы или духовные ценности трудящихся. Когда что-то разрушается, должно быть совершенно ясно, что предлагается взамен. Отечество — это определенное представление о социальной справедливости, система и иерархия ценностей. Ценности формируются веками и тысячелетиями. Наш долг — сознательно отнестись к попыткам их компрометации, к стремлениям в одночасье разрушить то, что выстрадано народом. Отечество — это определенная социально-политическая система. Наша задача — наиболее полно развернуть зажатые разного рода деформациями и дезинформациями духовные, творческие силы народа.

В каждом народе в критических ситуациях раздаются призывы вроде робеспьеровского: «Для отечества не сделано ничего, если не сделано все». Мы не требуем от своих членов подобного максимализма. Но невредно всегда помнить предостережение античного мудреца-законодателя Солона: «Гибель народу грозит от безумия собственных граждан», — или признание борца за свободу личности Руссо: «Лишь сильное государство обеспечивает свободу своим гражданам».

Как и около любой значимой идеи, у знамени патриотизма собираются разные люди, включая и тех, для кого разговоры о патриотизме — средство самоутверждения. Им хотелось бы напомнить слова итальянского ученого и публициста Артуро Графа: «Настоящий патриотизм не тот, который суетится и чванится в торжественные минуты, а тот, который ежедневно и неутомимо заботится об общем благе и не бахвалится этим». Первый отличительный признак настоящего патриота — он сознательно отдает обществу больше, чем получает от него. Истинный патриотизм не рассчитывает на вознаграждение. Но мы должны считаться и с тем, что многие истинные патриоты находятся у черты бедности, а то опускаются и ниже этой черты. А потому не должны просто эксплуатировать чьи-то чувства в условиях, когда все более на первый план выходит его величество Рубль, а общество захватывает принцип «ты — мне, я — тебе».

Слабость всех патриотических движений проистекает из того, что патриотизм — это чувство. Чувство глубокое или не очень, осознанное или неосознанное, но именно чувство. А ведь надо осознать, что именно Отечеству нужно в данный момент. А это огромная интеллектуальная работа, и начинаться она должна с решительного ограничения собственного Я, кстати, очень плохого советчика в решении общественных вопросов.

Сейчас пышным цветом расцвели теории, ставящие на первый план именно собственную драгоценную личность. А к чему это

ведет на практике? К утверждению принципа «ты — мне, я — тебе», падению нравственности, росту преступности. И мы являемся свидетелями, как на наших глазах происходит узаконивание воровства, вообще преступности, связанной прежде всего с расхищением государственной собственности. В «Правде» опубликована потрясающая по безысходности статья Богатко и Козьмина: «Все на виду — и никаких мер». «Аргументы и факты» с эпическим спокойствием сообщают, что из нашего уже огромного слоя богатых людей (примерно 6—7 млн.) лишь 0,7% могут оправдаться в источниках доходов. Более же 99% из них — воры! Жулье! Не менее страшные факты приводит «Вечерняя Москва»: в мае прошлого года воровало 13% торговцев овощами, в мае этого года, пользуясь перестроечными идеями, — уже 82%. Не лучше положение в других областях торговли. И трудно поверить, что в подобных коллективах честные труженики вообще смогут удержаться. И невозможно представить, куда же нас подобная «перестройка» приведет.

Мы договорились, что в нашем обществе не будут спорить по религиозным и философским вопросам (идеализм или материализм). Пусть в борьбе с нарастающим злом проявят себя и те и другие. И те и другие найдут, к сожалению, безразмерное поле приложения своих сил. И все-таки мы не поймем причины столь явного духовного оскудения, если отвлечемся от их материальной основы, не выправив которую ничего не изменить. В конечном счете, за всеми теориями от «культа вождя» до «культа личности» (единственной или каждой в отдельности) стоит одна и та же философская система: субъективный идеализм. К чему это ведет — достаточно хорошо видно.

Мне уже приходилось цитировать принципиальное, методологически важное разъяснение Ленина на III конгрессе Коминтерна 5 июля 1921 года: создана комиссия «из лучших экономистов и технических сил». «Почти все они, правда, — оговаривается Ленин, — настроены против Советской власти. Все эти специалисты придут к коммунизму, но не так, как мы... Специалисты-инженеры придут к нам, когда мы практически докажем, что таким путем повышаются производительные силы страны» (ПСС, т. 44, с. 50—51). Именно так. Истинный патриот примет ту социальную программу, которая более всего способствует процветанию Отечества, процветанию не отдельных слоев, а большинства народа. А оптимальная программа может быть разработана лишь на основе необходимой суммы фактов (доступа к информации) и объективно научного метода. Думается, что мы лишь осложняем себе жизнь, отказываясь от метода диалектического материализма, отказываясь, даже и не проверив его на практике (хотя бы в практике исследования).

Непросто осознать даже свой личный интерес. (Сплошь и рядом мы только и делаем, что вредим себе!) Уяснение же принципов действия механизма, от которого зависит удовлетворение личного интереса, требует и профессиональной квалификации, и опять-таки способности возвыситься над сиюминутными желаниями. И как бы мы ни пытались оторваться от рекомендаций исторического материализма, мы обязаны будем оценивать социальные интересы, интересы классов и социальных групп.

Сейчас, как и столетие назад, остро встал вопрос: капитализм или социализм? Для многих это главный вопрос, и отношением к

нему определяется их позиция. Мы сейчас в своих материалах начали дискуссию по этому вопросу и постараемся, чтобы в дискуссии приняли участие представители разных направлений. Поскольку для нас высшей ценностью является Отечество, социальный уклад служит не самоцелью, а средством (примерно так, как у названных Лениным специалистов). Хорош тот уклад, который наиболее полно удовлетворяет материальные и духовные потребности народа. Но модное нынче словечко «плюрализм» не должно прикрывать отказ от поисков истины, отказ от признания существования таковой в природе. С начала мироздания человечество руководствуется лишь двумя противоположными принципами: жить за счет других или жить вместе с другими. Первый принцип соответствует всякому иерархическому обществу, в том числе и капитализму. Второй может быть реализован лишь в рамках социализма. Все промежуточные формы — практическое отражение противоборства разных тенденций. А неотвратимость самого выбора фактически обязывает патриота искать альтернативы лишь в рамках социалистической ориентации. Это не значит, что мы не будем выслушивать аргументы сторонников капитализма. Наоборот: многое со стороны виднее. Мы за диалог, за открытый и честный спор в рамках гласности, в условиях равного доступа к информации. Но патриотизм по своей природе чувство социальное, связанное с обостренным чувством социальной справедливости, а потому враждебно укладам с иерархической социальной структурой.

Наше предпочтение социалистических идеалов ни в коей мере не означает оправдания деформаций, осуществленных от имени социализма. Напротив, мы их решительно осуждаем. И осуждаем мы их именно как стремление одних жить за счет других. Отнюдь не случайно, что капиталистическая тенденция сейчас во многом сводится к легализации тех самых пороков, которые пытаются связывать с социализмом и которыми социализм стремятся опорочить. Нельзя не видеть, что многие нынешние трудности проистекают из того, что общество захватывают те тенденции, о которых упомянуто выше: именно открытое стремление жить за счет других. Разбалансированность экономики и финансовой системы, о которой много говорят и пишут, лишь одно из проявлений разбалансированности всей общественной жизни, разрушения нравственных основ общежития. От недостроенного социализма нас влекут к эпохе первоначального накопления, к капитализму шестнадцатого века.

Нас соблазняют иностранным капиталом, тем, что колонизаторы поднимут наш жизненный уровень. Даже если бы это было и так, мы не можем поступиться самыми высокими своими ценностями — духовными. Но это, конечно, и не так. Что нам дали быстро растущие кредиты? А нас уверяют, что надо брать еще больше, сколько дадут. В 1920 году Ленин довольно резко парировал выпады «горячих интернационалистов» против патриотизма. «Патриотизм человека, который лучше будет голодать, чем отдаст Россию иностранцам, — сказал он, — это настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы» (ПСС, т. 42, с. 124). И это в тяжелом двадцатом году! А мы теперь ходим с протянутой рукой вместо того, чтобы обратиться к народу.

Румыния, как недавно сообщалось, освободилась от внешних долгов. Неужели мы не в состоянии добиться такого же результата? Или этот результат кого-то пугает?

Мы за социалистическую перспективу, но это не значит, что мы за сохранение того, что у нас было до 1985-го или до 1987 года. Социализм немыслим без самоуправления, без демократизации, без правовых гарантий каждого члена общества. Нам нужно такое общество, которое позволяло бы освободить творческие силы, предприимчивость каждого. Самоуправление предполагает территориальный хозрасчет. Поэтому мы поддерживаем требования введения республиканских и областных хозрасчетов. Но при этом, конечно, обязательно должны быть приведены в соответствие с затратами цены. Недавно («Правительственный вестник», № 12) опубликованы весьма выразительные цифры: в пересчете на международные цены Российская Федерация поставляет остальным республикам на 70 млрд. рублей больше, чем берет у них. Искусственные цены — лишь способ прикрытия эксплуатации одних другими. Для восстановления социальной справедливости совершенно необходимо устранить этот едва ли не самый одиозный источник социальной и экономической напряженности.

Сейчас много проблем возникло в связи с деятельностью кооператоров. Для всех очевидно, что вопрос не был продуман и надо бы назвать виновников скоропалительных решений. В народе в открытую говорят, что решение принято в интересах сотен тысяч подпольных миллионеров, которым надо было «отмыть» наворованные миллионы. Именно эти миллионы дезорганизовали потребительский рынок, разбалансировали экономику. Как и в давнем прошлом, капитализм начинается с капитала, пропитанного кровью и слезами миллионов трудящихся. Но мы за здоровые кооперативы, производящие товары и услуги по твердым государственным ценам, словом, за «строй цивилизованных кооператоров», о котором говорил Ленин. Естественно, ни в коей мере не отказываемся мы и от честного и взаимовыгодного сотрудничества с деловыми людьми зарубежья, а тех, кто в разное время оказался за пределами Родины и не утратил духовной привязанности к ней, мы и просто приглашаем к такому сотрудничеству.

Обычно много вопросов возникает в связи с некоторым противоречием, заложенным уже в названии Общества: если мы за русскую культуру, то неправомерно понятие «Отечество», а если за Отечество, то почему только русская культура? Вопросы правомерные, и прояснение нашей позиции в этом отношении необходимо. Общество зародилось по инициативе деятелей именно русской культуры и науки. Оно зарегистрировано как московское, но оно ни в коей мере не ограничивается краеведческими задачами. Напротив, в центре его деятельности глобальные проблемы Отечества. И дело не только в том, что задача интернационального воспитания трудящихся поставлена в пункте устава, а и в том, что о судьбах всего Отечества мы думать обязаны, а Отечество — это и межнациональные отношения внутри страны.

Наше государство изначально многоэтнично, многонационально. Такова более чем тысячелетняя его история. И естественно, что она не могла не сказаться на самом характере народа, объединявшего столь длительное время самые разные языки и народы. Это те самые качества, которые независимо друг от друга выявили мыслители разных социальных и политических направлений XIX — XX веков, начиная с Карамзина и славянофилов. Альтруизм, всесветность далеко не всегда дают дивиденды. Но это черта национального характера, которая делает русский народ единственным

способным поддерживать целостность огромного многонационального государства: это доказано его тысячелетней историей. Соединение вроде бы частного явления — «русская культура» с всеобщим понятием «Отечество» — это не притязание на что-то, а осознание своей ответственности перед всеми народами, в разное время вошедшими в состав Отечества.

Сейчас некоторые слои общества охвачены русофобией. Русофобия инспирируется извне и изнутри. В этих условиях мы должны сохранять выдержку, проявлять терпение. Нельзя поддаваться эмоциям и, в свою очередь, требовать выхода России из СССР, отказываясь от всего, во что укладывалось по 70 млрд. рублей в год. И в то же время необходимо внимательно следить за тем, как именно работает механизм разрушения, и искать идеи, работающие на консолидацию.

Межнациональные противоречия — следствие десятилетиями нарушавшегося принципа социальной справедливости в системе межнациональных отношений, когда «выравнивание» осуществлялось системой привилегий для отдельных наций и народностей. В результате же истощения источников обеспечения этих привилегий отношения неизбежно должны были обостриться прежде всего именно на межнациональных границах.

Ничто не разрушает общество так быстро и наверняка, как дефицит. Виновных же чаще всего ищут не там и не тех. Из того, что на протяжении десятилетий республики целенаправленно поднимались за счет России, за счет главным образом русского народа, вовсе не следует, что к нему будут относиться с особым и даже просто с уважением. У социальной психологии свои законы: виновными чаще всего признают именно тех, кто раньше давал больше, чем сейчас. Да и нельзя уважать народ, который хуже всех живет. А теперь из многих собственно русских областей вообще уже нечего взять. И надо бы осознать, что без их подъема невозможно будет разрешить и конфликты в Закавказье, Средней Азии, Прибалтике.

Русофобия питается дезинформацией. Кому-то удалось создать у населения окраин впечатление, будто их эксплуатирует русский центр. Необходимо дать объективную историю межнациональных отношений на протяжении всей нашей истории. Ничуть не потеряло значения предупреждение, прозвучавшее в начале 20-х годов: русский колониализм отличается от британского. Если в Англии метрополия живет за счет колоний, то в России — колонии за счет метрополии.

Разъяснять это надо, как надо осознавать, что прочного государства не может быть без решительного подъема собственно российских земель. А этого добиться можно только своими силами. И это тоже должно быть прочно усвоено, как и то, что и в век технической революции наибольшей мощностью обладает патриотическая энергия.

К нам часто обращаются жители разных городов, разных национальностей за разъяснением: можно ли им вступить в наше Общество? В резолюции, принятой на конференции 20 мая, есть специальный пункт: «Конференция призывает патриотические силы страны содействовать созданию обществ, аналогичных московскому «Отечеству», во всех городах, поселках, краях и областях РСФСР и союзных республиках». Такие общества и создаются. Они могут присоединяться к нам в качестве ассоциированных членов. В перспективе же предполагается (видимо, в конце года) провести конференцию с целью объединения местных отделений в единую всесоюзную организацию. Хотелось бы лишь предостеречь от всякого рода экстремизмов — местнических, национальных, групповых. Там, где проявляются групповые и тем более личные амбиции, об Отечестве говорить не приходится.

Наши телефоны для справок: 297-40-13; 928-32-16; 972-23-72. Наш счет: № 700022 в I ОПЕРУ МГУ Жилсоцбанка (код банка 191016).

ЗА ЕДИНСТВО И СОДРУЖЕСТВО

ОБРАЩЕНИЕ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО СОЗДАНИЮ ДВИЖЕНИЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ И ИСКУССТВА «ЕДИНСТВО»

Дорогие друзья! Соотечественники!

Мы вместе с вами выстрадали нашу свободу, прошли через тяжелейшую мировую войну, пережили трагические и героические годы нашей истории, но без ложного оптимизма все же угадывали в драматических событиях нынешних напряженных лет грядущие контуры Страны, лицо родного Народа.

И считаем, что сегодня, в судьбоносное для Отечества время, нет более высокой общенародно-интернациональной, государственно значимой и неотложной задачи, как укрепление нравственного, духовного, патриотического содружества братских народов, утверждение творчеством художника в народном сознании гуманистических принципов милосердия, доброты и красоты, — нехватка этих качеств в наши дни все более очевидна, к великому сожалению, не только у нас — во всем мире. В единении народов мы видим основу наших надежд и чаяний, развитие доброго родительского наказа: заботиться о России.

Поступая так, мы действуем в традициях лучшей русской интеллигенции XIX века, участливо, душой и сердцем принявшей освобождение народов, их боли и страдания после реформы 1861 года. При этом для нее не было национального различия; забота, участие и сострадание распространялись равно на чуваша и татарина, бурята и кабардинца, грузина и эстонца, латыша и поляка, на русского и молдаванина, узбека и казаха...

Земства, сельские общины, разного рода благотворительные, просвещенческие, издательские, научные, ремесленные и кооперативные объединения и общества играли огромную роль в повышении самосознания народов России, просвещении и духовном обновлении.

Новый прилив энтузиазма и бескорыстия нашей интеллигенции был после февральской и Октябрьской революций...

Сегодня же делаются попытки ослабить наше многовековое братство, экстремистские силы атакуют со всех сторон, пытаясь размыть, расшатать, разрушить тысячелетнее духовное богатство, созданное гением Древней Руси, гением братьев-славян России, Украины, Белоруссии.

Тревожная реальность наших дней такова: либо «всем миром» приостановим тенденцию обострения национального конфликта в

нашем советском обществе, либо националистическая амбициозность и демагогическая анархия под «флагом» Перестройки и Гласности будут все сильнее раскачивать наш многонациональный державный Корвбль. Третьего не дано. Всем нам необходимо осознавать до конца эту Истину. А осознав — действовать бескорыстно, на добровольных началах, используя любую возможность, любую форму объединения наших общих усилий для практического совершенствования межнациональных отношений, создания равных условий для развития национального языка, литературы, культуры каждого народа Российской Федерации, Советского Союза.

Действовать во имя единения и содружества народов, во имя укрепления авторитета нашего многонационального социалистического Отечества.

Только этим продиктовано наше обращение ко всем соотечественникам — рабочим, крестьянам, технической интеллигенции, к деятелям литературы и искусства, ко всем любителям российской словесности и искусства, ко всем патриотическим силам Родины — объединить Движение в общественно-патриотическую, культурно-просветительскую ассоциацию «Единство», осуществляющую свою деятельность в соответствии с Конституциями СССР и РСФСР, законодательством СССР, РСФСР и братских союзных республик, в соответствии с уставом ассоциации. Именно такими видятся нам главные задачи «Единства», суть и смысл его деятельности.

Выступая с предложением создания ассоциации, полагаем, что ее учредителями первоначально совместно с инициативной группой деятелей литературы, искусства, науки, экономики, представителей рабочих, крестьянства, всех здоровых прогрессивных сил нашего общества могли бы стать Союз писателей РСФСР и Российский фонд культуры.

К участию в делах «Единства» приглашаются рабочие коллективы городов и сел, российские творческие союзы и союзы братских республик, а также творческие коллективы — Русский музей, Пушкинский дом, Музей Бахрушина, Третьяковская галерея, российские музеи и театры, государственные публичные библиотеки Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Казани, всех автономных республик и областей России, Дворцы культуры и клубы, российские периодические издания и книжные издательства, педагогическая и научная общественность, комсомол, новые общественно-творческие объединения — Товарищество русских художников, Общество русской культуры, Фонд славянской письменности и славянских культур, Союз духовного возрождения Отечества и другие общественные объединения.

«Единство», по нашему разумению, должно объединить всех, независимо от национальной принадлежности, вероисповедания, места проживания, общественного и материального положения, всех желающих принять активное, деятельное участие в осуществлении общественно-культурных, практических программ, с которыми мы хотим вас сегодня познакомить.

Ассоциация создается как объединение всех здоровых национальных и интеллектуальных сил России, чтобы способствовать воспитанию у граждан истинной культуры и высокой нравственности, добра и сострадания к ближнему, неприятия лжи, зависти, эгоизма, корысти и других пороков; чтобы способствовать воспитанию гражданского мужества, любви к своему дому, лучших качеств и особенностей характера человека, чем всегда была озабочена великая русская культура и литература, в основу которых положена идея всемирной отзывчивости, столь потребная именно нашему времени.

Мы предлагаем на ваше рассмотрение и обсуждение пять основных направлений нашей будущей деятельности.

ЖИВОЕ СЛОВО РОССИИ

Ассоциация и национальные языки

Разработка предложений по охране национальных языков всех братских народов как основы культуры и их практическое осуществление.

Ассоциация учредит, создаст, организует в будущем Академию российской словесности: в ее составе — институт языка, призванный к всестороннему изучению процесса взаимовлияния и взаимообогащения национальных языков народов Российской Федерации, особенно на современном этапе. Будет способствовать созданию словарей языков всех народов Российской Федерации.

«Единство» будет содействовать организациям, научным обществам, литературной общественности, всем любителям российской словесности в развитии и взаимообогащении русского языка как языка межнационального общения народов нашей страны.

Всемерно способствуя расцвету языков народов России, выявлению их национальной самобытности и неповторимости, ассоциация будет решительно выступать против проявления с чьей бы то ни было стороны любых попыток как «национальной замкнутости», так и «возвышения» какого-либо языка над другими.

Каждый из языков народов, входящих в Российскую Федерацию, обогащает духовную сокровищницу других народов.

ОДНОЙ СЕМЬЕЙ

Ассоциация и духовное единение россиян

«Единство» будет содействовать творческим союзам, органам культуры, самодеятельным коллективам в пропаганде достижений российской многонациональной литературы.

Ассоциация предполагает выступить с инициативой и принять непосредственное участие в подготовке и выпуске 100-томной библиотеки, включающей классические и лучшие современные произведения российских писателей, подготовке и выпуске литературной энциклопедии России и краткого литературного словаря, включающего имена всех российских писателей, а также многотомного свода фольклора народов РСФСР. Она будет добиваться выпуска ежемесячного журнала, в котором на русском языке печатались бы произведения современных писателей автономных республик России, будет способствовать созданию в Ленинграде театра народов РСФСР, на сцене которого показывались бы лучшие спектакли российских национальных театров на родном языке.

«Единство» внесет предложение Союзу кинематографистов СССР организовать свою киностудию, организовать экранизацию лучших произведений российских писателей, создать фильмы о рабоче-крестьянской России, о художниках, писателях, композиторах, архитекторах и других выдающихся деятелях культуры народов Рос-

сии; установит тесные отношения с Союзом художников РСФСР с целью пропаганды российской художественной культуры (живопись, графика, скульптура, архитектура, прикладное народное творчество).

Ассоциация введет ежегодный народный праздник многонациональной российской литературы и культуры; организует всероссийские и международные конкурсы, симпозиумы, встречи любителей российской словесности, посвященные выдающимся писателям России, братских литератур, великим мировым мастерам художественного слова.

ОБРЕТАЯ СВОЙ ГОЛОС

Ассоциация и средства массовой информации

Всячески поддерживая неоднократные и настойчивые требования литературной общественности относительно открытия на ЦТ и радио самостоятельного канала «Говорит и показывает Россия», ассоциация будет добиваться быстрейшего решения этого наболевшего вопроса.

До открытия такого канала ассоциация будет настаивать на том, чтобы Всесоюзное радио и ЦТ выделили время, благоприятное для слушателей и зрителей, для организации радио- и телепередач о литературе, языке российских писателей, о российской современной культуре, истории наших народов.

До решения этих вопросов она будет стремиться широко использовать ныне существующие периодические издания, радио, телевидение.

Ассоциация предполагает иметь свой еженедельник «Любителям российской словесности». Приложением к нему должна стать серия книг, особенно любимых народом, выходящая под тем же названием.

В дальнейшем «Единство» будет стремиться иметь свои журналы: еженедельник — иллюстрированный, общественно-политический, литературно-художественный журнал и ежемесячный журнал — литературно-художественный и общественно-политический. В перспективе предполагается создать свою издательско-полиграфическую фирму.

РУКА ДРУГА

Ассоциация и зарубежные соотечественники

Ассоциация предполагает активно содействовать и сотрудничать с двадцатью миллионами проживающих за пределами нашей Родины (то есть русскоязычного населения), оказывая им всяческую помощь в изучении истории русского языка и литературы, равно как с зарубежными землячествами всех других народов страны...

«Единство» с благодарностью воспримет желание иностранных граждан русского происхождения и любой другой национальности вступить в члены ассоциации или содействовать ее работе, руководствуясь высокими помыслами пропаганды родного языка, литературы и культуры.

БУДУЩЕЕ — ЗА НИМИ

Ассоцивция и молодежь

Вся деятельность ассоциации будет обращена к подрастающему поколению — школьникам, учащимся ПТУ, молодым рабочим, сельской молодежи, студентам, воинам Советской Армии. Цель: воспитание гражданских идеалов, широкого гуманистического мировоззрения, чувства духовного единства народов России, всей Советской страны.

Ассоциация будет всячески содействовать созданию в городах и районах России молодежных клубов любителей российской словесности, в работе которых примут участие известные деятели литературы, искусства, ученые-филологи, талантливые педагоги-словесники. А также «Единство» примет участие в подобных клубах в союзных республиках.

Особое внимание ассоциации — школе, эстетическому и гуманитарно-нравственному воспитанию. Важную роль здесь играют качественные, занимательно написанные учебники и учебные пособия для изучения родного национального языка, а также русского языка как языка межнационального общения, способствующего содружеству и единению народов нашей страны. «Единство» считает одной из важнейших задач своей деятельности объявление и проведение открытого, гласного конкурса будущих авторов учебника и учебных пособий «Русский язык», «Русская литература», а также конкурсов в автономных республиках РСФСР для создания учебников родного языка и литературы.

Совместно с Комитетом по народному образованию и Академией педагогических наук ассоциация предполагает проводить в период школьных каникул региональные и республиканские олимпиады, творческие конкурсы юных чтецов, посвященные выдающимся писателям народов России.

Ассоциация намерена обратиться к руководству Министерства обороны совместно проводить патриотическое и культурное воспитание воинов.

«Единство» будет покровительствовать молодым писателям, проводить семинары, дискуссии, симпозиумы, способствовать их литературной учебе, публикации произведений молодых авторов. Она учредит медаль (золотую и серебряную) для советских граждан и почетный диплом, а также золотую медаль для иностранных граждан за выдающийся вклад в пропаганду художественным словом единства и содружества народов России.

Несомненно, многое в этих программах уточнится на учредительном съезде ассоциации, что-то дополнится и расширится. Нам же хотелось дать нашим единомышленникам представление о круге духовных и культурных проблем, решение которых не ждет отсрочки. Об этом напоминает нам бурное, противоречивое восприятие действительности нашим народом.

Вполне допускаем, что может возникнуть впечатление: не собираемся ли мы своей ассоциацией подменить многие государственные и общественные учреждения и организации, призванные вести эту работу? Но и подобное опасение нас не беспокоит. Дел хватит всем и еще детям нашим останется. Важно дружно и сообща взяться за полезную, нужную народу работу, который давно ждет своих духовных пастырей.

«Единство» рассчитывает строить свою деятельность на принципах самофинансирования. Возможные финансовые источники: добровольные взносы ее членов, отдельных граждан и организаций, разделяющих и поддерживающих цели и задачи ассоциации; поступления от издательской деятельности, от передач радио и телевидения, а также от просветительско-пропагандистской работы; широкие благотворительные взносы крупнейших промышленных предприятий, колхозов, совхозов, морских пароходств, издательств...

Предлагается такая структура ассоциации: высший орган — съезд. Исполнительный — Центральный российский совет. Избирается он на съезде ассоциации прямым тайным голосованием. Съезд также избирает президента ассоциации, вице-президента, пять заместителей президента — координаторов общекультурных программ, девять членов президиума. Все они получают свои полномочия на три года. Каждый раз совет обновляется на три четверти. Съездом избираются руководители печатных органов ассоциации.

Советы «Единства» по регионам России и зарубежным землячествам избираются на общем собрании членов ассоциации данного региона.

Клубы ассоциации создаются — областные, городские, районные; и в коллективах — на предприятиях, в колхозах, совхозах, кооперативах, школах, вузах и техникумах, по месту жительства. В Москве — Центральный клуб ассоциации.

Вся работа будет строиться на общественно-добровольных началах, включая президента, вице-президента и заместителей президента. Ассоциация намерена иметь лишь небольшой штат организаторов-исполнителей и технических работников, не более 10—12 человек, и главного казначея.

«Единство» в своей практической деятельности будет опираться на людей одержимо-творческих, истинных любителей и защитников российской словесности, на многочисленные столичные и местные учреждения, связанные с культурной жизнью России, и республиканские творческие союзы и объединения.

Ассоциация является юридическим лицом, имеет свою гербовую печать и счет в банке.

Конечно, теперь никого ассоциациями не удивишь... День ото дня все больше возникает разных по назначению товариществ, фондов, комитетов, комиссий, жаждущих благотворительной деятельности.

Мы желаем им полезнотворчества и приглашаем к сотрудничеству, к национальному единению народов России и Советского Союза.

Должный пример в духе добрых отечественных традиций должна показать творческая интеллигенция всех республик, и прежде всего России. Она способна выйти мощным духовным отрядом на передовую линию борьбы за народное сознание и вложить в эту борьбу всю силу своего разума, душевного благородства, порядочности, совестливости, сострадания к ближнему, любви и преданности своему народу.

Все желающие принять участие в учредительном съезде нашей ассоциации — и частные лица, и коллективы, и организации — могут выразить свою волю письмом инициативной группе (119146, Москва, Комсомольский пр., 13, правление Союза писателей РСФСР) с указанием на конверте: «Единство». Здесь располагается штаб инициативной группы. Предполагается, что съезд соберется осенью. А сейчас мы ждем ваших предложений по творческо-организационной программе «Единства».

За благотворное дело, дорогие соотечественники!

АЛЕКСЕЕВ М. Н., писатель, **БЕЛОВ В. И.**, писатель (Вологда), **БОЛОГОВ А. А.**, писатель (Псков), **БОНДАРЕВ Ю. В.**, писатель, **БОНДАРЧУК С. Ф.**, кинорежиссер, **ВИКУЛОВ С. В.**, поэт, **ВОРОНИН С. А.**, писатель (Ленинград), **ГАЛИ МУСА (ГАЛЕЕВ Г. Г.)**, поэт (Уфа), **ГАМЗАТОВ Р. Г.**, поэт (Махачкала), **ГЕЙЧЕНКО С. С.**, писатель (Псков), **ГОЛОВНЕВ Л. П.**, полковник, **ГУСАРОВ Д. Я.**, писатель (Петрозаводск), **ДАМДИНОВ Н. Г.**, поэт (Улан-Удэ), **ДАНИЛОВ С. П.**, писатель (Якутск), **ЕНИКЕЕВ Р. С.**, председатель колхоза (Башкирия), **ЖУКОВ А. Н.**, писатель, **ЗНАМЕНСКИЙ А. Д.**, писатель (Краснодар), **ЗОЛОТОВ А. А.**, критик, **ЗОЛОТЦЕВ С. А.**, поэт, **ИВАНОВ А. С.**, писатель, **ИСАЕВ Е. А.**, поэт, **КАЛУГИН В. И.**, писатель, **КАНАШКИН В. А.**, писатель (Краснодар), **КАРПОВ Б. Л.**, кинорежиссер, **КЛЫКОВ В. М.**, скульптор, **КОЛОБКОВ М. С.**, профессор, **КОНЮХОВ Б. М.**, кинорежиссер, **КОТОМКИН И. А.**, юрист, **КУЗНЕЦОВ А. А.**, писатель, **КУЗНЕЦОВ Ф. Ф.**, член-корр. АН СССР, **КУЗНЕЦОВ Ю. П.**, поэт, **КУНЯЕВ С. Ю.**, поэт, **ЛАРИОНОВ А. В.**, писатель, **ЛИТВИНОВА Г. И.**, доктор юридических наук, **ЛЯПИН И. И.**, поэт, **МАШБАШ И. Ш.**, писатель (Майкоп), **МИХАЙЛОВ О. Н.**, писатель, **МУХАМАДИЕВ Р. С.**, писатель (Казань), **НИКОНОВ Н. Г.**, писатель (Свердловск), **НОВИКОВ В. И.**, критик, **ПИКУЛЬ В. С.**, писатель (Рига), **ПРОСКУРИН П. Л.**, писатель, **ПРОКУШЕВ Ю. Л.**, писатель, **РАСПУТИН В. Г.**, писатель (Иркутск), **РЫБАКОВ Б. А.**, академик, **САЛУЦКИЙ А. С.**, писатель, **САМСОНОВ А. С.**, директор завода, **СВИРИДОВ Н. В.**, персональный пенсионер, **СИДОРОВ В. М.**, поэт, **СОКОЛОВ Е. И.**, член-корр. АМН СССР, **СОРОКИН В. В.**, поэт, **ФРОЛОВ Л. А.**, писатель, **ШАФАРЕВИЧ И. Р.**, член-корр. АН СССР, **ШЕСТАЛОВ Ю. Н.**, писатель (Ленинград), **ШИКИНА Л. В.**, поэт, **ШИЛОВ А. М.**, художник.

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

В. ЗАБУРДАЕВ

НИСПРОВЕРГАТЕЛИ КПСС И СССР

«БОГАТЫРЬ» ПРОСНУЛСЯ?..

Второй съезд так называемого «Демократического союза», как и первый, состоявшийся в мае 1988 года, готовился в глубокой тайне. О дате его проведения знали лишь посвященные. Место его проведения подбиралось особо тщательно. Учитывался предыдущий опыт. Ведь на первом съезде, проходившем в Москве, не удалось решить все вопросы, так как местные власти, узнав о необычном сборище, попросили его участников покинуть не только зал, но и столицу. Тем не менее, если верить листовкам «ДС», которые до сих пор беспрепятственно расходятся по всей стране, в работе первого съезда приняло участие более полутора сотен делегатов и гостей из почти тридцати городов. Они приняли декларацию, программу и уставные принципы «ДС»...

Центральный координационный совет «Демократического союза» решил провести второй съезд «ДС» в Латвии.

Поезд из Москвы прибывает в Ригу утром. Сквозь вагонное стекло смотрю на бесснежные поля — нынешний январь был похож в Прибалтике на весну. Вот и вокзал. Выхожу из вагона, ищу телефон-автомат. Набираю условленный номер. Отвечает густой бас. Объясняет, куда подойти, кого найти, что сказать. На перроне у электрички, следующей в Юрмалу, толпится народ. Особняком стоит группа людей. Среди них обрисованный по телефону человек. Подхожу, говорю, что надо. Это — все наши, поясняет мне «проводник». Замечаю, люди в основном молодые, разговаривают друг с другом как старые знакомые. Что ж, неудивительно, на съезд собрались те, кто уже не раз встречался.

Подъезжая к станции Булдури, мой знакомый кивнул, мол, приехали. Вагон электрички быстро опустел. «Вот и гостиница, где будет проходить съезд!» — показывая рукой, говорит наш провожатый. В одной из комнат толпятся делегаты — идет регистрация. Тут же продаются издания союза — газета «Свободное слово», «Бюллетень «ДС», листовки. Одну из листовок вручают и мне. Изготовлена она с помощью персонального компьютера, отпечатана на принтере и откcерокопирована. Любопытно, что в ней написано? Читаю: «Демократический союз» (ДС) — оппозиционная политическая партия, основанная на учредительном съезде... ставит своей основной задачей изменение существующего строя... Объединяет людей с различными политическими убеждениями, в партии существуют следующие идейные платформы: демокоммунистическая, социал-демократическая, христианско-демократическая, либерально-демократическая...»

Делегаты — люди в основном молодые, как говорят, комсомольского возраста. После регистрации по крутой деревянной, скрипучей лестнице все поднимаются на второй этаж. Полукруглая небольшая комната заставлена стульями, рядами стоят кровати. Вместо президиума — журнальный столик. Свободных мест нет. Вновь прибывающие устраиваются кто как может: присаживаются на тумбочки, притуляются на подоконниках. В комнате душно. Кто-то предложил до начала заседания открыть дверь на террасу. Из окон виден сосновый лес, между юрмальских сосен белеют березы. Где-то недалеко плещется море. К стене прикреплен латвийский красно-бело-красный национальный флаг.

Но вот разговоры прекращаются, поднимается председательствующий В. Терехов. Тот самый Терехов, о котором газета «Правда» писала, что он в свое время отсидел срок за обыкновенную кражу. Теперь он, поди, приверженец «ДС», да и не просто приверженец, а член координационного совета этой организации!

— Дорогие дамы и господа! — обращается к собравшимся В. Терехов. — От имени руководства нашего союза приношу извинения за неудобства. Но не будем терять времени — к делу. Потому как предвидится срыв съезда властями. Итак, на нашем съезде присутствуют делегаты от более чем пятисот членов партии...

Раздаются бурные продолжительные аплодисменты.

На съезд, оказывается, прибыли и гости. Самые многочисленные делегации от Движения за национальную независимость Латвии и Народного фронта Латвии. Есть представители и Эстонского Народного фронта.

В настоящее время со всей очевидностью можно сказать, что характерной чертой, одной из ярчайших примет стало повышение социальной активности людей. Они как бы начали стряхивать с

себя сон. В общественную жизнь вносятся непривычные предложения, высказывания, оригинальные суждения, которые еще вчера вполне могли быть отнесены к крамольным. Вспомним: всего четыре года назад любая инициатива прежде чем проявиться, должна была продраться через тернии бюрократического аппарата, получить там добро. Теперь многое разрешено. И как отзвук этого — появление различных, прежде всего молодежных, клубов и объединений. В них потянулись люди беспокойные, взволнованные переменами в нашей жизни, не желающие больше мириться с застоем, не приемлющие конформизм, отвергающие простое выживательство. Образно говоря, многочисленные неформальные образования — «внебрачные дети» перестройки. Они что-то вроде противовеса таким официальным организациям, как партийные и советские аппараты, комсомол, профсоюзы, ДОСААФ, Общество охраны природы и памятников, Общество борьбы за трезвость, органы народного контроля и другие, кто должен был как по долгу, так и по обязанностям делать дело, но либо не хотел, либо в силу каких-то причин не мог. Это, если хотите, естественная реакция на многие назревшие проблемы, в том числе и политические. А кроме того, и на то, что очень медленно происходят перемены, а кое-где то скрыто, то явно перестройке ставятся палки в колеса, встречается и откровенный саботаж. Неформалы — приметы разбуженного в народе самосознания, всплескивающейся инициативы, гражданственности. Их вполне можно сравнить с проснувшимся богатырем. Но не все самодеятельные группы отражают, к сожалению, суть того, былинного, богатыря.

Былинный богатырь хорошо знал, что делал, у него была верная цель, возвышенный, прекрасный идеал — очистить Отечество от нечисти! А вот некоторые неформальные объединения начали выдвигать довольно-таки сомнительные ценности, вызывать нервозность и нетерпение людей, играть на их национальных чувствах, разжигать ненависть друг к другу. На митингах горячие головы стали требовать ликвидировать Коммунистическую партию, комсомол, установить парламентаризм по образу и подобию Запада. Получилось, что вместо добра они стали сеять зло.

УЛЬТИМАТУМЫ И ПРОТЕСТЫ

Лучшего места, чем Прибалтика, для проведения съезда «ДС» вряд ли можно сыскать! Разве что в Закавказье... И там и тут появилась возможность жонглировать порой сомнительными лозунгами, тенденциозно трактующими неоднозначные вехи республик, факты современной жизни. Именно в Прибалтике многие неформалы начали активно использовать в своих интересах ошибки государственных учреждений и общественных организаций, в том числе и комсомола. Взять хотя бы Движение за национальную независимость Латвии, члены которого оказались гостями второго съезда «ДС». Его программа не просто антагонистична Компартии республики, она антисоциалистическая. Не шутки же ради в начале года Президиум Верховного Совета Латвийской ССР принял постановление «О деятельности Движения за национальную независимость Латвии»? В нем речь о том, что это Движение представляет собой общественно-политическую организацию, которая отрицает возможность перестройки общества путем народовластия в форме Советов. Ряд положений таких документов, как программа, устав и резолюция, которые были приняты на состоявшемся в начале этого года съезде Движения, находятся в противоречии с Конституцией Латвийской ССР. Например, в качестве конечных целей программа и устав предусматривают «восстановление независимого демократического Латвийского государства», создание парламентарской демократии, опирающейся на принципы Конституции Латвийской Республики 1922 года. В программных документах вопреки Конституции республики признается незаконной национализация средств производства, которые согласно закону являются социалистической собственностью и составляют основу экономической системы Латвии. А что провозглашает резолюция съезда «О военной и альтернативной службе»? Право на отказ от воинской службы в Советской Армии!

Президиум Верховного Совета республики потребовал от Движения привести программу, устав и резолюции в соответствие с Конституцией, иначе, сказано в постановлении, деятельность организации будет запрещена!

Предупреждение, что и говорить, серьезное. Да вот только какие существуют гарантии, что и после «приведения в соответствие» деятельность Движения за национальную независимость Латвии изменится? Их нет! Тем более жизнь подтверждает это. Организация в своей работе не пренебрегает ничем, даже прямой дискредитацией государственных органов. Так, в «Информационном листке» № 7 Движения за 9 марта этого года был опубликован рассказ члена совета Движения К. Фреймане о том, как ей пришлось побывать «в штабе на углу улицы Бривибас» и каким нападкам там ее подвергали. Похожая версия о преследовании рижской школьницы за участие в пикетах около штаба Прибалтийского военного округа, которую увезли из школы якобы «для допроса в ЧК», прозвучала в передачах радиостанции «Свободная Европа» на латышском языке 15 марта. А в бюллетене Народного фронта Латвии «Атмода» было напечатано «открытое письмо» педагогов 77-й рижской средней школы, где учится К. Фреймане, председателю КГБ Латвийской ССР. Там же опубликован и материал, в котором высказываются обвинения работникам Комитета госбезопасности, которые будто бы не прекращают преследовать ни в чем не повинную девушку.

В связи с этим председатель КГБ республики С. Зукул вынужден был сделать заявление для печати. Оно было опубликовано в газете «Советская Латвия». В нем, в частности, говорилось о том, что это уже не первая попытка дискредитировать Комитет госбезопасности республики. Однажды, например, от директора Музея истории города Риги и мореходства в КГБ Латвии поступил запрос в связи с тем, что истопник этого учреждения А. Булдинский в качестве оправдания прогулов более чем за две недели в своем объяснении дирекции указал, что на весь этот срок он был задержан КГБ. На самом деле это оказалось выдумкой прогульщика.

Что же касается «сенсации» с преследованием рижской школьницы, то КГБ республики провел служебное расследование. Выяснилось, что текст «открытого письма» был принят на заседании педагогического совета 77-й рижской средней школы, основываясь только на сообщении К. Фреймане. Девушка утверждала, что ее задержал работник КГБ с помощью двух милиционеров, она была

доставлена в здание Комитета госбезопасности и там подверглась допросу.

И все это не подтвердилось. Ни один сотрудник КГБ не получал задания или разрешения вызвать для беседы К. Фреймане. Кроме того, не было зарегистрировано, что она входила в здание КГБ или выходила из него. В собственноручно написанном К. Фреймане объяснении описание помещений, в которые она якобы была доставлена и там допрошена, не соответствуют действительности.

«Со всей ответственностью могу заявить, что сам акт публикации в открытой печати непроверенных сведений — проявление целенаправленной деятельности, служащей подрыву авторитета государственного учреждения, каковым является Комитет государственной безопасности», — такое заключение сделал председатель КГБ Латвии С. Зукул по поводу «сенсации».

Сенсации, ультиматумы, пикеты, протесты, наконец, митинги и демонстрации — все это из арсенала не только Движения. «Демократический союз» тоже активно использует этот «джентльменский» набор в своей деятельности. Трудно разумному человеку поверить, но это так: его члены чуть ли не с восхищением подсчитывают количество штрафов, наложенных на них за нарушение общественного порядка, число арестов и задержаний сотрудниками милиции. И хотя «движенцы» представляют собой организацию, придерживающуюся отнюдь не умеренных взглядов, и то были ошеломлены и шокированы, когда перед ними выступила член Центрального координационного совета «ДС» В. Новодворская. Она, в частности, сказала:

«Советское руководство стоит на чисто империалистических позициях и никогда добровольно не вернет порабощенным народам... их суверенитет... Или мы с вами сумеем в ближайшее время добиться падения этого режима, причем падение кремлевской диктатуры не менее важно для народов Прибалтики, чем для тех, кто живет в России, или нас ожидает пароксизм террора... И не забывайте никогда, что ваши отцы и деды с оружием в руках отстаивали государственную независимость Латвии... Цель отделения прибалтийских государств от СССР и цель изменения государственного строя в пределах прибалтийских государств и вообще в пределах всей империи — должна быть провозглашена совершенно открыто...»

Это выступление одного из теоретиков «Демсоюза», каким считает себя В. Новодворская, было опубликовано в газете «Советская молодежь», выходящей в Риге. Оно не получило особого осуждения со стороны неформалов, несмотря на то, что какую-то часть из них и шокировала. Эти мысли в некоторой степени созвучны и членам Народного фронта Латвии, представитель которого на втором съезде «ДС» обратился с приветствием от имени своей организации.

Идея возникновения фронта родилась в кругах латвийских неформалов в начале прошлого года. В то время НФ виделся как массовая организация, противодействующая командно-административному методу управления и бюрократическому аппарату. Предполагалось, что фронт будет поднимать насущные проблемы общества и организовывать демократические силы, стремящиеся провести в жизнь назревшие перемены. В середине прошлого года появилась инициативная группа, взявшая на себя организацию Народного фронта Латвии. У нее не было ярко выраженного лидера, обладающего достаточно громким в масштабах республики именем. В этом было ее слабое место. А сильная сторона группы заключалась в том, что к составлению программы она привлекла экономистов-практиков, прекрасно разбирающихся в первоочередных нуждах народного хозяйства. В предполагавшейся группой программе действий основной упор был сделан на экономику, так как она справедливо считала, что корни большинства проблем республики, включая сокращение сферы применения национального языка, упадок национальной культуры, неблагополучие в межнациональных отношениях, лежат именно в сфере экономики. Вскоре к этой группе примкнула другая, состоявшая из творческой интеллигенции — писателей, поэтов, художников. Основное внимание она уделила гуманитарным проблемам, экономическая часть их программы была довольно неконкретной. Зато лозунги — броскими, зажигательными, способными увлечь людей. Когда произошло слияние двух групп, началась форсированная подготовка к учредительному съезду Народного фронта Латвии. В короткий срок число членов поддержки НФ увеличилось до десятков, а вскоре счет перевалил за сотню тысяч.

Надо сказать, что НФ задумывался как интернациональная организация, но на деле подавляющее большинство его составили латыши. Это объясняется тем, что мощной силой, сплотившей латышей вокруг НФ, послужила идея возрождения латышской нации. Это во многом и обусловило, что среди делегатов учредительного съезда латыши составили 94 процента.

О съезде Народного фронта Латвии, состоявшемся в октябре прошлого года, уже написано немало. Дана ему и оценка — эйфория. В самом деле, как иначе квалифицировать все то, что произошло на нем? Один за другим поднимались на трибуну делегаты. Большинство из них повторяли почти одно и то же: латышский народ, пострадавший от репрессий, не поднимавший головы во времена застоя, сегодня должен пережить и переживает свое возрождение. Делегаты съезда почему-то особенно напирали на то, что только латышский народ пострадал от репрессий, только латышская культура нуждается в возрождении. Волей-неволей складывалось впечатление, что ораторы убеждены в исключительности латышской нации. Это впечатление усилилось экстремистскими высказываниями многих выступающих. И как им было не появиться в той атмосфере, когда мысли одного оратора многократно повторялись. Апофеозом экстремизма стала речь делегата от Краславского района республики И. Чижевского, который чуть ли не со слезами умиления рассказывал о временах гитлеровской оккупации Латвии, а во всех бедах, постигших латышский народ, обвинял русских. И все это в течение двух дней, с девяти утра и до глубокой ночи, транслировалось по Латвийскому телевидению и радио! Выступления, подобные выступлению И. Чижевского, вызвали недоумение как среди латышей, так и русских. На телевидение и в координационный центр съезда стали поступать телеграммы протеста и возмущения...

Можно только удивляться тому, что делегаты съезда не осознали того факта, что сегодня Латвия — родина не только и исключительно не только для латышей. За сорок послевоенных лет в республике родилось уже два поколения русских, украинцев, белорусов, людей других национальностей, для которых Латвия — родная земля. Поэтому звучавший лейтмотивом большинства вы-

ступлений тезис «Латвия — латышам» был истолкован русскоязычным населением, которое составляет сейчас около половины жителей республики, как намерение преимущественно латышского по своему составу Народного фронта выгнать родившихся и выросших здесь людей из родного дома. Чтобы загладить такой выпад, уже на следующий день руководители республики начали поправлять ораторов из Народного фронта. На пресс-конференции, которую они дали вместе с избранными лидерами НФ, было четко сказано, что Народный фронт Латвии резко отмежевывается от экстремистских высказываний, что никто насильно выселять из Латвии русских не собирается, что Народный фронт понимает: латышский народ может решить свои национальные задачи только в единстве с русским и другими народами.

Съезд Народного фронта принял программные документы. А вскоре межведомственная комиссия по регистрации вновь создаваемых общественных объединений приняла решение о регистрации устава НФ. Регистрация эта означала, что НФ признавался созданным, то есть из неформальной организации превратился в официально признанное юридическое лицо со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе правом участия в избирательной кампании. Так бы оно и было, если бы не вмешательство прокурора Латвийской ССР, он, признав несоответствие устава НФЛ требованиям Конституции, внес в Совет Министров республики протест на решение межведомственной комиссии и на время приостановил его действие.

Что заставило прокурора пойти на такой шаг? Во-первых, НФЛ был зарегистрирован как общественно-политическая организация. Это противоречит Конституции Латвийской ССР. Во-вторых, НФЛ, по сути дела, выступил против руководящей роли КПСС. В частности, в уставе фронта сказано, что Компартия и другие общественные организации сотрудничают с НФЛ в основном через посредничество своих членов. То есть, говоря простым языком, НФЛ не предусматривал сотрудничество с Компартией, но считал, что если последней такое сотрудничество с НФЛ необходимо, то бога ради, только пусть коммунисты сначала вступят в его ряды!

Что и говорить, любопытная постановка вопроса. Но еще любопытней произошло на деле. Многие коммунисты, большей частью молодые, а также комсомольцы из-за слабой правовой подготовки не разобрались во многих юридических и политически завуалированных положениях устава и программы НФЛ, его целях и задачах и продолжают состоять в Народном фронте вместе с членами провозгласившей себя политической (!) организацией — Движением за национальную независимость Латвии и группы «Хельсинки-86», которые, используя членство НФЛ как прикрытие, открыто повели антисоветскую, сепаратистскую пропаганду среди населения.

Трудно описать, какое возмущение поднялось против прокурора! Самого его обвинили в том, что он преследует НФЛ, выступил «с позиции Интерфронта», который, кстати, был создан вскоре после появления НФЛ и куда вошло в основном русскоязычное население. Это и понятно. Для Народного фронта, претендующего на единоличное лидерство в республике, создание Интерфронта стало серьезной помехой в осуществлении своих амбициозных целей. Интерфронт стал костью в горле, и потому лидеры НФЛ, его теоретики, функционеры в средствах массовой информации делают все возможное, чтобы очернить Интерфронт.

Как бы то ни было, Президиум Верховного Совета Латвийской ССР ликвидировал межведомственную комиссию при Министерстве юстиции, аннулировано и ее постановление о регистрации устава НФЛ. Но сам-то фронт не ликвидирован. Он действует. Причем в том же духе. Ему близки и понятны лозунги и требования «Демократического союза».

На улицах появляются группы, которые публично, с помощью плакатов и лозунгов выражают свои требования, протесты, взгляды. Главные организаторы собраний, митингов, уличных шествий — все те же члены группы «Хельсинки-86», Движения за национальную независимость Латвии, НФЛ.

«Наше отношение ко всем этим общественным движениям недвусмысленное и принципиальное, — заявил в одном из своих интервью, опубликованном в «Советской культуре», секретарь ЦК Компартии Латвии И. Кезберс, — все, что на пользу перестройке, мы приветствуем и всячески поддерживаем, хотя, честно скажу, без некоторых из них было бы спокойно. Нам нужны усилия Народного фронта, Интерфронта, других движений и объединений, чья деятельность направлена на ускорение перестройки, на развитие демократии, на укрепление нашего социалистического строя. Все же экстремистское, вроде лозунга «Латвия — для латышей», все противоречащее XIX Всесоюзной партконференции никогда не найдет нашей поддержки, и мы уже неоднократно об этом заявляли. Мы не можем допустить раскола общества по любому из принципов — национальному или социальному. И будем бороться с экстремизмом в любом его проявлении, противопоставляя ему активную и, главное, конструктивную позицию коммунистов, которых, кстати, немало и в Народном, и в Интерфронте. Мы не имеем права оставлять без ответа любую политическую фразу, за которой не стоит конструктивная программа».

А тем временем жизнь преподносит неожиданные сюрпризы. Вроде вот этого. Учащиеся латышского и русского потоков рижской школы № 82 однажды заявили: «Мы не хотим ходить в одну школу». Видите ли, они и понимают друг друга плохо, и интересы у них не всегда совпадают, и на учебе двухпоточная система отражается не лучшим образом. Словом, все — за разделение. А как на это смотрят учителя? Они полностью поддерживают такую точку зрения. После учредительных съездов Народного фронта Латвии и Интерфронта коллектив школы как бы разделился на два лагеря. И вот члены комитета комсомола латышского потока не явились на очередное занятие, высказали пожелание разделить комсомольскую организацию. И преподавателями это тут же было воспринято как прямое руководство к действию. На очередном комсомольском собрании произошел раскол: комсомольская организация разделилась на латышей и русских. А как это согласуется с тем, что комсомол организация общественно-политическая и разделение ее по национальному признаку ведет только к одному: уничтожению главного организующего принципа ВЛКСМ — демократического централизма?..

А в начале лета правление Думы Народного фронта Латвии приняло обращение ко всем членам НФЛ, в котором, в частности, говорилось, что Народный фронт Латвии, опираясь на принятые учредительным съездом программные установки, действовал на основе федеративного принципа. Однако события последних месяцев свидетельствуют о том, что стремление Прибалтики в целом

и Латвии в частности достичь этих целей встречает все более ожесточенное политическое, экономическое и идеологическое противодействие со стороны центра и внутренней реакции. Не называя «силы внутренней реакции», Дума призвала обсудить в группах и отделениях НФЛ вопрос: вступление Народного фронта Латвии в борьбу за полную политическую и экономическую независимость Латвии.

На расширенном заседании бюро Рижского горкома Компартии Латвии было принято решение, в котором отмечалось, что обращение правления Думы является серьезным шагом к дестабилизации политической ситуации. Из этого обращения следует, что правление Думы изменяет свою политическую концепцию по дальнейшему развитию суверенитета республики и фактически призывает к выходу Латвии из СССР.

Да, нарастание социального напряжения очевидно. И его очаги находятся не только в Прибалтике или в Закавказье, но и в ряде крупных городов России. Нельзя видеть в развитии демократии синоним вседозволенности, допуск к анархии, к подрыву конституционной законности и правопорядка. Между тем лозунгами демократизации, гласности, расширения прав и свобод человека все чаще пользуются разношерстные группки тех, кто, выдавая себя за сторонников перестройки, на самом деле являются ее оголтелыми противниками. Тех, кто хотел бы превратить демократию в распущенность, гласность — в право навешивать ярлыки, а права и свободы направить в русло с односторонним течением по пути беззакония. Именно на совести самозваных лидеров — экстремистов и националистов, прячущих свое истинное лицо за маской приверженности перестройке, — события в Армении, Азербайджане, Грузии, которые трагически оборвали жизнь ни в чем не повинных людей, нанесли трудно восполнимый моральный и материальный ущерб стране, националистические выступления в Прибалтике, Молдавии и других регионах. Националистические проявления все заметнее стали характеризоваться антисоветской и антисоциалистической окраской. В этом отношении «Демократический союз», второй съезд которого проходил в Юрмале, является ярчайшим примером.

ЧЕГО ДОБИВАЕТСЯ «ДС»!

Председательствующий на втором съезде «ДС» В. Терехов продолжал:

— В Юрмалу прибыло более ста делегатов и гостей из некоторых городов страны, делегаты как с решающим голосом, так и с совещательным.

Утверждается повестка дня, устанавливается регламент. Слово предоставляется В. Новодворской для доклада о политической ситуации в стране. Зал рукоплещет.

— Что должна делать наша политическая партия? — вот вопрос, на который мы должны знать ответ. — В. Новодворская говорит негромко, но в притихшей комнате ее хорошо слышно. Делегаты записывают ее выступление на диктофоны, в блокноты.

— Существующий режим не подлежит никакой реформе, — продолжает В. Новодворская. — Конкретная ситуация такова, что через два-три года произойдет слом экономики. Экономика станет неконтролируемой. Когда в стране будет кризисная ситуация, мы

предложим массам реальную программу. Если будет необходимо, призовем ко всеобщей политической стачке. Всеобщая политическая стачка — вот наша цель. Мы должны готовить общество к жесткой конфронтации с властями...

Нет, В. Новодворская вовсе не ошиблась и не оговорилась, называя «ДС» политической партией! В уставе этой организации четко сказано, что «ДС» — «политическая партия, оппозиционная тоталитарному государственному строю СССР». Союз считает себя «политическим противником КПСС». Истинная цель «ДС» — устранение КПСС с политической арены, полное изменение общественного строя. В декларации «ДС», принятой вторым съездом, в частности, говорится: «Выступая за идеи радикального демократического преобразования общества, «ДС» определяет содержание своей деятельности как «политическую оппозицию» государственному строю СССР». Декларации вторят политические принципы: «Член «Демократического союза» отвергает не только сталинизм, но и культ Ленина и ленинизм как фундамент идеологии, строя».

«ДС» — это сложившаяся организация, у которой своя программа, свои политические и уставные принципы, есть денежный фонд, печатные издания, надежные связи с рядом зарубежных организаций и иностранными средствами массовой информации. Две любопытные детали. На съезд делегаты приехали за счет средств союза. На следующий день после начала съезда о его открытии сообщили зарубежные радиоголоса!

Газета «Правда», рассказывая о ленинградском отделении «ДС», писала: «Вполне серьезно на своих собраниях члены ленинградского отделения «ДС» обсуждают возможность вооруженного захвата власти. Некоторые члены союза открыто призывают к созданию групп боевиков, пытаются вербовать в них военнослужащих. И как следствие всего этого — постоянные столкновения с властями, драки с милицией, призывы не только к политической, но и к физической расправе с коммунистами. О какой же оппозиции в нормальном смысле этого слова может идти речь? Как видно, мы имеем дело с не знающим удержу экстремизмом».

Для пропаганды своих экстремистских идей и взглядов «ДС» использует все возможные средства — митинги, так называемые «тусовки», чем-то напоминающие собой лондонский Гайд-парк, листовки, газету. Кстати, о печати союза. Сегодня его члены выпускают свыше десятка изданий. Наиболее широко распространяются «Бюллетень «ДС», газета «Свободное слово». Печатную продукцию можно не только купить в специальном киоске, который работает в одной из московских квартир, но и при желании подписаться. Правда, цена не слишком дешевая — один экземпляр «Свободного слова» стоит один рубль. Дороговато оценивают свои идеи члены «ДС»! Издания прямо-таки шипят на существующий строй, не переставая льют потоки мутной лжи то на одну организацию, то на другую. Бывает, грязными брызгами обдают и конкретных лиц.

Что ж, метод довольно известный. Им широко пользуется буржуазная пресса: лги, кричи, что-нибудь да останется!

К сожалению, я не располагаю никакими данными, которые позволили бы определить, насколько эффективна экстремистская пропаганда «ДС». Но, судя по разговорам на съезде относительно притока новых членов, такая проблема стоит. Пропаганда пока не срабатывает. Делегаты даже критиковали свою «прессу».

Кто-то может воспринять «ДС» как обычную неформальную организацию. Но так думать наивно. Как и наивно заносить ее в авторы некоторых идей. Например, идеи «ликвидировать КПСС». Давно известно, что родилась она не у нас, а в зарубежных подрывных центрах. Один из таких центров — НТС. «Народно-трудовой союз российских солидаристов» (НТС), — гласит одна из листовок чуть больше спичечного коробка, которую распространяют приверженцы «ДС», — уже с 1930 года борется за установление правового порядка у нас на родине, но в отличие от КПСС НТС знает, что коренные преобразования невозможны без широкого участия в них независимых от власти общественных сил и инициатив, вплоть до новых политических партий и организаций». А если обратиться к журналу «Посев», изданию НТС, то многое встанет на свои места. Почти каждый номер его напоминает, что НТС борется за устранение существующего в СССР режима, что группы НТС действуют в нашей стране подлольно. Они привлекают к работе преданных людей, распространяют литературу, листовки. Не материалы ли НТС легли в основу программных документов «ДС»? По крайней мере, опубликованная в прошлом году в «Посеве» статья «Перестройка и политическая оппозиция» на это проливает свет. «В России, — говорится в ней, — необходимо провести прежде всего основную реформу, первейшую, суть которой — устранение от дел Коммунистической партии. Такую цель может поставить исключительно политическая оппозиция».

Как видите, не слишком велики расхождения в целях НТС и «ДС». Уже известно, что между деятельностью западных спецслужб, направленной на торпедирование перестройки, и работой «Демократического союза» есть тесный контакт. Из этого, думается, нетрудно сделать точный вывод, чего добивается «ДС». Впрочем, наши читатели тоже уже разобрались что к чему. Вот, например, А. Иванов и А. Мезенцев из Петрозаводска пишут: «Своими идеологическими предшественниками «ДС» называет «диссидентов» 70-х годов. В то время достаточно подробно писали о связях «диссидентства» с международным сионизмом. Теперь эти связи по преемственности перешли к «ДС». Западное финансирование, поставки множительной техники, пропагандистская и политическая поддержка идут к «ДС» в надежде на то, что на пятом году перестройки в нашей стране появились реальные шансы преобразования социализма в капитализм. Западные деятели предельно откровенны. Недавно в интервью Центральному телевидению один американский бизнесмен сказал: «Перестройка? Я — «за»! Как я ее понимаю? Ну, это означает, что руководство СССР осознало бесперспективность социализма и возвращается к капитализму».

Многие читатели заметили и такую тенденцию. Большинство газет и журналов, выходящих в Москве, в свое время дружно и синхронно с западными радиоголосами «ударили» по «Памяти», а вот о «Демократическом союзе» словно воды в рот набрали. Но случайно ли это? И сами же читатели отвечают: «Нет, не случайно!» Дело в том, что лидеры «ДС» не раз отмечали, что идейная платформа таких изданий, как «Огонек», «Московские новости», «Советская культура», «Юность», очень близка к платформе «ДС». Немало публикаций этих изданий, дающих искаженное представление о нашей истории, разрушающих нравственные ценности, работают в русле реализации программы «ДС».

Читатели недалеки от истины. В. Новодворская, выступая на съезде «ДС», откровенно говорила о том, что у союза есть не только нелегальная пресса, но и легальная, которая очень близка по духу. Она перечислила и наиболее близкие издания, которые «многое уже делают». Это — «Огонек», «Московские новости», «Юность». В кругу своих можно быть и откровенной!

На одном из митингов «ДС» довелось услышать прелюбопытнейшее сравнение, мол, в общественной жизни до перестройки был некий вакуум, пустота, чем-то напоминающая собой жбан — сосуд в виде кувшина с крышкой, — который каждый по своему разумению, усмотрению и убеждению теперь может наполнять понравившимся ему содержанием, дескать, идеи «ДС» и есть то содержание, которое необходимо.

Нет, не бывает так, чтобы душа человека походила на жбан! Нет, не в пустоте мы жили! У каждого был свой идеал! Жаль, что для некоторых он выродился в выживательство, а лучшие силы были брошены на добычу достатка и ловлю чинов. В угоду этому забывались юношеские мечты, светлые помыслы, чистые порывы. Распространился меркантилизм и циничный взгляд на жизнь. Но ведь не всех поразила бацилла выживательства! Немало было таких, кого не устраивал подобный образ жизни, кто не мог смириться с пошлостью и косностью, кто боролся с различного рода нарушениями и злоупотреблениями, с коррупцией и мафией, отстаивал, насколько это было возможно, свою честь и достоинство, вступался за обиженных и оскорбленных... Нет, человеческая душа не кувшин. Нельзя из нее вылить одно и залить другое!

Похоже, идеологам и вдохновителям «ДС» очень хотелось ловить молодые души в свои сети. Недаром съезд принял рашение принимать в свои ряды с 17 лет. А ведь были предложения делать это даже с 16 лет! Ставился вопрос и о том, как быть с членами ВЛКСМ, желающими вступить в союз? Ведь, говорили выступающие, выход из комсомола может лишить молодого человека возможности учиться, получить диплом. Но если закрыть им путь в союз, рассуждали другие, то мы лишимся притока новых членов из ВЛКСМ. В разгар этого спора поднялся делегат из Новосибирска:

— Вы знаете, сколько сейчас в «ДС» членов ВЛКСМ? Одна треть! В наш союз охотно идут студенты. Почему бы и не разрешить вступать тем комсомольцам, которые признают наши политические принципы, устав? Я сам стал «дээсовцем» будучи комсомольцем. А недавно вышел из ВЛКСМ...

Спор, похоже, был решен... Так что недооценивать влияние «ДС» на молодежь нельзя. Что этому противопоставит комсомол?

Члены «Демократического союза» призывают к свободе, демократии, гласности. Это на словах. А на деле тайно готовят всевозможные акты, выпускают листовки и газеты, содержащие антисоветчину, проводят собрания и даже съезд! Кстати, недавно неожиданно пролился свет на то, как шла к нему подготовка. Один из бывших «дээсовцев» признавался в написанном им трактате, озаглавленном «Новые страницы из жизни «Демократического союза», или Откровения бывшего члена Центрального координационного совета»: «Когда вечером за день до выборов я приехал на квартиру, где проводились первичные собеседования, там вовсю кипела работа, и меня, видимо, ие ждали. Но раз уж я приехал, мне поручили делать бюллетени для выборов. Суть

будущей фальсификации заключалась в том, что бюллетеней было гораздо больше, чем голосующих. Это позволяло добавить в урну дополнительные бюллетени, а при подсчете незаметно забрать такое же число обычных или не посчитать их. Понятно, что для такой операции в счетную комиссию должны были войти нужные люди. Выборы прошли идеально».

Так был создан один из промежуточных составов Центрального координационного совета «ДС».

Эти «откровения» ценны тем, что они исходят из уст человека, который, что называется, нутром почувствовал, что такое вновь созданная организация, призывающая к «изменению существующего строя». «Я вначале участвовал в демонстрациях, и даже не просто участвовал, а организовывал две широко известные — 21 августа и 5 сентября (1988 г.) — по Тверскому бульвару, — пишет бывший «дэсовец». — Это ужасно глупо — идти по улице, выкрикивая лозунги типа «Долой красный террор!» или «Свободу Чехословакии!», а потом сидеть в душной камере, ехать на суд, получать свои законные 15 суток или штраф, например, 200 рублей, которых у тебя нет. Ради чего? Чтобы проходящие мимо люди шарахались от тебя в сторону или крутили пальцем у виска?..»

Действительно, все это глупо! Но тем не менее десятки, сотни молодых людей стали участниками несанкционированного митинга в апреле на Пушкинской площади в Москве, устроенного «ДС». К концу дня за нарушение общественного порядка было задержано более 70 человек. Среди них было немало иногородних молодых людей без определенных занятий. В итоге к административному аресту было привлечено 25 человек, 20 оштрафовано (размер штрафа от 20 до 1000 рублей), 15 человек предупреждены.

Опираясь на известный принцип, гласящий, что безнравственные средства не могут привести к нравственной цели, вполне можно разомкнуть круг понятий и окончательно снять завесу с «Демократического союза». Понятней станет, думается, и близость к этой организации некоторых неформальных экстремистских групп, которые готовы делать союзу услугу за услугой, в том числе и предоставлять место для проведения подпольного съезда...

●

ПОЭЗИЯ

Михаил ГУСАРОВ

ЭХО

Баллада

I

Легко порхали дальние зарницы,
густел настой полночной тишины...
За тридцать километров от столицы,
за сорок лет от смолкнувшей
войны,
намаявшись в трудах,
спала деревня
и не слыхала сквозь усталый сон,
как встрепенулись старые деревья
и по стволам их прокатился стон...

Такой грозы не видел я доселе:
под рев дождя,
обвальный треск и гром
во мгле кипящей
молнии висели,
земля, дрожа, ходила ходуном.

...И встал рассвет —
как утро после битвы:
все вкривь и вкось —
от кровель до плетней.
И проводами рваными обвиты
порушенные сучья тополей.
А на угоре Славы — за деревней,
где над могилой братской тишину
хранили довоенные деревья,
сломило ветром грозовым сосну...

Лет дважды по сто или даже трижды
стоять бы ей —
красива и стройна.
Не человек, не воин, а поди ж ты,
настигла все же дерево война:
дивились молча старые солдаты —
в расщепе белом
павшего ствола
зиял
осколок черный,
что когда-то
война в сосну со свистом вогнала.
За столько лет, проклятый, не истаял.
Вдруг шевельнулся медленно —
и вниз.
И, в памяти мгновенно нарастая,
ударил свист,
убойный, хищный свист.
Как наяву, он хлестанул над ними:
и, пригибаясь, вжались в костыли
три старика, оставшихся живыми,
из тех ребят, что здесь вот полегли
и стали строем траурного списка,
что вырублен для памяти веков
на белоснежных плитах обелиска
и в горьких судьбах этих стариков:
Гринько...
Миннулин...
Метс...
Бараташвили —
у стен Москвы сошлись на ратный зов.
«Назад ни шагу» —
так они решили —

Мирзоев...
Кербабаев...
Иванов...

И встали там, где зло и озверело
крошили «тигры» камень в порошок,
в снегу и в небе чадно сталь горела,
сама земля была — сплошной ожог.
Тот смрадный смерч
с клеймом паучьей пробы
носился дико, изрыгая смерть...
Легко сказать —
железо всей Европы
досталось побратимам одолеть.

Сильнее смерти, стало быть, та сила,
что им была родной землей дана:
у них на всех была одна Россия,
одна Украйна,
Грузия одна,
как эта вот — на всех одна — деревня.

...Здесь до сих пор от боли и тоски
скрипят ночами старые деревья
и стонут по ночам фронтовики.
Жалеть и утешать их бесполезно,
приговоренных к памяти судьбой:
в них по ночам
шевелится железо,
и снится им
последний, вечный бой,
когда разрыв разнес окоп, как блюдце...
А позже, покидая медсанбат,
они решили вновь сюда вернуться...

С тех самых пор живут — не расстаются
дед Арво,
дед Равиль
и дед Игнат.
Увы, ни облегченья, ни поправок
ни в боль, ни в память
время не внесло.

И даже Тишка,
их веселый правнук,
на что юла,
а он здесь тих зело.
Но в это утро оплошал мальчишка,
он про осколок выпавший решил,
что это — очень редкостная шишка,
и взять себе ту шишку поспешил.
Среди ромашек, на траве зеленой
нашел ее, схватил — и... закричал:
пронзил ребенка болью раскаленной
огнем войны отравленный металл.

Отбросил Тишка жгущийся осколок,
перепугав дедов своих...
А тот,
на землю вдруг обрушив дождь иголок,
взметнулся с визгом к облаку...
И вот,
недвижное и легкое, внезапно
до черноты обуглилось оно
и, заклубившись, двинулось на запад...

2

Проснулся Жак
и распахнул окно:
переливаясь бликами по крышам,
за прошумевшим дождиком вослед,
безоблачно
над розовым Парижем
струился золотящийся рассвет.
И старый Жак, вдыхая свежесть утра,
был безмятежным и счастливым...

Вдруг
из глубины минувших лет как будто
прорвался в эту явь
тревожный звук.
Он нарастал,
он приближался к Жаку,
он превращался в леденящий вой —

как будто «юнкерс» заходил в атаку,
пикируя над самой головой.

Мгновение еще — и разорвется
от боли грудь,
и кровь глаза зальет...
И вздрогнул Жак:
внезапно из-под солнца
мелькнула тень... точь-в-точь как самолет.
Над крышей замер призрак тот летучий,
вой леденящий сгинул в небесах —
и обернулся «юнкерс» черной тучей,
которая светлела на глазах.

Спасительно насторожилась память,
набат ее тревожно загудел...
Жак от окна едва успел отпрянуть,
как в комнату
пронзительно влетел
и, по полу крутнувшись бесновато,
застыл в ногах у старого макй
чешуйчатый осколок,
что когда-то
лишил его кормилицы — руки.

На старика
зазубринами глядя,
лежал, железный, гибелью дыша...
Культю свою зачем-то Жак погладил —
и выхлестнулась яростью душа:
он пнул осколок
и, дрожа от гнева,
схватил его и вышвырнул в окно.

Враз облако над крышей почернело,
и вновь куда-то двинулось оно...

3

Сирень цвела уютно
в тихом сквере.
Биг-Бен чуть слышно прозвонил опять...
«Послушай, Джон, — сказала мужу Мэри, —
сегодня Джиму было б сорок пять».

Кивнул старик:
— Я помню, дорогая.
— Не съездить ли нам к мальчику?
— Ну, что ж...

На кладбище
от края и до края
такая глушь — слезами не зальешь.
Под каждою плитой и обелиском
такая бездна боли, горя, зла,
что только перед сердцем материнским
раскрыться может
лет минувших мгла.

И вновь тот черный день явился Мэри.
В ее глазах мелькнул мгновенный страх:
по Лондону, как взбешенные звери,
сирены выли...
С сыном на руках
она спешит к убежищу... Внезапно
толчок в лицо —
и вытек свет из глаз.

...Очнулась — звон...
Горюче-едкий запах,
и рядом Джим лежит. Не шевелясь.
Из сил последних,
боль перемогая,
она приподняла его... И вдруг,
ознобной болью сердце обжигая,
кровь Джима
заструилась из-под рук...

Уже почти полвека мукой гиблой
терзает душу тот кровавый день...
Она склонилась молча над могилой,
и в этот миг ее накрыла тень.
Предчувствуя неладное, с опаской
взглянула Мэри вверх — и обмерла:
над кладбищем
громадною фугаской
зловеще туча черная плыла.

Вот в туче что-то вспыхнуло негромко,
свист засквозил — норд-оста ледяней,

и на глазах у стариков
воронка
могилу изувечила...
А в ней,
на самом дне, зиял невыносимо —
лишь охнуть и достало Мэри сил —
осколок тот, чешуйчатый, что сына,
малышку Джима,
в сердце поразил.

Его узнала Мэри... Но откуда
убийца тот явился вдруг сюда?
«Святая матерь, сотвори же чудо —
пускай он здесь и сгинет навсегда!
Нельзя позволить вырваться наружу
железной смерти
из могильных пут...»
— Послушай, Джон, — сказала Мэри мужу, —
ты закопай осколок прямо тут.

...Едва лишь дерном, взятым рядом в поле,
плешь от воронки заложил старик,
сквозь толщу лет минувших,
полный боли,
из-под земли прорвался детский крик.
И криком тем извергнутый,
осколок
в раскате эха дальнего пропал...

4

Руками опершись о подоконник,
в окно смотрел Сэм Файтер, генерал.
Вгляделся он,
и тут кошмарный ужас
пронзил его до кончиков волос:
по небу полыхавшему, натужась,
громадой тучи
танк багровый полз.

Но, вышколен на этот случай строго,
был генерал решителен и крут:
он к пульту пулей кинулся: «Тревога!
В ружье! Спасайтесь, русские идут!..»

И кнопку «Пуск» вдавил в панель на пульте —
покрылось небо грохотом ракет...

В поту липучем Сэм проснулся: «Фу ты!
Дурацкий сон,
какой-то жуткий бред...
Свихнешься тут, —
проклятая Невада!
Сплошное пекло — этот полигон.
Ну, ничего, заряд последний надо
рвануть еще —
и можно в Вашингтон.
Оформлю в штабе отпуск — и в Майами.
Поди, заждались старики совсем:
давно приехать обещал я маме...»

Из бункера наружу вышел Сэм.
В рассветный час
не наступило утро,
вонзал во мглу прожектор жидкий луч.
Сгущая мрак,
со всей земли как будто
ползли сюда армады тяжких туч.

...Такой грозы не видел Сэм доселе:
под рев дождя,
обвальный треск и гром
во мгле кипящей молнии висели,
земля, дрожа, ходила ходуном.
Он встал на месте вкопанно и замер,
не чувствуя, что до костей промок...

Вдруг промелькнула тень перед глазами
и шмякнулась с шипеньем возле ног.
Нагнулся Сэм и медленно нашарил
в живом песке, набухшем от воды,
железный ком
чешуйчато-шершавый,
кольнувший сердце близостью беды.

И генерала сразу осенило:
«Нет, это не гроза, а маскарад,
коварных русских дьявольская сила,
какой-нибудь психический снаряд...»

Вдруг проблеснул рассвет меж облаками,
и вздрогнул Сэм, узнав осколок тот,
который Майка, сына, во Вьетнаме
смертельно ранил, угодив в живот...

Печаль души не спрятать под загаром,
ее, как пыль, не смыть волной морской.
Весь отпуск Сэм в отцовском доме старом
пытался сладить со своей тоской.
От смутной неизвестности уставший,
тревогой изболевшийся совсем,
зашел проститься к сыну Файтер-старший:

«Начистоту выкладывай-ка, Сэм,
из-за чего душе твоей так худо?»
Тот посмотрел в глаза отцу: «Ну, что ж...»
Открыл свой кейс
и вытащил оттуда
чешуйчатый осколок: «Узнаешь?»

Отцовский взгляд в упор пристыл к железу:
«Как не узнать? —
ведь эту штуку мне, —
старик себя похлопал по протезу, —
в Германии, на память о войне,
презентовал осколок этот самый...
Откуда он?
Прошло ведь столько лет!..»

5

Сэм не успел сказать... Перед глазами
вдруг полыхнул
тяжелой гарью свет.
И, проступая в мареве холодном,
вдруг замелькали, будто острова,
Берлин... Париж... Дюнкерк... Варшава...
Лондон...
Блеснули звезды алые: Москва!
А вслед за ней, отчетливо и близко,
деревня обозначилась... И вот
у той деревни, возле обелиска,
и завершился странный перелет.

Осколок рухнул факелом зажженным
в расщеп сосны обломанной, и Сэм
увидел сразу Жака, Мэри с Джоном,
мальчишку, незнакомого совсем.
Трех стариков на костылях...
А рядом —
был видом этим Сэм сражен вконец —
окаменевшим, нежным, скорбным взглядом
на обелиск смотрел его отец.
И у могилы
траурной н вечной,
сквозь сумрак бездыханной тишины,
с огнем в расщепе —
поминальной свечкой
мерцал обломок рухнувшей сосны.

Сэм сделал шаг...
И вдруг замельтешили
в мерцавших бликах
буквы странных слов:
Гринько...
Миннулин...
Метс...
Бараташвили...
Мирзоев...
Кербабаев...
Иванов...

Сверкнула ослепительно зарница —
и превратилась в странные слова,
в живые человеческие лица,
в потемках различимые едва.
И вниз по обелиску
лица эти,
за жизнью жизнь
как будто бы текли
и погружались при мерцавшем свете
в могильный холм,
в немую глубь земли.

Текли под корни лип, берез и кленов,
и не кончался траурный поток...
Подумать страшно —
двадцать миллионов

вместил он тех, кто в землю эту лег
и прахом стал, чтоб выжила деревня,
прикрывшая и Лондон, и Париж...
Ты слышишь, Сэм, как старые деревья
скрипят в ночи, встревоживая тишь?
Под вскрипы их —
то явственней, то глуше —
из-под земли доносится набат.
Быть может, это — всех убитых души
пробиться к нашим душам норовят?
Коль не они, то кто сегодня с нами
печальный продолжает разговор?
Не твой ли сын, убитый во Вьетнаме?
Иль мой, что пал среди афганских гор?
Меж ними нет ни «наших» и ни «ваших», —
какой войною ни погребены,
одна судьба объединяет павших:
убиты все и смертью все равны.
Зачем нужны вражда и униженье?
Их на земле плодит алхимик тот,
кому приносит смерть не пораженье
и не победу вовсе, а доход.
Плевать ему на Жака, на Игната,
на нас с тобой, на твоего отца.
Он из всего выделывает злато —
из мук и слез, из крови и свинца.
Его веленьем множатся могилы
и кровь течет, как до сих пор текла...
Так что же, Сэм, на свете нету силы,
которая б сломить его могла?
Давай у Жака спросим, у Игната,
отец твой тут,
и Джон, и Мэри здесь,
они уже в судьбе своей когда-то
такого сокрушали супостата...
Переглянулись старые солдаты
и сами удивились:
— Вроде есть...
Есть! Точно, есть!
Причем не меньше гроба
она ему, проклятому, страшна,
и сила та с рожденья нам дана:
одна у нас Америка, Европа,
и Африка, и Азия одна.

Валерий ГАНИЧЕВ

ФЛОТОВОЖДЬ

ШТРИХИ ИСТОРИИ И СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ АДМИРАЛА ФЕДОРА УШАКОВА

Историческое повествование

Мир в конце концов воздает людям, показывающим образцы долга, людям храбрым, честным, неподкупным, у которых не истощается бодрость. Он уважает людей, уверенных в своем призвании и исполняющих его, людей, не боящихся энергично сказать «нет», не стыдящихся сказать «не могу», людей, занимающих свое место с достоинством, людей, добросовестно исполняющих свое дело, людей правдивых, не способных блюдолиничать и лукавить, людей, которые не ленятся работать, людей, способных творчески мыслить и сломать господство бытовавших взглядов, людей, которые беззаветно служат своему народу и Отечеству, людей, которых любят люди.

Таким был Ушаков...

1817 ГОД...

На берегу реки Мокши сидел старый человек в морском мундире. Последние предосенние прозрачнокрылые стрекозы трепетали над ним, некоторые садились на потертые эполеты, передыхали и вспархивали, когда человек изредка шевелился. Ему было душно, он расслаблял рукой уже давно расстегнутый воротник и, глубоко вздохнув, замирал, вглядывался слезящимися глазами в ладошки небольших волн, похлопывающих речку. Что виделось ему в этом мелководье? Что прозревал он сквозь наплывавшую влагу? О чем думал он? Может быть, и ни о чем. Его мысли не нужны были никому. Ни этим густобородым монахам из Сарнаксарского монастыря, ни улыбчивым робким крестьянам, ни соседским помещикам, с почтением раскланивающимся с неразговорчивым стариком. Для них далеки были его думы. А старик и не выстраивал воспоминаний в ряд, не готовил к передаче потомкам, не хранил откровений в потаенных уголках, постепенно растворяя во времени драгоценные и неповторимые открытия, стирая в памяти известные только ему пути и ходы в сложной шахматной игре воинской морской жизни.

До недавнего времени он еще знал, что одержал великие победы, что сумел вырваться из плена старых теорий и открыл новые законы морского боя, что создал не одну непобедимую эскадру, воспитал немало славных командиров и экипажей боевых кораблей. Сейчас же все это казалось ему миражем, призрачной стрекозой, трепетавшей над плечом: небольшое движение — и нет ничего, все исчезло в мареве летнего зноя.

...Современники часто не замечают гения, таланта, пророка в своем окружении. Они не могут, а если вспомнить историю, то и не хотят зачастую выделить превосходящие их способности ближнего. С раздражением говорят обычно о таком выдающемся человеке, возводя его в лучшем случае в разряд чудаков и везучих людей. Выдающейся личности не могут простить ее величия, не

могут признать ее достижений. Ординарная натура не соглашается, что рядом человек необычный, особенный. Ну и, конечно, богатство, капитал, привилегия, неправедная власть не могут допустить, чтобы кто-то превосходил их своим истинным блеском, значением, смыслом. Во многие века, да и поныне, они пытаются поставить все в услужение себе — попирая ум, честь, гордость, порядочность. Победы и достижения гениев и талантов, конечно, нужны неправедной власти и капиталу — они защищают, укрепляют, возвеличивают, да, кроме того, по прошествии времени, многое из достигнутого можно выдать за результаты «разумного и мудрого» руководства властей предержащих. Те же победы, которые нельзя присвоить себе, следует приуменьшить, а то и забыть их, пренебречь ими.

В отечественной истории не раз бывало, что подлинные таланты и истинные победители отодвигались на обочину, а лавры и рукоплескания доставались или напыщенным фаворитам, или второстепенным фигурам, или иностранным союзникам, чье первородство умело утверждалось их дипломированными соотечественниками да нашими тугодумами и низкопоклонниками. Ратная слава испокон веков ведет к почестям, и эти почести уважают люди военные. Но было и остается в народе сдержанное отношение, недоверие, а то и презрение к высоким словам, пышным наградам и званиям, что сыпались иногда на не нюхавшего пороха полководца, на не водившего в дальний поход эскадры флотоводца, на глупого, но способного к интриге царедворца. Сколько их, военных и других «гениев», пытались слепить «верхи» и тайные круги, беспринципные приближенные, стоящие у трона, владетели явных и скрытых богатств, каким только пустоцветам не поклонялось общество и высший свет, каким средним, невыразительным, в лучшем случае ординарным начальникам не подчинялись армия и флот. Как звучно и торжественно произносились в XVIII и начале следующего века слова: «Адмирал Войнович, контр-адмирал Мазини, адмирал фон Дезин, адмирал Чичагов, вице-адмирал Кушелев, адмирал Траверсе»!.. Кто помнит их ныне? Были ли за ними выдающиеся победы, судьбоносные преобразования флота, надолго поднимавшие морское дело порядки? Нет, не было... А ведь это — «командиры» флота разных мастей, вершители судеб многих кораблей и их экипажей, да и всей морской судьбы России.

Казалось, самой выдающейся фигурой в отечественном флоте конца XVIII века был подлинный флотоводец русских эскадр адмирал Ушаков. Но прошло едва ли десять лет после его отставки, и о нем постарались забыть в императорском дворце и в Адмиралтейств-коллегии, в штабах флотов и морских училищах. Вот и

заканчивал свой век забытый властью и флотскими командирами здесь, в центре России, на Тамбовщине, опальный русский флотоводец Федор Федорович Ушаков. Сорок кампаний провел он, ни в одном сражении не потерпел поражения. Блестящие победы русского флота у Тендры, Керчи, Калиакрии, Корфу под его началом сделали имя Федора Ушакова легендарным. Но мало кто помнил об этом тогда в России. Его морские служители, оставшиеся в живых подчиненные помнили, конечно, но не они хранили описания, планы и схемы его сражений, не они утверждали памятные медали в честь побед, не они ставили памятники и обелиски. Он и сам-то с сомнением вспоминал о дальних походах и сражениях. Все силы, душу и деньги отдавал ныне убогим, больным и калекам. Глаза его были открыты, но взор их бродил где-то там, по далеким рейдам, бухтам и гаваням, натыкался на крепостные стены и прибрежные рифы.

Звуки прошлого перемешивались в нем, наплывали один на другой, заставляли вздрагивать, озираться. Зашелестел камыш у берега и зашуршали, захлопали паруса у Ахтияра, каркнул где-то ворон, и послышалась последняя скорбная молитва над зашитыми в белый саван морскими служителями. Шли куда-то матросы, весело стучали топорами плотники, где-то рядом метнулся карп, и тут же раскаленное ядро шлепнулось в воду... Мелькнула ласточка, и теплая женская улыбка согрела сердце. Напрягаясь, всматривался в своих боевых командиров — Дмитрия Сенявина, Ивана Поскочина, Ивана Селивачева, Александра Сорокина, Гаврила Голенкина, Евстафия Сарандинаки. Молодцы! Хорошо ведут корабли.

Набежал ветер, пытаясь закутать, запеленать одинокого адмирала, а тот отстранял его рукой, пробуя задержать видения и прошлое. Вдали от моря заканчивал жизнь величайший флотоводец отечества. Казалось, слава покинула его навсегда. Покинула раньше, чем закончилась жизнь. А может, и впрямь море не было российской стихией, тогда, верно, и не могли оценить истинное величие несухопутного гения в России? Ведь чуть более ста лет назад лежала она на Великих восточно-европейских равнинах, отрезанная от морей и океанов, являя собой обширную сухопутную державу, вроде бы и не помышляющую вырваться на морские просторы.

УДАЛЕНИЕ ОТ МОРЯ

Ушаков был удален от моря в начале XIX века, в преддверии грозного наполеоновского нашествия. Тогда-то раздался панический и усталый голос: «Хватит тратить средства на морской

флот. Россия не морская держава». Словно и не гремели славные победы на морях, словно не бороздили Балтику и Черноморье, Белое и Охотское моря отечественные корабли, словно не трепетал дотоле в Средиземноморье и Атлантике андреевский флаг. Может быть, проявилась та боязнь морских просторов, сухопутная ограниченность, что всего сто двадцать лет назад являлась образом мысли некоторых правителей Московского царства? Правителей, возможно, да, но не народа, не русских людей, не потомков древних руснчей, которые ходили по Днепру, Десне, Днестру на дальние расстояния. Путь из «варяг в греки» имел на своем протяжении все водные нити — речные, озерные, морские. Новгородцы и киевляне умели управлять кормилом, веслом и парусом. Привычным и понятным было тогда для русского человека море. На юге оно так и называлось Русским и подчинялось как корабельным дружинам князей Олега и Святослава, так и караванам купеческих судов. А на Севере плавали славяне от знаменитого острова Буяна-Рюге в царства далеких Салтанов. Древнейшие славянские поселения — очаги морской выучки и мастерства.

В вышедшей в конце XIX века в Англии книге морского историка Ф. Джена «Русский флот в прошлом, настоящем и будущем» отмечалось:

«Русский флот, который считался сравнительно поздним учреждением, основанным Петром Великим, имеет в действительности больше права на древность, чем флот британский. За столетие до того, как Альфред (король англосаксов, царствовавший с 870 по 901 год) построил британские корабли, русские суда сражались в морских боях: и тысячу лет тому назад первейшими моряками своего времени были русские» *.

Жестокое татаро-монгольское иго захлестнуло петлю и на морских устремлениях Руси. Однако «морское тяготение» есть естественное качество всякой великой нации. Не потухает мастерство корабелов на речках. Строятся ладьи, барки, лодки на Волге, Оке, Северной Двине, на Ильмене и Москве-реке. Очаги морского тяготения сохраняют морской статут нации. Один на Севере — Белое море, Архангельск, Холмогоры, где независимые и сноровистые поморы делали прочные и ходкие лодьи и кочи, способные достичь не только обильной тюленями Матки (Новой Земли), но и далеких мурманов (Норвегии), соревнуясь с ними в мореходном искусстве. Второй очаг был на диком, зловещем для России и Украины юге, ибо там зарождались очередные турецко-крымские набеги на земли, сопровождаемые насилием, убийством, пожарами. Там же, на юге, на Дону и Днепре выделялись два вольнолюбивых бастиона, с существованием которых мирились в боярской Москве и на гетманской Украйне. Донские и запорожские казаки играли роль щита для восточнославянских земель. И еще были они прекрасными мореходами: казачьи струги и «чайки» бесшумно скользили по рекам и морю, оказываясь под стенами Синопа, Трапезунда, работорговой Кафы, Варны. Их молниеносные десанты наносили удары по вековечным обидчикам и опять исчезали в пространствах моря.

* Джен Ф. Русский флот в прошлом, настоящем и будущем. Лондон, 1899, с. 22.

На востоке Московского царства тоже существовал прорыв к одному из Южных морей. Русской рекой стала Волга. Н. М. Карамзин писал об этом периоде XVI века: «Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы, ее торговое и политическое влияние распространилось. Звук оружия изгнал чужеземцев из Астрахани, но спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шавкала» *.

Тогда же в ответ на смертоносный поход хана Девлет-Гирея в 1558 году Иван Грозный направил в Крым отряд двух воевод (Вишневского и Адашева) по Дону и Днепру. Отряд захватил турецкие корабли, занял Очаков, высадился в Крыму, освободил из полона тысячи христиан. Однако прямого морского выхода в Европу к мировому океану Россия в средние века не имела. В то время, когда она, истекая кровью, защищала европейскую цивилизацию от ордынского варварства, Испания, Португалия, Голландия, Италия, Англия, Франция выходили на океанские просторы. Зарождалось океаническое мышление, которое давало простор экономике, науке, торговле, литературе и искусству. России предстояло выработать такое мышление и овладеть им в XVIII веке.

«Нельзя себе представить великую нацию, настолько оторванную от моря, как Россия до Петра I», — писал Карл Маркс. Он считал, что Россия не могла оставить в руках шведов устье Невы, а также Керченский пролив «в руках кочующих и разбойничающих орд». Отсюда ясны упорное стремление, жертвы, которыми сопровождался этот неизбежный и объективно необходимый процесс, стремление Петра I к морю.

Голос истории был услышан — ценою тягчайших жертв русский народ создал флот и пробился к морю.

Великий государственный деятель, дипломат и полководец, Петр I явился и великим флотоводцем, создателем нового военного флота России.

* Карамзин. История государства Российского, Спб., 1842, т. VIII, с. 139.

В 1683 году Петр I впервые увидел море и настоящие морские суда и принял участие в их плавании. С тех пор морская стихия не отпускала его, овладев сердцем и разумом. Из второго путешествия по Белому морю Петр возвратился с неукротимым желанием приступить к строительству русского флота. России в то время принадлежало два морских побережья — Беломорское и Каспийское. Естественным было устремление к Белому морю, что связывало государство с Англией, Голландией и другими странами. В Москве далеко не все понимали эти устремления. Петр же знал: великая страна требовала выхода к морю. Он не мог тогда бороться за возврат Балтийского побережья России, там господствовала мощная держава. И повернул свои взоры на юг, к Азовскому и Черному морям. Нужен был флот. И Петр I написал в октябре 1696 года Боярской думе: «Воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежли сухим путем». 20 октября 1696 года Боярская дума приняла «Статьи удобные...», в которых говорилось: «МОРСКИМ СУДАМ БЫТЬ...» И 20 октября начинается массовое строительство кораблей русского военно-морского флота. Быстро строятся военные и транспортные суда. На верфях в Преображенском, Воронеже, Козлове, Добром и Сокольске кипела работа: сооружали галеры и струги. Выстроенные в Преображенском галеры перевозились в Воронеж в разобранном виде и здесь собирались и отправлялись к устью Дона. Корабли, галеры, брандеры, струги подошли к турецкой крепости.

Флот принес победу. Азов пал.

Надо было утверждаться на всем Азовском море, выдвигаться к Черному. А для этого следовало продолжать создавать флот и построить гавани, ибо, как говорил Петр I, «гавань — это начало и конец флота, без нее есть ли флот или нет — его все равно нет».

27 июля, после взятия Азова, Петр стал на лодках объезжать побережье. Как гласит легенда, на одном из мысов, или, как их здесь называли, рогов, вечером горели костры — то пастухи на таганах варили пищу. Здесь, на таганьем рогу, и решили соорудить гавань для первого в России регулярного военно-морского флота.

12 сентября 1698 года Пушкарский приказ постановил: «Пристани морского каравана судам по осмотру и чертежу, каков прислан за рукою Итальянской земли капитана Матвея Симунта, быть у Таганрога... а для бережения той пристани на берету сделать шанец, чтоб в том шанце ратным людям зимовать было можно». Так возник Троицк на Таган-роге, будущий Таганрог.

Однако дальнейшее продвижение России на юг было приостановлено. Началась Северная война. Война с первоклассной морской державой. Казалось, после сокрушительного поражения русских армий под Нарвой не возникнет и мысли о каких-либо победах. Но шведы до Полтавы (в 1709 г.) потерпели ряд серьезных поражений на Неве, Ладоге, в море и бежали от только что народившегося флота. Большого отклика в Европе это не вызвало, там еще находились под гипнозом Нарвской победы Карла XII. Лишь англичане насторожились. Посол Витворт отправил в Англию список судов царского флота в мае 1708-го: 12 линейных кораблей, 8 галер, 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля. И с этого времени в Англии появились решительные противники морских успехов и начинаний России.

После 27 июня 1709 года, после блестящей Полтавской битвы, все европейские державы как бы проснулись от спячки и обнаружили на Востоке Европы великое государство с первоклассным флотом, который подтвердил свою мощь победами при Гангуте (1709), Гренгаме (1719), в Каспийском походе и действиями дальневосточных мореходов.

В мае 1719 года новый посол Англии в России уже с сокрушением пишет: «Предлагаю отозвать корабельных мастеров (одна из многочисленных блокад страны. — *В. Г.*)... если же не принять этой иль соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто говорил в обществе, что его флот и флот Великобритании — два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучше, чем наш? Короче — строятся корабли здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры к тому, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков».

Было отчего призадуматься правителям великой морской империи. В России тяжкими усилиями и жертвами народа, гением Петра I, его сподвижников, отечественных и зарубежных мастеров был создан великий флот, который, играя свою роль в имперской политике, становился и орудием технического прогресса, торговли, подготовки замечательных кадров мореплавателей, кораблестроителей, флотоводцев. Флот породил славные традиции, которые живут и поныне.

Французский посол Лави отмечал чрезвычайную выгодность для Франции черноморской и средиземноморской торговли с Россией, если она выйдет на эти моря. Ибо англичане и голландцы всю торговлю из Архангельска захватили в свои руки и товары

переправляли в Марсель, где продавали «с выгодой». Ясно, что коммерсанты французские были заинтересованы в этой новой важной артерии, тогда как королевские политики не хотели усиления России.

Однако выхода на южные морские пути в первой четверти XVIII века не состоялось.

Прутский поход (1711 г.) закончился неудачей, хоть Петр и выскользнул благодаря подаркам турецким сановникам. За поражение заплатили дорого: пришлось отказаться от Азова и планов освобождения Крыма. Петр I считал, что это временное явление. Тот же французский представитель Лави доносил о давнишнем проекте царя ввести свою торговлю в Средиземное море.

Но эпопея выхода России к полуденному морю, освобождения от насилий и угнетения христианских народов Кавказа, ограждения от разбойничьих набегов населения Южной России и Украины, создания Черноморского флота начала осуществляться лишь во второй половине XVIII века.

К концу царствования Петра I русский военный флот был одним из самых мощных в Европе. Он имел в своем составе 34 линейных корабля, 9 фрегатов, 17 галер и 26 кораблей других типов *. В его рядах находилось 30 тысяч человек.

Петербург, Кронштадт, Ревель, Архангельск — вот основные порты и базы его пребывания. Однако наследники Петра быстро прокутили его государственное богатство, выветрили из державы ее славу и силу. Невежество и некомпетентность правящих кругов, безудержное господство иноземцев, преднамеренное оскорбление национального достоинства, разрушение традиций и обычаев, стремление как можно быстрее обогатиться за счет русского народа привели к взрыву.

В 1741 году к власти пришла группировка русских дворян, которая возвела на престол дочь Петра I Елизавету. Конечно, это был дворянский переворот в интересах господствующей верхушки, но не следует думать, что русский народ видел в иноземцах избавителей, освободителей, носителей лучшей жизни и божественной власти.

К дворянству, приведшему к власти Елизавету, можно вполне отнести слова Александра Сергеевича Пушкина о том, что оно было «необходимым и естественным сословием великого образованного народа».

После утоления общественного патриотического голода понадобилось решать целый ряд социальных, экономических, политических вопросов. Если рассматривать развитие Российской державы с точки зрения реального исторического процесса, то был

* Коробков Н. М. Русский флот в Семилетней войне. М., 1946.

проведен целый ряд полезных и прогрессивных изменений, реформ. Наряду с этим проявились тенденции усиления эксплуатации, рост бюрократической верхушки, фаворитизма.

От восшествия Елизаветы флот выиграл — разваливающийся и гниющий при ее предшественнице на стоянках в портах он пополнился 36 линейными кораблями, 8 фрегатами и значительным количеством более мелких судов. Специальная комиссия под началом капитан-командора С. Мордвинова составила особую систему сигналов, сведя их в книге «Особо для военных случаев». Возобновились учебные плавания, стрельбы, были уволены многие бездарные иностранные офицеры, основан Морской шляхетский корпус, был взят курс на создание своих отечественных офицерских кадров, что, безусловно, способствовало укреплению мощи государства. Елизавета, хотя и не обладала гениальными качествами своего отца, но в общей линии национальной политики проявляла последовательность и настойчивость. Это снискало ей широкую популярность у дворянства, в армии и флоте и среди широких слоев общества. Об этом, в частности, писал французсовременник:

«Трудно решить, какую из иностранных наций она предпочитает прочим. Но, по-видимому, она исключительно, почти до фанатизма, любит один только свой народ, о котором имеет самое высокое мнение, находя его в связи с своим собственным величием» *.

Особую роль сыграл флот в Семилетней войне (1756—1763 гг.), в которой он в некоторой степени восстановил свой опыт и приобрел заслуженную славу. В этой войне Россия после двадцатилетнего перерыва выступила как морская держава. Ее флот имел задание подавить на море Пруссию и отразить поползновение ее союзника — британского флота на Балтике.

Выход в море Балтийской эскадры адмирала Мишукова показал, однако, слабую выучку, плохое качество кораблей, их «гнилость», неумение сберегать продовольствие, большую смертность среди моряков.

Тяжелую трепку устроило море эскадре, выявив неподготовленность, халатность, неумение. Но такой шторм давал и опыт, превращал молодого офицера в закаленного «морского волка», а новобранца — в моряка, бывалого «матроза» (так называли в XVIII веке матросов). Обкатанный ветрами и штормами флот исполнил и ряд серьезных морских операций.

В 1759 году флаг командующего всем Балтийским флотом адмирала Мишукова был поднят на 80-пушечном корабле «Святой

* Русский двор в 1761 г.— «Русская старина», 1878, сентябрь, с. 192.

Николай», капитаном которого являлся Григорий Спиридов. Поднял свой флаг и контр-адмирал Семен Мордвинов. Адъютантом главнокомандующего был Иван Голенищев-Кутузов. С этими именами история русского флота пересечется не раз.

Флот крейсировал на Балтике, доходя до Дании, не давал зарываться союзной прусскому королю Англии, которая обеспечивала постоянное и регулярное снабжение Восточной Пруссии из Либавы и Ревеля.

Самой успешной операцией флота, проведенной совместно с армией, явилась бомбардировка и взятие крепости Кольберг в 1761 году. В этой операции отточился военный талант генерал-поручика П. А. Румянцева, зародились некоторые военные приемы у полковника А. В. Суворова.

Русский флот в Семилетней войне показал, что без его участия ведение больших победоносных операций почти невозможно. Он усилился тем, что из его состава решительно исключили ветхие и устаревшие суда. Адмиралы, офицеры и капитаны кораблей получили серьезную боевую закалку. Наметилось преодоление кризиса. Но до полного возрождения флота было еще далеко.

Заря нового флота России лишь занималась, его новая тактика едва прощупывалась, и ее будущий создатель только учился плавать на Волге, в удалении от морских берегов Отечества.

У ВОЛГИ РАЗЛИВИСТОЙ

Федя шел за отцом, обливаясь потом, каждый новый шаг давался все труднее, коса ходила неровно, вот зацепилась за толстые стебли, и снова приходилось делать размах, на который уже не было силы. Отец не оглядывался, но Федя чувствовал, что он сердился, когда сын отставал. «Сердится батя! Нажми!» — все чаще приказывал себе Федя. Он заметил, что его маленькая коса ходит быстрее, когда носок ее чуть приподнимается вверх и она вроде бы выплывает на волне травы, оставляя после себя успокоенное зеленое душистое море. Все гудело от напряжения, но было радостно: «Дожал, почти дожал». Все! Отец сделал последний перед лесом взмах, немного подождал и обернулся. Федор стал рядом. Мать спешила с опушки с запотевшей крынкой молока и собранными ягодами.

— Испейте, родимые! Испейте, голубчики!

Смотрела любовно и жалостливо, как жадно глотал Федя. Не выдержала и всхлипнула.

— И что ты, батюшка, заставляешь его косить. Не дворянское дело-то.

— Молчи, Параскева. А что дворянское? Великий Петр все мог делать своими руками и нас, преображенцев, к сему приучал. Столярничать Федька умеет, — стал он загибать пальцы, — лошадь запрягает, топором рубит, на лодке гребет, сеть ставить может, стрелять научу, грамоту знает, счет ведет. Что еще надо? Зимой поедем в герольдию на смотр, определять на службу будем. Хватит Степке гнезда зорить, да Федька готов на государев счет идти. Хорошо бы к преображенцам, — мечтательно протянул отец, — вот бы где свет повидал да погулял, повоевал бы, — покрутил он ус.

— Не надо ему войны, пусть служит по гражданской части, — мать поглаживала сына по голове.

— Эко ты, будто царица, приказы отменяешь. Да кто из истинных дворян променяет военную службу на бумагомаранье да откажется от ратных дел!

— А Ваня-то, сказывают, отказался...

— Негодник он и клятвопреступник: со службы сбежал, — засердился и покраснел отец, — опозорил он Ушаковых.

Стало ясно, что речь шла об Иване Ушакове, который, сказывают, сбежал из гвардии в скит дальний.

— Нет, Федор, он же душу спасал, — не согласилась мать. Федя не часто видел ее такой. Твердой, непреклонной, с горящими глазами.

— Душа в согласии с долгом должна быть, а он ее от обязанности увести хочет.

— Ты же знаешь, Федя, — мать положила руку на плечо отцу, — он в бога по-истинному верил, ни одно богохульство не прощал, несправедливости не терпел.

Отец сбросил ее руку и разгоряченно вачастил:

— Брось пустяки молоть! Он со мной, бывало, и пил, и трубку курил, и плясал! И речи не для дамских ушей говаривал. Как он мог службу предать и бежать, нет, я ему не прощу...

— Ну и нашел, чем хвалиться — пил, курил, — совсем рассердилась мать, — он ведь не к ворогу перебежал, а к богу!

— Бог тоже измен не прощает, — махнул отец рукой и встал.

Федя прислушивался к тому, о чем спорят отец и мать. Ему казалось, что изменять никому нельзя. Нехорошо это. Дядю своего, которого видел всего два раза, он любил, богу верил, но долг, о котором говорил отец, и ему казался главным. Когда молилась мать, она все просила у бога заступничества, сохранения ее сыновей и близких, а отец и перед иконой испрашивал побед Отечеству, армии и флоту.

— А ты, Федор, в преображенцы или тоже в монахи хочешь? — хмуро спросил отец.

— Не-е, батя, я бы во флот пошел... — Отец удивленно поднял брови, мать охнула:

— Сынок, да кто же тебя надоумил сему?

— Волга, — отвечал Федя с гордостью. — Я быстрее всех плоты вязать научился, плавать и под водой сидеть дольше всех с камышиной, гребу без устали. Вот все ребята наши да соседских имениев меня морянином и именуют.

Отец покачал головой, но не возразил: морская служба тоже государева, и уже ласково шлепнул по спине:

— Иди погуляй! Поди, дед Василий голову заморочил.

Федя вскочил:

— Я на Волгу со Степаном! У нас там верша закинута.

Отец кивнул головой, но Степану разрешил лишь после того, когда тот закончит свое дело. Строгий преображенец, он по утрам давал задания («развод караула») всей семье и дворне. Сегодня день был трудовой, братья работали, завтра — учебный, монах из Островного монастыря будет читать с ними Псалтырь и учить счету.

— Ты, Феденька, Никиту с собой забери, — крикнула вдогонку мать. — Он постарше да посильнее, защитит от злых людей, — объяснила отцу.

— Все ты их подолом прикрываешь, скоро в службу им, в ученье, а ты их в люльку обратно, — незлобиво ворчал Ушаков-старший, отбивая косы.

Феденька мчался по тропинке вдоль светлой и чистой Жидогости, сбивая прутом головки лебеды и ромашек, протыкая лопухи, вспугивая прозрачнокрылых стрекоз.

Корабельные сосны выстреливали своими ровными светло-коричневыми стволами в небо, шумя где-то там, очень высоко, зеленой хвоей. В лощинах и на равнинах толпились белые стайки берез. Пахло цветами, высыхающей травой, земляникой — словом, всем, что создавало аромат русского леса. Останавливаться Феде было некогда, да и лукошка не прихватил, а то бы до краев наполнил свежей пахучей земляникой, вон и летние грибы пошли уже.

Птицы сопровождали его от куста до куста своим немыслимо веселым щебетом, а беззвучные бабочки не боялись сесть на плечо и отдохнуть, когда он переходил кладку у ручья. Там он остановился, зачерпнул в горсть прозрачной холодной воды.

«Чудно здесь у нас, ладно. А каково оно, море-то?» — задумывался мальчик, задирая голову к верхушкам сосен, погружаясь в голубизну неба.

А вот и Бурнаково, его сельцо, где родился и жил вот уже семь лет. В Бурнакове всего пятнадцать изб, да и ближние Кузино, Алексеевка, Ярофеево, Дымовское, Петряново тоже не деревни, а сельца, им да их родственникам принадлежащие. Лишь Хопылово на берегу Волги выделялось целым рядом добротных изб, дворянских и купеческих домов и церковными строениями.

На дворе отцовского дома Степана не оказалось, хотя поленница, которую отец поручил сложить ему, была еще не завершена. Федор завернул за угол и застал Степана за непотребным занятием. Тот выпотрошил из-под стрехи воробьиное гнездо и вершил казнь над птенцами. Голову желторотых воробьят он закладывал между пальцев и взмахом руки отрывал ее от тщедушного тельца, бросая все кошке.

Федя крови не боялся, на разбитые до костей колени не жаловался, раны на пальце замазывал грязью, даже курице, если просила мать, мог голову отрубить, но тут ему стало худо. Налетел на Степана с кулаками, сшиб на землю и в бессилье затих, когда вывернувшийся старший брат заломил ему руки за спину и, задыхаясь, выговорил:

— Ты, Федька, оглашенный: бешеный прямо! Тебе тварей безмозглых жалко, а брата чуть не убил из-за них.

— Сам ты тварь безмозглая, — прохрипел Федя.

Степан отпустил его, отправился налаживать поленницу, а через час пришел к забившемуся в угол двора брату.

— Федька! Айда на Волгу. Верша там, поди, полна рыбой.

И хотя радостное утреннее настроение упорхнуло, Федя согласился — на Волгу его всегда тянуло.

— Мамка сказала, чтобы Никиту взяли, — буркнул он. Степан удивленно посмотрел на брата: оказывается, тот уже с разрешением шел.

— Чего ж тогда на меня набросился!

Федя не ответил, а закричал в сторону небольшого домика:

— Никита! Пошли на Волгу! Мамка велела.

Показался невысокий, но крепкий парень, дворовый человек Ушаковых, лет шестнадцати, с топором в руках, постоял, кивнул и нырнул в сарай...

Дорога к Волге была такой же красивой, зеленой и ароматной, но уже не такой радостной и звучащей, как раньше. Никита чувствовал, что между братьями черная кошка пробежала, и старался их развлечь рассказами про свои успехи в рыбной ловле.

— Я намедни сома вот такого поймал в Жидогости.

Братья улыбнулись, не возражали, хотя Никита развел руки на всю ширину. В их любимой и теплой речке водилось все: и караси, и окуни, и щуки, и сомы, правда, может, и не такие, каким хвастался Никита.

В Хопылове хранилась отцовская лодка, которую вытаскивали и оставляли под надзором у избенки бывшего петровского морского служителя деда Василия. Василий на костыле и деревяшке умудрялся подниматься на горку возле монастыря и зажигать костер в ночное время, чтобы идущие по Волге ладьи, лодки, дощанники, каюки и другие речные суда не наткнулись на длинную и узкую отмель, намытую за церковью Богоявленья. Говорил он, что на сей пост его поставил сам Петр Великий, когда проезжал по Волге и увидел одноногого моряка, что просил милостыню у монастырских ворот в Богоявленском. Вот тогда-то, указав на холм, и повелел ему Петр жечь ночной костер для «ориентации судов». Правдой был сей рассказ или выдумкой, никто ни в Бурнакове, ни в Хопылове, ни даже в самом Романово-Борисоглебске не знал. Однако три рубля ежегодно петровскому мореходу выплачивали. И горел над приволжской кручей от апрельских весенних дней до первой шуги знакомый всем кормчим, вожам, лоцманам, бурлакам костер.

Находившись вдоволь на веслах, собрав улов с поставленных вчера Никитой и Федей вершей, братья вытащили лодку перед избенкой деда Василия и, насобирав кучу хвороста и сучьев, поднялись к нему на кручу.

Бывший петровский моряк уже затеял костер, подложил сухого мха, сена под маленькие веточки, умостил рядом кресало, камни и трут и с нетерпением поглядывал на небо, ожидая, когда загорится вечерняя звезда.

Федя, десятки раз бывавший на этом холме в предвечерние и вечерние часы, с удовольствием разместился рядом с костром, попросив:

— Дед Василий, расскажи, како ты при Гангуте сражался, како шведа пленил.

Тот, однако, не спешил, как бы продолжая спорить со старообрядцем, коих много было на той стороне Волги.

— Он мне вот говорит, что табак зелье бесовское и уста им осквернять нельзя. Кто трубку в себя пихает, тот сам себя осуждает.

— Слушай ты их, дед! Они, козлы старые, ничего в новом мире не смыслят, — перебил его Степан.

— Не-е, ты их не осуждай, они грамотно и красиво по старым книгам рассказывают.

— Ну, так каждый может научиться, — не отставал Степан.

— Не-е, над старцем не смейся, ноне старец былое славит и правоту возвращает.

— Вот же, сам только на них ругался, — хохотнул Степан,

Дед Василий рассердился, не захотел более с ним разговаривать и обернулся к Феде.

— Слушай, я тебе старинную историю расскажу.

Историю эту, о российском матросе, Федя тоже слушал уже не раз, но дед добавлял к ней неслыханные ранее подробности, чем превращал ее каждый раз в новую. Рассказывал дед Василий на разные голоса, с остановками и оглядыванием слушателей, ища отклика.

— Так вот, поведаю я вам гисторию о российском матрозе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли. Василий-то Кариотский родом был из Российских Европий, на морскую службу поступил, стал матрозом. Вначале прозывали его на корабле, и прозывали зело нелестно, но он учился много и упорно, и все мореходное дело изучил. То было замечено, — обвел всех взглядом, как бы ища подтверждения, что ревностная служба замечается, — и его направили за науки и услуги в Голландию, для овладения знаниями арихметическими и разными навыками. А там его и Цесарь заметил, пригласил к себе российского матроза.

— Ну, а не ты ли сам это был? — хитро подмигнул всем Степан.

— Помолчи, то мог быть любой русский матроз, храбрый и умелый. Так вот, приехал он во дворец к Цесарю. И был принят от Цесаря с великой славой, подобно яко некоторый царевич... Василий нанял себе в лакеи пятьдесят человек, которым надел ливреи с весьма богатым убором, карету приказал заложить золотокованную, и Цесарь, — поднял вверх палец дед Василий, — повелел министрам, а потом и камергерам неотступно быть при Василии. Цесарь стал сажать российского матроза кушать, Василий отговаривался. Тогда Цесарь и рече: почто напрасно отговариваешься, понеже я вижу у тебя разума достаточно, изволь садиться. Во как за матрозом ухаживал!

Дед Василий вскочил, проковылял к обрыву и осмотрел горизонт: не загорелась еще звезда?

— Вот так он и жил, пока в крушение не попал на остров неведомый. А на том острове непроходимый лес и великие трясины. Российский матроз попал туда, и побрел по берегу моря, и нашел тропу в лесу, яко хождение человеческое, а не звериное. Там он и увидел разбойников, играющих в разные игры и музыки, пьяных.

Солнце садилось в красные тучки: ветрено будет завтра — потянулись над Волгой «уточки», накапливался в лощинках туман, а петровский служитель рассказывал невероятные истории, приключавшиеся с русским матросом: о том, как разбойники вы-

брали его, молодца удалого и острого умом, своим атаманом, и о том, как захватили они казну, и товары, и флорентийскую королеву, которая влюбилась в Василия. И о том, как влюбился в нее Василий.

— Спорили разбойники из-за нее, кому она достанется, и порешили, что порубят на части, чтобы никому не досталась, да и самого Василия решили порубить и разделать на пирожное. Но Василий их перехитрил. Он в королеву хоть и влюбился, но сделал вид, что она ему безразлична. Плюнул и вон пошел! А сам разбойников уверил, что знает волшебный заговор, как захватить богатый корабль, коего не было. Сам же королеву похитил — увез.

Дед Василий еще раз посмотрел на небо, взял кресало и ударил по кремню.

— Ту флорентийскую королеву снова пленницей взяли, а Василия чуть опять не погубили, но он скрылся. А флорентийская королева верность Василию сохранила, хотя ее подвенечное платье надеть заставляли.

Петровский служитель ударил по кремню, искры брызнули, трут затлел, и он поднял его вверх.

— Она платья подвенечного не надела — в черном платье поехала в кирху, где в бродячем арфисте и узнала Василия. Взяла она его за руку и посадила в карету, и повелела ехать во дворец! Оженились. Там он и правит по сей день.

Дед Василий дунул в трут и ткнул его в сухую траву. Огонь вспыхнул, и костер обозначил путь тихо скользящему по Волге барку.

У БОЖЬЕГО СЛУЖИТЕЛЯ

После первого смотра сыновей в герольдии Федор Игнатьевич решил им показать Петербург. Ему не терпелось взглянуть на места, где прошла его гвардейская молодость. А мать желала с пристрастием осмотреть петербургские лавки. Конечно, только осмотреть, ибо рассчитывать на большие покупки после дорогостоящей поездки, затрат на корм лошадей, на еду не приходилось. Степан хотел увидеть оружие и развод караулов, о которых рассказывал отец, а младший Федя непременно желал узреть море и корабли.

Петербург, конечно, поразил его размахом своим, пышными каретами, возками, кибитками, что сновали туда и сюда вдоль улиц. Но особенно восхитился Федя, когда увидел тихо прошедшую под парусами яхту на Неве; она вышла из туманной дымки

от Петропавловской крепости и медленно скрылась за одним из островов. Моря он так и не узрел, далеко надо было ехать, отец не захотел.

— Пойдем сегодня в Александро-Невскую лавру, — сказал в ответ на просьбу Федора. — Повидаем хоть этого несчастного, — проворчал, взглянув на мать. Та промолчала, а Федя догадался: пойдут к Ивану Игнатьевичу, о коем в доме часто заводили разговоры...

Когда вступили в главный собор лавры, все как-то уменьшились в росте, притихли, поставили свечи во здравие и за упокой.

— Где тут Ушаков Иван служит? — обратился отец к приглядывающему за порядком монаху.

— У нас такого нету.

— Как нет, он тут с позволения императрицы у вас пострижен.

— А каково имя-то принял? Не Федор?

— Федор, кажется.

— Ну, так ему досаждать не велено. И ныне он при деле богоугодном.

— А что за дело?

— Он при кружке подношений. А вы кто ему будете?

— Я брат родной, а это его племянники.

— То дело другое, — монах оглянулся по сторонам. — У кружки его сама императрица поставила. Он сие дело свято исполняет и народ к нему валом валит. А наши-то отцы и взревновали.

— Пошто народ-то идет? — с удивлением осведомился отец. — Аль святость в нем, невидимая ране, появилась? — робко уже пошутил.

— Святой он! Святой! — с убеждением отвечал монах. — Подлинное благоговение вызывает у прихожан постным своим видом и добродетелями. Он в постоянном посту, молитвах и делах время проводит. Сказывали, сам цесаревич Петр, — подняв вверх ладони и значительно посмотрел на начинающих тушеваться родственников, — Петр Федорович, говаривал: в Александро-Невской лавре один монах — Ушаков! Пойдемте, я вас к нему отведу.

Он повел их к тому месту, где были прикреплены кружки для пожертвований, и вполголоса продолжал:

— Отцу Федору это дорого стоило. А его бессребреничество привело к тому, что все монетки до одной из пожертвований шли в казну. Опять неприязно. А тут народ почувствовал, что сему монаху можно довериться. И шли к нему мужи с женами и детьми и вопрошали, как быть с детьми, в миру живущими. Он отказывался советы давать, отсылал к учителям монастырским,

однако его вера убеждала, и по заповеди призывали: «требующим от тебя помощи — не отврати». А так как живущие в нашей обители люди ученые, то видывали и начали вменять ему в обиду, что, миновав их, людей ученых, люди идут к простому старцу. И от них к нему зависть и ненависть. Они даже к митрополиту самому обратились, и тот запретил вход всем, кто говорил, что к Федору. Вот он! — с почтением кивнул головой монах на высокого худого чернеца, читающего негромкую молитву. Верующие, среди которых было особенно много молодых женщин, кланялись в такт его размеренному голосу. По окончании молитвы одни стали развязывать узелки, расстегивать карманы и кошельки, доставая оттуда монеты, другие сразу потянулись к кружкам, бросая туда зажатые в кулаке пятаки. Чернец поклонился людям и, выпрямляясь, встретился взглядом с Ушаковыми.

— Вот и хорошо, что пришли в храм божий помолиться, — по-доброму, будто и не расставались, сказал он. — Пойдемте ко мне в келью, орешков детям дам, для белок припас. — И зашагал неторопливо через двор к крайнему каменному строению. Стоявшему у входа и не пропускавшему их внутрь монаху сурово сказал:

— Сродственники. Брат мой родной с детьми.

Монах в нерешительности огляделся и махнул рукой. Когда зашли в келью, Федя поежился, было прохладно и пусто, лишь в углу примостился сбитый из досок топчан, да в другом висела икона с лампадой.

— Хорошо, что пришли, — повторил Иван, — попрощаемся, ухожу я в Саровскую пу́стынь.

Мать всплеснула руками, из глаз ее катились слезы. Отец сурово взглянул на нее и, хмурясь, спросил:

— Что ты там, в той пу́стыни, не видел? — Обвел руками келью. — Чем у тебя тут не пустынь?

— То верно, везде можно людям служить. Но собрал я, брат мой, духовное братство из многих людей и со своими духовными учениками и ученицами, холостыми мужами, вдовами и девицами отправляюсь туда на покаяние и поклонение. Некоторые из них у святого Синода даже исходатайствовали разводы, чтобы с нами поехать.

— Где та пустынь-то? — спросил не особенно знающий святые места отец.

— За Арзамасом в дремучих лесах, — объяснил Иван и обратился к младшему Феде: — Кем же ты будешь после герольдического смотра?

Тот зарделся и прошептал:

— Офицером морским!

— Всякая служба богу угодна, — погладил его по голове Иван. — В миру будешь жить, мой отрок, а он бывает жесток и несправедлив. И моя судьба может послужить тебе уроком. Садитесь, — пригласил он всех, указав на топчан. Все сели, а Федя и мать, наверное, из почтения к святому человеку, остались стоять.

— Я ведь, ты знаешь, — обращался он почему-то только к Феде, — на военную службу был вчинен в гвардию. И здесь, в Петербурге, в таком славном месте увеселений, без особого тщания о своей душе служить стал, больше заботился о греховных сластях, коим с сотовариществом предавался. Однако же в один день, когда звучали вкруг нас, забавляющихся, гусли и свирели, паде внезапно один из товарищей моих на землю и умре без покаяния. То событие повергло мою душу в тревогу и боль. И решил я оставить всю сию жизнь мирную и устремиться в полнолунные края. Увидел я, что мир в нашем воображении не то, что божеской рукой создано, а то, что разумеем, что худое в мир грехом введено, а именно изменил мирские суеты, бесчестные другим примеры, вредные худыми людьми обхождения, всякие соблазны и препятствия к добродетельному житию, а потому решил я удалиться от мира и избрать себе состояние, в котором беспрепятственно хочу упражняться в богомыслиях.

— Однако же кто-то должен землю пахать да державу от врагов защищать, — сказал отец.

— И я не говорю, что уйти надо в бездельность. И здесь, и в Саровской пустыни мечтаю, чтобы были все молящиеся при рукоделии, отогнав себя от праздности. Дары богу действием хочу нести и от нечистот мира действом освободиться.

— Куда же ушел ты тогда-то, Ваня? — робко перебила мать.

— А... — махнул рукой Иван, — где я только не был. Отослал слугу в Ярославль, и там, возле города, переоделся я из мирских одежд в черную, убогую, яко труднику пустынному суща. Возле городка, уже переодетый, — возвел глаза вверх, — встретился мне на возке дядя наш...

— Никогда он мне этого не рассказывал, — удивился отец.

— Да он меня и не познал в худой одежде. И я тогда решил окончательно: так тому и быть. В двинских лесах в Поморье оказался, а потом в Плащанской обители в Киевских местностях. Но настоятель отказал мне в келье, а затем и выдали нариду воинскому, как беспаспортного, привезли в Петербург и прямо к царице.

— Во как! — со страхом и восхищением присвистнул Степан.

— Да! Ведь из гвардии не бегали раньше.

— Вот именно, — хмыкнул отец. — Что же она тебе сказала? Чай, не погладила по головке.

— Не погладила, но и не отсекла. Вопрошала: зачем ты из полку моего ушел? Для удобства спасения моей души, ваше императорское величество, я ей ответил. Тогда она мне дивное слово сказала: «Не вменяю тебе побег в проступок, жалую прежним тебя чином, вступай в прежнее званье».

— Ну, так что ж ты зевал-то? — окончательно разочаровался в брате отец.

— Я ей ответил тогда, Елизавете Петровне, государыне нашей: в начатой жизни моей, ваше императорское величество, для бога и души моей до конца пребыть желаю, а прежней жизни и чина не желаю. Она тогда и рекла мне: «Для чего уходом ушел из полку, когда к такому делу и от нас мог быть отпущен?» Я же ей сказал: если б о сем всеподданнейше утруждал тогда, то верно было бы и сейчас, как убогий, утруждаю, как в том случае. Рекла императрица, куда желаешь? Я и сказал: в Саровскую пустынь. Она и ответила: пусть. Только останься, побудь в Александро-Невской лавре у кружки. И был пострижен я и наречен в честь святого нашего ярославского Федора. Хотел бы я, чтобы деяния того святого освятили и тебя, отрок, — осенил он крестным знамением Федю. — Чтобы на путях дальних твоих были свершения великие. Думай же всегда о ближних. Аще кто о ближнем не радит, тот неверен и веру нашу отвергает. Люби человеков, с коими будешь, и ждет тебя победа.

Страшно как-то было Феде и высоко, в душе у него что-то затрепетало и позвало в даль, в неизведанный доселе мир.

КИКИН ДОМ

— А ты, любезный, будь добр, подай мои ботины, — покровительственно и доброжелательно прогнусил краснолицый гардемарин с пробивающимися светлыми усами только что определенному в морской шляхетский корпус Федору Ушакову. Федор смутился, покрылся краской, но ботины подал, вопросительно взглянув на гардемарина.

— Вот так, голубчик, будешь исполнять все мои приказания, — старался тот говорить солидно, с хрипотцой.

— А ты кто будешь? — нерешительно спросил Федор.

— Я твой «старикашка», а ты мой «рябчик», — важно ответствовал светлоусый и на глазах изумленного Федора запихал в ноздри кусок душистого табака.

— Не пойму что-то. Нам сегодни на плацу внушали, что командиром моим есть корпусной офицер Егор Ирецкий и его приказы я должен выполнять. А о «рябчиках» и «старикашках» слыхом не слыхивал.

— Вот будешь ныне знать, кто твой истинный начальник. У нас, у кадет, тут свой устав имеется. Да ты не сомневайся, то правило испокон веков заведено. Лучше скажи, у тебя деньги есть?

Федор замялся, помнил, матушка наказывала никому об этом не говорить, но тут-то скрываться нечего, своя братия, морская.

Ответил:

— Есть немного.

— Ну так вот, давай сигани на угол от Кикиного дома. Купи бутылку сбитня, яблок и тащи сюда. Да так, чтобы унтер не заметил.

Федор наморщил лоб, подумал о деньгах, но спросил не об этом:

— Пошто дом-то Кикиным зовется?

— Э-э-э, то дело давнее. Первый дом у Морского корпуса, что тогда академией звался, был отобран аль куплен у боярина Кикина на Неве. С той поры и нас там нету, и дом снесен, и корпус в другие места переехал, дом Миниха обжил, а все про наш корпус Морской говорят — Кикин дом... Так ты давай на угол, валяй.

Федор вздохнул, поморщился от своей несговорчивости и обреченно протянул:

— Не-е... Не пойду. Мне батюшка не велел расходовать. До Нового года не пришлют больше.

— Ты что, негодник! — завращал глазами светлоусый гардемарин, чихнул от табака. — А ну беги быстрее в лавку, пока тебе тут не всыпали горячих.

— Не-е. Сказал, не пойду, значится, не побегу. Я батеньку привык слушать. — И, повернувшись, пошел к выходу. Сильный неожиданный удар под коленки подкосил его. Он упал на дверь и, вытянув руки вперед, вылетел в коридор, под ноги ротному офицеру. Тот едва отскочил, и тут же, стремительно приблизившись к лежащему Федору, сгреб его за воротник, приподнял перед собой.

— Ты что, недоумок, — так дразнили в корпусе кадетов первого года обучения, — наук не постиг, а уже бунт подымаешь, на офицера нападаешь! — загремел он. Из разбитого носа Ушакова капала кровь, на лбу расплывалось пятно синяка. Обер-офицер, не умея смягчать голос, сипловато-хрипло рыкнул:

— Ты что — ядро? Или пуля ружейная? Может, тебя кто толкнул сзади?

Федор пришел в себя. Тяжело вздохнув, не глядя на офицера, сказал:

— Не-е... Разбежался и прыгнул... Сам упал.

— Сам? Ну, тогда мой полы в нужниках.

Вечером, когда он проходил по длинному корпусному двору с мокрой тряпицей, его обогнал светлоусый и дружески хлопнул по плечу:

— А ты малый крепкий, не «задорный». Будем дружить. Меня Яковом Карташевым кличут.

Потом уже узнал Федор, что «задорными» называли в училище тех, кто жаловался на своих товарищей, доносил о своих обидах офицерам. Ни разу не испытал он на себе сурового наказания, которое применялось к «задорным», когда с ними никто не говорил и не останавливался. То была невыносимая мука, когда к несчастному жалобщику поворачивались спиной, удалялись как от зачумленного. Лишь победоносная драка да удалое молодечество во время плавания смывали позор с «задорного». В тот первый день Федор нутром почувствовал необходимость исполнения морского закона — закона спайки и братства, но подчинения кулаку не принял.

...На следующий день выдавали одежду и амуницию. Зеленый кафтан Федору нашли сразу, а штаны не подходили — все были коротки.

— Эко тебя угораздило! — беззлобно ворчал каптенармус. — Малые дать — порвутся скоро, а мундир на два года выдается. Будешь целый год задницей сверкать. Что за кадет из тебя тогда! На вот, возьми еще сюртук, тоже зеленый, для вседневной носки. Кажен день носи и следи, чтобы не порвался. Он, правда, крепок, из солдатского сукна делан.

Наконец последним оделся и Федор. Вскоре получили и ружья. И еще рыхлым, невыровненным строем встали новички перед зданием Морского корпуса. Из каменного флигеля вышел на высокое крыльцо поддерживаемый под руки двумя офицерами толстый дядька. «Милославский, Милославский. Сам контр-адмирал!» — прошелестело по рядам. Мрачно поглядел на кривую шеренгу неопрятно одетых первогодков-кадетов и, сморщившись, брезгливо сказал:

— Строю! Строю учиться надо. Сейчас морякам не до моря. В сухопутчиков обращают. Запомните сие время, когда вас могут лишить морского состояния.

Кадеты испуганно молчали, не понимая, о чем говорит контр-адмирал. Сурово молчали и офицеры. Они-то знали, что грозит

морскому сословию. Милославский поводил глазами по строю и, остановив взгляд на выделяющемся Ушакове, громко спросил:

— Вот ты, недоросль, в плечах знатный, зачем сюда, в наш Морской корпус, подался?

— Я, ваше превосходительство, еще в деревне по морскому думал и в сухопутчики не пойду, лучше уж в брадобреи.

Строй недружно засмеялся. Милославский склонил голову и одобрительно покивал головой:

— Похвально! Похвально, братец. Но ты нынче берегись, кабы тебя самого не побрили на гольштинский манер! — И тоже заколыхался в смехе, довольный своей смелой остротой...

...Проявивший дружелюбие к Федору с того часа, когда тот не выдал его, Яков Карташев вечером пояснил:

— Проект у гольштинцев императора Петра III созрел: слить всех кадетов в единый корпус под управлением графа Шувалова. Нас, моряков, своего первородства лишить задумали.

— Пошто надобно-то сие им?

— А как же! Российский флот всем иноземцам поперек горла стоит еще со времен Великого Петра. Радетелей у него мало осталось. Вот ты — малый с характером, — продолжал Яков, — а готов всю душу отдать российскому мореплаванию? Готов служить морю без отдачи?

Увидел, что Федор непреклонно повел головой, кивнул ему.

— Тогда поклянись! Побожись, что не отступишься от моря — в наше братство войдешь.

Федор не ведал ни о каком братстве, но морю был уже предан, жаждал сродниться с ним навсегда. Вырвал волос из головы, окрутил вокруг пальца и тихо сказал:

— Не отступлюсь от дела морского, от веры нашей, от Отечества русского! Служить им буду вечно и неустанно! Аминь!

НА КРОНШТАДТСКОМ ЭЛЛИНГЕ

Через месяц повезли их в Кронштадт в эллинги*, где строились корабли. Шум и суета были тут превеликие. Ухала баба, забивающая сваи, скрипели оси нескольких десятков телег, развозивших канаты, бочки со смолой, деревянные доски, конопать, а также солдат с каторжниками; вырывался со свистом пар из сушилок, ходили вверх и вниз пилы, взлетали там и сям топоры, сбивая своими железными клювами последние одежды с бревен, что еще недавно были звенящими, раскидистыми зелено-золотистыми соснами. Кадеты небольшой стайкой сгрудились у ребри-

* Эллинги — верфи.

стой туши почти построенного корабля. Из-за него вышел офицер в форме Преображенского полка и, доброжелательно поглядывая на них, громко объявил:

— Уши сюда! Я, мастер корабельный Петров, вам объясню все предметы, принадлежащие к кораблю.

Он подошел к кораблю, любовно похлопал его по днищу и, перекрывая шум, уже строго, как на занятиях в корпусе, продолжил:

— Сегодня я вам дам наглядные уроки, что и как в морском деле называется. У нас, у мореходцев, — он самодовольно улыбнулся, — есть свой язык, и вы его понять и запомнить на всю жизнь должны. Ну вот, — показал на верхушку мачты, — верхний конец каждого стоящего вертикально дерева называется топом! Края же у дерев, лежащих горизонтально мачтам, то есть у реев, называются но-ка-ми!.. Дерево, поднятое вверх или вытянутое вбок, говорится по-морскому — выстре-ливает! — Каждое слово морское, необычное, мастер рубил на слоги, выделял паузой, вроде бы хотел, чтобы оно одно пожило на слуху, в память самостоятельно вошло.

— Всякая веревка, на время привязанная, называется прикреплен-ная. Когда же надобно ее ослабить или совсем отпустить, то говорится по-морскому: от-дать! Ежли что нужно наскоро, что-либо на время привязать, то говорится: при-хва-тить!

По дощатому настилу, через отверстие в трюме, они поднялись на палубу, с которой вдруг оказался виден чуть ли не весь Кронштадт и даже белеющий вдали Петербург. Петров, однако же, не дал любоваться видами, а подвел к хитросплетению канатов и веревок, опоясывающих мачты.

— Вот эта основная веревка через два блока вообще называется: та-ли. Который ее конец к блоку прикреплен, то — хо-до-вая часть! Самый же конец, за который тянут, именуется лопарь, обвивка несколько раз какого-нибудь дерева или другого чего называется най-тов. Всякий узел называется кноп. Каждый железный крючок, — Петров с маху нахлобучил на один из них свою шляпу, — на корабле употребляемый, называется гак. — Снял шляпу и тут же присел, тронув ребра корабля. — Необвостренные круглые длинные гвозди, коими крепятся части корабля, называются боуты! Такого же рода деревянные на-гели! Поперечные соединения досок, — Петров быстро перебежал вниз, увлекая кадетов, — вот смотрите, такие же, как эти, называются стыки, а продольные соединения, как вот эти, пазы. Сложенная в один или много кругов веревка называется бухта, а когда вытаскивают какую-либо снасть и оная, завязнув где-либо, препятствует произвести надлежащее действие, то говорят — за-ело!..

А у тебя что, тоже заело? — позвал Петров поднявшего голову вверх и взирающего через проем на мачту Федора.

— Да нет, вон та рея, сдается, плохо прикреплена и в походе сие может сказаться.

— Не рея, а рей! Нижний рей! — с удивлением посмотрел на кадета Петров. — Правильно заметил, я им вчера еще об этом сказал, башибузукам. Пошли сейчас на корму, там изучим другое важное в деле нашем.

После обеда в Петербург возвращались на баркасе, гребли попеременно, устали, но было удивительно хорошо и радостно от того, что увидели, как заботятся мастера о рождающемся корабле, их будущем доме, тщательно готовя для дальнего и опасного пути.

А Федору мастер Петров на прощание при всех руку подал и сказал:

— Глаз зоркий. Сие важно в деле морском. Никакую мелочь не упустить. Упустишь — корабль и себя погубишь. Точи глаз, кадет, на плохое, на недоделанное — оно и исчезнет, хорошее на его место станет.

ВАШ БОГ — ЛИНИЯ...

Шел 1764 год. Сумрачно и зябко было в осеннем Петербурге.

Ударил колокол. Шесть часов утра. Кадеты выскакивали из деревянных флигелей, застегивали зеленые сюртуки на ходу, бежали в главное здание, где выстраивались в длинном корпусном коридоре. Унтер-офицер осматривал строй внимательно и придирчиво.

— Что, рук мыть не умеешь? — распекал первогодка. — Под ногтями огород развел? В камбуз — для прочищения мозгов.

Остановившись рядом с Федором, тщательно осмотрел всего с головы до ног. Удовлетворенно фыркнул и, скосив глаза на Гришу Голенкина, резко выкрикнул:

— За непришитую пуговицу лишаю калача. Сегодня пуговицу — завтра пушку потеряешь. Рохля!

Глаза у кадета наполнились слезами, бормотал, ощупывая мундир: «Ведь только что была тут! Куда подевалась, злодейка!» — «Ладно, не реви! — тихо шепнул Федор. — Дам половину!»

Промчались в столовую, где надо было ухватить калач попышнее и кружку для сбитня побольше. Оттуда — в классы. Нужно заскочить в дверь раньше, чем ударит рында. Тогда хозяином коридоров становится Полетика, их вездесущий и ехидный инспектор. Прежде всего он остановит опоздавшего и негромко, яз-

вительно спросит: «Что, господин кадет, так и будете всю жизнь спать на ходу? Богу не успеете помолиться. Славу Отечества проспите». Если попался в первый раз, Полетика расскажет о героях прошлого, о Цезаре, о Ганнибале, о прилежании Аристотеля, о том, что Великий Петр почти не спал, все бдел о благе России. А он, кадет, не может даже на занятие появиться вовремя. Какой же из него сын Отечества получится. Пристыженный кадет клялся не нарушать порядок, приучить себя вскочить до общего подъема, быстро помыться, поесть, за пять минут до того, как ударит колокол, сидеть в классе. Если же кадет попадался во второй и в третий раз, тут его ждала расправа: мыл и чистил он коридор, лишался ужина и даже удостаивался порки по субботам. Порядок должен входить в кадетов, как считали в корпусе, через все части тела. Федор заставил себя с первого года вставать в точно заданное время, и почти ни разу не опаздывал на смотр, завтрак. И не наказания боялся он, а приучил себя ценить время, зная, что точное и быстрое исполнение команды и приказа уменьшает усталость, сохраняет силы на дела, которые хочешь сделать сам.

...Первый урок шел при свечах. Голова прочищалась, математика укладывалась строгим и красивым ладом. Федор любил ее четкие законы, ему нравилось проходить через трудности обдумывания к решению, результату... Особенно удавались ему геометрия и тригонометрия. Фигуры, что складывались в голове, переносились на бумагу, просчитывались, меняли свою форму, принимая очертания строев эскадр и отрядов кораблей.

Затем целых два урока возились с секстантом, познавая его устройство и учась измерять вертикальные углы, высоты светил и горизонтальные — между направлениями на различные предметы.

В обед старший гардемарин, раздавая кушанья, помахал Федору.

— Ушаков, сегодня приходи вечером на крышу.

Федор обрадовался, ему не терпелось посмотреть в телескоп. Ночные светила он знал на память, подолгу всматриваясь в небо и сверяя его со звездными картами. Говорят, телескоп приближает их в десятки раз. Интересно!

...После обеда читалась история флота. И читал ее сам Голенищев-Кутузов. Иван Логинович следил за всем, что издавалось по истории, военному и морскому делу во Франции, Англии, Голландии. К лекциям он всегда готовился, собирался с мыслями, настраивался. Вот осмотрел развешенные карты, поправил указкой схемы и стал читать лекцию, не заглядывая ни в какие бумажки и книги.

— Уже у древних были настоящие военные флоты, — начал он. — Что сие значит — военный флот и имеет ли он отличия от обычного? Без сумнения. То есть флот, состоящий из специально построенных и вооруженных на случай войны судов. Знаем мы первые военные флоты у финикийцев, греков и римлян в море Средиземном, так как там переходы были коротки с портов, бухт-убежищ и снабжения достаточно. В средние века военные флоты возродились у турок, владельцев Иберийского полуострова, князей и республик Италии, у рыцарей мальтийских. Потом пришло время Франции, Англии, Голландии, Швеции и Дании. Ныне наступает время России. Для постройки и снабжения флотов существовали адмиралтейства с верфями, для управления ими — адмиралы и офицеры: для плавания — команды и галерные каторжники, у которых главное внимание обращалось на укрепление ручных мышц. Потом появился парус — наш верный брат и друг при ветре, беспомощный пассажир при штиле, наш губитель при шторме.

В XIV столетии во Франции явились король и при нем адмирал, которые пытались в портах Ла-Манша создать мощный и непобедимый французский военный флот. Этот король был Карл V, а адмирал Жанн де Виенн. В то время еще не были знакомы с употреблением двух тогдашних изобретений — компаса и пушек. Позднее первое позволило мореплавателям с безопасностью предпринимать более далекие путешествия, второе же послужило новым и страшным оружием и в то же время заставило строить новые специальные суда гораздо больших размеров и прочности, чем прежние галеры.

Федор внимательно слушал, записывал в тетрадь, и голова его полнилась знаниями, которые он хотел точно разложить «по нужности и похожести». Любил порядок во всем и в знаниях тоже. Дивился, почему сразу не были открыты глаза у тех, кто делал пушки. Понимал потом, что, не постигнув одного, не сделаешь другого. Заставлял себя выстраивать знания в ряд, думал сразу, как их применить в плаванье. Не все казалось нужным, что-то уплывало, другое оставалось в памяти, садилось на дно. Кутузов же продолжал:

— Понеже все морские нации признали разницу между флотом боевым и коммерческим, то все они и занялись усовершенствованием своей морской артиллерии, что стала главным представителем силы корабля.

Безопасство, правильность и скорость! Сие задача для каждого артиллериста, — Иван Логинович поднял вверх палец и сделал паузу; — Только одно построение может удовлетворить всем этим

условиям — кильватерная колонна. Эта колонна есть единственное построение для боевой диспозиции и служит основой для морской тактики. — Он уже торжественно, как дьякон в церкви, затянул: — Ваш бог — линия! Ли-ния киль-ватерная — вот бог морского командира. Дабы этот строй, представляющий длинную линию орудий, не мог быть расстроен или порван в каком-нибудь более слабом месте, есть необходимость иметь в этой колонне только суда с одинаково сильным бортовым огнем. То есть суда высших или одного и того же рангов. А каковы они? То только линейные корабли, из которых и должен состоять строй баталии. Назначение фрегатов же и прочих иное. Итак, посмотрим, каковы были линии в славных битвах известных флотоводцев.

Кутузов подошел ближе к схемам и повел указкой по линиям, в которые выстраивались боевые корабли. Непреложный закон морского боя, утвердившийся во всех флотах, прочно укладывался в головы будущих капитанов и вершителей тактики морских баталий...

ВСТРЕЧА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Вот оно — море! С его крепким, вырывающим из рук парус ветром, с серовато-бирюзовым покрывалом белых гребешков, с приводящим в восторг простором. Нет, не зря он рвался в морское дело, не зря избрал смыслом служение морскому флоту.

И до этого первого выхода в Финский залив Федор бывал в Кронштадте, проходил тут корабельную практику, учился взбегать по вантам стоящей у прикола яхты, изучал «внутренности» и «наружности» кораблей, выполнял команды по управлению парусами, учился заряжать пушку и стрелять ядром и картечью. Но этот выход на новом линейном корабле, по местам победных боев петровского флота, преобразил и захватил юношу. Все ладилось у него, все получалось быстро и точно, словно бывал он в таком походе не единожды. Тогда же с ним произошло что-то необычное. Какая-то неведомая сила наполнила его, в голове прояснилось и просветлело, виделось отчетливо и далеко, терпкость солоноватого воздуха, что входила внутрь, наполняла грудь, дышалось глубоко и беспрепятственно. Может быть, тогда море и сделало его своим избранником, ибо многие годы после этого не ведал он усталости от изнуряющих и расшатывающих корабли и людей дальних переходов; не разрывала, не выворачивала его нутро качка, не отравила его заплесневелая вода и вонючая солонина, не победил в открытом бою на морских вол-

нах враг. Избранник моря не ведал тогда этого, отправившись в первое свое плаванье на корабле «Евстафий» из Кронштадта к Гогланду.

В первой половине дня пройти далеко вперед не удалось — дул крепкий противный ветер. Капитан Степан Мартынов искал выгодный галс, заставляя матросов по нескольку раз карабкаться вверх по реям.

— Опять мордавинд сегодня загоняет, — мимоходом бросил боцман, когда Федор дублировал очередную команду капитана. Непочтительность к старшему не понравилась. «Негоже так про капитана».

— Мутит, господин гардемарин? — покровительственно спросил ловивший каждое слово капитана боцман. Федор помотал головой.

— Да вы не бойтесь, травaните, и все будет ладно, — продолжал боцман.

— Ну что ты пристал, — начал сердиться Ушаков. — Не мутит меня.

— Вы не думайте, что то стыдно для моряка, — не обращал внимания на раздражение Федора боцман. — Вон все делают.

Действительно, то один, то другой гардемарин бегал в гальюн и освобождался от изнуряющей тошноты. Ушаков же не чувствовал никакого неудобства внутри, качающаяся палуба удобно подставлялась под ноги, он цепко держался за ванты, когда «проигрывал» за матроса, нутром чувствовал, когда надо попридержаться, а когда потравить лишь, как точно сбалансировать на качающейся рее. А вахта досталась ему самая плохая, с двух до шести утра, когда слипаются глаза, пронизывает сыростью ветер, пугает неизвестностью темнота и как-то подозрительно скрипит корпус корабля, о который тревожно и гулко бьется волна, а клочья тумана скрывают не только далекое побережье, но и выдающийся вперед бушприт. Команды Ушаков старался отдавать четко и отрывисто, как делал это капитан. Голос, однако, ломался, возникали паузы, он лихорадочно думал, что еще надо предпринять. Капитан же, стоявший, казалось, целые сутки за спиной гардемарина, одобрительно отзывался о его действиях: «Молодец!» Ушаков думал, что вот и он, наверное, если бы вел корабль, не спал бы вовсе. А спать-то надо, лишать себя бодрости негоже. Приучал себя и в училище, и здесь засыпать сразу, открывать глаза за пять минут до побудки, а еще просыпаться, если что-то опасное назревает.

Стало светлеть. Ветер переменился, и надо было ложиться в дрейф. Отдал команду. Вахтенные и подвахтенные закарабкались наверх, распуская одни снасти, освобождая паруса и прикреп-

ляя фалами другие. Покряхтывая и перекликаясь, соскакивали матросы на палубу.

— А ну, Серафим, проверь, вторая справа развязалась, кажись! — Боцман подтолкнул обратно вверх спустившегося последним русого новобранца. Тот побледнел, с мольбой взглянул на боцмана и гардемарина, затем обреченно шагнул к мачте. Лез он тяжело, судорожно обхватывая переборки, долго не отпускал их, вроде бы пробовал на крепость.

— Сопля тамбовская! Чего тыкаешься носом. Не тащись! Летом! Летом иди!

— Зачем ты так, Андреич! — оборвал его Ушаков. — Он же первый раз в море.

— Дак и надо первый раз кричать, чтобы он крику боялся, а не высоты, — упрямо не согласился боцман и снова закричал: — Леший тебя дери! Куда ноги суешь! Выше! Выше!

— Этим не поможешь, — резко сказал Ушаков. — С ноги собьешь.

Новобранец замер — надо было переступить на горизонтальную перекладину. Одной рукой он удержался за переборку и должен был ступить на качавшуюся в такт волнам рею. Но тут силы его оставили, он оступился и повис над палубой. Боцман с опаской взглянул на Ушакова и крикнул:

— Разобьется!

— Полотно! Полотно под него, быстро! — скомандовал вышедший из-за спины Ушакова капитан. Моряки проворно растягивали кусок паруса под мачтой, взявшись за углы и подняв головы к болтающемуся новобранцу.

— Бросай палку! — захрипел боцман. — Падай вниз!

Новобранец висел на одной руке, и чувствовалось, что никакая сила не сможет расцепить его пальцы.

— Эх! — мотнул головой Ушаков и проворно полез вверх.

— Куда вы, господин гардемарин, расшибетесь! — неуверенно крикнул боцман.

Ушаков же стремительно, не глядя под ноги, быстро добрался до новобранца. Схватил за парусиновую рубаху, намотал подол ее на руку и подтянул его к себе...

— Ставь ногу... Вот... Так... — приговаривал он. — Еще сюда... А теперь переступи сюда... Еще! Не бойся. Видишь, я же с тобой.

Матросы с удивлением и радостью смотрели, как Ушаков вместе с незадачливым моряком передвинулся вперед по рее. Они что-то подергали там, подвязали и тихо возвратились к мачте. Первым спустился на палубу гардемарин, через мгновение новобранец. И тут же получил крепкую оплеуху от боцмана.

— Что ты буянишь, Андреич! — закричал Ушаков. — Учить надо, дабы высоты не боялся, а ты волю рукам даешь. Прекрати.

— Я ему, ваше благородие, легонько, чтобы в себя пришел, — оглянувшись на отступившего капитана, без опаски разъяснил боцман. — Из-за него все нутро перевернулось. Да и за вас было боязно.

— Прекрати, Андреич, сие учение. А ты, братец, неплохо затем держался, на рее-то, и сила в руках есть. Но ты не силу, а ловкость применяй. Добрый из тебя моряк получится, вот увидишь. Откуда сам? — спросил Мартынов.

Новобранец вымученно улыбался.

— Тамбовские мы!

— Ну вот и отлично. Чарку вина ему горячего.

— Похвально лично действовали, господин гардемарин, — обернувшись, сказал капитан. — Но матросов не портите. Боцманов кулак тут у них главный учитель. Вы боцману команду отдавайте, а он их по полочкам разложит.

Ушаков ничего не ответил, про себя же подумал: «Кулаком напугаешь, а не научишь, пожалуй, все должны командирскую команду разуметь, а для матроса это плаванье — наука большая».

Вахта закончилась. Мундир отяжелел от залетавших мелких брызг, от утренней туманной ночи. Но сушить его на корабле было негде — огня не разводили, в каюте, где разместились в подвесных койках гардемарины, было холодно и сыро. Лишь к полудню, отдохнув от ночной вахты, Ушаков на ветру просушил мундир и согрелся. Обедали офицеры и гардемарины по приглашению капитана вместе. Это было заведено еще не на всех кораблях. Ели солонину и сухую рыбу, запивали вином и несвежей водой.

— Горячая пища и свежая вода, господа, будет не всегда, — поучал капитан молодых гардемаринов. — Вяленая рыба, да бочковая солонина, да сухари ваши обеды составят. Ну, конечно, офицеры могут себе что-либо купить в запас, но сего не всегда хватает в плавании. Запомните, господа, — раскурил трубку Мартынов, — когда будете капитанами, то пища, продовольствие — предмет наипервейших ваших забот. Ибо из-за оной в британском и голландском флотах не раз бунты бывали. Думаю, что ныне, — он глубоко затянулся и пустил такой мощный клуб дыма, что свечи в каюте померкли и угрожающе замигали, — когда у нас пищу морским служителям перестали раздавать на руки, а готовят ее на всю команду и раздают артельно, делают правильно. Сия артельность для лучшей свычки полезной бывает...

Матрос намучается, измокнет, целую вахту с противным вет-

ром борется, или, как его моряки окрестили, — мордавиндом, его накормить и напоить надобно.

Федор усмехнулся на мордавинд, понял, что то, оказывается, умение русского моряка над грозным врагом потешиться, облегчить состояние свое насмешкой и улыбкой. Понял, что на флоте есть свои слова, коих нигде больше нет.

Ударили склянки. Наступала вторая вахта в жизни Ушакова.

ПРОЩАЙ, ГАРДЕМАРИН! ЗДРАВСТВУЙ, МИЧМАН!

На покрытом чистым песком плацу перед зданием Морского кадетского корпуса оркестр и все три роты будущих мичманов и констапелей выглядели зеленой волной. Моряки, а вернее, царствующие особы, что задавали тон в одеждах подчиненным им войскам, питали тогда пристрастие к зеленому цвету полей и садов, потому и кафтаны, штаны весело перекликались с зеленью, пышно разросшейся вокруг сухопутной базы морских кадетов. Белое знамя первой роты хлопало на ветру, то скрывая, то заволакивая орла со скипетром и державою, желтые знамена других рот лишь слегка трепетали, как бы признавая верховенство старшего собрата.

Барабаны выдали дробь, присоединившиеся флейты и трубы наполнили всю площадь боевой, задорной музыкой. Стоявший на возвышении «черномундирный» капитан махнул рукой, и все мгновенно стихло.

— Достойные высокой чести быть морскими офицерами — шаг вперед! — громко и торжественно скомандовал он.

Из первой роты вперед шагнула почти треть, несколько человек шагнуло из второй.

— Только что вступившие на стезю морскую, встаньте рядом!

Недружно и робко умостились у локтей лихих гардемаринов юные новички в топорщащихся и неприглядных камзолах.

Федора еле тронул за руку сжавшийся слева новичок:

— Кто сию команду дал?

— Эка ты сухопутчик! Да это же сам Иван Логинович Голенищев-Кутузов.

— Сам директор?

— И директор, и командир, и заботчик. Без него нас бы с вашим братом — сухопутными и артиллеристами — слили в один корпус под началом графа Шувалова.

— А как же остановили сие слитие?

— Императрица, едва на престол взошла и в Сенате присутствуя, потребовала отделить Морской корпус от сухопутного.

И быть ему отдельно. Тогда же, в августе, принял Иван Логинович Морской корпус как старший по званию среди корпусных морских офицеров.

Перестройка на плацу завершилась, и Иван Логинович, взявшись одной рукой за борт мундира, переждал порыв ветра и наполнил голосом всю площадь:

— Любезные мои соратники по делу морскому, а також и те, кто на сию нелегкую стезю вступает! Наша служба морская есть многотрудная и посему охотников к ней весьма малое количество. Вы же на свои плечи сию ношу взяли, ибо ведаете, что Россия наша — держава морская и ей верные служители на просторах морских нужны. Великий Петр постановил: «Быть Морских и Навигацких, то есть мореходных хитростно «наук учению». С тех пор, можно считать, наш Корпус свое рождение ведет.

Россия издревле была морской державой, однако позднее владения прибрежные свои потеряла и, кроме Белого, у ней морей не осталось. Петр сией заботой о создании флотов и возвращении земель отчич и дедич был озабочен. Однако, потерпев неудачу у Прута, он отказался от Черного и Азовского морей. Но здесь, — голос Ивана Логиновича становился все гуще, — на берегах Балтики, снискал он славу себе, создал сильный и могучий флот русский. Здесь прозвучали виваты в честь викторий под Гангутом и Гренгамом. Тогда и сказал он сии многозначительные слова о смысле морских походов:

«Господь Бог посредством оружия возвратил большую часть дедовского наследства, неправильно похищенного. Умножение флота имеет единственно целью обеспечение торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россией, во-первых, потому, что они ей принадлежали, во-вторых, потому, что пристани необходимы для государства, ибо через сих артерий может здравее и прибыльнее сердце государственное быть».

Первая наша Навигацкая школа была в Москве расположена в знаменитой Сухаревской башне, ибо на том пристойном и высоком месте можно видеть было горизонт далеких морских просторов, а начертание и чертежи в светлых покоях творить. Оттуда, с Сухаревки, и из державной Москвы узрели мы первые победы под Гангутом и Гренгамом. И кто на Сухареву башню посягнет, тот на всю славную морскую историю отечества размахнется.

В 1715 году в Петербурге учреждена Морская академия, чьими продолжителями и мы были. Из того знаменитого Кикиного дома в Петербурге и Сухаревки в Москве вышло немало славных адмиралов, капитанов кораблей и фрегатов, геодезистов, нанес-

ших на карты многие начертания берегов России, Сибири и Америки.

При императрице Елисавете Петровне учрежден из Академии для «государственной пользы» Морской шляхетный кадетский корпус, в коем вам надлежит учиться, а его выпускники успешно закончили тут курс науки. Многие из выпускников ходили уже в далекие плавания, другим сие еще предстоит сделать. Держава наша не свободна от угроз, с запада, юга и севера творимых. Пред вами всеми новые дальние походы предстоят. От сих полнощных скал до далекой Америки российские сыны добрались. Русские корабли плавают с коммерческими целями в море Средиземное. А по какому праву наше, в дальние времена прозванное Русским, Черное море без флота отечественного пребывает? Не вам ли, выпускникам сих лет, его снова в наше, славянское, море превратить!

Многие в строю подумали: «Не миражные ли цели ставит капитан первого ранга? Не ворошит ли давно забытое в нашей памяти, не взывает ли он к тем далеким мифам, кои у древних греков процветали, а в наш век не наблюдаются...»

— Гардемарины, уже опытные моряки, выпускники наши, производятся в чин мичмана, сие офицерского ранга звание. Вам же, новичкам, их заместить надобно, в звании гардемарина утвердиться. Сие звание Петром Первым взято у французов, у которых был морской страж — морской гвардеец. Так и вы должны сие звание оправдать умением, рвением и мастерством, чтобы явить из себя подлинного гвардейца моря!

Господа гардемарины знают, что их обязанности определены Морским уставом следующими словами: «В бой, как солдаты, в ходу, как матросы». На их плечи ложились нелегкие обязанности, кои они перекладут ныне на своих подчиненных. Будьте же терпеливы и зорки, блюдите Устав, применяйте науки, служите государыне и отечеству самоотверженно и безоплошно под сенью славного андреевского стяга!

Шеренга перестроилась. Новичок с робостью и нескрываемым восхищением глядел на позументы и ружье в руках обветренного уже не в одном морском походе Ушакова. А Федор окончательно понял — он выходит в большое плаванье, в самостоятельную жизнь, где отвечает сам за себя, где от его умения зависит жизнь многих. Прощай, гардемарин, здравствуй, мичман Ушаков!

— Буду служить честно, не дам себе покою ни в чем, всю жизнь свою без остатка отдам морю. Я буду его слугою, и оно отзовется. Мне не надо ни богатства, ни орденов, ни чинов.

Новобранец с удивлением и недоверием глядел на своего уходящего в дальние плаванья собрата. Федор отмахнулся от каких-то видений и, уже обратившись к новичку, подтвердил:

— Да, отдам всего себя морю! Сможешь сделать то же?

— Ну неужто так можно? А жизнь-то как? Ведь семья будет, веселье всякое надо. А друзья? А наука? А хворь вдруг нападет?

Федор неуступчиво покачал головой, черты лица его заострились, сделались четкими, как на высеченной из камня скульптуре.

— Хочешь быть морским офицером — отдай все от себя. Не держи, не придерживай. Учись кажен час. Будь собран, как кулак. У тебя богатства великого нет, наверное. Море — твое богатство. А если бы и было у тебя другое богатство, вспомни про Великого Петра. Он ведь всего себя отдал России.

Молодое лицо его раскраснелось еще больше, глаза расширились, глубокие морщины пересекли широкой и открытый лоб.

— Смирн-а-а!

Дробь барабана возвестила: Российский флот получил новое пополнение офицеров. В их числе был мичман Ушаков.

ВОКРУГ СКАНДИНАВИИ

Волна мягко шлепнула в борт пинка «Наргин», на котором получил свое первое офицерское место Федор Ушаков. Резко завучала, почти заскрипела боцманская дудка. Боком, выставляя плечо вперед, навстречу начинающему крепчать ветру выбегали морские служители. Некоторые сразу становились у свисающих фалов, другие бестолково бегали по палубе, не зная, куда пристроиться. Крепкие боцманские подзатыльники расставили всех по местам. Усатый матросский начальник покровительственно взглянул на мичмана Ушакова и подмигнул ему. Наверное, следовало обидеться, прикрикнуть за такое панибратство, но Федор, который должен сегодня по распорядку осуществлять все экзерциции с парусами, не подал виду, что заметил снисходительность и, прибавляя себе баса, крикнул: «Паруса ставить! Марсовые — к вантам!»

Несколько моряков стали карабкаться вверх, потом их босые ноги заскользили по нижнему канату. Подтянувшись одной рукой к рее, они свободной рукой отвязывали шкоты, те, падая, попадали в руки стоящих внизу, а парус, высвободившись, начинал тревожно волноваться от ветра. На грот-мачте матросы тоже приготовились растянуть полотнище. Боцман свистнул два раза и махнул рукой долговязому беспалому матросу: «Давай!» Долго-

вязый схватил фал, потянул его и не глядя передал стоящему за ним. Со следующим рывком из-за его спины вырвалась песня:

Собирайтеся, ребята,
На крутую гору,
Ко цареву кабаку,
К молодому челноку,
Зеленова вина пить.
Барабаны стали бить.

Десять матросов потянули фал и в такт подхватили:

Зеленова вина пить.
Барабаны стали бить.

Долговязый неутомимо травил фал и высоким голосом выбрасывал за спину новые куски песни:

Барабаны пробивали
Нас, молодцев, вызывали,
Черные шляпы надевали,
Черные шляпы сы перами
Называли киверами.

И опять моряки продернули под припевку толстый канат, подтянули еще немного парус. Левый край его отстал, и ветер наполнил его и правую половину.

— Лешие пакорукие! Тяните как следует! — аакричал боцман другой группе матросов. Те и так старались изо всех сил, но то ли блок был неподатлив, то ли перекосились фалы, то ли нестихающий аетер не пускал.

— Ну, будет вам сегодня дерка! Дерка отменная! — сипел боцман. Его никто не слушал, а парус дернулся и пополз. Долговязый как будто ждал этого и решительно завел:

Генерал с нами гулял,
Свинец-порох сокупал,
Кострому-город стрелял.

Теперь уже матросы проворно и слаженно тянули канат и песню.

Кострома-город — приволье,
Еды-кушанья довольно.

Парус почти распрямился, и долговязый еще раз продернул канат.

Две девушки танцевали,
Два молодца паезжали,
Наезжали для тово,
Полюбить было каво.

Осталось еще немного, и можно вязать. Федор видел, как покрылись потом лица моряков, напряглись жилы, мокрые пятна выступили на спинах. «Перевели бы дух, — подумал он, — а то ослабеют руки, не закрепят». Долговязый же был неугомонен. Он слегка качнулся вперед и, казалось, разрезал налетавший ветер. Тот, натыкаясь на него, обозначал бугристые мускулы и подчеркивал выступающие широкие кости. За спиной долговязого ветер как будто рассыпался на мелкие осколки, даже не раздувал рубахи стоящих следом моряков. А те, уже заведенные на четкий и размеренный рывок, раскачивались в такт и пели:

Адна девка невеличка,
Ана лицом круглолица,
Анюшенька хороша:
В косе лента алая,
Сама девка бравая!

Развернутый парус весь распрямился и аабрал ветер.

— Вяжи! — крикнул боцман. — За шкаторину. Есть!

— Трекают, то есть тянут вместе с песней, а без песни тяжче, господин мичман, — вроде бы извиняясь, повернулся боцман к Ушакову и вытер пот со лба, будто и он тянул шершавый канат. — Я-то не знаю петь, а Тимофей у нас мастак, знает всякие — работные, палубные, плясовые, молодецкие, печальные, чужедальные, войсковые, солдатские, моряцкие. Откуда только берется?

Парус, прикрепленный к рее, затрепетал и стал уже частью корабля. Частью, которая вела пинк по серовато-зеленым волнам вблизи Норвегии.

— Отменно, мичман! — похвалил бесшумно показавшийся за спиной и наблюдавший за постановкой парусов капитан. — Бывает и быстрее, но редко. К берегу близко не подходите, тут хоть и глубоко, но туманы сползают с фиордов часто. Я по этому пути вокруг Скандинавии не раз ходил. Нелегкий путь. Холодный и коварный. Но вот придем в Архангельск, отдохнем!

Ветер гнал белые барашки волн, закудрявив ими море до горизонта.

— Пойдемте вниз, мичман, выпьем «ерша», — позвал капитан Глебов, — а вы следуйте строго на норд, — кивнул он штурману.

Тот криво усмехнулся.

— Про Архангельск опять будете рассказывать господину мичману. А я этот город не люблю. Ревель, вот где порядок и уважение к морякам.

— Зря, зря, штурман, — миролюбиво отозвался капитан. —

Сей город уже почти сто лет существует и до Петербурга славу русского флота поддерживал, а может, и составлял ее. Вам-то все остзейцы да чудь по душе. Они и мне не противны, но Архангельск своим прошлым тоже славен.

— Петр Петрович, я сии побасенки о крае знаю. Легенды хороши, когда они правда, хоть и далекая. А бедность готова приукрасить себя несуществующими подвигами.

Капитан начинал сердиться.

— Да я не о подвигах мнимых хотел бы напомнить господину мичману, что здесь впервые, а об истории этого края. Пойдем, Федор Федорович! — уважительно позвал он Ушакова.

Каюта капитана была оформлена без всяких лишних затей. На стене висела карта Севера Российской империи и Скандинавии. Зашел вестовой и, медленно ступая, поставил на стол два высоких бокала с напитком.

— Не пугайтесь, мичман, я не на попойку вас позвал. Сие брусничный сок с медом. Он кровь заставляет быстрее двигаться и от простуды бережет. В Архангельске научили. Там все умеют.

Ушаков уловил какую-то гордость в его словах и спросил:

— А вы сам архангельский, наверное, будете?

Капитан помешал палочкой напиток и покачал головой:

— Нет, просто сей город обожаю. Меня не прельщает жить в нем постоянно. Но бывать там люблю. Да и наш пинк построен год назад корабельным мастером Ямесом. У города, да и у всей поморской земли, история славная. Вы сим интересуетесь?

Федору все, что касалось истории морских промыслов, портов и флота, жадно знать хотелось. Нутром он чувствовал — морскому командиру, помимо корабля и его команды, надобно держать в голове все: что на морском побережье расположено, как корабли строятся, кто их строит, каковы подходы и пути морские к разным местностям.

— И историей, и нынешним состоянием морского дела никак не могу не интересоваться. Ведь я себя на всю жизнь к морю причислил.

— Похвально, похвально сие стремление. Оно может способствовать вашему преуспеванию в морском деле и доставит вам пользу и удовольствие, а любезному отечеству достойного и знающего, ко всему способного человека. Дак вот вся земля вокруг Архангельска раньше называлась Великой Пермией. Была она довольно населена и славилась своим богатством благодаря изобилию драгоценных пушных продуктов. Новгородцы давно заняли это северное Поморье и из устья Северной Двины, где они поставили монастырь Михаила Архангела, — Глебов провел по карте от Колы до Обдорска, Сибирской Земли и Урала, — шли в Печору, на Матку, что ныне Новой Землей зовется, в дальние северные моря. Морские, звериные, рыбные промыслы вели их еще дальше, на восток. А к ним явился достопамятный английский капитан Ченслер, что установил постоянные торговые связи Англии и России. Торговля с Европой пошла беспошлинно, стали строиться торговые дворы и школы. Однако славу и гордость Архангельску, — капитан Глебов встал и торжественно посмотрел на Ушакова, — принес Петр Великий. Здесь он изучил морское дело и, имея в виду, что через торговлю можно принести пользу своему отечеству больше, нежли через войну, начал создавать на Севере торговый флот, приучая людей к постройке новоманевренных кораблей и занимая там много народа. При нем овладели искусством вождения и плавания на кораблях больших.

— А где учили? В Петербурге? — поинтересовался мичман.

— Для строителей и судоводителей были открыты школы ремесленные и навигационные тут же. А в городе самые большие производства корабельные. Петербург, Олонец да Архангельск — вот где российский флот строится, вот откуда все наши корабли.

— Сдается мне, что тут нашего флота военного нету, один торговый.

— Нет, есть и корабли защитные, но ты прав, Федор, торговые — основа Северного флота. Знаешь ли, что Петр I, желая возвысить русское купечество, и сам решил вступить в его ряды под фирмой купца Соловьева, заведя двадцать собственных торговых кораблей? Причем, мой друг, он посылал в Европу не сырье, как ныне, а обработанные продукты, как, например, поташ, лен, рыба, икра паюсная, осетровый клей, на что нужно было иметь по крайней мере двести тысяч штук осетров. Многие старые моряки и поныне помнят, как ходил он по Архангельску под ручку с корабельщиками и купцами. Тогда в Архангельске до ста — ста пятидесяти кораблей на рейде стояло. Говорят, полтора миллиона рубликов купцы и город выручали за торговлю. Петербург славу сию затмил, но слух есть, что при новой императрице город снова свои привилегии вернет...

Лишь через два часа отпустил капитан молодого мичмана, который внимательно слушал бывалого моряка. Миражный северный город становился ему все ближе и родней.

Через несколько дней показалась суровая Кола, здесь высадили на берег в наскоро сооруженный шалаш затрясшегося в лихоманке матроса. Что за болезнь, подлекарь не установил: по ногам пошли язвы; заболел и умер второй матрос, и капитан,

опасаясь, что болезнь скосит весь экипаж, сделал то, что, по морским законам того времени, делали почти все капитаны.

«Безжалостный, однако же, он оказался», — угрюмо подумал Ушаков. А Глебов, как бы почувствовав неодобрение мичмана, резко сказал:

— Спасать надо не одного, а всех, — и уже миролюбиво добавил: — Мы ему ружье оставили, порох и еду. Жив будет, заберем на обратном пути! Или рыбаки снимут.

— Зачем же от берега оттащили так далеко? — с тоской спросил Федор.

— А как же? Смотри, горловина у бухточки узкая какая, набируха тут как тут появится.

— Что за зверь такой?

— Да то не зверь, — уже потеплев, объяснил капитан, — то волна океанская, что в узкой горловине еще выше становится и смывает все у берега. Понял?

К Архангельску подходили утром, когда клочья тумана отлетали от фасада города и он сам выплывал навстречу кораблю. Корабль стал на карантинном рейде, спуская один за другим паруса. Подзорная труба, которую подарил Федору сам капитан, медленно двигалась вдоль набережной. Вдали клубились дымы, вспыхивали огни кузниц, вверх и вниз ходили пилы, сохла парусина. Протянулись вдоль берегов лесопилки, канатные, парусные, якорные железные мастерские. То был город северных корабелов, который не хотел терять эту славу.

Бессонные ночи на вахте, выворачивающая нутро качка, шквалы холодного норд-оста, сбивавшие корабль с курса, затхлая вода, солонина с воньцой, казалось, могли отвратить от плавания любого «морского волка». Но Федору Ушакову первый дальний переход вокруг Скандинавии был в радость. Нет, он ощущал и трудности, но как что-то мимолетное, неизбежное в стремительном полете своего белопарусного корабля, в освежающем морском ветре, без которого ему уже плохо дышалось. И там, где другого качка укладывала напрочь, он стоял крепче и устойчивее. Архангельск отныне для него тот город, который ему дорог, ибо достиг его Ушаков вместе с командой в своем первом зарубежном плавании, преодолев дальние пространства, невзгоды путешествия, обретя уверенность и опыт. Здравствуй, северный город, город, сохранивший нам флот, корабелов, морские навыки.

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

Народы, армии и флоты меряются победами и поражениями, годами упадка и годами подъема. Гренгам и Гангут объявили о

появлении мощного российского флота. В послепетровские годы славу изгнали с кораблей. Снова стали забывать о русских эскадрах, Европа до Семилетней войны просто не принимала их в расчет. Да, собственно, и принимать не надо было, ибо флот России середины века «больше боялся свежего ветра, чем неприятеля».

С болью и тревогой смотрели на его состояние лучшие морские командиры. Но не только смотрели. Григорий Спиридов, Семен Мордвинов, Иван Голенищев-Кутузов, Алексей Сенявин, Федор Милославский, Федот Клокачев, Степан Хметевский и другие поддерживали петровскую традицию, поднимали матросскую выучку, вели постоянное обучение приемам ведения морского боя. В Адмиралтейств-коллегию было отписано: «Памятовать надлежит, что сила и знатность флота не в одном великом числе кораблей, матросов и корабельных пушек состоит, но что, во-первых, потребны к тому искусные флагманы и офицеры... основываемый вами план никогда во исполнение приведен быть не может, если недостанет также искусных и ревностных исполнителей...»

Честолюбивые устремления Екатерины II не осуществились бы, не будь создана усилиями этих командиров благоприятная почва для преодоления отсталости отечественного флота. Екатерина прекрасно понимала, что без опоры на внутренние силы, на патриотическую идею, на наиболее талантливых и образованных во всех сферах россиян ей на престоле не удержаться. Нет, она отнюдь не отделяла себя от европейских веяний, но там, в Европе, она хотела иметь один облик, гуманной, просвещенной, широко мыслящей императрицы. А здесь, в России, она должна была предстать рачительной, заботливой хозяйкой, защитницей Отечества. Дворянство тоже просыпалось от спячки, включалось в общественный круговорот. Становилось ясным, что намечавшиеся контуры будущей политики невозможно осуществить без флота. Стали разрабатываться проекты по восстановлению его мощи, опробовались корабли в дальних походах. Екатерина II заявила: «Что флотская служба знатна и хороша, то всем известно, но насупротив того столь же трудна и опасна, почему более монаршью милость заслуживает». Это уже было покровительство и внимание. Зашевелилась и призванная управлять флотом Адмиралтейств-коллегия.

Старшим членом Адмиралтейств-коллегии оказался в это время адмирал Иван Талызин (других Петр III уволил «за старостью»). Адмирал знал лишь портовое хозяйство, да и посылался-то в свое время Петром Великим за границу освоить «экипажское дело». Ведал он Адмиралтейств-коллегией только по старшинству, а заправлял ее делами и докладывал императрице вице-адмирал Семен Иванович Мордвинов. Известный историк флота Ф. Ф. Весе-

лаго так характеризовал Семена Мордвинова: «Он имел ясный ум и глубокое морское образование, как научное, так и практическое. Он много плавал на иностранных и на русских судах, командовал различными судами, отрядами и вообще по службе занимал самые разнообразные административные и хозяйственные должности. Зная иностранные языки, он перевел много полезных книг и немало написал и оригинальных по морским наукам... Если к этому прибавить энергию, опытность, приобретенную полувековою службою, некоторый придворный лоск и умение применяться к обстоятельствам, то можно с уверенностью сказать, что он мог быть весьма полезным сотрудником императрицы по улучшению флота».

Так оно и было. Мордвинов с необычайной резвостью взялся за разработку предложений по улучшению состояния флота. Его тщательно проработанный отчет был рассмотрен императрицей, и состоялось учреждение «Морской Российских флотов и адмиралтейского правления комиссии, для приведения оной знатной части (флотов) к обороне государства в настоящий постоянный добрый порядок».

Председателем Морской комиссии назначили ее организатора адмирала Мордвинова, а членами: графа Чернышева, контр-адмирала Милославского, вице-адмирала Спиридова. Права по преобразованию флота комиссии предоставили большие. Особое внимание было уделено обучению нижних чинов, или, как тогда писали, «служителей». Оказалось, что на большинстве кораблей их не хватает, а на других они не обучены. Сказалась «экономия» предыдущих лет, когда в дальние плавания не ходили. Как можно овладеть навыками постановки парусов, принятия сигналов, вождения кораблей, не выходя в плаванье? Поистине экономия на главном — разрушение этого главного.

В моряки зачислялись в основном жители Архангельской и Олонецкой губерний, там с молодых лет учили ходить в море, работать веслами, управлять парусом. Но сейчас этих служителей не хватало, забирали в моряки сухопутных солдат, превращая их в морскую пехоту.

К построению новых кораблей только приступали, старые же обросли ракушками, рассохлись, расходились в пазах. К дальним походам флот еще не был готов, это отметила с горечью в письме к Н. Панину императрица, поприсутствовав на учениях. «Надобно сознаться, что корабли походили на флот, выходящий каждый год из Голландии для ловли сельдей, но не военный, так как ни один корабль не умел держаться линии». Императрица считала линию основой военно-морского искусства. Но дело было не в линии. Екатерина присутствовала на маневрах старого послепетровского флота. Времена наступили новые, а порядки и организация оставались старыми. Русскому флоту еще предстояло возродиться, свежий ветер уже наполнял паруса первых новых его кораблей.

ПЛАМЯ С ЧЕТЫРЕХ УГЛОВ

Российский рынок неестественно «флюсовал», тяготея к Петербургу и Балтике. А ведь к началу второй половины XVIII века большие территории, массы населения были ближе к южным торговым путям, Черному и Азовскому морям, Кавказу и Балканам. Ближе и дальше. На Балтике была восстановлена историческая справедливость и существовало свободное торговое судоходство. Вокруг Черного моря царил османский террор, а ковыльная степь Причерноморья скрывала следы не столь далекого пребывания здесь древних русов, земледельцев, скотоводов и воинов Киевской Руси. Ныне в эти земли проход был закрыт, зловещий ятаган янычара правил тут несколько веков. И делить власть он ни с кем не собирался. Неизбежно назревало столкновение России и Турции. Турецкие султаны нутром чувствовали, что их лоскутная империя трещит и распадается. Но кто из правителей-деспотов соглашается с этим! Тогда-то и начинаются поиски мифического внешнего врага.

В Константинополе решили воспользоваться любым предлогом, чтобы «наказать» русских. Особенно усердствовал в этом французский посол маркиз де Верженн, преуменьшая силу России, превознося помощь, которую окажет Франция Оттоманской Порте в случае начала войны. Мустафа III, турецкий султан, бросил русского посланника Алексея Обрескова в Еди-Куле, зловещий Семибашенный замок, откуда редко кто выходил на свободу. 14 октября 1768 года Турция объявила войну России, направив предварительно свои войска к ее границам.

Военные действия на южных границах развивались для России неудачно. Крымская орда, вырезая украинские поселки и деревни, двумя огненными языками опалила землю. Один язык попробовал слизнуть Бахмут, но его обрубили войска правителя Малороссии генерал-аншефа П. А. Румянцева. Второй же рейд на Харьков принес жесточайшие страдания жителям Новой Сербии, Слободской Украины. Из-под одного Харькова угнали 20 тысяч пленников. Их костьми устлан обратный путь татарского калги-султана.

В районе Хотина, у Днестра, куда направлялся Верховный везир Турции Халил-паша, у Перекопа, в Поазовье стали русские

армии. На Военном совете у Екатерины принимается решение: отрезать Крым от Турции, преградить путь османам на Украину и начать... морскую войну с Портой. Да, морскую. Правда, для этого надо иметь флот на Черном и Средиземном морях. Турецкий флот представлял собой серьезную силу. На Средиземном море сосредоточил многочисленные базы, имея в составе 250 кораблей к началу войны. Турция располагала прекрасным стратегическим плацдармом — Крымом. Ее флот полностью контролировал Черное море и Дунай, ему никто не мог противостоять, и он господствовал там безраздельно. Стало ясно: надо создавать противовес ему, попытаться утвердиться в районах бывших русских крепостей Азова и Таганрога, основать другие опорные пункты на Черном море. Особый Военный совет при императрице (он состоял из братьев Паниных, Голицыных, Захара Чернышева, Григория Орлова и других) решил вести войну на многих направлениях сразу — Молдавия, Валахия, Крым, Кавказ, Балканы, Архипелаг. Решено было, как говорила Екатерина, «подпалить турецкую империю со всех четырех углов». Очаг войны запылал.

Для удара по морским коммуникациям Порты, высадки десантов на острова, осады крепостей было решено отправить в Средиземное море эскадру военных кораблей с Балтики.

26 июля 1768 года русская эскадра под адмиральским флагом Спиридова вышла из Кронштадта и двинулась в направлении к Толбухинскому маяку.

«БЫЛ»

Тяжелый это был переход.

— Выход из Финского залива — шторм. Несколько кораблей отправляется в Ревель на ремонт.

— Южная Балтика. Встречный ветер. Триста больных. Пятьдесят покойников.

— На риф наскочил пинк «Лапоминг». Разломился. Императрица взывала к Спиридову: «Прошу Вас... соберите силы душевные и не допускайте до посрамления перед целым светом. Вся Европа на Вас и на Вашу экспедицию смотрит».

— Северное море. Шторм. Семьсот больных.

— Англия. Встали на ремонт у порта Гуль. Свезли на берег двести больных. Посол передает требование императрицы — не мешкая идти дальше.

— Бискайский залив. Шторм. Два корабля возвращаются для ремонта в Англию.

— Остров Минорка. Порт Магон. 18 ноября туда прибыл всего

лишь один флагманский корабль «Евстафий». Соберутся ли другие?

Тяжело, трудно, с потерями (332 умерших, 313 больных), но неожиданно для своих врагов стянулись в декабре 1769 года корабли в единую эскадру. В Средиземном море появилась, хоть и понесшая урон, но с возросшей боеспособностью, окрепшая морским опытом русская эскадра.

Многое потеряли до этого на экономии в русском флоте, на отсутствии заботы о моряке, на боязни дальних переходов, но один этот поход и восполнил же многое. Недаром во время перехода эскадры Екатерина II писала Алексею Орлову: «Ничто на свете нашему флоту добра не сделает, как сей поход, все закоснелое и гнилое наружу выходит, и он будет со временем кругленько обточен».

«Обточка» боевого мастерства русских моряков во второй половине XVIII века началась здесь, в Средиземном море, под руководством прославленного адмирала Спиридова.

Первая победа была одержана в Хиосском проливе.

...Авангард русского флота приблизился к первой линии османских кораблей. Турецкие орудия захлопали вразнобой. Русские канониры молчали. «Европа» приблизилась к наветренному флангу эскадры противника и дала залп правым бортом. И тут греческий лоцман в панике бросился к капитану Клокачеву: «Впереди рифы!» Командир корабля повернул на правый галс и вновь вступил в бой уже в конце колонны за «Ростиславом». Спиридов вначале остолбенел, неужели его боевые командиры уклоняются от авангардной схватки — и крикнул разворачивающемуся Клокачеву: «Поздравляю вас матросом!» Бледный капитан только рукой махнул: «Бой покажет». И бой показал. Спиридов молниеносно принял решение и отдал приказание Крузу: «Александр Иванович! «Евстафию» занять место «Европы». Огонь в упор! Музыканты играть!» «Евстафий» пошел крушить всей своей мощью. Но и сам оказался под ударами турецкой армады. Падали мачты, летали ошметки парусов, скакали по палубе, расщепляя доски, ядра. Оборванные, полусожженные паруса обмякли, перестали «ловить ветер», и корабль медленно переходил во власть морского течения. А оно сближало два дымящихся и пылающих флагмана. Стало ясно, сейчас гиганты столкнутся. Спиридов не терял присутствия духа, ходил по шкаицам с обнаженной шпагой и отдавал приказания: «Приготовиться к рукопашному бою! Музыкантам играть до последнего!» Круша такелаж, хрустнул, врезавшись в надстройки «Реал-мустафы», бушприт «Евстафия», на корму турецкого флагмана вскочили рус-

ские моряки. Завязалась схватка. В дыму, вокруг очагов огня, сваленных в груду тел, кромсали друг друга противники. Остался в памяти подвиг матроса, бросившегося срывать вражеский флаг. Протянутая правая рука была прострелена, сменившая ее левая — отсечена. Герой зубами схватил полотнище и сорвал его с древка. Турки дрогнули, Гассан-бей мрачно проследовал в шлюпку.

Позднее главнокомандующий Орлов в донесении Екатерине II писал: «Все корабли с великой храбростью атаковали неприятеля, все с великим тщанием исполнили свою должность, но корабль адмиральский «Евстафий» превзошел все прочие. Англичане, французы, венецианцы и мальтийцы, живые свидетели всем действиям, призналися, что они никогда не представляли себе, что можно было атаковать неприятеля с таким терпеньем и неустрашимостью».

...Затем была Чесма... К этому времени русское командование (Орлов, Спиридов, Грейг) уже увидело возможность уничтожения запертого в бухте флота. Турецкий флот стал кучей. За линейными кораблями сгрудились мелкие, слева галеры. Турецкий копудан-паша надеялся, что его разблокирует вышедшая из Константинополя эскадра. Спиридов же и не думал заниматься блокадой, он разработал стремительный план уничтожения кораблей противника брандерами. На Военном совете на флагмане «Три иерарха» план был утвержден, а в приказе, разосланном по всем кораблям, говорилось: «Наше же дело должно быть решительное, чтобы оный флот победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь, а Архипелаге, не можем мы к победам иметь свободные руки».

Готовились к атаке тщательно, но споро. Вечер, как это бывает только на юге, моментально сменился темной ночью. Где враг? Где свои? Но вот из-за островных холмов спокойно взошла луна, четко обрисовав силуэты турецких кораблей. На «Ростиславе» зажглись три фонаря. Сигнал к атаке. Началось знаменитое Чесменское сражение. Два брандера, начиненных порохом, не смогли ворваться в гущу неприятельских кораблей. По бухте незаметной тенью заскользил брандер лейтенанта Ильина. «Помогай бог Ильину! — шептал Спиридов. — Вся надежда на него». Благословение на английском языке посылал ему же командир авангарда Самуил Грейг. Лейтенант Дмитрий Ильин был известен как храбрый и опытный воин, умеющий владеть собой. Его выдержка и хладнокровие сыграли немаловажную роль во всей Чесменской битве. Брандер лейтенанта прицепился к борту линейного корабля железными крючьями. Ильин бросил факел на палубу, поджег смоляные бочки и последним спрыгнул в отваливший катер. Взорвавшийся корабль головешками падал на другие суда турок и превращал их в пылающие факелы.

Летят на воздух все снаряды
И купно вражески суда:
Исчезла гордость их и сила,
Одних пучина поглотила,
Других постигнула беда.

Беда постигла весь флот неприятеля, русская артиллерия добивала оставшиеся корабли, и в три часа ночи Чесменская бухта представляла собой чашу огня, наполненную останками судов, плывущих к берегу моряков и фонтанов пламени, вырывающихся из трюмов и крюйт-камер.

«Легче вообразить, чем описать ужас, остолбенение и замешательство, овладевшие неприятелем, — записал Самуил Грейг о впечатлении того момента, — турки прекратили всякое сопротивление на тех судах, которые еще не загорелись... целые команды в страхе и отчаянии кидались в воду, поверхность бухты была покрыта бесчисленным множеством... спасавшихся и топивших один другого... Страх турок был до того велик, что они не только оставляли суда и прибрежные батареи, но даже бежали из замка и города Чесмы, оставленных уже гарнизоном и жителями».

Всего было сожжено пятнадцать кораблей, шесть фрегатов и сорок мелких судов противника. Погибло около одиннадцати тысяч матросов и офицеров.

Екатерина писала в своем рескрипте на имя Орлова: «Блистая в свете не мнимым блеском, флот наш, под разумным и смелым предводительством вашим, нанес сей раз чувствительный удар оттоманской гордости. Весь свет отдает справедливость, что сия победа приобрела Вам отменную славу и честь. Лаврами покрыты Вы, лаврами покрыта и вся находящаяся при Вас эскадра». С размахом, свойственным его характеру, все почести загреб Алексей Орлов. Он получил тогда чин генерал-аншефа, титул «Чесменский» и был награжден высшим военным орденом — Георгием первой степени. На истинного же организатора победоносного флота лавров не хватило. А ведь главным творцом морской победы в Средиземном море был выдающийся русский флотоводец, предшественник Ушакова, славный адмирал Григорий Спиридов *.

* Придворные летописцы, однако, не утвердили его в этом звании, не записали в указы, предавали забвению. Им в немалой степени это удалось. Фигура Спиридова у нас недооценена и до сих пор, требует более внимательного рассмотрения военными историками, популяризации, утверждения в народном сознании как выдающегося флотоводца.

В Петербурге высоко оценили триумф у Чесмы — устроили пышные торжества, решили ежегодно отмечать праздник Чесменской победы, учредили серебряную медаль на голубой ленте. На медали изображен горящий турецкий флот и выбито короткое слово — «БЫЛ».

Чесменская победа выводила Россию в разряд великой морской державы, всколыхнула волну патриотизма, вызвала чувство национальной гордости, подняла престиж флота в обществе.

ВОССОЗДАНИЕ ЮЖНОГО ФЛОТА

Южная граница России к 1768 году (началу русско-турецкой войны) тянулась от Чернигова, где упиралась в Днепр, шла по нему до Кременчуга, там переходила на правобережную Украину, достигала Балты, рек Буг и Ингула и от них через днепровские пороги южнее позднего Екатеринослава и Бахмута устремлялась к пограничной крепости Святого Дмитрия Ростовского (ныне Ростов) и далее через Маныч — на Каспийское море.

Россия уже выходила при Петре на южные морские просторы, но потом, как писал историк Ключевский, международные отношения «переверстались». Флот Петра сгнил в Азовской гавани. Стать прочно в Крыму не удалось. «Новой столицей государства суждено было стать не Азову, не Таганрогу, а С.-Петербургу» (Ключевский. Курс русской истории). Оттуда-то и определялась судьба этих приморских земель.

Грянула война, и стало ясно, что на юге одной сухопутной армией с турками не управиться, надо выходить на Азовское и Черное моря с флотом. Все нужно было начинать сначала, тянуть нить от петровского времени, восстанавливая обветшалые верфи. Нужен был строитель, администратор, командующий, который способен сдвинуть воз с мертвой точки, ценой невероятных усилий возглавить эту гигантскую операцию и таким образом решить поистине историческую задачу — воссоздать южный флот России, принять командование им на себя, разгромить неприятеля, обезопасить южные морские рубежи. Задача эта была испол-

---

Г. Спиридов уже на исходе Архипелагской кампании подал прошение, в котором написал, что вступил в корабельный флот в 1723 году, был при флоте на море пять кампаний, «продолжал службу на Каспийском, Балтийском, Азовском, Северном, Атлантическом и Средиземном морях», но ныне (в 1773 году) — «по дряхлости и болезням» — просил от военной и статской службы отставить. В январе он сдал флот своему ученику контр-адмиралу Елманову и отбыл в Россию — в свое именье Нагорье под Переславлем-Залесским. Как-то уж очень похоже закончили свою жизнь выдающиеся русские флотоводцы — Спиридов и Ушаков. Ревнивы к истинной славе власти предержащие.

нена постепенно, лет за тридцать, но на первом этапе ее вершителем стал энергичный, умелый, напористый, мужественный контр-адмирал Алексей Наумович Сенявин. Он происходил из знаменитой морской фамилии, был сыном адмирала петровских времен.

...Загоняя лошадей, в зимнюю январскую стужу мчался из Петербурга в Воронеж в январе 1769 года контр-адмирал Сенявин. В Москве он накричал на чиновников, требуя, согласно распоряжению Адмиралтейства, отправить немедленно работников, рекрутов, плотников в Воронеж. В губернском городе он не задержался и помчался в Тавров. Было ясно, что ничего для создания флота не готово. Хваткий контр-адмирал, обнаружив недостроенные прамы, собрал артель плотников и, бросив ее на достройку «новоизобретенных» мелко сидящих судов, сам ринулся в Таганрог.

Генерал-губернатор Маслов отговаривал его от этой небезопасной затеи — степь бороздят отряды турок и татар.

— Мне флот строить надобно, а не ждать, пока война кончится, — бросил ему из кибитки Сенявин.

Проскакав по вьюжной степи с небольшим конвоем, Сенявин утром 14 февраля был в Таганроге и сразу же приступил к промерам в гавани. Для мелкосидящих судов она годилась, для других нет. Поэтому пока он решил строить корабли в Павловске и Искорецке, Таврове и Новохоперске.

Екатерина II интересуется, как идут дела, способны ли создать все-таки флот там, в степях. В мае она пишет Сенявину:

«Алексей Наумович! Посылаю вам гостинцы — которые до тамошних мест принадлежат: 1) разные виды берегов Черного моря, даже до Царьграда; 2) Азовское море; 3) корабль, на Воронеже деланный и на воду там же спущенный. Оные, как я думаю, будут вам приятны и я думаю, может быть, сверх того и полезны. Пожалуй, дайте мне знать, ловко ли по реке Миус плыть лесу в Троицкое, что на Таганроге, и ваше о том рассуждение, также есть ли по Миусу годные леса к корабельному строению? Я чаще с вами в мыслях, нежли к вам пишу. Пожалуй, дайте мне знать, каковы выдумленные суда, по вашему мнению, могут быть на воде, и сколько надобно, например, времени, чтоб на море выходить могли».

Сенявин внимательно рассмотрел чертежи и с горечью сказал:

— Великое б мое было счастье, если б я не только таковой величины корабли, как в этом чертеже обозначены, но хотя бы до 32 с большим калибром пушек судов до 10 иметь мог, коим... не только доказал бы мою службу, но и не помрачил бы славы русского оружия.

Сенявин понимал, что на Дону надо строить основной костяк флота, а довооружать его в Таганроге, иначе он не пройдет по Дону, да, кроме того, одними новоизобретенными кораблями не поможешь в овладении Крымом, им нужно подкрепление галер, и в таком случае «не одна восточная часть, но и весь Крым долженствует содрогнувшись передать себя в монаршье покровительство, где известны три места: Еникаль, Керчь и Кефа будут служить к строению больших кораблей».

Это уже была программа дальновидного политика и стратега, не сомневающегося в том, что русский флот прочно выходит на Азовское и Черное моря.

Строительство развернулось вблизи Воронежа в Павловске, Таврове, в Выкорце и в Ново-Хоперске, куда был направлен получивший тут офицерские погоны лейтенанта двадцатипятилетний Федор Ушаков.

Развернулись и воронежские купцы Аносовы, Молоцкие, Поповы, поставляя Адмиралтейству веревки, доски, съестные припасы. Вино и водку вез в достаточном количестве острогонский купец Корнев Тимофей. Прибыль получали отменную.

Здесь приступила к делу и знаменитая семья корабельных мастеров Афанасьевых — Иван Афанасьевич и Семен Афанасьевич, во всю силу заработали подмастерья корабельные Осип Матвеевич Матвеев, Петр Иванович Пешев, Василий Петрович Петров. Однако не хватало леса подходящего. Коллегия предписывала «осмотреть» Борисоглебские, Шиповые леса, не могут ли там отыскаться подходящие деревья для мачт, обшивки, днища новоизобретенных кораблей. В экспедиции посылались офицеры, корабельные подмастерья, купцы.

«Все на наших старых донских верфях приходилось вновь переделывать и перестраивать... для всех новых судов приходилось свозить отовсюду строительный материал и всевозможные их принадлежности и строить вновь для них шлюпки и собирать артиллерию...» *.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Было это или примарилось мичману Федору Ушакову в морозные декабрьские дни 1768 года, никто сказать не может, да и не вспоминал он об этом позднее. Но, наверное, было, ибо

* История Севастополя.

не мог он упустить той славной возможности, чтобы не завернуть, направляясь в Воронеж, к мудрому своему дяде. Тот уже оставил Саровскую пустынь и стал настоятелем Сарнаксарского монастыря на Тамбовщине. Было, наверно, ибо память дорогого ему человека привела старого адмирала Ушакова в эти края в конце собственного пути, а его образ жизни тогда: милосердного, богомольного, доброго отшельника — виделся не случайной вехой в конце жизненного пути, а скорее данью, памятью в честь святого подвижника, позвавшего его на путь долга, великодушия и добродетели.

...Кибитка морского офицера в сумерках остановилась у монастырской стены. «Примут ли на ночь глядя? Встретит ли святого отца сегодня?» — неуверенно думал мичман, вглядываясь в калитку, из которой неторопливо выходил монах в накинутом поверх рясы тулупе.

— Отец Федор ждет вас в трапезной, — негромко сказал он и, махнув вознице на угол двора, где стояло несколько лошадей, повел мичмана узкими монастырскими коридорами.

В трапезной уже был накрыт стол и вкусно пахло пирогами.

— Сердце весть, Федя, сегодня подало, вот и жду путника, — предупреждая вопросы и расспросы, благословил вошедшего настоятель.

— Поешь, поговорим, да отдохнешь до утра, а там и в путь, — пригласил жестом племянника сесть такой же неторопливый и внимательный, как прежде, дядя Иван.— Кушай, кушай. У нас тут хорошие мастера. Без разносолов, но вкусно.

Отец Федор посмотрел с удовлетворением, как склонился над миской Федя, потер щеки, подержал в руке бороду и сказал без перехода от низкой материи к высокой:

— Ну так что, государыня решила взор к южным морям обратить? На пути Древней Руси выйти? Сие без флота, конечно, не решить. Но надобно бы все делать без спешки, разумно, без насилия, лихоимств, без грабежа, иначе быть беде.

Федор даже ложку отложил: о какой беде говорит святой отец, что в виду имеет?

— А о том, Федя, реку, — видя недоумение и вопрос во взгляде племянника, опять угадал настоятель, — что не знаю, успеют ли победы быть одержаны. В народе простом недовольство выросло. Мздоимство да издевка мужика в бунтовщика превращают. Бунт и мятеж грядут, а то и есть кара небесная для поместных владетелей.

Федор-младший с удивлением сии речи выслушал, не думал, что мужики до такого состояния доведены, сам-то весь в морском деле сосредоточен и не чувствовал грозы приближающейся. Рас-

сказал в ответ про родных, которых тоже посетил по дороге, про плаавание вокруг Швеции и Норвегии, про Архангельск-город, где и отец Федор бывал.

Про себя думал, всматриваясь в умиротворенные черты родственника: откуда в нем это спокойствие? откуда знание? как предугадывает события да глядит на них так широко и точно, предупреждает об опасностях? Спросил, не давал ли он советов, будучи в Казанском соборе, императрице о бедах приближающихся.

Отец Федор возгневался:

— Государи наши, ежли хотят быть наместниками бога, то как сыны и дочери божьи, с людьми по-божески обходиться должны. — Рукой махнул, как бы прочерчивая время. — Насильство у нас особенно при Петре выросло. Он сие иноземным флагом прикрывал, а потом адская игра бироновщины, сластолюбие и разгул Петра III... Да и ныне...

Молодой Ушаков с таким приравнением Петра к ничтожным людишкам, к власти пробившимся, не согласился, видел мудрые следы того во многом. Взгляд сей знал и раньше, слышал нападки на политику императора и до этой встречи, но однако же с мощным разгоном, что Россия от его деяний получила, сие не согласовывалось. Сказал об этом и добавил:

— А иноземное знание нам не противопоказано в делах военных, коммерческих, технических.

Отец Федор покачал головой:

— Не противопоказано, конечно, но поверь, сын мой, кто на Руси от русского откажется — тот погибнет.

— Но Петр Великий не отказывался? — с вопрошанием взглянул на священника мичман.

— Да, — согласился тот, — он в конце концов ко всему российскому повернулся. Но у власти всегда много приверженников, льстецов, изветников, что кусок ухватить стремятся. А мы должны снова глас Отечества пробудить, корыстолюбие пригасить, молчание народа прервать. Беззаконие и разврат, что царят в лавке купца и у ложа императорского, принесут гибель в будущем.

Отец Федор встал, походил раздумчиво вдоль стола, перекрестился на икону и, как бы отвечая на предыдущий вопрос молодого своего родственника, сказал, глядя в узкое оконце:

— Россияне простить могут царю тесноты, лишения, даже истязания, но не могут простить бессилия власти, унижения народа своего, превращения его истории в зловонную яму, из одних грехов состоящую, тиранства иноземного также. Такой государь из памяти его вычеркнут будет.

— До господа бога далеко и до царя неблизко, и не всем грешным их поступки судить можно, — негромко ответствовал Ушаков, не решаясь дальше давать оценки всесильным правителям. — Еду я — хоть и не без сомнений, кои этим разговором порождены, — служить Отечеству и государыне. И служить хочу беспорочно.

— Сие верно и по-божески, и по-людски. Присяга твоя богу и государыне священна. В развалинах человеческих судеб есть тропы истины. Находи их и следуй им. Наш народ от невежества пришел к сиянию христовой веры и к благоустроенному отечеству. Он в ударах судьбы ободряется и в уничтожении восстанавливает страну из пепла. А любовь к Отечеству в обстоятельствах чрезвычайных проверяется. И отныне и вечно должна тобой владеть государственная дума. Посему будь готов к тяготам и опасностям, Федор. Пусть лишения тебя не испугают, пусть трудности тебя закалят. Готовься снести горечи, обиды, непонимание, оковы и козни всякие, раны телесные и душевные, но останься стоек, храбр, непреклонен, неподкупен, беззаветен в любви к Отечеству, а с тем вместе дружелюбен, доброжелателен к людям. Не обидь ближнего. Умей силой своей души оживить доблесть в сердцах.

Чувства молодого Ушакова были восприимчивы к высокому мудрому слову, а это ночное напутствие не могло не войти в него, не стать частью его мыслей и поступков в будущем. Он желал доверить мудрому старцу почти все свои думы и сомнения.

— Еще хотел, отец Федор, узнать у тебя и по предыдущему твоему опыту жизни, что есть за тайные сообщества, в которые ныне многих офицеров морских вовлекают, особо тех, у кого какая неприятность и боль проявляется.

— Не надо носить обиду на жизнь земную, на царя и державу нашу, иначе Отечество пострадает. Не носи и тайных желаний, доверь их священнику и душе. Истина уходит от многих, даже умных, ибо их мудрствование с уставом правды не сопряжено. Тебе же скажу, воин наш, свое опасение. Умы неподвластны становятся власти, она же, поди, все время думает, как их обуздать? Плохой царь — только силой, а надо — верой. Надо согласить выгоды человеков и счастье их. Веру старайся утвердить во всем. И тогда в правом деле победишь. Неизбежно.

Отец Федор, сказав важное и почему-то тяжелое для него слово, замер надолго. Казалось, он выплеснул в своих речах все свои силы, долго копившуюся энергию и страсть. Мичман почувствовал это, наполнился желанием к свершению дел полезных

и нужных людям и Отечеству, императрице и богу. Он встал, ожидая благословения...

...Еще до восхода солнца от стен Санаксарского монастыря унеслась в тревожную, опасную мирскую жизнь кибитка с морским офицером и его дерзновенными думами.

ПО ДОНУ НА ПРАМЕ

Для северян такое жаркое мартовское солнце было в диковинку, грелись, как мухи, размаривало, даже сидевшие на веслах дремали.

— Гляде-еть вперед! — все покрикивал командир Ушаков. Да, то было первое подчиненное ему судно — прам № 5. Он на нем уже плавал под началом Апраксина, стоял под началом капитана I ранга Пущина в устье Дона, оберегая Азов от турок. Но вот командует, капитанствует впервые.

Прам ткнулся носом в песок, солдаты, что ныне в морских служителей превращались, попáдали: кто на скамьи, кто на борт привалился, а стоящий у кормы и, наверное, задремавший часовой вывалился в воду и закричал благим матом. Хороша командочка. Ушаков, чтобы привести в чувство, объединить, резко и пронзительно скомандовал:

— Якорь отдать! Весла сушить! Кормовой, брось конец утопающему, а то захлебнется в луже.

Еще две-три команды, и кутерьма на праме как-то улеглась, все успокоились. Якорь плюхнулся в песок, небольшой трапик лег почти у берега, и Ушаков, спустившись на берег, приказал боцману:

— Раскладывать невдалеке костры, — благо несколько бревен выловили по дороге, — готовить пищу.

Он же пошел доложиться прибывшему в Новопавловск вице-адмиралу. Небольшую шлюпочку командующего несуществующим флотом хорошо знали в Таврове, Павловске и в Икорце, да и по всему Дону, ибо она появлялась без предупреждения там, где стопорилось дело, не хватало леса, рабочих, не могли разобраться в чертежах, не хватало продовольствия, ссорились между собой военные и морские начальники, кричали друг на друга строители. Тут-то и появлялся Алексей Наумович Сенявин. Быстро всех мирил, передвигая сроки, конечно, в сторону уменьшения, наказывая нерадивых, поощряя старательных и всех заражая великой целью — построить южный флот России.

Вот и здесь, в Новопавловске, он собирал очередной отряд построенных, или, вернее, полупостроенных кораблей, чтобы пустить их вниз по Дону.

Ушаков зашел в избенку, что стояла над Доном.

— Лейтенант Федор Ушаков прибыл на праме номер пять.

Стоящий у подслеповатого окошка военный моряк медленно развернулся.

— Вижу, что прибыл! У тебя чего моряки за борт валятся? Аль мало кормишь?

Ушаков смутился:

— Ваше превосходительство, не моряки они еще. Ни под парусом, ни на веслах как следует ходить не умеют. Учу их.

— Ну, учи, учи. Да быстрее. Нам не век по степным речкам ходить. Скоро в море. Пройдут по Дону-то?

— Должны пройти, мы неплохо двигались, хотя все было. И волок, и весла, да и парус помогал.

Вице-адмирал запахнул шинель и сел в невесть откуда взявшееся здесь резное кресло.

— Вот смотри, что я графу Чернышеву пишу и вскорости отправлю. — Он выхватил лист бумаги у недвижно сидящего писаря и зачитал: — «Успех в строении судов по состоянию времени и людей идет так, что больше, кажется, требовать мне от них не можно, в чем могут свидетельствовать спущенные на воду суда... всего спущенных судов на воду, кроме нынешнего и машины с понтонами, 5, сверх того уже на воде состроенных шлюпок 10, палубных 2, восьмивесельных 8, яблотов 12, прочие же суда в Павловске обшивкою внутри и снаружи одеты, выконопачены и к спуску приготовляются... а на будущей неделе, если вода помешательства не сделает, уповаю спустить все». — Сенявин помолчал, строго посмотрел на Ушакова и потряс бумагой: — Ты понимаешь, лейтенант, что мы тут свершаем?! А?

Ушаков не успел ответить, что понимает, видит, старается и страдает от несовершенств, от того, что все говорят о флоте, но его еще нету, и видит его силу пока еще один неистовый вице-адмирал. Но тот закашлялся, затрясся, махнул рукой:

— Я вот сюда прилягу, шубой накроюсь. Лихорадка чертова еще из-под Кольберга терзает. А ты про Дон расскажи, про устье, что там ждать можно? С лоцманом шел? Или по карте? Как солдатики-то на кораблике, в мореходцев превращаются?

Ушаков долго рассказывал про капризы Дона, заносы песчаные в устье, где можно застрять надолго, про круговерти опасные и про то, как надо бы отбирать во флот людей бесстрашных, воды не боящихся.

— Где их взять-то? — ворчал Сенявин. — Не будешь же всех из Архангельска да Новгорода тащить, там Балтийский флот на

них держится. Надо южного мужика с морем связать. Он здесь тоже сметливый да понятливый. А ты сам-то откуда родом? Ярославский? Ну вот губерния — тоже для мореплавателей подходящая. Гриша-то Спиридов ведь оттуда.

Не сразу понял Ушаков, что это он о главном адмирале России, о Григории Андреевиче Спиридове и его эскадре, сказал с почтением:

— Великая миссия им досталась. В какое логово подались, с самым большим флотом встретятся. Каково-то им там?..

Сенявин присел, задумался и доверительно обратился к Федору:

— Я, признаться могу, сам на них с величайшей завистью смотрю. С природы-то я не завистлив был, даже до сего случая ни к чему... а теперь под старость черт дал зависть. Рассуди: они все ведут службу прямо по своему званию по морю, да и на кораблях, а я, как гусар, пешком.

Тень печали и болезни легла на лицо Сенявина, он задумался, но ненадолго: кучей ввалились офицеры, строители, кричали друг на друга, указывали пальцем, хватали за кафтаны и мундиры.

— Хватит! — крикнул вице-адмирал. — Пора помириться! Державное дело делать.

— Ваше высокоблагородие, Алексей Наумович! Но он же весь лес на свой корабль забирает. Не успел я уехать на ту верфь — он лес вывез, и все на один корабль, другие стоят.

— Что самовольничаешь? Не твоя ведь усадьба, что хочу, то и ворочу, — загромыхал, преобразившись из больного старика в грозного адмирала, Сенявин.

— Алексей Наумович, — приложил руки к груди высокий капитан II ранга, — мне доделать малость осталось, и корабль готов, а лес завтра будет, везут уже.

Сенявин пожурил его еще за самовольство, но согласился:

— Верно, Иван Афанасьевич, прискакал гонец, сегодня уже двадцать подвод подвезут да завтра столько же. Хватит тебе. Остынь. Давайте щей похлебаем.

Пока расставляли миски да раскладывали приборы, Сенявин вызвал уезжающего в Петербург капитан-лейтенанта. Тот пришел и доложился. Ушаков обнялся с вошедшим, обрадовался как родному. Веня Апраксин, его прошлогодний командир на праме, вместе Дон обуздывали. И вот уже в Петербург. Что так быстро? Тот обернулся и тихо сказал:

— Перемрем все, Федя, здесь. Надо хоть в бой, на Средиземное, но от этой гнилости бежать. Вон, смотри, адмирал наш совсем плох.

Сенявин, как бы услыша, обернулся к Апраксину и тихим хриплым голосом сказал:

— Прошу о сей моей болезни жене не сказывать, и ежели она от кого о том может проведать, то примите на себя труд уверить ее, что я здоров.

И лихорадка снова забила его мелкой дрожью, но он пересилил себя, сел за стол вместе со всеми, расспрашивал мастера Афанасьева о делах в Икорце, о поставках железа, капитана судна о якорях и команде, Ушакова об опасностях от кочевников и наибольших отмелях. Все хотел знать, перепроверить этот вершитель морских судеб на юге Отечества.

Прощаясь, каждому дал наказ. На Апраксина посмотрел грустно и сказал:

— Езжайте немедля, господин капитан-лейтенант, рапорта мои передайте вице-президенту Адмиралтейств-коллегии его светлости Чернышеву. Да скажите ему, что мы дело свое исполним. И не умрем. — Подумал и добавил: — Впрочем, многие умрут.

Ушакову пожал руку и неожиданно вспомнил:

— А ты мне здорово отвечал на экзамене. Чувствую, что наука впрок пошла. Вот что, встань-ка на реке Кутюрме дозором, не дай бог турки две шлюпки пришлют и весь флот наш пожгут. Считай, приказ тебе до осени. Ну, давайте с богом за дела!

СОБИРАТЬ ПО ЧЕЛОВЕЧКУ...

В конце 60-х — начале 70-х годов Ушаков исполнял немало серьезных поручений и заданий. На праме номер пять под командой капитан-лейтенанта Апраксина плавал от Ново-Хоперска к Азову. Потом на том же праме плавал, охраняя устье Дона, в 1769 году. В том же году он был произведен в лейтенанты и уже в следующей кампании сам командовал этим прамом. В становившемся на короткий период основной базой русского флота Таганроге тоже разворачивалось строительство, и лейтенант Ушаков доставлял туда лес, командуя транспортными судами. В 1772 году получил важное задание поднять затонувшие и застрявшие на Дону корабли с припасами и материалами. В этом же году на палубном боте «Курьер» впервые прошел от Таганрога до Кафы (Феодосии) и далее до Балаклавской бухты. Новоизобретенные шестнадцатипушечники «Модон» и «Морея» под его началом оказывались то в Таганроге, то в Балаклаве, то в Кафе, то в Керчи, участвуя в разведке, охране берегов, защите крепостей побережья от турецких десантов. Черное море стало

для него тогда морем познания морского ратного труда. Первой боевой школой командования людьми и кораблями...

Русско-турецкая война заканчивалась. Лейтенант Ушаков получил задание провести «новоизобретенный» мелкосидящий корабль «Модон» из Керчи в Балаклаву. На палубе сбилось три десятка рекрутов, со страхом глядевших на удалявшиеся берега.

— Ну что, братцы, приуныли? — весело бросил Ушаков, проходя мимо. — Или страшно?

— Страшно, ваше благородие. Но не всем.

— Откуда будете?

— Да отовсюду. Мы ярославские. Те, что аж глаза закрывают, калужские. Я хожу, их успокаиваю.

— А тебя как звать-то, ты что за всех отвечаешь? Старший?

— Не-е-е! Никто не назначал. Зовут Петром Золотаревым. А старший вон уже спать укладывается.

Седой солдат, подложив под голову вещевой мешок, дремал, не обращая внимания на качку.

— А я тоже морекача не боюсь. По Азову плыли, и сейчас нутро спокойно. Я мальчишкой на деревья самые высокие забирался и не боялся.

— Ну, а у пояса-то что привязано?

— Топор. Мы, ярославские, без топора как без рук. Все им выделать можем, закрепить, сколотить.

— Хм-м! А не хочешь ли навсегда в морском услужении остаться, чувствую, ты к этому способен?

— Да-к я что? Мы люди подневольные. — Солдат помолчал и со вздохом закончил: — Эвона у вас как раздольно, на море-то. Дыши вольно, не скрючивайся. Да и командиры какие добрые, — и он с доброжелательностью посмотрел на Ушакова.

...Балаклава предстала селеньем невзрачным. Несколько наспех сбитых офицерских домов, высеченные в камнях солдатские и матросские казармы, два лабаза купеческих да въездная арка, построенная по греческому образцу из известняка местным комендантом Арсеньевым. Дом самого коменданта был, пожалуй, главным и самым красивым местом селенья. В левой половине, куда примыкал небольшой садик, жила семья, а в правой с утра раздавались распоряжения, разводились по приказу посты, караульные начальники записывали в журнале происшествия за сутки. Сюда и прибыл с сухопутной командой широкоплечий лейтенант Ушаков. Его «новоизобретенный» корабль «Модон» покачивался в бухте, необычно спокойной и ласковой.

— Прибыл для защиты крепости от турецкого флота, — четко доложил он коменданту.

— Давай, дружок, давай, защищай, — протянул ему руку комендант. — А на обед ко мне проследуй, моя Наталья Ивановна щи еще не разучилась варить.

Ушаков сдал ему сухопутную команду, распорядился о доставке воды и продовольствия на корабль, обошел селение, и в полдень, робея, что случалось с ним всегда, когда он приходил в семейные дома, постучался в левую дверь комендантской.

— Входите, не заперто, — послышался ласковый голос.

Ушаков сразу покраснел, стушевался, потом решительно взялся за ручку, рванул ее на себя и, пригнувшись, шагнул внутрь. От стола, стоящего в углу комнаты, повернулась расставлявшая посуду девушка. Серые ее глаза внимательно, без робости, рассматривали вошедшего.

— Вот о вас батюшка, наверное, говорил: приехал великан морской, теперь турок нам не страшен...

Краснеть дальше было некуда, Ушаков поклонился.

— Меня Федором Федоровичем зовут. С турками, если надо, будем биться и вас в обиду не дадим. Хотелось бы знать ваше имя, кого защищать.

— О, вы в обиду себя не дадите, — благосклонно заметила девушка и сделала церемонный присест. — Меня Полиной зовут, и я здесь у батюшки недавно. Семьи сюда еще никто не решается привозить. Ну, а теперь, с вашим приездом, — опять улыбнулась, — нам нечего бояться.

Улыбалась она доброжелательно, но в словах Ушаков чувствовал насмешку, может быть, даже издевку. Не любил он это, чтобы облик, состояние расходились со словами. По нему уж, если гневаешься, так и говори резко, ругательно, а если добро на уме, так не пачкай его ехидством и намеками. Однако промолчал и спросил:

— А господин комендант еще не освободился от забот?

Тут дверь в горницу растворилась, и с приступочки, идущей из рабочей половины, ступил комендант в растрепанном парике, в небрежно застегнутом мундире. Развел руками:

— Поселение — грех городом называть, а дел и не перечесть. Вот и хорошо, что ты здесь, дружок, — обратился он к Ушакову. — Поди, с Полиной моей познакомился. Хорошо тоже. Она тут засиделась у меня, заскучала, все ее в столицы тянет. А будешь приходить — вдвоем веселее.

— Батюшка, — теперь уже покраснела Полина, — господин лейтенант не для того сюда прибыл, чтобы девиц развлекать. —

Краска быстро сошла с ее лица, и она снова улыбнулась. — Он нас от неприятеля защищать будет, а вы...

— Знаю, знаю, а ты не сердись на старого. Я ведь говорю, что думаю. Садитесь, Федор Федорович. Щей отведаем.

Пришла и комендантша, по ее указанию длинный матрос разлил бачок щей, положил в центре стола крупно нарезанный хлеб и ушел...

— Ну дак как вы, милая душа, к нам попали? Долго ли будете здесь пребывать?

Федор Федорович обстоятельно рассказал, что окончил морской шляхетный корпус. Плавал из Кронштадта в Архангельск и обратно. А в 1768 году был откомандирован на Дон под начало контр-адмирала Сенявина и плавал на праме, прикрывал устья рек от турок, выводил недавно построенные у Воронежа корабли в Азовское море. Потом и сам стал плавать в нем, командует ботом «Курьер», вышел впервые в Черное море.

— Оно, — поощряемый внимательным девичьим взглядом, продолжал лейтенант, — с Балтийским совсем несхоже. Вначале мне показалось ласковым, теплым, словно и не море, а пруд наш деревенский. Но набежал ветер, затянулось небо, волна хлопнула в днище — море! Важное море. Предстоит нам с ним подружиться.

— Да, дружок, как начнет бить волна осенью о берег, то хаос и содом истинный. Посему и бухты ищут сейчас повсюду для флота будущего. Наша Балаклавская удобная, тихая. Но, сказывают, Ахтиярская еще лучше. А вы сколько у нас пребывать будете? Чем вам помочь в обустройстве?

Ушаков поблагодарил коменданта, сказал, что сам устроится, но помнил вчерашний разговор на корабле и попросил из сухопутной команды, что высадил сегодня здесь, передать ему на корабль солдата Петра Золотарева.

— Я решил себе служилых людей подбирать в команду по одному. У которых к морю тяга есть, к мореходному искусству предрасположенных и качки не боящихся.

— И-и-и, дружок, — замахал руками комендант, — так у нас порядку никакого не будет. Начнут переводить из сухопутчиков в матросы, из матросов в солдаты. Служить каждый должен, где ему предписано с самого начала.

Ушаков помрачнел, брови его поплыли вниз, лицо стало суровым, скулы затвердели.

— Так ведь они свое воинское и морское дело искусно исполнять должны. Не каждому рожденному дано быть моряком. И топчет он башмаками пыль по дорогам, а море его ждет.

Я и хотел бы по человечку команду собирать, натуру каждого досконально знать.

— Прости меня, дружок, но ты чепуху собачью городишь. Какое искусство у солдата и моряка быть может? Ему поворачиваться должно направо и налево, во фрунт стоять да команды исполнять, а искусство сие ваше дело. Вы дворянин, ученье прошли высокое, науки знаете. — Комендант занервничал, отодвинул закуски и обратился к дочери, вроде и не замечая Ушакова. — Ныне, говорят, в Петербурге модным стало людей всех званий и сословий равнять. И Пугачев не научил ничему. Из Франции книги выписывают, энциклопедия — ихняя Библия, а Вольтер — бог. По тем законам, может, и командиров не надо? — вдруг резко повернулся он к Федору Федоровичу.

— Я тех законов не знаю, — спокойно ответил Федор Федорович. — А командиры всегда нужны будут. Хотя бы для того, чтобы научить тех, кто дела не разумеет.

Понял, что вопроса не решил, с комендантом рассорился и стал собираться. Помощь пришла с неожиданной стороны. Полина, которая переводила во время спора взор с коменданта на лейтенанта Ушакова, встала, зашла за спину отца, обняла его и ласково сказала:

— Батюшка, а ведь Федор Федорович прав: ежели не будем учить делу, не будем собирать достойных для сего, великих предначертаний императрицы не осуществим.

При упоминании императрицы комендант выпрямился, потрогал, на месте ли эполет, и горестно завздыхал...

Через несколько дней Петр Золотарев появился на корабле «Модон». Так началось собирание непобедимого братства моряков Ушакова. Умелого, храброго, преданного своему командиру.

...Пришел конец войне. Многие офицеры переводились снова на беспокойную Балтику, где Екатерина II желала без оглядки на флоты Швеции, Дании и Англии править из блистательной столицы империи...

Лейтенант Ушаков зашел к коменданту Балаклавы попрощаться, у него тоже лежало в кармане предписание о переводе в Санкт-Петербургскую корабельную команду. Комендант пожелал счастливого пути и тяжело вздохнул:

— Может быть, и мою Полину встретишь, с матушкой поехали в столицу. Что там хорошего, в том Петербурге, но вот братец мой в благородное учебное заведение устроить обещал. Не пойму я, правда, к чему женщине излишняя наука. Матери

наши рожали нас без училищ. Эх-х! Да у вас, молодых, все по-своему. С богом, лейтенант, становись скорей капитаном!

Ушаков козырнул, развернулся и вышел, на душе было хорошо и светло. Петербург почему-то, после горестного сетования Арсеньева, стал ближе и роднее...

СЕВЕРНЫЙ ОРЕЛ

Потемкин остановился перед Екатериной, утонувшей в кресле, и, оттягивая вниз пуговицу мундира, задумчиво сказал:

— А что, матушка, не пришлось бы нам снова воевать из-за козней французских. Подзуживают сераль султанский, в Крым засылают подговорщиков, не иначе пламя зажечь на нашем юге желают.

Глаза императрицы, теряя ласковость и поволоку, наполнились непреклонностью и холодом.

— Я сама, Гриша, об этом думала. Адмиралтейств-коллегия намедни прожект прелюбопытный представила. Русских купцов давно бы надо увязать со средиземноморской торговлей. Да они все боятся варварийских пиратов, рыцарей мальтийских, разбоем промышляющих, прибрежных италийских, корсиканских и албанских корсаров. Вот и послать туда решила российскую эскадру для торговли и защиты мореплавания коммерческого... Коллегия сие плавание тоже считает очень полезным предприятием для служащих во флоте.

Могучий Потемкин неожиданно ласково всплеснул руками и с иронией бросил:

— Молодцы бестии! Молодцы! Вот ведь спиридовская эскадра почти полгода добиралась в Средиземное море, доперевь собралась и к действиям своим не приступила. Наконец-то русские морские начальники не задним умом живут.

— Верно, думать стали. Фрегаты «Павел», «Наталия» и «Григорий» к перевозке товаров назначили с купеческим флагом, а «Северный Орел» для сопровождения, как фрегат военный.

Потемкин, присев у камина, стал шевелить угли щипцами.

— Надобно молодых офицеров поприсмотреть в походе, Като. В поход сей назначили охотников, и всех со знанием нескольких языков. А командиры знать обязаны английский, французский да итальянский. Хорошо стали готовить офицеров. Сия практика есть лучшая школа для них. Пусть поупражняются в счислении пути, обсервации, в экзерцициях всяческих, и ясно будет, кто в будущих войнах на первые линии выходить должен.

...Отбирали в эту экспедицию тщательно. Офицеры брались только из охотников и только те, кто владел несколькими языками. Федор Ушаков попросился первым: английский он знал, с французским управлялся, а итальянский, который обязали выучить, обещал познать по месту прибытия.

К 14 июня 1776 года все было готово к отплытию. Капитан второго ранга Тимофей Козлянинов, что возглавлял экспедицию, собрал всех офицеров перед отплытием в большой каюте на «Северном Орле».

— Сие место кают-компания на чужеземных флотах называется, будут здесь собираться для морских обзоров, бесед и столованья все наши офицеры. Адмиралтейств-коллегия такой распорядок думает обозначить с будущего года специальным ордером повсеместно. Мы же собрались здесь, дабы еще раз проследить по карте движение наше, выслушать секретную инструкцию для неукоснительного пользования, уточнить пункты относительно нашего сношения с посланниками российскими за рубежом.

Капитан встал, отдернул шторку у карты и, строго поглядев на офицеров, словно убеждаясь в их благонадежности, изложил план их движения.

— Фрегаты «Павел», «Наталия», «Григорий» идут с коммерческими товарами под видом купецких и с флагами таковыми. «Северный Орел», на коем буду я, для их препровождения назначен. В Ливорно, куда мы придем, в ведомстве генерал-майора Ганнибала есть еще два фрегата: «Святой Павел» о двадцати шести пушках и «Констанция» о двадцати четырех. Они там к нашей необъявленной эскадре присоединятся. Мы с вами на всем пути неразлучно следовать обязаны. Ежли какие приключения, како штормы, туманы и прочая приключится, я вам рандеву назначаю.

И он походил вдоль каюты, сообщил адреса консулов, по которым следует извещать о неприятностях.

— Однако же ни в какие порты без необходимой нужды не заходить. В крайнем случае можно в английские и ни в коем случае во французские.

Козлянинов склонился над картой и уткнулся в окончание Пиренейского полуострова.

— Первое рандеву назначаю здесь, в Гибралтаре, а потом далее в Средиземном море. Вы первый раз в таком походе и должны знать, что в Средиземном бродят морские разбойники и надо употреблять всякую осторожность при встрече с ними и быть всегда готовым защитить как свой фрегат, так и другие.

Капитан свел брови, подумал, как бы примериваясь к ситуации.

— Но каков бы ни был вид разбойный у всех кораблей, самим

на них не нападать. Купеческие суда не останавливать и не осматривать. Для отдания же салютов разным кораблям поступать по силе международных трактатов.

Далее Тимофей Козлянинов поздравил всех с началом похода и пожелал усердной службы.

Федору Ушакову в усердии отказать было нельзя, постичь морскую науку дальнего перехода хотел давно. Расстояния, конечно, были несравнимы с его первым архангельским дальним походом. «Северный Орел» стал для Ушакова новым морским училищем, таким же важным, как Кикин дом. Под командой Козлянинова Федор стоял на палубе при подходе к Копенгагену, неотступно следил за компасом в Английском канале, проводил обсервацию в Атлантическом океане, давал команды при салюте у Гибралтара, снимал план порта Магон. Козлянинов в конце похода, довольный настойчивостью и умением хваткого офицера, с удовлетворением сказал:

— Ну вот, капитан-лейтенант, в вас никто не ошибся — ни те, кто рекомендовал, ни я, когда брал в поход. Готовься, Федор Федорович, корабль в Ливорно принять. Я же говорил, что там у нас еще с архипелагской экспедиции фрегат «Святой Павел». Готовься принять его у Паниоти. Да скажи мне, что для этого фрегата нужно, ибо я отсель скоро имею в поход отправиться.

...Так и принял он в сентябре 1778-го под начало первый свой в Средиземноморье фрегат.

* * *

...Ливорно для Ушакова, считай, родным городом стал. Здесь, после дальних переходов в Мессину, на острова архипелагские, в Гибралтар и на Мальорку, экипаж отдыхал.

Ему отдыхать не нужно было. Его тело в морском походе както распрямлялось, наливалось упругостью, здоровьем, дышалось ему на палубе свободнее, в голове было ясно и спокойно. Хорошо думалось, далеко виделось тогда Ушакову. Он не ощущал себя песчинкой в этой пустыне морской, нет, наоборот, все больше чувствовал море, учился повелевать стихией, быть неподвластным ее разгулу. После службы на «Северном Орле» получил в командование фрегат «Святой Павел». Это уже тебе не плоскодонный тихоход «Курьер» или «Модон». Пушки опоясывали корабль, скорость была отменной, так что никакой пират не спасется. Правда, половина пушек спрятана — дабы не возбуждать ни французов, ни неаполитанцев, ни венецианцев, а тем паче турок. Пьемонтские и другие негоцианты сразу почувствовали безопасность от перевозки грузов русскими кораблями. Берберийским, то бишь варварийским, пиратам они были не по зубам.

Жадно всматривался в портовую жизнь Ушаков, приглядывался к иноземным кораблям, порядки на них изучал. Приглашал в гости к себе капитанов с оказавшихся рядом судов. Сам показывал все достойное на корабле и их расспрашивал. Расспрашивал обо всем, рассматривал приборы, интересовался лоциями, картами, сведениями о мелях, рифах, песчаных косах, преграждающих путь.

— Ты, Федор, как будто век ходить по Средиземному собираешься, все тебе надо, — ворчал Астафий Одинцов, его сотоварищ, капитан «Григория», когда Ушаков пригласил его вместе с ним съездить на стоящий на рейде французский корабль.

— Послушай, Астафий, мы с капитаном сего судна на бирже спорили о приборах морских. Я не все понял, он меня и пригласил на корабль посмотреть. Он ведь тоже себя за купца выдает, а я в подзорную трубу видел, что у него порты заколочены. Но не в том дело. Просто мужик хороший. Не таится, как другие. А ты во французском силен, поможешь, да и самому ведь надобно знать.

— Ну, поедем, — согласился Одинцов. — Но, право, нам ухо надо держать востро. Ведь во французские и гишпанские гавани выходить не велено.

— Дак то в гавани, а тут мы в гости.

Капитан Виктор де Шаплет оказался любезным хозяином, открыл несколько бутылок вина и был польщен визитом русских командиров, благодарил за икру, что поднес ему Ушаков.

— Господа, во Франции с удивлением смотрят на возрождающийся флот ваш. Наше же государство потеряло после Семилетней войны всю свою морскую мощь. Война нам стоила ста тринадцати кораблей, Канады, Гренады, Доминики, Тобаго, части Африки и самого богатого полуострова — Индостана. До сих пор мы не придем в себя. Хотя французские офицеры своей храбростью показали: если бы ими меньше пренебрегали, то они восстановили бы славу французского оружия. Угощайтесь, господа, вино это уважают у нас на юге Франции, хотя моряки, я знаю, любят что-нибудь покрепче.

Де Шаплет открыл шкафчик, достал оттуда пузатую бутылку и заставил попробовать гостей «Бешеную Марию». Языки развязались. Он разложил карту и показал на ней мель возле Мессины.

— Не приходилось ли вам бывать здесь, капитан, нам предстоит скоро туда двигаться. Как обойти ее?

— О, вы зря меня проверяете, капитан, — рассердился Ушаков на нетактичный ход офицера. — Эта мель смыта во время бури несколько лет назад, и вы наверняка это знаете. Я не враг и

не противник вам, а такой же сторож торговцев, как и вы. Мне платят за провод судов, и мы этим довольствуемся. А еще мне интересно узнать все о ваших морских порядках, дабы применить лучшее у себя.

Де Шаплет захохотал и без тени смущения подмигнул Ушакову.

— Отлично. Отлично, Теодор. Мы подружимся с тобой. Ты не простак. А порядка у нас на флоте нет. Эти офицеры пера заели нас, истинных моряков. Мы чуть не молились на них, ибо повышение получить без писак невозможно. А они знай пишут бумаги — им не до флота. Англичане же обгоняют нас, вот уже набивают медь на днища кораблей, а мы все на ракушках плаваем. Единственное, чего мы придерживаемся, так это строгих правил в бою. Наши адмиралы еще в XVII веке их утвердили, и они служат нам до сих пор.

— Однако же сия тактика немного успехов принесла французскому флоту.

— Но поражения не от того, что тактику не соблюдали: мастерства не хватает в ее проведении. Сам король Людовик XV в 1765 году предписывал в приказе предпринять строй кильватерной колонны как единственный боевой порядок флота.

Де Шаплет поднял бокал и хмуро вспомнил:

— Конечно, я сам чуть не был взят в плен англичанами. Корабль потерял управление, а приказ короля гласит: «Во время боя ни один командир не имеет права покинуть свое место в строю для подачи помощи пострадавшему кораблю».

Ушаков слушал внимательно, переспрашивал, как будто сам хотел заново переиграть тот бой.

— Ну, Виктор. а если бы рядом были корабли, не атакованные неприятелем, они могли бы вам помочь в ту минуту?

— Нет! Приказ короля свят для морского военного офицера. Беседовали долго, рассматривали французские мореходные карты, сверяли их с русскими. Договорились встретиться на «Святом Павле».

* * *

Два раза попытались выйти в Черное море под коммерческим флагом фрегаты «Констанция» и «Святой Павел», турки, однако же, несмотря на заверения, данные чрезвычайному посланнику России, корабли задерживали и из вторых Дарданелл — так в отдаваемых ордерах называли Босфор — не выпускали. Товар, который фрегаты привезли, распродали, новый загрузили, а согласия на проход в Керчь не было.

Осенние теплые ветерки ласково трепали волосы, располагали к неге и отдыху. Ушаков же не отдыхал. Не отдыхал сам и другим не давал отдохнуть. Два раза в день проводил он экзерциции. Утром — по постановке парусов, вечером — по такелажному мастерству и ремонту корабля. Ввел четкое судовое расписание: для похода, стоянки, на случай боя. Вместе с офицерами и морскими служителями отрабатывал, расставлял всех на всякий возможный случай в практике. Был уверен, что без определительного и единообразного порядка ни в каком деле желаемого успеха не достигнешь.

Посмотрел на часы, сегодня марсовые действовали спорее и четче. Вахтенный крикнул: «С левого борта шлюпка. Просят взойти».

На палубу поднялся русский чрезвычайный посланник и полномочный министр Стахиев.

— Что служителей мучаешь, Федор? Турки мне несколько раз сказывали: ежели бы это коммерческие корабли были, то там команду бы ни за какие коврижки не заставили упражняться в умении.

Ушаков смутился, хотел как лучше, да знал, что безделье людей губит. Не согласился.

— У турок вон и на военном-то фрегате кверху животом лежат. У каждого свои порядки, господин министр.

Стахиев не возражал, с любопытством осматривал вычищенный и выдраенный корабль, потрогал тросы, похлопал по стволу одной из корабельных пушек и задумчиво продолжил:

— Да, порядки здесь свои и их не переиначишь. Им все грезится непобедимость. И с российским выходом в Черное море не согласны. Есть, конечно, и разумные головы, но бесовщина их восточная не дает осилить темноту. Вот что, Федор Федорович, — огляпулся по сторонам посланник, — не пропустят они вас в Керчь. Не хотят миру вечного. Боюсь, что еще раз придется учить сии горячие головы. Козляниному я обо всем поведал. И вот пакет для Петербурга, ежели будете вскоре туда следовать.

Ушаков понял с сожалением: в Крым он отсюда не попадет, разве что снова из Петербурга. Посланник походил еще по кораблю, отобедал у капитана, расспрашивал про средиземноморские поездки, про тамошние интриги. Ушаков же интересовался турецким флотом, командами набранными, распорядком на кораблях, артиллерийским снаряжением, строительным уменьем мастеров, прочностью парусов корабельных.

— Ты что, Федор Федорович, думаешь, я тоже морское училище закончил? Я от тебя впервые термины и понятия многие

слышу. Придется раскошелиться, дабы узнать то, о чем ты спрашиваешь.

Посланник сел за его стол, открыл горлышко бутылки с чернилами, макнул перо и написал несколько строчек.

— На память о твоей науке мудреной. Буду точно знать, о чем спрашивать. Ну а сейчас тебе мой казначей по указу Адмиралтейств-коллегии передаст для вашего похода дальнейшего галанские червонцы да кредитивы на гульдены.

Спускаясь в шлюпку, Стахиев полуобнял Ушакова:

— Орел ты, орел северный. Правильно делаешь, что моряков муштруешь. Уменьем, да мастерством, да храбростью только и можно победить. Готовься к новым битвам, капитан. Чувствую, восходит звезда твоей судьбы дерзновенной.

Федор Федорович поклонился и тоже не по форме ответил:

— Спасибо, Александр Стахиевич. Судьбу — ее выковать надо. Хватило бы... — Он не окончил и долго смотрел вслед отплывающему русскому послу.

ЛЕС СБЕРЕГАТЬ

В здание Адмиралтейств-коллегии Ушаков зашел радостным и бодрым, решительно и быстро поднялся по лестнице и распахнул дверь в один из залов. Он был уверен, что вызвали его для нового и важного назначения. После того, как наплавался и намучился он между Ливорно, Дарданеллами, Гибралтаром, после того, как обогнул уже самостоятельно Европу, — ему все было нипочем. Грезился новый корабль, новый дальний переход, тем более что от причалов Кронштадта, Архангельска, Ревеля отправлялись на Запад один за одним его однокашники и друзья.

В присутствии народу сидело немного. Один из чиновников, осведомившись, по какому он делу, кивнул и повел его по длинным коридорам. По мере того, как Федор шел по ним, его радость улетучивалась, настроение падало. Перед высокой дверью, на медной табличке которой было вытравлено «Член Адмиралтейств-коллегии, генерал-казначей И. Л. Голенищев-Кутузов», чиновник поднял руку, останавливая Ушакова:

— Подождите здесь. Сейчас доложу! — И упорхнул в кабинет.

Чего греха таить, во все времена приходила робость к русскому человеку в приемной, у дверей всякого рода чинов, в ожиданиях. Тут почему-то смутной и неясной оказывается его судьба, только что в походе, на поле брани, в схватке еще пребывавшая в собственных руках и вдруг отделившаяся и стыдливо замершая перед начальственным взором.

Слегка заробел и Ушаков. Нет, не забоялся, а заробел, ибо знал некоторую свою скованность в манерах, нежелание подлаживаться под вопрос и отвечать то, чего ждут, неумение сверкать словом, а не мыслью.

— Ну-с, голубчик мой, — встретил его с видным расположением Иван Логинович Голенищев-Кутузов, облокотившийся о длинный дубовый стол. — Приготовились в дальний поход? Командовать кораблем?

Ушаков нерешительно кивнул:

— Готов идти в новое плавание. Приказ исполню.

— Вот и хорошо, голубчик. Исполняй. — Он протянул ему ордер, каллиграфически оформленный писарем.

— Лес? Осмотреть?

— Да, да, голубчик! Настоятельно необходимо осмотреть сии леса.

Ушакова обдало жаром, он постепенно ожесточался: его, боевого офицера, прошедшего Балтийское, Азовское, Черное, Северное, Норвежское, Белое моря, обходившего всю Средиземноморию, посылают как какого-то капрала или мичмана смотреть чурки. Он готов уже был сказать резкие слова этому кабинетному вельможе, ибо все, признавая организаторские заслуги Ивана Логиновича, знали, что в последнее время он мало плавал, в кампаниях участвовал редко. Но Ушаков сдержался, осадил себя, заставил успокоиться. А тот, пристально вглядываясь в лицо капитан-лейтенанта, уловил бушевавшие чувства и сказал успокаивающе:

— Вот и хорошо, голубчик. Нет ничего главнее леса для дела корабельного. И тут далеко не каждый может разобраться в его качестве. Нужен человек сугубо морской и честный. Да, милый человек, честный и неподкупный. Ныне немало желающих свой лес запродать. С Адмиралтейств-коллегии деньги содрать.

Он позвонил и попросил вошедшего лакея:

— Чаю нам с ромом. Вот посмотри, — Голенищев-Кутузов указал на большую карту Европейской России. — Сии кружки и пятна — леса государственные, сии — частники предназначают продавать. Особливо здесь, в Казанской губернии, лесов немало. Однако же иноверцы сией повинностью тяготятся и объявили три года назад, что готовы по двадцать пять—пятьдесят копеек за пуд доставить лесу на один фрегат. Сие обдираловка. Мы ныне будем искать другие ходы. Князь Репнин предложил четырнадцать с половиной копеек. Тоже дорого. Нам по наряду пуд четыре с половиной копейки обходится, но мы для опыта и от-

крытия пути другим разрешаем. Императрица повелела рассмотреть все удобства и неудобства от дозволения вырубать дубовые рощи частным людям. Ты, Федор, — обратился неожиданно он как в бытность в Шляхетском корпусе, — должен нам на деле донесть, можно ли свободно торговать лесом без опасения за недостаток его для государственных нужд. Лесное бы Положение надо разработать, да мы не знаем доподлинно, сколько у нас этого леса имеется. Сейчас будем во всех губерниях измерять. Мы должны позволить вырубать столько леса, сколько можно, чтобы новый в той же даче мог вырасти, когда старый весь вырубится.

— Кто же сие проверит? Как? Почему за границу везут?

— Правильно говоришь! Императрица выпуск леса за границу, не леса, а мачтовых деревьев отдала Адмиралтейств-коллегии, а не коммерц-коллегии. На вот, — он отодвинул ящик стола и вручил капитан-лейтенанту папку. — Правила временные.

Ушаков, развеивая неудовольство, как бы отгоняя его от себя, кивнул.

— Читай вслух!

— «1. Одна только Адмиралтейств-коллегия дает дозволение на рубку мачтовых деревьев и на отпуск их за границу... 2. Адмиралтейств-коллегия, дав именное разрешение, должна была сообщить коммерц-коллегии, кому именно дано разрешение, дабы последняя взяла бы пошлину по тарифу с каждого дерева и затем разрешила бы таможням пропускать за границу клейменные деревья... 3. Каждое десятое мачтовое дерево идет безденежно в пользу Адмиралтейства. 4. Так как дубовый лес для кораблестроения нужен, дуб же растет очень медленно... и может быть, откроется некоторым областям лесной торг свободный и беспрерывный, но отнюдь не беспредельный, ибо, не положа оному торгу границ, скоро можно и лес потерять».

— Вот так, дорогой, всегда помни, что Петр Великий нам завещал сберегать и сохранять, заново воспроизводить в России лес мачтовый, лес дубовый, для нашего кораблестроения нужный.

После беседы о деле часа два еще с пристрастием допрашивал Иван Логинович своего бывшего ученика о том, что пригодилось ему из знаний, полученных в Шляхетском корпусе в далеких морских походах, что осталось мертвым грузом, не востребовалось. Провожая, похлопывал по плечу и горделиво посматривал на питомца. А Федор был уже в мыслях там, в дальних приволжских лесах, где еще шумел листьями, шуршал хвойный лес, без которого не выросла бы Русь корабельная.

КОНЧЕН БАЛ...

Тот дальний переход в Средиземное море и обратно дал крылья капитан-лейтенанту Ушакову. Он стал известной и заметной фигурой не только в Кронштадте, но и в Санкт-Петербурге. Имя его упоминалось в Адмиралтейств-коллегии, влиятельными сановниками в дворцовых кругах. Кто-то доложил Потемкину, тот уговорил Екатерину назначить Ушакова командиром императорской яхты, зная, что оттуда пути открываются широкие.

— Новых людей, Като, надо на флоте взращивать, — говорил он при подписании указа. Та вздохнула:

— Надеюсь, Гриша, ты мне гнилой товар не продашь?

Потемкин сделал вид, что обиделся:

— Я же не Никита Панин! — Но «товар-то» и сам знал лишь понаслышке и пообещал матушке как-нибудь в деле посмотреть. — Пощупаешь сама, когда в Балтику выйдем, — буркнул не без намека.

А Ушаков с рвением принялся обучать команду яхты, да и сам осваивал ее. Морские служители и так многое умели: приборку проводить, паруса ставить, на винтах располагаться, во фрунт становиться при приезде царствующих особ. А тут еще оказалось, что надо учиться сигналы распознавать флажные, заменять друг друга, узлы морские прочные вязать, располагаться каждому по единой особой команде, привыкать на волне держаться и плавать в холодной воде Финского залива.

— Нешто мы медведи у цыгана, — ворчали служившие по многу лет моряки, — так нас выучивать!

— Для вас незнакомых слов и дел, что требуются в морском походе, быть не должно, — отвечал им капитан, выстроив при подъеме флага.

— ...Императрицу ждет, — с пониманием говорили мичманы.

Но Екатерина так и не выехала даже в Финский залив, недосуг было: державные дела, приемы, театры не пускали в море. Яхту же она посетила неожиданно, без предупреждения, не послав вперед даже кавалергарда. Ехала с обеда с Потемкиным, взгляд упал на стройную красавицу, плавно качавшуюся на волнах: «Давай заедем...» Светлейший заколебался: «На месте ли капитан?» С набережной крикнул караульному матросу, а с юта ответили: «Здесь я!» Ушаков, не дождавшись подтверждения, приказал разворачивать парадный трап. Запищала боцманская дудка, застучали каблуки, раздались громкие команды. Екатерина поморщилась: «К чему шум?» Потемкин рассудительно объяснил:

«Без этого корабль нельзя показать». Она, тяжело ступая по трапу, прошла на палубу. Караульные держали фрунт, а морские служители карабкались по вантам.

— Споро! — оценила понравившимся ей русским словом Екатерина.

— Ваше императорское величество, экипаж занимает свои места и готов выполнить вашу волю! — громыхнул Ушаков. Екатерина с интересом посмотрела на него и повторила:

— Споро! Вижу, что отладил команду капитан-лейтенант. — Благосклонно улыбнулась. — В море не пойдем. Так, кажется, говорите вы, господа моряки: вместо поедем — пойдем?

— Так точно, ваше императорское величество, — опять звучно отозвался Ушаков.

— Однако же, дорогой мой, горазд ты на голос. Покажи-ка нам посудину свою. Что тут изменилось?

Порядок на яхте был отменный. Все сверкало, пахло свежестью и ароматами южных земель, в которых Ушаков знал толк. Царский вал, отделанный красным деревом и позолотой, был удобен и располагал к беседе. Екатерина расспросила Ушакова про прежнюю службу, про средиземноморский период, а затем встала и потребовала:

— Ведите нас и в свои апартаменты, господин капитан.

Ушаков смешался.

— У него, матушка, как у холостяка, поди беспорядок, — кинулся на выручку Потемкин.

— Ну так мы поможем убрать господину капитан-лейтенанту его пристанище, — рассмеялась Екатерина, понимая, что жилье лучше всего характеризует человека.

— Нет, ваше величество, там порядок, только морской. Прошу, — Ушаков жестом пригласил в капитанскую.

Порядка идеального там, конечно, не было, потому что пестрели карты Петербурга, Финского залива, Балтийского и Северного морей, Италии, Архипелага, какие-то чертежи, лежал компас, у входа висели куски веревок, канатов, раскачивались фонари с разноцветными стеклами, на столе высилась стопка книг.

— Не кунсткамеру ли здесь завели, дорогой капитан? Если так, то проведите по ней, объяснив, что к чему.

Ушаков кивнул.

— То все предметы для морского ремесла предназначенные и коими надо владеть совершенно. Карты же эти я давно веду, наношу на них отметки — промеры глубин, отмели, скалы, маяки — все, что в плавании помогает в точности и безопасстве передвижения.

— Так мы можем ныне без лоцмана в Архипелаг двигаться? —

с улыбкой обратилась Екатерина к Потемкину. Тот бесцеремонно перебирал книги. Не ответил, сказал свое:

— Послушай-ка, книги у него все тоже по делу морскому. «Таблицы горизонтальные северныя и южныя широты восхождения солнца», «Книга пропорции оснастки кораблей английской», а тут и сам академик Ломоносов «Рассуждение о большей точности морского пути». А вот занятное название: «Разговор у адмирала с капитаном о команде»...

— Вы чью сторону на себе проигрываете, господин капитан-лейтенант? — поддразнивая Ушакова, спросила Екатерина. Он дерзко взглянул на нее и твердо сказал:

— За адмирала, матушка государыня. За капитана я уже все давно проиграл.

— О, похвально сие устремление, мой друг. Матушкой же меня не зовите. Я не настолько стара, чтобы вы были моим сыном.

Ушаков снова смутился и молча завязал и распустил перед ней два морских узла.

— М-да, умело сие у вас получается. Это искусство — вязать намертво без видимых усилий. Когда же вы сим занимаетесь? — обвела рукой каюту.

— Во все свободное время, ваше императорское величество, — сделал нажим на «все» Ушаков.

— Неужели же у вас нет никакого интереса, кроме морского дела, Федор Федорович? — с любопытством склонив голову к плечу, интимно обратилась императрица. Ушаков слегка побледнел, что случалось с ним в мгновения ответственные, и без колебания отсек:

— Нет, ваше величество, море ныне мой единый смысл.

— Вот ответ, достойный флотовождя и однолюба, — не без иронии заметила Екатерина, вставая. Казалось, она ждала чего-то другого от этого честного и организованного капитана. Уже у трапа небрежно пригласила: — Я надеюсь видеть вас сегодня на балу во дворце Зимнем.

Садясь в карету, заметила Потемкину:

— Против всякого чаяния порядок на яхте выше похвалы. И офицер сей доброправный и прилежный...

Тот почувствовал, что Ушаков ей чем-то не понравился, и поспешил подправить впечатление.

— У нас о деле державном и о совершенстае в профессии пекущихся немного, все о карьере собственной больше да о том, чтобы приглянуться... — хотел добавить «высочайшим особам», потом передумал и закончил вроде бы о другом: — Он нам для великих морских баталий еще пригодится, не все иноземцев приглашать.

— Посмотрим, Гриша, — многозначительно закончила императрица.

* * *

Ушакову от яхты до Зимнего было недалеко, но требовалась карета, чтоб подъехать как приглашенному гостю к центральному входу.

Добрался с опозданием: выход императрицы уже состоялся. В разных местах зала образовались кружки, где пили шартрезы, ликеры, играли в карты, судачили, ожидали начала танцев. Ушаков с неловкостью шагнул в зал, хотя навряд ли кто смотрел на нерешительно входящего капитан-лейтенанта, ибо все взоры обращались на императрицу, которая должна была открыть танцы, однако медлила, о чем-то беседуя с французским послом. Но вот гофмейстер, стоявший рядом с ней, махнул платочком, оркестр замолк, и Екатерина, встав, пригласила в пару Потемкина. Зал немедленно расслоился, выстроившись по известному тут старшинству, вослед первой паре. Ушаков прижался к стенке и вдруг почувствовал радостный и лучистый взгляд с противоположной стороны. Музыка снова грянула, а он понял, что на него глядит Полина. Та балаклавская Полина, что обещала встретить его в Петербурге. Не обращая внимания на двинувшуюся танцевальную колонну, Федор кинулся через весь зал к ней, приводя в ужас гофмейстера.

— Корму режешь, капитан! — крикнул надвигающийся Потемкин. Ушаков слов не услышал, ибо уже представлялся Полине и стоящей рядом даме.

— Капитан-лейтенант Федор Ушаков!

— А я знала, что обязательно увижу вас еще раз, — с доброй улыбкой присела в реверансе Полина. — Кого вы теперь защищаете?

Федор не обиделся, с достоинством ответил:

— Капитан императорской яхты! — И, видя недоверие в глазах рядом стоящей дамы, смутился.

Императрица сделала очередную фигуру в танце и, повернувшись лицом к Ушакову, благосклонно и снисходительно улыбнулась:

— Я вижу, вы не только морским делом увлечены. Становитесь в линию баталии...

Федор решительно протянул руки Полине и вступил в круг.

— Как я рада, что встретила вас! Я так надеялась на это раньше. Мы, из Смольного института, бывали на таких встречах, и я каждый раз смотрела на морских офицеров: нет ли вас среди них. Но увы!

— Надеюсь, мы будем теперь видеться чаще, — скорее утверждая, чем спрашивая, сказал Ушаков. Музыка заполнила весь зал, хрустальные люстры мерно раскачивались в такт, переливаясь тысячами огоньков. Но еще больше огней отзывалось в драгоценностях статс-дам и фрейлин, жен титулованных вельмож и дипломатов, в орденах князей и графов, камергеров, сенаторов и статс-секретарей. Все сверкало вокруг, сияло, переливалось в лучах свечей и волнах музыки. Бал был в разгаре, светлые чувства переполняли уже немолодого капитана.

— Ну дак когда мы увидимся снова? — настойчиво и радостно спросил он, подходя в очередном пируэте к Полине. Та отступила, развернулась и, приблизившись, негромко сказала:

— Эта дама моя свекровь. Я недавно просватана.

Свет в зале померк, музыка потеряла мелодию и судорожно забилась под потолком. Ноги не попадали в такт и стали непослушными. Полина, почти не открывая губ, прошептала, скорее бессознательно, не давая отчета в том, что говорит:

— Ждите меня, Федор! Ждите!

Ушаков проводил ее к тому месту, откуда пригласил на танец. Старая дама с тревогой посмотрела на них.

— На тебе лица нет! Здесь так душно! — И, решительно взяв ее под руку, повела к выходу.

* * *

Было еще не поздно. Ушаков, обернувшись в темный плащ и не замечая ночной прохлады, порывистого ветра с Финского залива, стоял у входа в Зимний — карета еще не подъехала, бал продолжался. Он очнулся, когда из остановившейся кареты к нему склонился светлейший:

— Проветриваешься, капитан? А то давай подвезу, куда хочешь!..

— В море, князь Григорий Александрович! В море хочу! Там лучше!..

«ЧТОБЫ ФЛАГ НАШ ВЕЗДЕ НАДЛЕЖАЩИМ ОБРАЗОМ УВАЖАЕМ БЫЛ»

Средиземное море было колыбелью мореходов — торговых и военных. Оно служило базой для пиратства. Да и трудно сказать, кого можно считать «чистым» моряком, «купцом», а кого пиратом, ибо нередко они были триедины. Отправляясь в морское плавание, воевали, торговали, грабили. Пиратское промыс-

ловое дело в XVIII веке являлось едва ли не самым прибыльным. И шагнуло оно далеко за пределы Средиземного моря. Особыми удачами в этом промысле могли похвастаться английские и французские пираты. Центральная власть не только проявляла к ним снисходительность, но и поощряла арматоров (или каперов), то есть частных лиц, на свой страх и риск оснащавших суда и захватывающих иностранные коммерческие корабли, увеличивая торговый флот.

В конце 70 — начале 80-х годов исполнять свою миссию торговым кораблям становилось все более небезопасно. Развернувшаяся война между Соединенными Американскими Штатами и Великобританией втянула в свою пучину коммерческий флот всех стран. Корабли захватывались и конфисковывались, товары распродавались. Казалось, что нет морской силы, которая сумеет противостоять такому разбою. Франция после Семилетней войны еще не поднялась, Испания и Португалия из числа первоdo разрядных морских держав выбыли, Швеция, Дания и Голландия перечить «Юнион Джеку» не смели.

В 1778 году английские каперы под разными предлогами стали захватывать коммерческие суда, шедшие в Белое море. К мысу Нордкапу для ограждения торговли России от пиратов была послана эскадра адмирала Хметевского.

Разбой прекратился.

Но затем испанские крейсера захватили два русских торговых корабля под предлогом того, что они шли в занятый англичанами Гибралтар. Россия прибегла к особой мере. 27 февраля 1780 года была принята Декларация, в которой объявлялось воюющим державам: Англии, Франции, Испании, что для освобождения морской торговли от притеснения русская императрица «считает обязанностью объявить правила, которым будет следовать и для поддержания которых и покровительства чести Российского флага и безопасности торговли Ея подданных противу кого бы то ни было, Она повелит выступить в море значительной части своих сил». Правила были следующие:

1) нейтральные корабли могут свободно плавать из одного порта в другой и у берегов воюющих держав; 2) имущество, принадлежащее подданным воюющих держав, свободно на нейтральных судах, за исключением заповедных товаров; 3) заповедными товарами признаются военные снаряды и другие; 4) блокированным портом почитается только тот порт, войти в который предстоит очевидная опасность по расположению судов атакующей державы, находящихся довольно близко к порту; 5) правила эти будут служить руководством в судах и приговорах о призах.

Декларация послужила основой для создания мощного Союза держав, своеобразных Объединенных наций того времени. К Союзу постепенно и фактически присоединились Дания, Швеция, Португалия, Голландия, Пруссия, Австрия, Королевство обеих Сицилий, затем Соединенные Штаты.

Солидные расходы, произведенные на флот, обернулись серьезным политическим выигрышем для России, ее возросшим международным авторитетом. Слова, произнесенные в Зимнем дворце о том, «чтобы флаг наш везде надлежащим образом уважаем был», не остались простым звуком. Гибралтар, Портсмут, Ливорно, Копенгаген, Мессина, Филадельфия и многие другие порты салютовали русским кораблям, вышедшим иа широкие морские просторы.

* * *

В начале 1781 года находившийся в составе эскадры контр-адмирала Сухотина 64-пушечник «Виктор» отдал салют, входя в бухту Ливорно.

«Ну вот и свиделись!» — глядя на холмы, рощи и портовые дома, подумал капитан Ушаков.

Настроение у него было неровное. За весь переход от Кронштадта в Средиземное море на корабле не было серьезных поломок, никто не потерялся в чужих портах, не покалечился, но болезни заставили надеть на многих моряков белый саван...

Многому научились матросы Ушакова, от многих привычек он отучил их. Лень, безделье, бесконечный и бесполезный разговор на баке у фитиля, физическая вялость, безразличие, пьянство изгонялись капитаном из экипажа. А еще не любил он нерях, нерасторопных и небрежных людей. Заставлял по нескольку раз переделывать работу. Не нравилось это поначалу. Даже офицеры ворчали: «Педант. Хуже немца». «Немец», по народному представлению, заставлял аккуратно исполнять никчемную, ненужную, без пользы дела работу. Федор Ушаков требовал полезную, нужную работу делать искусно, умело, без сучка и задоринки. Надо трудиться безоплошно, считал он. То есть без оплошек, недоделок, ошибок, не наспех. Поэтому там, где на кораблях господствовал мордобой или царило безразличие к моряку, его умениям, там чаще лопались канаты, ломались мачты, срывало паруса, смывало шлюпки, было больше болезней, смертей, аварий. И у Ушакова на корабле бывало всякое, но беда от этого сводилась до минимума бдением капитана, его радением и настойчивостью. «Когда спит-то?» — ворчали корабельные служители из унтер-офицеров, если он появлялся среди ночи на палубе, заглядывал в трюм, из-за плеча следил за курсом, который выдер-

живал рулевой. А он действительно спал несколько часов — приучил себя. Засыпал быстро и просыпался внезапно, чувствуя приближавшуюся опасность, ощущая нутром зародившиеся неполадки, возникшую потребность в нем, его совете. Требовал четкости, быстроты в деле. Памятен в этом смысле отданный в более поздние годы его знаменитый приказ «Об исправности и расторопности».

«С выходом с эскадрою на море рекомендовал я всей команде служителям как долг, служба и исправность требуют во всех обращениях и исполнениях дел, **служителям быть всегда расторопными и оным показывать всеми движениями и видом с крайней поспешностью и проворством** (подчеркнуто мною. — **В. Г.**) к делу во многих местах, где потребно быть броским и бежать скоро, в руках иметь отменную расторопность, а где потребно, и силу при проворстве употребить невозможно. Но за сим замечаю многих весьма вялыми и нерасторопными, а сие не отчего много происходит, как только от их лености. Господину командующему 84-пушечного корабля наистрожайше подтвердить вахтенным командирам и всем офицерам, чтобы служителей, как требует долг закона, обучением довесть в лучшую исправность, и всех, кто окажется ленив, принудить таковых строгостью воинской дисциплины. Рекомендую сей же час приказать всех слушателей собрать во фрунт и сей приказ им объявить и внушить внятно. Я надеюсь, что служители будут стараться доставить мне удовольствие видеть их исправными, беглыми и расторопными, как должно быть отлично-хорошим, расторопным и исправным людям, в противном же случае принудят употребить над собою законную строгость, к чему, однако, я принужден быть не ожидаю и не желаю, поэтому и от них надеюсь охотного послушания и расторопности. Я почитаю и собственно для них лучше всякое дело сделать с крайней поспешностью, нежели леностью и непроворством длили оное медлительностью.

Господам капитан-лейтенантам и вахтенным командирам объявить, если они не употребят всевозможного старания служителей в лучшую исправность и расторопность и на чьей вахте я замечу ленивое людей исполнение со всей строгостью прикажу на них взыскать, поэтому и положить оное на их отчет, ибо за всякое непроворство людей отвечать они будут непременно».

Корабль был его домом, его миром. Корабль — мир. В нем соединялось для Ушакова все: заботы, устремления, чувствования, размышления. Корабль не стал для него местом погребения надежды, нет, наоборот, он вывел его в большой мир великих людей, связал его золотыми нитями с будущим, не ограничил его, а расширил кругозор, выведя в океаны, провел вдоль берегов

Швеции, Дании, Пруссии, Голландии, Англии, Франции, Португалии, Испании, Италии, Греции, Алжира, Турции. Кораблем он был возвышен до незримых высот, без него он не мог твердо стоять на суше. Да на суше и не приходилось долго пребывать...

* * *

В середине года «Виктор» сопроводил пьемонтский, голландский и испанские торговые корабли к порту Магон.

...Из-за нахмурившейся колючими соснами скалы, подгоняемый резким норд-вестом, внезапно выскочил юркий парусник. Ядра, пущенные из его бортовых пушек, расщепили переднюю мачту итальянского «купца» и, закрутившись в полотняный парус, рванули его вниз. Второй залп остановил команду, кинувшуюся менять паруса для разворота. Ошеломленный атакой капитан шедшего за «итальянцем» испанского корабля курса не сменил, а принялся истово молиться: «Спаси и помилуй, Святая дева Мария. Спаси...» О сопровождающем караван купеческих судов русском фрегате и забыли. Да он и не виден был из-за другой скалы, которую обходил. Флаг на атакующем паруснике отсутствовал, это не оставляло сомнений — арматоры. Но кто они: каперы Англии, греческие корсары или варварийские пираты? Кто забрался сюда, к испанской Мальорке? А арматорский корабль недвусмысленно требовал сбросить паруса и остановиться. Два корабля продолжали идти вперед, другие сбавили ход, показывая, что покорились. С каперского корабля на смешанном испано-французско-английском языке потребовали сложить оружие. Обросшие бородами, в турецких шароварах, греческих шапочках, с французскими ружьями матросы соскакивали в проворную шлюпку, спущенную для них. На торговых кораблях обреченно смотрели на приближающихся...

Ядро, упавшее рядом со шлюпкой, развернуло ее, поломало весла. Второе вызвало фонтан со дна, а третье — раскололо шлюпку пополам. Пираты на корабле не успели подбежать к пушкам верхней палубы, как были сметены бортовым залпом орудий «Виктора», уже показавшегося с другой стороны скалы. Ушаков сразу понял, что капера следует ошеломить, не дать ему подготовиться к отпору, сбить с палубы артиллерийскую команду, задержать внизу марсовых. Оторопелая и наполовину уже уничтоженная команда подняла руки перед идущими на абордаж русскими. Капитан со взятого в плен корабля, опустив голову, молчал, когда в окружении своих моряков ступил на палубу русского фрегата.

— Кто вы? Из какой страны? — спрашивали его по-испански

и английски. Находившийся на корабле Ушакова греческий офицер спросил по-турецки и арабски.

— Скажите, что за нападение па мирных купцов мы привяжем ему ядро к ногам и пошлем к рыбам, — хмуро посмотрел на командира пиратов Ушаков. Тот продолжал молчать, и только когда два дюжих русских моряка подхватили его под руки, что-то закричал.

— Ваше превосходительство, он кричит, что вы будете отвечать перед французской коропой.

— За что же это? — нервно дернул головой Ушаков. — Он слышал что-нибудь о Декларации, о свободе морской торговли? Может быть, это не он хотел ограбить купцов?

— Он говорит, что то не купцы. Они везут военную контрабанду в Гибралтар.

— Откуда он взял? Мы проводим их на Мальорку к испанцам, союзникам Франции. А ему придется здорово раскаяться в своем разбое. Пусть поднимет голову и посмотрит в глаза своим жертвам.

Капитан каперского судна поднял голову, крикнул: «Вива, Франс! Вива!..» — И внезапно замолк, остановив взгляд на уходящем с палубы капитан-лейтенанте. Корсарский вожак рванул себя за стянутый узлом на груди платок и голосом, полным отчаяния, простонал: «Теодор!..» Ушаков остановился, обернулся, внимательно и строго посмотрел на разбойного капитана. Тот же сделал шаг к нему, стал бить себя в грудь:

— Теодор! Се муа! Де Шаплет!

Да, обросший, с закутанной в тюрбан головой, в варварийских шароварах человек был Виктором де Шаплетом. Не тем щеголеватым, элегантным капитаном французского парусника, с которым он три года назад пировал в Ливорно, а разбойного вида предводителем каперского корабля, который, не будь ушаковского «Виктора», захватил бы в плен экипаж, ограбил корабли, продал их, а может, и людей в рабство алжирским беям.

— Что же ты бандитом заделался? — сокрушаясь, спрашивал Ушаков Виктора в своей каюте, где отпаивал чаем распрощавшегося было с жизнью командира каперов.

— Знаешь, Теодор, нужны деньги, нужно богатство. У нас без этого жить нельзя, — помешивая чай, устало рассказывал де Шаплет.

— Но не грабить же па больших дорогах из-за этого. Я ведь тоже за́мков не имею в России. Служу Отечеству. В этом нахожу опору для честного бытия!

— А кто тебе сказал, Теодор, что я не служу Отечеству? Меня снабдили порохом, провиантом, солониной в Тулоне. Сняли

только французский флаг. И я рыскаю по всему побережью, перехватываю все, что идет в Гибралтар. — Де Шаплет сокрушенно вздохнул. — Да и не только в Гибралтар...

О быстрых рейдах, ночных атаках, незаметном прохождении вдоль берега, схватках с английскими крейсерами — как будто дождавшись наконец слушателя — долго рассказывал пленный капитан в тот вечер Ушакову.

— Надоело, Теодор, руки марать, — признался он к концу беседы. — Но наш флот бездействует. Все большие битвы проигрывает. А я мелкие выигрываю.

...Утром торговые корабли вошли в порт Магон. Ушаков отпустил французов на уходящем в Тулон датском «нейтрале», помахал де Шаплету.

— Переходи к нам на службу, Виктор, моряк ты отменный, у нас заметят. Или приходи на торговом, охранять буду!

ГРАФ СЕВЕРНЫЙ

В Европе с любопытством восприняли эту таинственную пару. Графа и графиню Северных принимали пышно и с почестями, долженствующими означать принадлежность к императорской фамилии. Опережающая их приезд молва оповещала — прибыл русский наследник престола и его жена. Но наследник ли? В голове Павла выстраивался закон о престолонаследии: «Дабы но было ни малейшего сомнения, кому наследовать». Его мать, уже раз осуществившая нарушение традиции, была занята совершенно противоположными мыслями — она намеревалась полностью отстранить сына от наследования и заменить его великим князем Александром Павловичем.

Павел чувствует окончательный разрыв с матерью, с Большим двором, нервничает, теряет опору, пишет в отчаянии в Смоленскую губернию своему главному советнику и вершителю предшествующей внешней политики России Никите Ивановичу Панину, который постепенно устранялся от власти: «Здесь у нас ничего нового нет... все чего-нибудь ждем, не имея ничего перед глазами. Опасаемся не имея страха; смеемся не смешному. Так судите, как могут дела делаться, когда они зависят от людей, провождающих всю жизнь свою в таковом положении, разстраивающим все».

Он видит, что Екатерину все больше окружают наряду с льстецами, проходимцами, бездельниками люди предприимчивые, выдвинутые из глубин дворянства, из России, и приходит к чудовищному выводу: завести в империи наемные иностранные вой-

ска и флот путем вербовки, может быть, в Польше, может быть (и ему это было больше по душе), в Пруссии, в других немецких княжествах. Хитрец Панин соглашается, но пишет: «...Для Отечества ничего не может быть счастливее, как сознание, что природный, высокий наследник престола его возрастет до настоящего возмужания, в недрах своего Отечества с прозорливейшим проницанием и неутомимой прилежностью... признает непременно государскою должностью самолично управлять и во всем надзирать над государственною обороною. Яко над единственною надежнейшею подпорою целости и безопасности оного».

Однако советы Панина вскоре уже были не нужны, союз с Пруссией и «Северный аккорд», который он выстроил, отошел в прошлое. Зародился союз с Австрией, продиктованный движением России на юг. Граф Фалькенштейн, то бишь император Иосиф II, появился в России инкогнито, встретился с Екатериной в Могилеве, побывал в Петербурге. Здесь, зная про прусские симпатии Павла, поухаживал за ним и его второй супругой, прусской принцессой Марией Федоровной. Иосиф пригласил Павла посетить Вену и вообще заграницу. Принц загорелся желанием, обратился к своему Панину, как бы устроить эту поездку и встречу с любимым Фридрихом, королем прусским. Панин затеял интригу. Мария Федоровна составила план из семи пунктов, как «обработать» императрицу. Екатерина снисходительно наблюдала, оповещенная о малейших шагах Павла, дожидаясь, когда он окончательно попадет в ее сети. Павел пришел робко просить согласия и милостиво его получил. Когда разрабатывался маршрут, Пруссия, конечно же, была вычеркнута рукой матери. Вена — Неаполь — Париж и другие города определены как места паломничества Павла. Цесаревич, раздосадованный запретом посетить Пруссию, воспринимал сначала свою поездку мрачно и меланхолично, да к тому же Мария Федоровна, прощаясь с сыновьями, три раза падала в обморок, чем вызвала брезгливый гнев Екатерины, не любившей этих немецких провинциальных сентиментальностей.

В Вене гремела музыка, давались концерты, балы в честь четы графа и графини Северных (так решили обозначить их в поездке), а Павлу чудились косые взгляды, насмешки, издевка. Он даже вздрогнул, когда в одном месте в честь их пребывания запланировали сыграть «Гамлета». «Это что, намек?!» — чуть не вскричал он и потребовал отменить спектакль.

Однако почести были столь пышны, а церемонии блестящи, что он впервые стал ощущать преимущества своего сана, в котором ему отказывали в России. Да Павел и сам хотел понравиться Европе, показать себя достойным преемником великого своего

прадеда Петра I. Позднее, в Брюсселе, он даже рассказывал историю о ночной встрече с тем.

Там, после ужина в покоях, когда избранные гости вспоминали о своих предчувствиях, снах, предзнаменованиях, в ответ на вопрос принца Де-Линя, связавшего впоследствии свою судьбу во многом с Россией: «Разве в России нет ничего чудесного?» — Павел покачал головой и, попросив сохранить это «в дипломатической тайне», рассказал о том, как однажды в лунную ночь, прогуливаясь с князем Куракиным по Петербургу, он заметил высокого и худого человека, завернутого в плащ вроде испанского и в военной надвинутой на глаза шляпе. «Он, казалось, кого-то поджидал и подошел ко мне с левой стороны, не говоря ни слова, — заинтриговал всех Павел. — Невозможно было разглядеть черты его лица, только по тротуару издавался странный звук, как будто камень ударялся о камень. Я сначала изумлен был этой встречей, затем мне показалось, что я ощущаю охлаждение в левом боку. Куракин же ничего не видел. Я дрожал не от страха — от холода. Какое-то странное чувство охватило меня и проникало в сердце. Кровь застывала в жилах. Вдруг грустный голос раздался из-под плаща, закрывавшего рот моего спутника: «Павел!.. Бедный Павел, кто я? Я тот, кто принимает в тебе участие. Чего я желаю? Я желаю, чтобы ты не особенно привязывался к этому миру, потому что ты не останешься в нем долго. Живи как следует, если желаешь умереть спокойно, и не презирай укоров совести: это величайшая мука для великой души». Больше часу ходили они в молчании, поведал цесаревич собеседникам, наконец, ночные путники достигли большой площади между мостом через Неву и зданием Сената. «Незнакомец» остановился и сказал наследнику: «Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и еще в другом месте», — затем приподнял шляпу, за которой он увидел орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку прадеда — Петра Великого. «Раньше чем я пришел в себя от удивления и страха, он уже исчез».

Собеседники изумились, когда цесаревич сказал, что на этом самом месте императрица приказала соорудить памятник, который изображает Петра на коне и скоро сделается удивлением всей Европы.

«Не я указал моей матери, что это место предугадано заранее призраком», — тихо закончил тогда Павел.

Да, такой рассказ должен был свидетельствовать отнюдь не о помутившемся разумом царевиче (подобные слухи периодически выбрасывались в Европу), а о его предопределении следовать стопам Великого Петра. Он ехал также инкогнито, как и в конце предыдущего века император России, он ехал также познать Ев-

ропу, как тот, ощутить пульс науки и искусства, овладеть ими, как и могучий император. Но была великая разница: Петр все пробовал сам, решал сам, махал топором, лазил на палубы и мачты, спускался в трюмы, делал чертежи, опробовал, учился, применял у себя в России.

Павел же только созерцал и раздражался, что он не император.

* * *

На рейде в Ливорно встали в полукруг все корабли русской эскадры контр-адмирала Якова Сухотина. То ли по неизведанной случайности, то ли по причине старых сложившихся связей, то ли из-за особой отзывчивости ливорнцев и их правителей русские корабли и целые эскадры в XVIII веке заходили сюда довольно часто. Заходили, вставали на долговременную стоянку, килевались здесь и ремонтировались, получали мясо и вино, хлеб и крупу. В городе к русским морякам относились доброжелательно и гостеприимно. Нередко можно было встретить на приеме в ратуше, у богатого негоцианта или в замке местного аристократа офицера или даже самого командующего эскадрой. А на городском карнавале, в прибрежной винарне танцевали, прижимали к себе веселых девушек немного сдержанные, но добродушные и улыбчивые матросы. Лишь в церкви католической они не бывали, по греческому обряду молились на своих кораблях, у своих священников.

В апрельский, божественный, по утверждению ливорнцев, день, ибо именно в такой весенний день только и мог воскреснуть всевышний, с эскадры никто не был отпущен на берег: ждали графа и графиню Северных. Ждали и хотели блеснуть мастерством постановки парусов, хождения в море, умения стрелять точно в цель, для чего вывезли и поставили на якорь ветхое судно греческого торговца, пообещав заплатить за рухлядь, доставить его грузы на фрегате. Ждали. Наблюдали в подзорные трубы за приморской дорогой. Как всегда в таких случаях, карета показалась неожиданно. Яков Филиппович Сухотин запутался в разноцветных коврах, выбегая из подготовленного к торжественному проезду к кораблям барказу, но четко доложил: «Эскадра ждет...» Граф Северный небрежно махнул рукой и проследовал сквозь кучу зевак, прослышавших о приезде какого-то знатного русского.

Барказ приблизился к эскадре. А там, переливаясь от корабля к кораблю, гремело: «Ур-р-р-р-а!» Трепетали флаги расцвечивания, на вантах расположились моряки. Вдоль бортов палубы

выстроились солдаты. Грянули пушки. Залп. Один, пять, десять, пятнадцать, двадцать. Всему городу стало ясно — особа знатная необычайно. Граф прошел по палубе вдоль строя, подал два пальца офицерам и, обернувшись к Сухотину, тихо сказал:

— Прикажите не кричать!

— Что? — не понял тот.

— Вопли пусть закончат, — зло сказал граф.

Сухотин отдал команду, побежал дежурный офицер, крик стал стихать и лишь где-то там, наверху грот-мачты, добросовестно исполнял отданный раньше приказ одинокий моряк, не слыша, вероятно, ни себя, ни новой команды.

— Забавно, не правда ли, сударыня? — обратился к молчавшей доселе спутнице граф.

— Ах, Павел, может, мы сегодня на этой палубе откажемся от маскарада? — отвечала она совсем не о том.

— Верно, — решительно выдохнул цесаревич. — Щи у вас найдутся? Да не зовите нас больше сими кличками, вспомните, что я ваш генерал-адмирал, расскажите, как сюда дошли. Сядемте здесь, — указал он на столы и кресла, установленные на шканцах.

Сухотин доложил, что эскадра 28 мая прошлого года снялась с Кронштадтского рейда и, сделав заход в Гельсинор, нигде больше не останавливалась, прошла в Ливорно, куда прибыла 15 августа.

— Стало быть, обошли всю Европу?

— Да, господин граф, простите, ваше императорское высочество. Сие есть пока высшее достижение для наших кораблей.

— Не думаю, — не согласился Павел. — Но однако, что вы делаете ныне в Средиземноморье?

— Оберегаем корабли наши купеческие и иноземные от пиратских нападений.

— Сия политика — пыжиться до уровня всей вселенной — дорого обходится державе, — повернул голову к беззаботно внимавшей ему Марии Федоровне. Та согласно и быстро закивала. Павел же обратился к капитанам кораблей, что были ему уже представлены у трапа.

— Вот вы, — отнесся он к напряженно сидевшему Ушакову, — почему на императорской яхте не захотели служить? Я ведь вас там видел?

— Море люблю, ваше императорское высочество, — добродушно ответил, улыбнувшись, Ушаков.

Павел улыбку принял, сам улыбнулся и нестрого спросил:

— Где же вы бывали? В каких походах и экспедициях?

— Здесь, в Ливорно, раньше с эскадрой Козлянинова. В Чер-

ном воевал с турками, в Белое море ходил, из Архангельска на фрегате возвращался, командовал новоизобретенными кораблями Донской флотилии.

— Изрядно вас бросало, однако. Ну и какова плата?

Ушаков обернулся к Сухотину, тот объяснил сам.

— Тысячу рублей единовременно и по сто пятьдесят рублей столовых ежемесячно.

Павел и Мария Федоровна переглянулись.

— Богато живет флот! Расходы чрезмерные.

— Нет, ваше императорское высочество, — не согласился Сухотин, — не богато, а тяжело. Восемьсот человек в госпиталях, двадцать восемь умерло и просим вас исходатайствовать нам помощь, а их семьям вспомоществование.

Павел задумался. Он не знал, главное это или второстепенное — флот, хотя и был приписан к нему. По совету Панина он хотел обо всем подумать самостоятельно. Тот рекомендовал ему изучать лишь то, на что должно обращать внимание, «не отвлекаться в сторону, к предметам, не имеющим отношения к плану. Не тревожиться тем, что недостойно возбуждать беспокойство. Побольше бодрости, со временем все дается: и терпение и прилежание». Вести разговор с подданными Павел решил не лицемеря. Еще в Риге он обрушился на беспорядки в военном ведомстве, резко заметил: «Если бы мне надо было образовать себе политическую партию, я бы мог умолчать о подобных беспорядках, чтобы пощадить известных лиц. Но будучи тем, что я есмь, для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства... Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за неправое». Вот и этим морякам сказать надо, что не все у них в порядке, не все отлажено. Стал делать замечания, они согласились, ибо где же корабль без недостатков. Стал расспрашивать про тактику морского боя, они здесь отвечали бойчее и четче. Обратился к Сухотину:

— Если перед вами вражеская эскадра, как вы выстраиваетесь?

— В кильватерную линию.

— А если я захочу по-другому?

— Это невозможно.

— Объясните.

— Сие заведено уставом.

— Ну а если изменить устав?

— Невозможно.

Продолжение на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

НА ЭКРАНЕ — ЙОЗЕФ ШВЕЙК

Да, в дни Великой Отечественной наш давний знакомый Йозеф Швейк, бравый солдат первой мировой, неунывающий пражанин, созданный когда-то талантом Ярослава Гашека, вновь оказался на линии огня... Кто из нас в детстве не зачитывался похождениями этого обаятельного героя сатирической эпопеи? «Мнимый идиот, невольный симулянт, за общепризнанным защитным слабоумием которого,— как говорил Лев Кассиль,— припрятан мудрый солдатский стоицизм, за невозмутимой, пунктуальной назойливостью скрывается тонкая издевка, а за лучезарным шутовским усердием, за наивной болтливостью и показным простодушием таится целая философия старого окопника, с его мудрым отношением к жизни, опасностям и превратностям солдатской борьбы...»

Уже в начале войны в одном из первых «Боевых киносборников» вновь появился этот добрый, мудрый, неунывающий человек, даря людям такую необходимую тогда улыбку. А в сорок втором Сергей Юткевич по сценарию, написанному Евгением Помещиковым и Николаем Рожковым, стал снимать фильм «Новые похождения Швейка». Сценарий представлял собой кинопамфлет, где действительность переплеталась с фантастикой. Написанный в нарочито грубоватой форме «солдатской сказки», он строился на приемах старинного балагана и был насыщен невероятными приключениями... Сколько же веселья принесла фронтовикам (и не только фронтовикам) эта «солдатская сказка» с участием всеобщего любимца Швейка!

НА ВЕСЕЛУЮ волну зрителя настраивали уже первые кадры, когда только что убежавший из фашистской тюрьмы наш знакомец направился к тетке Адели, напевая свою любимую песенку: «Сосиски с капустой я очень люблю...» Эта веселая волна определяла стихию всего фильма. Главное действие картины происходит во сне, который снится Швейку. Фантастический сюжет, развивающийся во вполне реальных условиях, позволял вводить героев в самые невероятные положения, применять самые разнообразные актерские средства...

Итак, дело происходит в одной из оккупированных фашистами европейских стран. Сюда вместе с карательным отрядом попадает Швейк, чех, насильно призванный в гитлеровскую армию. И вот в горную деревню, занятую карателями, заезжает сам Адольф Гитлер: он вынужден здесь задержаться, поскольку партизаны взорвали железнодорожный мост. Тут-то и начинаются похождения Швейка...

Швейк против Гитлера — не больше и не меньше! Ныне наш герой во многом отличается от того потешного, незлобивого и мудрого простофили, который воплощал в себе пацифистские чаяния Гашека. Этот Швейк ведет себя куда более воинственно. И хотя на него по-прежнему, как говорится, валятся все шишки, этот человек не только комическая жертва солдатского рока, но и храбрый, деятельный участник множества героических эпизодов, составивших новую эпопею о бравом солдате.

Внешне Швейк, которого блистательно играл Борис Тенин, изменился мало: глуповатая физиономия добродушного простачка. Рот, растянутый до ушей в лучезарной улыбке. Взгляд детский наивен и лукав. Коренастая фигура в мешковатой солдатской форме неуклюжа... Помните: примерно таким был и раньше этот знаменитый литературный герой, щедро запечатленный и в графике, и в скульптуре, и на сцене, и на экране... И все же новый Швейк выглядел несколько по-новому: стал более энергичен, в глазах появилась издевка, в озорных выходках ощущался теперь гражданский гнев патриота, бесстрашие... За его коварными проделками уже стала проступать порой откровенная ненависть к врагу, хотя каждый шаг, жест, взгляд были проникнуты неистребимым комизмом.

Как вспоминает Юткевич, он «подбивал Тенина на самую смелую импровизацию, на са-

мую отчаянную эксцентрику», и потом, на экране, артист подмигивал в объектив киноаппарата, словно о чем-то сговариваясь со зрителем, доверительно приглашал его посмотреть, какой номер сейчас выкинет. Например, разыгрывая веселую интермедию с упрямым ослом, не желавшим идти в безопасное место во время перестрелки, тянул его за уздечку, затем за хвост, безуспешно толкал плечом, ногой и, наконец, кувыркаясь, подпрыгивал, садился верхом, оказавшись лицом к хвосту... Или с чарующей улыбкой опрокидывал на голову ефрейтора Шпуке (кстати, первая крупная роль в кино Сергея Филиппова) ведро с известкой и после ритмическими ударами палкой по ведру заставлял того маршировать, кружась на одном месте...

Стилистика центрального образа определила стилистику и всего фильма: буффонада. В соответствии с этим решался Сергеем Мартинсоном и образ бесноватого фюрера, чьи повадки были подчеркнуто похожи на повадки ефрейтора Шпуке. Ни Мартинсон, ни Филиппов не искали детализированных психологических характеристик: сущность фашизма они великолепно выразили средствами гротеска. (Вспоминаю, как Гитлер в сцене раздачи наград извлекал кресты из... воздуха, словно заправский иллюзионист. А в финале он обретал облик беснующегося животного, заключенного в клетку.) Раз за разом Швейк придумывал фюреру все новый вид казни. Уже почти осуществлял справедливое возмездие, но в последний момент к нему опять являлся образ тетушки Адели, опять он слышал: «Мало!» — и приходилось начинать все сначала...

Так буффонада и гротеск стали оружием кинематографистов, решивших зло высмеять гитлеровский рейх. Увлеченные новизной темы, оригинальностью материала, свежестью режиссерских решений, высокой гражданственностью, они сняли фильм очень быстро. В шестидесятиградусную жару каждый день съемочная группа отправлялась за полсотни километров от Душанбе, в горы. Особенно доставалось Тенину, потому что ему приходилось сниматься в многочисленных толщинках, которые должны были придавать фигуре Швейка неуклюжий вид. Борис Михайлович обливался потом, но все равно испытывал счастье. Позже он признается, что «артистом кинокомедии получил право называться лишь после исполнения роли Швейка в фильме Юткевича...».

КАК ЗРИТЕЛИ приняли фильм? Только три отзыва.

Французские летчики из знаменитого полка «Нормандия—Неман» говорили, что «Швейк заставил нас искренне и безудержно смеяться...». Алексей Николаевич Толстой утверждал: «Тенин — Швейк, добродушный плут, так привлекателен, что жалко с ним расставаться...» А Лев Кассиль, чье имя выше уже упоминалось, написал тогда в газете «Литература и искусство»: «Сергей Юткевич создал фильм, который может считаться первым опытом сатирического военного фильма...»

Так смех на экране стал оружием...

Лев СИДОРОВСКИЙ

●

УСПЕХ КАРТИН этого художника сенсационен. Пожалуй, такая оценка не будет преувеличением. Чтобы увидеть созданное Константином Васильевым, люди стоят в очередях на сорокаградусном морозе, как это было в московскую зиму 1979/80 года на Малой Грузинской улице, едут в выставочные залы на окраины города, в Подмосковье... Поразителен эмоциональный накал записей, оставленных в книгах отзывов выставок. Почти на каждой странице — восторженные слова о «великом русском художнике», «поэте и романтике». Полотна Васильева сравнивают с глотком чистого воздуха. Многие требуют не допустить гибели тускнеющих на глазах картин, просят об организации выставок в своих городах, оставляют стихи, посвященные запомнившимся образам художника, задумываются, скорбят... Встречаются, впрочем, и записи иного характера. Восторг объявляется «болезненным», все творчество художника «пошлым и безвкусным», «далеким от живописи и от искусства вообще». Более того, по мнению некоторых искусствоведов, «каждый сколько-нибудь состоявшийся разговор среди критиков и художников включает в себя неотъемлемой частью критику в адрес... К. Васильева, не обращая внимания на то, что «массовый зритель стоит на своем» (Лукшин И. Массовая культура и советское изобразительное искусство.— «Искусство», 1988 г.). Одним словом, можно считать, что разговор о художнике Константине Алексеевиче Васильеве, хотя со дня его гибели минуло более двенадцати лет, только начат. Судьба картин столь же непроста, как и судьба человека, их создавшего.

СИМВОЛЫ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА

Лето 1988 года. Вновь обилие желающих посетить не слишком приметную выставку в маловместительном помещении, казалось бы, далекого от живописи Московского института народного хозяйства. Пройдя тесными лабиринтами душноватого в летние дни зала, можно при содействии экскурсоводов-энтузиастов проследить главные вехи творческого пути самобытного мастера, от первых детских рисунков до «Человека с филином», последнего его полотна, насыщенного глубокой таинственной символикой. Что означают светоч и плеть в руках человека, встающего над бездной, над бескрайностью уходящей к мглистому морозному горизонту тайги, человека с пронизывающим взором, устремленным за спины созерцающих картину? Будоражит воображение филин, сидящий на рукавице левой руки, сгорающий у ног свиток со словами «Константин Великоросс», сказочно прорастающий из этого пламени росток дуба...

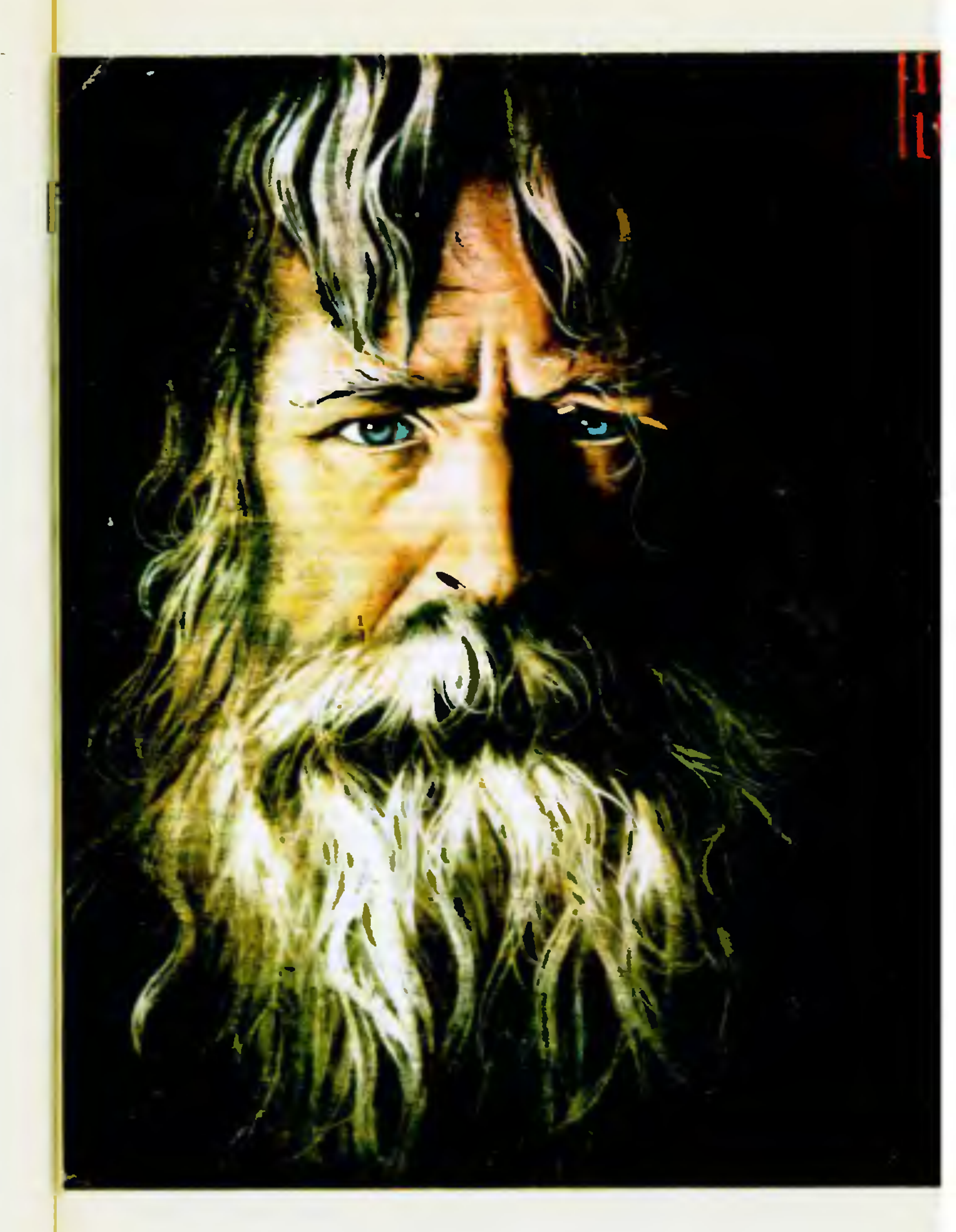
Неотразимо притягивает картина «Ожидание» в березовой рамке.

Невысказанная боль, мольба на освещенном свечой лице прекрасной русской девушки, заглядывающей в темноту обледенелого окна. Суждено ли сбыться тому, чего она ждет?..

Возможно, именно эти две картины своего рода вершины в богатом (до 400 живописных, графических работ и эскизов) творческом наследии художника, сумевшего создать галерею цельных, ярких образов своего народа — от Добрыни, разящего Змея, и Ильи Муромца, несущего освобождение узникам, до маршала Г. К. Жукова, изображенного на фоне руин Сталинграда и поверженных штандартов нацистской Германии. Именно былинный цикл занимает особое место среди созданного Васильевым. Не случайно на вернисажи его выставок всегда приезжают исполнители народных песен и сказаний.

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» — прозвучало в начале 60-х годов в поэзии Николая Рубцова, с тревогой и болью всматривавшегося в «смятенный вид родного края». Не остались незамеченными стихи Н. Рубцова, поэта русского Севера, и художником из поселка Васильево, что в сорока минутах езды от Казани. Думается, творчество К. Васильева можно рассматривать как проявление в живописи того корневого направления в нашей культуре, которое с наибольшей силой отражено в книгах В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева, Ю. Селезнева, В. Шукшина. «Нужно вернуться к истокам родного языка и родной поэзии, освобождая былую силу и былой возвышенный дух, который дремлет в памятниках древности» — таким был сформулированный в рабочих записях итог непростых исканий художника Константина Васильева. Многим ли еще живописцам удалось найти свою дорогу между Сциллой доходных тем официозного «социального заказа» и Харибдой различных вариаций авангардизма, начавшего свое полуподпольное «цветение» во времена «оттепели» на рубеже 50—60-х годов? Сохранились эффектные «сюры» Васильева периода бурного увлечения им экспрессионизмом и сюрреализмом того периода, когда он, по поздней своей оценке, «стоял на голове». По словам академика Б. А. Рыбакова, «русская историческая живопись обогатилась новым художником, сразу обратившим на себя внимание современников...». Высказывался известный историк о «сказочности и поэтичности», «народности» картин К. Васильева; как явление «редкого таланта» оценил работы художника летчик-космонавт А. А. Леонов; был «совершенно очарован» «изумительной музыкальностью» и «чудесным живописным мастерством» приезжавший из Италии известный художник Н. Бенуа. С большим успехом демонстрировался документальный фильм «Васильев из Васильева». Очень сложно раздобыть вышедшую в 1985 году в приложении к журналу «Молодая гвардия» книжку о художнике, открытки с репродукциями его картин. Прошли десятки выставок, в основном в фойе кинотеатров, домах культуры, что принесло их владельцам солидную прибыль.

Находящиеся в ведении Союза художников крупнейшие наши выставочные залы до сих пор закрыты для картин К. Васильева. Он не успел стать членом этого Союза, многие представители которого и поныне не признают его профессионализм (хотя Васильев учился, пройдя огромный конкурс, в школе-интернате при Суриковском институте в Москве и закончил Казанское художественное училище). Известный писатель В. Солоухин, познакомившийся с картинами Васильева в ДК подмосковного совхоза, приводит, например, такие высказывания: «Константин Васильев?.. Но это же непро-

СТАРИК

фессионально. У живописи есть свои законы, свои правила. А это безграмотно с точки зрения живописи. Он любитель, дилетант, и все картины его — дилетантская мазня. Там же ни одно живописное пятно не соответствует другому живописному пятну!» Именно члены Коломенского отделения Союза художников возражали против размещения постоянной экспозиции картин Васильева в художественно-историческом музее своего города... Свои теоретические обоснования приводят искусствоведы: «На выставках К. Васильева, отстояв, как и положено, длинную очередь, я обнаружил, наверное, в каждой пятой картине горящую свечу, всего два женских и три или четыре мужских типа. Художник бродит в потемках языческой Руси, наделяя ныне живущих потомков верой в возможность иной жизни, которую знает мудрый старец. Иными словами, вторичная культура тянется к истокам, как бы желая вернуть потомкам удаль, богатырскую силу, желание борьбы со злом». Без колебаний И. Лукшин, автор приведенных выше строк, называет полное ярких красок и обрядов славянское язычество «потемками», «тягу к истокам» относит к эрзацам «вторичной культуры», не вполне ясна даже его позиция по отношению к самой идее «желания борьбы со злом»... Успех картин художника критик объясняет потрафлением вкусу толпы, принадлежностью к массовой культуре, которая, как известно, обычно вызывает ажиотаж у зрителя элементами скандала, поверхностной обличительностью, шумной экстравагантностью, порнографией и т. п. «Если первичная, оригинальная культура,— продолжает И. Лукшин,— ставит вопросы, сомневается, мучается, усматривает зияние и разломы в бытии, свергает кумиров, освобождает человека, то вторичная, напротив, создает иллюзию гармонии и смысла существования». Что же получается, «первичная» культура должна «освобождать» от «иллюзии» смысла существования, внушая обратное? Разрушать вековые ценности и авторитеты, «свергая кумиров», как это делали в 20—30-е годы с успехом «неистовые ревнители», взявшие в свои руки руководство «новым пролетарским искусством» и объявившие классическую литературу и живопись, всю историю России «наследием проклятого прошлого»? Критик без колебаний приравнивает картины К. Васильева к лубочным поделкам в псевдонародном стиле, которые продают любители в Измайловском парке, но откуда тогда ощущение трагизма и глубокой тревоги, возникающее у многих перед картинами художника? Именно «зияние и разломы», впечатление нависающей угрозы в мглистом, сумеречном фоне некоторых его полотен, в тончайших оттенках серо-стального цвета, избранного художником для передачи российского неба... И светящиеся на его полотнах свечи не воспринимаются ли как символ неугасимого горения духа, в котором и видел Константин Васильев смысл существования? Для кого же должен писать художник — для народа, которому близки мотивы его творчества, или для элиты парящих в неведомых высотах искусствоведов?

Непросто застать дома Анатолия Доронина, журналиста, автора книги «Художник Константин Васильев». Во многом именно благодаря его подвижнической деятельности и вопреки весьма ощутимому сопротивлению Союза художников проходят выставки Васильева, имя его становится известным все большему кругу людей. Еще в 1971 году внимание Доронина привлекла увиденная в одной из московских квартир картина «Над Волгой» неизвестного мастера откуда-то из провинции. Впечатление было незабываемым. Спустя два года Доронину довелось познакомиться и с самим художником, изредка наезжавшим в Москву для посещения консерватории, покупки книг да красок. Запомнились его сдержанная манера держаться, присущая сильным людям, не столь уж частые в наше время интеллигентность и скромность. В последние годы Васильев пытался по настоянию друзей организовать выставку своих работ, но сделать это тогда ему не удалось... Останавливался он у различных знакомых, часто дарил свои картины, местонахождение многих из них, кстати говоря, сейчас неизвестно, что также создает устроителям выставок немало трудностей.

А. Доронин — председатель Клуба любителей живописи Константина Васильева, созданного в конце 1987 года при московском городском отделении Общества охраны памятников истории и культуры. Главная цель клуба, закрепленная в уставе: популяризация и сохранение картин художника, создание на общественных началах музея картин К. Васильева. Есть у клуба и своя эмблема — палитра, напоминающая по форме древнерусский щит, на красном поле его золоченые буквы КВ, которыми Васильев подписывал свои работы. Уже имеются средства, достаточные для устройства музея, который планируется открыть в 1989 году в пустующем пока здании в Лианозове, на северной окраине Москвы. Там же намечается организовать и школу искусств молодежи Тимирязевского района.

Входит в задачи клуба, как отмечено в уставе, и приобщение к общественной деятельности, воспитание должного отношения к отечественной истории и культурному наследию. В одной из своих статей о «неформалах» А. Доронин писал, что «проблема духовного общения и объединения людей стала в наше время

ЧЕЛОВЕК С ФИЛИНОМ

одной из самых актуальных». Анализируя происходящие в молодежной среде процессы, председатель клуба любителей живописи Константина Васильева подчеркивает необходимость собирания крупиц лучших неформальных объединений, пишет о тупиках на пути коммерческой развлекательности, столь манящей некоторых «неформалов», отстаивает необходимость воспитания верности гуманистическим принципам, приобщенности к корням своего народа. Не это ли является основным и в картинах К. Васильева?

Интересно, что объединения людей вокруг творчества этого художника стихийно возникают во многих городах нашей страны — в Новосибирске, Чернигове, Казани, Коломне, Находке... Лишь весной 1988 года в Доме ВООПИКа на Покровском бульваре состоялось совещание представителей этих клубов, где и было решено создать музей К. Васильева именно в Москве.

Тысячи рублей необходимы для реставрации полотен Васильева. Не имея возможности всецело посвятить себя живописи, художник работал оформителем на заводе, лаборантом. Не было у него средств и для полноценной грунтовки холстов, для приобретения высококачественных красок и кистей... Нередко новые картины он писал прямо по другому полотну, отнесенному им самим к неудачам. Предпринимаемые сейчас попытки реставрации не всегда успешны даже в исполнении мастеров, имеющих высшую квалификацию.

Велика роль матери художника, Клавдии Парменовны, предоставившей наследие сына в распоряжение московского клуба, отказавшейся, несмотря на мизерную пенсию и тяжелые жилищные условия, продавать картины многочисленным покупателям за все более значительные суммы, в том числе в иностранной валюте. Клавдии Парменовне восьмой десяток, редко сейчас выезжает она из квартиры в Коломне, где живет вместе с дочерью Валентиной Алексеевной и ее семьей. Нередки здесь любознательные гости, приезжающие, увы, не всегда с кристально чистыми помыслами...

И все же остаются вопросы. Почему все-таки для сохранения картин незаурядного художника понадобилось объявить номер счета 700502 Фрунзенского отделения жилсоцбанка Москвы, куда поступают переводы? Каково же мнение людей, по долгу службы занимающихся вопросами искусства? Начальник управления Министерства культуры РСФСР В. П. Воробьев, отвечая на письма смотревших передачу «Мир и молодежь», где рассказывалось о картинах Васильева, нуждающихся в незамедлительной реставрации, писал: «Учитывая неоправданно обостренный интерес к творчеству К. Васильева, инспирированный группой заинтересованных лиц, считаем целесообразным просить ЦТ СССР найти возможность в рамках указанной передачи провести широкое обсуждение его произведений с участием критиков, искусствоведов, художников, представителей массовой печати, деятелей культуры и искусства. Такая передача, несомненно, послужила бы делу эстетического воспитания трудящихся». Но и подобное обсуждение до сих пор не состоялось...

В конце 1988 года картины Константина Васильева впервые выставлялись в Ленинграде. Длинные очереди выстраивались у входа в Ленинградский Дворец молодежи. К огорчению недоумевающих искусствоведов, «массовый зритель стоит на своем».

А. ТИМОФЕЕВ

ЕСТЬ ТАКОЙ ИНСТИТУТ...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, сколько надо затратить человеко-часов, чтобы вырастить свинью весом в сто килограммов! Вопрос явно не простой даже для сельского жителя.

— Два человеко-часа,— без колебаний ответили нам сотрудники Гипронисельхоза.— Если, конечно, выращивать свинью в условиях крупного животноводческого комплекса.

Побывав в ряде подмосковных крупных животноводческих комплексов, таких, как «Вороново», рассчитанное на выращивание и откорм 10 тысяч голов крупного рогатого скота, «Щапово», специализирующееся на производстве молока, «Кузнецовский», где откармливают 108 тысяч свиней в год, мы убедились в справедливости этих слов.

Поставив животноводство на промышленную основу, применяя последние достижения науки и техники, труженики села создают предпосылки для высокой рентабельности хозяйств. Не случайно такие высокомеханизированные и автоматизированные производства успешно действуют во многих европейских странах — Италии, ГДР, Чехословакии, Румынии.

В нашей стране самые современные животноводческие комплексы проектирует Гипронисельхоз. Вот уже несколько десятилетий институт разрабатывает самые разнообразные сельскохозяйственные постройки. За время своего существования институт внес значительный вклад в дело повышения технического уровня проектирования объектов сельскохозяйственного строительства, осуществил внедрение в широкую практику метода типового проектирования.

В первые годы своей деятельности институт в короткие сроки разработал проекты животноводческих, птицеводческих и других производственных помещений. Были выпущены альбомы типовых деталей, типовые схемы планировок центральных усадеб и отделений совхозов. Только за одно десятилетие по проектам института было построено свыше трех миллионов производственных и общественных сельских зданий, а также ветеринарных лечебниц и опытных хозяйств.

К первым государственным заказам, которые выполнял институт, относится и проектирование блока объединенных павильонов животноводства на ВДНХ, создание на ее территории животноводческих зданий в комплексе «Новая де-

В животноводческих комплексах успешно решаются вопросы механизации и автоматизации произяодственных процессов. Это дает возможность контропировать качество кормов, рациональнее использовать генетический потенциал животных, выявлять особенности их содержания.

ревня». Начиная с середины шестидесятых годов институт перешел от проектирования отдельных сельскохозяйственных зданий, ферм и других помещений к проектированию комплексов, с которыми надо было увязывать транспортные связи, кормовые базы, утилизацию всех отходов производства. Создание комплексов предусматривало строительство жилых поселков с культурно-бытовыми учреждениями.

Сегодня в животноводческих комплексах на более высоком уровне решены вопросы механизации производственных процессов. Предусмотрены механизированные технологические линии, обеспечивающие раздачу кормов и подачу воды, удаление навоза и поддержание заданного микроклимата, получение и первичную обработку молока. Все большее применение находят автоматизированные системы управления технологическими процессами, создаются экспериментальные автоматизированные системы управления производством, с помощью которых рационально используются генетические потенциалы животных, контролируется качество кормов, выявляются особенности содержания и многое другое.

Институт проводит большую научную работу. Одна из важных научных разработок посвящена созданию и внедрению солнечных, геотермальных, ветровых установок и устройств для производства тепла и электроэнергии. Большое внимание уделяется разработке и строительству биоэнергетических установок по переработке отходов животноводства и птицеводства в газообразное топливо и удобрения.

Большое значение придается изобретательской деятельности. Многие изобретения сотрудников института отмечены государственными премиями, дипломами и медалями ВДНХ. Только за последние годы подано более 120 заявок на изобретения, получено 98 авторских свидетельств.

Хотелось бы рассказать об одном изобретении, автор его — Антон Рожновский.

Водонапорная башня... Всем знакомое сооружение. Чаще всего это грибообразное сооружение, реже — трапециевидное или иной формы. В конце концов важна не форма, а содержание — вода. А как эта башня устроена, что там у нее внутри — до этого никому дела нет. Дает воду — и ладно. А если не дает! Вот тут-то и летят упреки в адрес конструкторов, в то и просто в адрес дяди Васи, который должен следить за работой механизмов.

Механизмы, между прочим, довольно сложны. И работают они порой в сложных условиях. Скажем, при морозе тридцать, а то и ниже градусов. Вот и придумывают конструкторы сложные и энергоемкие системы обогрева. Согласно законам физики вода замерзает при температуре ниже нуля, а расширение льда начинается при минус четырех градусах. И стремятся люди во что бы то ни стало держать по крайней мере «нуль». Без температурных резервов.

Но не зря говорят: все гениальное просто. Ну, может быть, не гениальная, но вполне оригинальная идея родилась в голове научного сотрудника института Рожновского.

Течет река — даже закованная в ледяной панцирь. Более того, он предохраняет русло от замерзания. А в водонапорной башне стоячей воды не бывает. То там, то здесь открываются краны. Достаточно просчитать минимальный расход воды, чтобы вычислить толщину ледяной защитной рубашки. Итог — отпадает необходимость затрачивать энергию на обогрев, отсюда... Отсюда колоссальная экономия и энергоресурсов, и финансов. Кроме того, упрощается технология самого строительства водонапорной башни.

За годы работы Гипронисельхоза его коллективом спроектированы не только фермы, зернохранилища, хранилища для сена, овощей, целые производственные комплексы. Здесь спроектировано много предприятий биологической промышленности. С учетом прогрессивной технологии, механизации и автоматизации производственных процессов институт разработал техническую документацию для строительства объектов биологической промышленности и научно-исследовательских организаций.

Задач, стоящих перед институтом, немало. И коллектив направляет свои усилия на их решение, чтобы внести посильный вклад в выполнение Продовольственной программы.

О. ЛОБАНОВА

Фото А. ЕГОРОВА

Н. ВАДЧЕНКО

ИСТОРИЯ БЕЗ ОБЪЯСНЕНИЙ

РАССКАЗ

Я ЖИВУ на окраине большого города, в маленьком домике из потемневшего кирпича. Когда-то он был белым, на нем рисовали мы разных человечков. Улица была молодая, детворы много. У нас существовал целый союз. Родители часто с нами управиться не могли, да и не имели возможности — целый день на работе. Бабушки в счет не принимались. Мы развлекались как хотели. Мой дом всеми признавался как рисовальня. Мать ругалась, жаловалась соседям, заставляла меня все это смывать — ничего не помогало. Приходя с работы, она прежде всего видела разукрашенный мелками кирпич. Потому что каждый день часа два мы посвящали рисованию.

В доме напротив, где жил Вовка Заикин, мальчишки всегда играли в войну. Мы, девчонки, тоже участвовали в военных действиях — как медицинские сестры. Наши пятки мелькали то в одном, то в другом месте. Конечно, родители Вовки не были в восторге от наших «сражений», но мы не обращали на это внимания. Более того, мы часто выходили победителями в споре с папами и мамами. Правда, был на улице один человек, который, как я сейчас помню, перехитрил нас.

И очень хорошо, что перехитрил. Он сказал как-то, что на войне убивают. А здорово будет, если мы начнем охранять кого-нибудь. Или что-нибудь. Например, посадим дерево и будем беречь его и охранять от мальчишек с соседней улицы. Он так красиво говорил, что мы с радостью посадили маленькую вишню, которую хитрый дядя приготовил заранее. Мы торжественно поклялись любить деревце как члена нашего союза. О нашей клятве прослышали все и во время драк грозились сломать вишенку в знак мести. В самые опасные моменты мы дежурили даже по ночам, охраняя нашего друга от врагов.

Когда немного подросли и помирились, то всех угощали вишнями с нашего дерева.

Интересное было время, сейчас — не очень; много дел, много проблем, совсем неинтересных. Живешь на окраине, а работаешь в центре. Час на автобусе. Летом жарко, душно. Зимой, когда натягиваются необъятные шубы, не протолкнешься и подолгу мерзнешь на остановках.

Родители постарели. У меня осталась одна мама. Часто болеет, всегда стонет и жалуется.

И работу менять не хочет, ездить каждый день трудно. Я-то нашла выход — поселилась в общежитии, домой попадаю на выходные. Но у мамы появилась навязчивая идея.

— Вот умру,— каждый раз повторяет она,— умру и буду лежать одна в пустом доме, будто и нет у меня дочери.

Я молчу. Что тут скажешь? Но в душе боюсь. Правда, боюсь другого. Вдруг мама заболеет, сляжет, как она говорит. Вот тогда действительно страшно — и воды некому подать, а я, ничего не зная, приеду только через три-четыре дня.

Часто едешь домой, а на душе кошки скребут: что там, как там? Подходишь к дому, видишь — дымок вьется, и облегченно вздыхаешь.

В тот день я собиралась после работы в библиотеку. Но не получилось. В середине дня вдруг стало неспокойно на душе. И причин явных не было. Просто не сиделось на месте, тошно, и все. Потом страшно стало. Будто зовет кто-то. Первая мысль: мама. Что-то случилось. Отпросилась с работы — и домой. Пока с остановки бежала, мышцы ног сводило несколько раз. Хотелось быстрее, быстрее. Влетела в дом — слава богу, все в порядке. Мама спокойно жарит рыбу. Очень обрадовалась и тотчас же дала задание — принести воды от соседей. Облегченно вздохнув, я схватила ведро. И только на улице поняла, что случилась беда.

Наша вишня! Теперь на ее месте стоял свежий пенек. А сама она лежала рядом, и с нее методично обрубали ветки с зелеными листочками.

Стою и сказать не знаю что. Только думаю:

«Федя, Феденька, что случилось? Ты же сам охранял ее, берег. Мы же клялись».

Он не замечал ничего вокруг. Он сосредоточенно обливал вишню бензином, чтоб лучше горела.

Понимала, что поздно, ничего уже исправить нельзя, но не выдержала, спросила:

— Федь, ты зачем это сделал?

— А,— оторвался он,— привет, соседка. Понимаешь, машину покупаю, «Москвич». Вот гараж буду строить.

— Гараж?.. Так ты из-за гаража? Федька, ведь это наше дерево, вспомни.

— Детство детством, жизнь есть жизнь.

— Ты хочешь сказать, что детство — это не жизнь... Ну ладно, если ты даже все забыл... Ты не имел права, это не твое дерево.

— Слушай,— Федька смотрел на меня насмешливо,— слушай, не мешай, развела тут философию. Мой ведь дом, мой гараж, и вообще моя территория. Я же не указываю тебе.

Было просто плохо, плохо и противно. Я взяла ведро и тихо пошла от чужого двора, но вдруг почувствовала, как это объяснить... нет, четких слов не было. Да и голосов тоже. Голос можно услышать, а эту волну я именно почувствовала и оглянулась. Рядом с пеньком пробивался росток с несколькими листочками. И я вернулась. Росла новая вишня, которую можно еще спасти.

Федька отворачивался, делая вид, что не замечает меня. Он со злостью бросал ветки в огонь.

Время шло, а я не знала, что делать. Просто стояла и боялась за маленькое дерево. И вдруг поняла: надо найти Максимку. Максим — это один семилетний человек, очень понятливый и серьезный.

Он быстро собрал ребят не только с нашей, но и с соседних улиц.

— Ребята,— начала я,— дело есть, совсем взрослое...

Никогда мне не было так страшно, боялась: не поймут, не поверят. И очень волновалась. Я рассказывала о нашем детстве, о мудром старике, о деревце, о том, как мы его охраняли, берегли, и что у каждого должно быть свое дерево, что у нас оно было, но его сегодня убили. Но остался маленький побег. И его надо спасти и вырастить. И у вас тоже будет свое дерево.

После нашего разговора толстенький Витя, сын Федора, встал и пошел домой — серьезно разговаривать с папкой. Скоро оттуда донесся рев. Ревел Витька, а отец ругался:

— Я тебе покажу дерево!

И тут заревело все младшее поколение нашей улицы. Собрались родители, обеспокоенные криками. Понять они сначала ничего не могли. Никто не дрался, ни у кого не текла кровь, никто не потирал шишки. Просто ребята сидели и ревели. Такого папы и мамы, бабушки и дедушки еще не видели.

Взрослые начали разбираться, в чем дело. Пошли пересуды. Ребята успокоились и сидели тихо. Ждали. Самый старший, двенадцатилетний Артем, сказал:

— Мы спасем наше дерево. Вот оно растет.

А из земли тянулся маленький прутик, покрытый редкими листочками.

— Вот это да,— почесывались деды.

— Гм,— мычали папы.

А мамы оценили ситуацию более решительно:

— Слушай, Федька, а ведь ты действительно срубил нашу вишню.

Федор огрызался:

— А пошли вы все...

Я не вмешивалась. Я была рада за ребят, особенно за Витю.

— Федор, уши тебе надрать надобно, поганец ты эдакий,— седая тетка Настя явно собиралась вспомнить, как это делается.

Наконец Федор не выдержал натиска и заорал:

— Да черт с ним, этим заморышем. Пусть растет, где ему хочется.

— А гараж?

— А гараж я построю рядом. Разберу забор и построю.

Вот такая история без объяснений. Может, я случайно приехала. Но думаю, нет, не случайно. И еще я уверена — у каждого поколения должно быть свое дерево.

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

ПРИВЕРЖЕНЦЫ НЛО — СКРЯГИ. Трудно себе представить степень разочарования, которое испытал американский инженер Томас Узбер: он потерял добрую половину своей веры в человечество.

Инженер предложил построить в штате Висконсин космодром для приземления неопознанных летающих объектов — НЛО. Согласно его замыслу потребуется немногое — забетонировать большое поле, установить радиотелескоп для связи с НЛО и организовать международный центр по исследованию «летающих тарелок» — зондов инопланетян. Проект оказался престижным, проработанным до мельчайших мелочей.

Жители штата не возражали против новостройки, местные газеты высказывались в том смысле, что контакты с НЛО — дело ближайшего будущего и пора готовить технические средства. Однако на осуществление проекта власти штата не выделили ни цента!

Автор проекта рассчитал, что ему понадобится 50 миллионов долларов. Не получив их по официальным каналам, он организовал подписку среди приверженцев НЛО. Но подписка не дала ощутимых результатов. Отчаявшийся Узбер заявил, что уедет из США в Бразилию, где, по его мнению, найдется больше желающих увидеть космодром для инопланетян...

КАК ТЕПЕРЬ ИЩУТ ДИНОЗАВРОВ!.. Оператор, смотревший на монитор, дал команду водителю вездехода: «Стоп!» Скрипят тормоза, и весь экипаж устремляется к экрану — на нем видны причудливые очертания ископаемого чудовища.

Так в пустынной местности, на границе между США и Мексикой, с успехом опробована первая самоходная установка для палеонтологов. Радиоактивные элементы, накопившиеся в костях животных за миллионы лет, посылают волны, их улавливает приемник, а компьютер рисует на экране контуры вымершего животного, скрытого пятишестиметровым пластом земли.

Первый трофей американских ученых — скелет утконосого динозавра, возраст которого — 70 миллионов лет.

Интерес к активным поискам древних гигантов сейчас возрос в связи с тем, что ученые вовлечены во всемирный спор о причинах их вымирания. Одни утверждают, что звероящеры исчезли с лица планеты из-за столкновения Земли с крупным астероидом, после чего произошли резкие климатические изменения. Другие склонны считать, что звероящеры не вымерли, а эволюционировали до других видов, например... до ворон и соловьев.

Спор не окончен, и ответов на проблемный вопрос пока нет. Только массовое открытие новых останков поможет выяснить истинную судьбу гигантов древней фауны.

БОНСАЙ

ЭТА ВЫСТАВКА не имела броской рекламы, да и длилась всего пять дней. Но неожиданно для ее устроителей вызвала огромный интерес. К середине дня (и так происходило ежедневно) в кассах уже не было билетов, и люди приходили на следующий день с самого утра, чтобы воочию увидеть диво дивное — бонсай.

А располагалась эта первая в нашей столице выставка в Главном ботаническом саду АН СССР на крохотной территории японского сада, созданного в семидесятые годы по инициативе члена-корреспондента АН СССР П. И. Лапина.

Для русской души, привыкшей к бескрайним просторам, необъятному приволью, многое здесь поначалу было непривычным: и малые размеры сада, и миниатюрные пагоды, и небольшой нежно журчащий водопад, и крохотный прудик с золотыми рыбками... Сама атмосфера японского сада вольно или невольно настраивала на созерцательный лад, располагала к тихим разговорам с природой, готовила к встрече с чем-то неожиданным и прекрасным.

И посетители не ошиблись. В одной из пагод находились удивительные по красоте и неповторимости композиции. В керамических плошках росли карликовые растения, которые мы обычно в природе встречаем в натуральную величину: сосна, пальма, бамбук, фикус... Каждая композиция представляла собой вдохновенное произведение искусства, созданное руками человека, влюбленного в природу. Только гармоничный союз человека и природы способен на такое высокое искусство, каким является бонсай.

ВПЕРВЫЕ выращивать миниатюрные растения под названием пхен-шинг начали искусные мастера в Китае более пятнадцати веков назад. В Японии это искусство стало известно в VI веке благодаря буддизму, способствовавшему развитию в Стране восходящего солнца высокой культуры и образованности. Буддизм принес в Японию и понятие чайной церемонии, и икебаны, а позднее — бонсай.

Сначала миниатюрные деревья в Японии имели свое название — хачи-но ки, что переводится как «дерево в плошке», а в начале прошлого века их стали называть бонсай — «то, что растет в плошке».

Выращивание миниатюрных деревьев в Японии стало необыкновенно популярным и достигло очень высокого уровня. Позже бонсай распространился по всей Восточной Азии, а в двадцатом веке получил свои права гражданства во всех странах мира. Сегодня существует Международная ассоциация бонсай, в которую входят более ста организаций. Филиалы ассоциации находятся в Австралии, Европе, Аргентине и США. Энтузиасты и поклонники бонсай выращивают более 600 тысяч миниатюрных деревьев в самых разных уголках земли. Традиционными становятся национальные и международные выставки. Одна из самых престижных проводится в Японии. Весной нынешнего года в деревне Омии, близ Токио, состоялся X Международный конгресс бонсай под девизом «Всеобщий мир через бонсай», на котором лучшие мастера демонстрировали свое искусство.

Первые шаги сделали бонсаисты и в нашей стране. А начало положила коллекция карликовых растений, которую в 1976 году передали в дар саду посол Японии в СССР Сигемицу и его супруга.

ЧТО ЖЕ ТАК привлекает людей в этом искусстве? С таким вопросом мы обратились к научному сотруднику Главного ботанического сада АН СССР Тамаре Петровне Белоусовой, чьи прекрасные композиции были также представлены на уникальной для нас выставке.

— Бонсай предоставляет возможности неограниченного применения творческих сил, позволяет проявить индивидуальные способности и воплотить их в создаваемом образе. Его нередко называют «искусством жизни», так как возраст некоторых растений превышает триста-четыреста лет и они

переживают своих сородичей в природе. Называют также «искусством чистоты» — настолько совершенны и лаконичны в миниатюре естественные формы растений — будь то одинокое дерево или ландшафт.

Бонсай позволяет «посредством малого видеть великое», что означает умение на маленьком пространстве отразить бесконечность природы. Стремление приблизиться к природе, не нарушая ее гармонии, почувствовать себя ее частицей, постоянно обновляющееся ощущение сопричастности человека к ритму природы — вот основной глубокий философский смысл, заложенный в искусстве бонсай.

Разница между бонсай и обычными растениями, выращенными в горшках, заключается в том, что в миниатюрных деревьях главным является не красота цветков, плодов или листьев, а красота дерева в целом и то ощущение, которое возникает при уходе за ним. Формирование бонсай основывается на эмоциональном отношении к дереву, выбранному мастером. Оно одновременно развивает терпеливость и интуицию, так необходимые в любом виде художественной деятельности.

Вместе с тем бонсай — сложное занятие, требующее глубоких знаний биологических особенностей растений, условий их произрастания в природе, а также освоения богатейшего опыта мастеров бонсай с его вековыми традициями, своеобразной и уникальной техникой и множеством секретов.

В результате развития бонсай мастерами были отобраны виды растений, легко переносящих формирование ствола и обрезку ветвей, а также постоянное выращивание в небольшом объеме почвы и обрезку корневой системы. В Восточной Азии предпочтение отдается долгоживущим вечнозеленым или листопадным деревьям с мелкими листьями, цветками, плодами. В других странах любители широко используют растения местной флоры, предпочитая экземпляры, произрастающие в экстремальных условиях и частично сформированные самой природой. Классический бонсай принято в течение круглого года содержать на открытом воздухе и лишь во время цветения или плодоношения, а также в дни праздников вносить в дом. Сложность содержания растений в зимний период в странах с суровым климатом заставила выращивать карликовые растения в комнатных условиях постоянно. При этом используются более теплолюбивые виды растений — пальмы, фикусы, фукции, аралиевые и многие другие.

Дерево постоянно совершен-

ствуется благодаря прикосновениям человеческих рук, никогда не достигая при этом окончательного неизменного вида. Мастер бонсай должен обладать завидным терпением, так как путь к совершенству долог и труден.

КРАСОТА спасет мир — это высказывание Ф. Достоевского известно всем. И в его истинности убеждаешься всякий раз, когда знакомишься с искусством бонсай, когда видишь эти прекрасные композиции, созданные бонсаистами Т. П. Белоусовой, А. А. Анненковым, В. В. Родионовым, А. В. Виняр, С. И. Пономаревым, А. И. Васильевым...

Первая московская выставка наглядно показала, насколько прекрасен и разнообразен наш мир. Выставка была организована только что созданным в Москве клубом бонсаистов, возглавляемым Т. П. Белоусовой. Активное участие в создании клуба приняли общества дружбы «СССР — Япония», «СССР — Китай», «СССР — Вьетнам», Музей искусств народов Востока.

Нет сомнения, что бонсай так же быстро завоюет сердца наших соотечественников, как в свое время икебана.

О. САНИНА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ПЕРЕЧИТЫВАЯ БАСНИ И. А. КРЫЛОВА

— Готовлю пятое издание!

— О каком искусстве может быть спор!! У нас сегодня еще четыре концерта.

Рисунки Ю. МАКАРЕНКО

ОСТОРОЖНО: ПРОВОКАЦИЯ!

НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ ДЕТИ, или Как воспитывается русофобия

В благодатные времена демократизма и гласности по всей стране создаются различные национальные культурные центры, ставящие перед собой благородные цели пропаганды и развития культурных традиций своих народов. Создаются, естественно, и еврейские организации подобного рода. Однако некоторые из них под видом пропаганды еврейской культуры откровенно занимаются культивированием у еврейского народа чувства превосходства над другими народами, внедряют в сознание еврейской молодежи русофобию, воинствующий шовинизм.

Вот один из примеров этого.

Выходящий в Москве «Информационный бюллетень по проблемам репатриации и еврейской культуры» Еврейского информационного центра в апрельском выпуске опубликовал заметку о представлении в кафе «Ладья», посвященном еврейскому празднику Пурим. Но прежде чем познакомить читателей с этим беспрецедентным материалом, вкратце расскажем об истории возникновения самого праздника.

По библейским преданиям, во времена более чем тысячелетней давности, а именно в эпоху правления персидского царя Артаксеркса (Ашахвероша) между его главным визирем Аманом и иудеем Мардохеем (Мордехаем) возник конфликт, вызванный нежеланием последнего поклониться могущественному царедворцу. Разгневанный Аман намеревается погубить Мардохея и весь его народ, но племянница иудея Эсфирь, ставшая к тому времени, не без помощи хитрого дяди, женой царя, круто меняет ситуацию. В короткий срок ей удалось подчинить мужа своей воле. Артаксеркс подвергает Амана опале, дает согласие на его казнь и, более того — разрешает Мардохею подготовить указ о расправе над всеми, кто не угоден иудеям, заранее скрепив его своим перстнем.

Согласно указу во всех городах иудеям было разрешено «истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жен, и имения их разграбить» (Библия. Издание Московской патриархии. М., 1988, с. 509). Таким образом, сами евреи должны были решить, кто является их врагами, и поступать с ними как вздумается. Казни и репрессии, по свидетельству Библии, унесли жизни более 75 тысяч персов.

По указанию Мардохея в память якобы чудесного избавления евреев от гибели и торжества над противником был установлен праздник Пурим.

А теперь вернемся к бюллетеню. Вот текст опубликованной в нем заметки:

«В минувшем месяце евреи нашей страны, как и их братья во всем мире, отмечали праздник Пурим. С 19 марта в Москве проходили пурим-шпили *. Не считая гостей из США — молодежной группы «Шма Исраэль», выступившей в таких «официальных» организациях, как синагога в Марьиной роще и центр им. С. Михоэлса, не менее восьми любительских групп участвовали в праздниках на квартирах москвичей.

20 марта самодеятельный коллектив под руководством А. Островского показал свой пурим-шпиль членам ОДИКСИ **, собравшимся отметить праздник в кафе «Ладья». 〈...〉

Огромным успехом пользовался пурим-шпиль, поставленный маленькими учениками детской воскресной школы по изучению иврита. И хотя спектакль (текст которого и режиссура принадлежат Саше Казарновскому) предназначен был прежде всего детям, громче смеялись взрослые. Впрочем, если маленькие зрители хохотали от души, к смеху их родителей примешивалась горечь, когда на «сцену», изображавшую двор царя Ашахверош, неожиданно выходят боевики «неформального объединения» «Память», поющие такие слова:

**Почему прилавки в лавках
опустели!
Потому что мясо все евре
съели.
Почему нет воздуха чистого над
нами!
Все евреи выдышали длинными
носами!
Почему в Армении вновь
землетрясенье!
Все жиды натопали, ибо ходят
топами!
Мы возьмемся рьяно — всех
в расход отправим,
Только для ФИАНа * штучек
пять оставим!**

И совсем уже не поняли маленькие зрители, что смешного в том, что персы-заговорщики, дабы настроить против евреев не только царя, но и народ, предлагают выпустить «два нацистских журнала» — «Молодая гадина» и «Наш шизофреник»...

«Если евреев рабочий класс резать не станет — возьмется за нас»,— уговаривает Аман Ашахверош.

На назидание Мордехая («Тору не изучали, что ли! Сказано — рабов и рабынь раз в семь лет отпускать на волю») очаровательный малыш, играющий царя, отвечает: «Может, начнем отпускать... но не сразу. Влупим сперва им всем по отказу — секретность, родственники — и капут» **.

...Наверное, нигде в мире евреи не празднуют веселый праздник Пурим так, как у нас».

Такой вот «спектакль» разыграли организаторы Пурима. Что

---

* Пурим-шпиль — театрализованное представление, посвященное празднику Пурим.

** ОДИКСИ — Общество дружбы и культурных связей с Израилем.

* Физический институт имени П. Н. Лебедева АН СССР.

** Здесь высмеивается существующее в СССР законодательство, согласно которому отказывается (временно) в выдаче визы на выезд за границу лицам, в силу служебного положения владеющих государственными тайнами, и лицам, которые оставляют в стране на произвол судьбы материально не обеспеченных родственников — родителей, детей и т. д.

это — хулиганство? Политическая провокация? Ведь устроители Пурима и не скрывали приправленность своего спектакля «соусом политических реалий наших дней». Верно, есть этот «соус» — глумление над русской журналистикой, над великой бедой, постигшей армянский народ. И наконец, над рабочим классом. Иначе к чему эта многозначительная фраза: «Если евреев рабочий класс резать не станет — возьмется за нас»? Заодно и намек правительству — мотайте, мол, на ус.

В общем, организаторы и руководители этого Еврейского информационного центра нашли очередной повод позлорадствовать над другими народами.

Прошли века, но, как видно из приведенного выше текста, ветхозаветная ненависть к гоям, то есть ко всем неевреям, у некоторых организаторов пурим-шпиля не ослабла. Неужели не ясно, что такие вот националистические шабаши порождают ответную реакцию, что такого рода «шпили» провоцируют антисемитские настроения?

Организаторы разыгранного шоу делают вид, будто этого не понимают.

«Маленькие зрители хохотали от души»,— читаем в бюллетене. Казалось бы, что в мире лучше детского смеха, детской улыбки? Но когда под видом «веселых» сцен ребятам внушают человеконенавистнические чувства, заражают еврейским шовинистическим, русофобским угаром,— то детский смех этот звучит жутковато. Думается о том, какая участь ждет этих детей? Стрелять в палестинцев, требующих возвращения родины? А может, в тех, кто рядом, кто не в угоду самозваным «прорабам» отстаивает право народов самим распоряжаться своей судьбой?

«ТОВАРИЩ»

МИР УВЛЕЧЕНИЙ

ДОБРАЯ ВОЛШЕБНИЦА ИЗ ШЯУЛЯЯ

ОДИН из журнапистов сказал о Шяупяе: «Город сопнца и вепосипедов». Он не назвал третьей составпяющей. Речь идет о музее кошек — единственном и первом в нашей стране уникальном собрвнии в с е г о, что касается истории и жизни кошек, самых разных представителей разношерстного племени всех стран и нвродов.

Предвижу возраженив — у нас нет музеев некоторых выдающихся личностей и событий, не то что кошек! Да и собан вроде бы обошли. Но если рассуждать так, то давайте ждать, пока залатаем все наши дыры, а затем станем делать то, что нам по душе. Далеко же мы уйдем! Конечно, смешно утверждать, что именно на кошках мы въедем в светпое будущее, как это depaпa в свое очень отдвленное от нашего время героиня скандинавских и северогерманских мифов и легенд богинв Фрев. Ее колесница, запряженнвя белыми пушистыми норвежскими кошками, так и мелькала по небу.

Но музей приносит столько радости пюдям, что достоин существовения хотя бы благодаря этому, не говоря уже о той лросветитепьской работе, которую ведет его «директор» (пока в кавычках, ведь постоянного помещенив и статуса у музея еще нет) Ванда Стасьевна Каввпяускене.

Мы сидим в «кошкином доме» Ванды Стасьевны, и со всех сторон нас окружают кошки. Они — на рисунках, календарях и фотографиях — смотрят со стен. Они и в апьбомах и книгах, от которых прогибаются полки в шкефах. Они — за стеклами витрин: статуэтки, фигурки из всевозможных материалов, привезенные, подаренные, присланные...

— Скопько же всего, Ввнда Стасьевна!

— Тысячи единиц хранения, и коллекция пополнветсв практически ежедневно. А начапось все в 1962 году, когда из попьского города Закопане прибыл первый экспонат — черный усатый кот. Вот он, рядом, поблескивает своим металлическим телом. Потом у него поввился деревввнный «дружок». И это одна моя знакомая назвала тогда коплекцией! Знала бы она, во что это выльется через двадцать лет...

Ванда на несколько минут покидает нас, чтобы покормить свою четвероногую братию — не музейную, настоящую. В большом доме, где они живут с мужем, много живности: две собаки в будках на дворе, рядом — куры. И как мирно все живут! Псы только зна-

ют обламывают чужаков, а на своих — ни-ни. Вот и ходят гордые коты, задрав хвосты, между кур да поглядывают на второй этаж, где для них готовится ужин. И чуть что — вжик по наклонному стволу дерева на второй этаж, минуя первый: «Вот и мы!»

Основная экспозиция музея заняла несколько выставочных залов в городе, а здесь, дома, осталось то, что не вошло. А не вошло в несколько раз больше, чем то, что вошло.

— Ванда Стасьевна, да у вас побольше экспонатов, чем в знаменитом базельском музее кошек у супругов Мюллер!

— Соревноваться ни к чему, а вот посмотреть, как там у них, очень хочется. Говорят, там весьма развито музейное дело вот на таком семейном уровне. Впрочем, у меня хватает экспонатов и из Франции, но ценнее этого — старинные литовские открытки с изображением кошки. Пожалуй, это настоящие редкости, не говоря уже о календарях, фотографиях. Вот картины, экслибрисы, деревянные скульптуры В. Зеленсене, Г. Багдонавичуса, В. Шимолюнаса, народных мастеров С. Самулявичене, В. Кукорене.

Многие посетители выставки написали в книге отзывов одно и то же: «Пришли в плохом настроении, усталые, расстроенные. И как будто в живой воде искупались. Куда только подевались хандра, усталость!» Сколько светлых минут дарит людям Ванда Кавапяускене, в прошлом — управляющая шяуляйской межрайонной конторой Главного фармацевтического управления, заслуженный работник здравоохранения Литовской ССР, провизор...

Город солнца, велосипедов — и волшебных кошек Ванды Каваляускене.

Н. НИКОЛАЕВ

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

НЕ РУБИТЕ ХВОСТЫ!

Общества защиты животных приобретают все большую силу. Доказательством тому служит закон, принятый в Швеции и вступивший в силу с лета нынешнего года. Согласно этому закону отныне запрещается обрубать хвосты и подрезать уши фокстерьерам, боксерам, бульдогам и всем другим собакам, включая и дворняжек. Один из параграфов гласит, что животные должны жить у хозяев такими, какими они появились на свет. Другой параграф поясняет, что запрещаются все виды хирургических операций над четвероногими с немедицинскими целями, то есть те, которые направлены на «цели ложной красоты».

А в Швейцарии взяли под защиту черепах. Любителям черепахового супа теперь придется забыть об этом деликатесе: в ресторанах запрещено готовить такое блюдо, а гурманам — употреблять его. Международные и общественные организации по защите дикой природы выступили в защиту черепах потому, что чрезмерное потребление их мяса поставило пресмыкающихся на грань полного вымирания. Швейцария — первая страна, согласившаяся с доводами ученых и представителей общественности.

Первая страница обложки «Товарища»: Программист-оператор животноводческого комплекса «Щапово» Вадим Коев (репортаж «Есть такой институт...» читайте на стр. 139).

Фото А. ЕГОРОВА.

Уголок выставки «Бонсай» в Главном ботаническом саду АН СССР [материал читайте на стр. 148]. Фото А. ГЕОРГИЕВА.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Валерий ГАНИЧЕВ

ФЛОТОВОЖДЬ

Историческое повествование

Продолжение. Начало на стр. 42

Ушаков, который чувствовал почему-то необъяснимое волнение, сделал шаг вперед и решительно перебил Сухотина.

— Думаю, что сие возможно, ваше императорское величество! На это надо просто решиться.

— Ну и решайтесь, капитан! С вашей решительностью вам никто этого не запретит. — Павел хлопнул в ладоши, снял шляпу и протянул ее камердинеру.

— Все, хватит. Голова кружится, и императрице худо. Давайте обедать. Стрельбы отменим.

На шканцы начали выдвигать столы, кресла, подавать блюдо за блюдом. Капитан и свита отступили в сторону, освобождая место для трапезы. Ушаков оперся о поручни и задумчиво глядел в бирюзовую зыбь генуэзского моря. Скоро им предстояло снова устремиться вдаль, в опасный и бурный поход, который вернет их домой, на родную землю, в Кронштадт, Петербург, а, может, и в Рыбинск, Бурнаково, к матери, в отцовский дом, на Волгу, к...

Нежная прохладная ладонь легла на его руку. Он вздрогнул и провел глазами от кончиков нежных пальцев до полураскрытых губ... Сегодня здесь все было необычно: вдали от Отечества на корабле присутствует наследник императорского престола, его окружили блистательные Салтыков, Юсупов, Куракин, многочисленная свита. Ушаков не удивился бы, если бы на палубу вступила и сама императрица Екатерина, но...

— Полина, вы?..

— Да, милый Ушаков, я уже несколько минут наблюдаю за вами, а вы не чувствуете моего взгляда. Отвыкли... — и она нежно провела по руке капитана.

— Я и не привыкал, — с горечью прошептал Федор, — но позвольте, как вы здесь?

— Я в свите ее императорского высочества с фрейлинами Борщовой и Нелидовой, с ее подругой Тилль. Все в дальней дороге необычно и тяжко. Но вот вы... — и все тяготы путешествия оправданы. Как чудесно кругом!..

Обед для Ушакова прошел в полусне. Он не слышал тоста Павла, веселого гомона свиты и шуток офицеров, а глядел и не мог наглядеться на расплывающиеся голубые глаза сидевшей напротив и грустно улыбающейся Полины. У трапа она незаметно вытерла слезинку и подала на прощанье руку:

— Это вам, капитан!..

Кареты запылили и скрылись в оживающей зелени кустов. Ушаков разжал кулак. На ладони лежал маленький красный коралловый крестик.

ИСПЫТАНИЯ

Высокий седой граф Иван Григорьевич Чернышев сидел прямо, не сгибаясь, не позволяя себе расслабиться даже в одиночестве. Лишь длинные аристократические его пальцы, постукивая по заполненным цифрами бумагам, проявляли живость мысли. Она же была напряжена и нацелена на флотские дела.

Силой фортуны стал он во главе морского дела России. Фактически во главе. Президентом Адмиралтейств-коллегии был наследник — великий князь Павел Петрович, назначенный таковым еще в малолетстве, получив звание генерал-адмирала. Чернышев же при новой императрице сначала являлся членом Адмиралтейств-коллегии, а затем заместителем президента. С молодым двором, как называли окружение Павла, он, как и его брат Захар, президент Военной коллегии, в дружеских связях пребывал. С Павлом часто беседовал, обедая у того в Гатчине, участвовал в играх, морские знания старался передать, с кораблями, устройством их познакомить, интерес к морю возбудить. Будущий император! Познает море, полюбит морское дело в юношеском возрасте, в зрелом своим детищем флот считать будет, а он, Иван Григорьевич, пребудет и впредь советником и дела вершителем. Однако же заметил, что императрица сих его стараний не ценила и не поощряла, а наоборот. Как-то походя бросила, что пора перестать быть комнатным генерал-адмиралом, с детскими игрушками кончать, следует серьезно флотом заняться. Он хотя с Павлом и не порвал, но все силы на реальный флот переместил.

С каждым годом Адмиралтейств-коллегии дел прибавлялось, отсидеться важно и спокойно в присутствии было уже нельзя.

Вспомнил, как в 1764 году по совету императрицы направили за казенный счет купеческое судно «Надежда Благополучия» вокруг Европы в море Средиземное, — так тогда предприятие то считалось почти сказочным, чуть ли не наподобие плаванья Кузьмы Индикоплова. Ныне же русские эскадры снуют по морям, как челнок в ткацком станке. Эскадра Мусина-Пушкина у Нордкапа крейсировала, эскадра Круза — в Немецком море, Палибина — в Атлантическом океане, Борисова в Лиссабон ходила, Сухотина и Чичагова — в Средиземное море и обратно. Снуют-то снуют, но мачты ломаются, течи в кораблях нередки, обшивка непрочная, червь южный днище корабля истачивает мгновенно, пожары часты, помпы для откачки воды плохие, паруса мокнут и тяжелеют. Вот и пригласил он сегодня трех лучших офицеров флота, чтобы назначить на испытания всего нового, что в российском флоте появилось.

Те зашли статные, сильные. Нежности и пухлости кабинетной дворцовой в лице не было. Обличьем — красны и обветренны — ветер и брызги пудрой и румянами им были в походах. Чернышев подержал их под взглядом: глаз не отвели, доложились.

— Капитан первого ранга Ханыков!

— Капитан второго ранга Ушаков!

— Капитан-лейтенант Обольянинов!

— Знаю, знаю, — пристально вглядываясь, протянул руку. Затем, не приглашая сесть, подошел к карте европейских морей, взял линейку и провел от Нордкапа до Гибралтара.

— Известно вам, господа, на опыте собственном, что Россия прочно на морских просторах обосновалась, заявляет твердые декларации о защите торговли, о справедливости, об охране независимости нейтральных государств. А для того, чтобы петрушками-комедиантами не выглядеть перед державами иными, надо, чтобы корабли наши были самые быстроходные и маневренные, пушки самые дальнобойные и скорострельные, морские служители бесстрашные и умелые, командиры — державолюбные, знающие и подготовленные. Вас знаю как капитанов осмотрительных и требовательных. Думаем, с согласия императрицы, назначить вас на испытания двух фрегатов. Сие честь высокая, ибо после этого будем флот наш обувать в железа.

Ханыков иронически улыбался. Обольянинов недоверчиво перебирал пуговицы на мундире. Ушаков слушал внимательно и напряженно, уловив паузу, спросил:

— На что в испытании главное внимание обратить предлагается?

— Об этом и речь. Нам не просто обкатать команду надо, а проверить, как корабли, обшитые медью и белым железом, идут.

— Да! — подтвердил Ушаков. — У Лиссабона пристроился я за кораблем с английским флагом, команду корабельную измучил, паруса менял, ветер ловя, но к вечеру отстал и только через день увидел того у Гибралтара на якоре. Узнал потом, что днище и бока у него медью обиты. И нам пора повсеместно на сие переходить.

— Пора-то пора, а где денег взять. Флот растет, вводим стопушечники, расходы множатся, казна не бездонная бочка. Вот тут мастера предлагают обивать корабли не медью, а белым железом — дешевле будет. Поэтому просим вас, как людей душой кривить не умеющих и не прикупленных поставщиками, провести сии испытания строго и беспристрастно. Господин Тредиаковский, — проявил свою начитанность Чернышев, — слово ввел — «гласность», что означает на виду у всех разговор, без сокрытия. Так вот мы гласно объявим, чей способ лучше. А еще проверьте помпы новые и старые, высоту мачт, обсудите безопасную и полезную укладку груза и балласта в трюмах и вокруг бортов, испробуйте наиболее полезную камбузную печь, ибо старая нам уже не один раз пожар устраивала. Да подумайте, господа, как меньше потерь в плавании нести, ведь у нас что ни экспедиция, то полсотни, а то и сотня мертвых. Где их, служителей-то морских, набраться? Вот у вас, капитан 2-го ранга, на корабле «Виктор» менее всего потерь было — чем лечили? Как сохранили в походе средиземноморском? — обратился к Ушакову.

Тот смутился, помедлил с ответом («Тугодум все-таки немного», — решил Чернышев).

— Главное, чистоту соблюсти, одежду просушивать, порохом окуривать, уксуса побольше, ром не давать боцманам разбавлять. Хорошо бы зелени в походах почаще давать, может, и выращивать что. Деньги кормовые на еду тратить следует, а не какое-нибудь шикотство офицерское в порту.

— Ну без этого тоже нельзя, — перебил Ханыков, — мы же российские офицеры. Вот недавно в испанском порту наш капитан фрегата «Михаил» большой прием устроил, музыку, танцы, ужин на шестьдесят человек. Губернатор был доволен, узы дружбы укрепились.

— Да, это надобно делать, но не за счет команды. А губернатор — как ему не быть довольным на чужой счет, — усмехнулся Ушаков.

Чернышев бесстрастно заметил:

— Императрица согласилась с тем, что такие приемы полезны бывают, флот в лучшем виде показывают за границей. Однако же не приемами флот наш прославляться должен, а быстроходностью и слаженностью действий команд, маневренностью,

что мы вам и поручаем опробовать, господа. Вам, капитан-лейтенант, поручаем командовать фрегатом «Святой Марк», а вам, господин Ушаков, проверить следует качество «Проворного». Капитану Ханыкову проследовать на обоих, разделив поход на две части.

Выпроваживая их через час после обстоятельной беседы, Чернышев подзадорил:

— Надеюсь не зябликов — орлов в поход отправляю. Ждем добрых известий. С богом!

Ханыков на приступках Адмиралтейства склонился к Ушакову и заговорщически прошептал: «Князь Шипков, кажется, сказал о нем, что он не столь разумный, сколь быстрый, увертливый и проворный».

— И это немало, — рассудил Федор. — Желчный, еще говорят, ехидный, но государыне и Отечеству угодил быстрыми преобразованиями на флоте. Если бы всякий вельможа со старанием к делу подходил, то корабли наши не протекали бы, пушки на куски не разлетались, солонина не червивела. А подчиненные сего графа любят за то, что он усердие и старание ценить умеет.

— А ты ему, Федор, приглянулся, — без ревности заметил Ханыков, — он все к тебе обращался, вроде бы советовался, а сам, наверное, новые экспедиции задумывал. После испытания жди нового назначения, Федор, — похлопал он товарища по плечу.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Первая русско-турецкая война при Екатерине закончилась в 1774 году Кучук-Кайнарджийским «вечным» миром. По нему к России отходили «прежние завоевания Петра», побережье Азовского моря, а также земли между Днепром и Бугом. Были и новые приобретения — порт Керчь и Еникале. Крым становился независимым от Турции. На территории Казацкой Новослобожанщины, Славяно-Сербии, пограничной Украины, вплоть до Кубани раскинулось Новороссийское наместничество — Новороссия. Здесь под началом правителя Новороссии, всесильного фаворита Екатерины Григория Потемкина, развернулось бурное строительство. Стали возникать новые города — Мариуполь, Мелитополь, Александровск (Запорожье), Ставрополь, Екатеринодар (Краснодар), Георгиевск. Быстро отстраивался Таганрог, становясь крупнейшим портом юга. Напротив турецкого Очакова была возведена русская крепость Кинбурн.

Мир Кучук-Кайнарджийский означал, что бывшее Русское море возвращало себе свое старое предназначение — быть южным

окном Руси в Европу. Однако для полновластного утверждения на нем требовался сильный флот.

В 1778 году по повелению Потемкина в 14 верстах от впадения Ингульца в Днепр было определено место будущего корабельного города, который наименовали Херсон (следуя тогдашней моде, названия выводили из древней греческой истории и мифологии). Потемкин определил ему роль столицы Таврии (так пышно обозначили этот южный незаселенный еще край). Город стал центром управления Черноморским, Азовским и Каспийским флотами. В Херсоне учредили Черноморское Адмиралтейское Правление. Здесь же были заложены корабельные верфи для постройки гребных и парусных судов. Русский флот на Черном море стал ориентироваться на свою новую базу и столицу.

24 ноября 1783 года вместо умершего вице-адмирала Клокачева главным командиром Черноморского флота назначен контр-адмирал Яков Филиппович Сухотин. В инструкциях Потемкина ему предписано руководствоваться прежними наказами и обратить главное внимание:

1) На более поспешную достройку заложенных 6 кораблей и доделку адмиралтейского строения. 2) На заготовку лесов и постройку для Черноморского флота восьми новых 50-пушечных фрегатов. 3) На принятие всяких предосторожностей от появляющихся повальных болезней.

А болезни вдруг превратились в главного врага на южных землях. В это время и получил свое назначение в Черноморский флот командиром строящегося в Херсоне корабля № 4 Федор Ушаков. Ему предстояло принять участие в великой эпопее воссоздания Черноморского флота. Здесь одержит он свои блестящие победы, здесь столкнется с хитростью и коварством, здесь будет надеяться на высокое покровительство и приобретет признание моряков, всех тех, кто пришел осваивать море и его берега.

Не ласковым, теплым, здоровым представало Черное море, а диким, буйным, заросшим по берегам колючим кустарником, с тучами малярийных комаров, оседлавших лиманы и озера. Лихоманка трепала первых поселенцев беспощадно, скоро портилась пища, не хватало чистой питьевой воды. Предстояла гигантская созидательная работа по обустройству и возрождению к жизни обширных земель, по созданию Черноморского флота! Это был великий подвиг нашего народа, равный освоению Сибири, выходу на берега Балтики и Тихого океана. Сколько книг, фильмов, песен, посвященных освоению Дикого Запада, создали американцы! Наша эпопея освоения Дикого Юга была не менее героична, захватывающа и впечатляюща, однако как великая эпопея в сознании наших людей не закрепилась.

Русские и украинцы стали основным населением нового края, основным, но не единственным. Быстро осели здесь греки и армяне, умевшие бойко и прибыльно торговать. Из Молдавии бежали крестьяне и ремесленники, из подневольных и приграничных областей Сербии пробрались кружным путем через Австрию и Польшу югославяне, из нестерпимого османского ада вырывались болгары и черногорцы, словенцы и боснийцы. На русскую военную службу определялись албанцы-арнауты.

Щедрым жестом пригласила на тучные причерноморские земли немцев, чехов, австрийцев Екатерина. Пользуясь близостью территории, постоянно перемещались из Польши в Новороссию поляки, белорусы, евреи. Словом, утверждался особый тип поселенца — человека из разных национальностей, энергичного, предприимчивого, небоязливого, человека много умеющего. Но существовала и разница — иностранцы были в основном люди свободные, то есть незакрепощенные, а русские, украинцы, переселенцы из Белоруссии нередко принадлежали помещикам, имевшим на них «дозволенное богом и государством право». Вот этито обделенные и необделенные судьбой люди возводили, строили, поднимали российский Черноморский флот.

Тяготение державы, торговых людей, Петровых последователей, даже вроде бы вполне сухопутных казаков к морским просторам не случайно. Сказались здесь и объективная необходимость, и жажда новых открытий, и любопытство, и авантюризм, и державные стремления утвердиться прочно на берегах, и восстанавливаемая историческая справедливость. Быстро возрождалась тогда вековечная морская выучка. Моряк и плотник, солдат и строитель, торговец и предприниматель, помещик и купец, архитектор и священник, инженер и офицер пришли на этот полуденный берег империи. Одни искали счастливой доли, другие хотели получить новые земли и людей, одни давали выход своей творческой натуре, другие стремились накопить капитал, одни не верили ни во что, другие истово желали подтверждения первоапостольских знаков, одни искали свободу, другие заковывали ее.

ПЕРВЫЙ ОРДЕН

Во вновь возводимые дворцы, крепостные бастионы, солдатские казармы, в сырые землянки горожан вползала страшная беда. На просторах южной России вспыхнула чума. Большего бедствия в XVIII веке не знали. (Да и в предыдущие века тоже.) Ни войны, ни междоусобицы, ни зверства феодалов и деспотов всех мастей не уносили столько жизней, как эта зловещая болезнь.

Затихли, опустели дома в Херсоне, Таганроге, Екатеринославе,

Полтаве, Кременчуге, Елизаветграде, Севастополе. Задымили, отгоняи мор, костры, прокуривая одежды каждого, встали у шлагбаумов солдаты, не впуская пришельцев, заработали карантины. Но чума лишь криво усмехалась, обнажив костлявую челюсть, и после каждой ее гримасы усиливался погребальный звон. Гробы, а то и просто мешки с трупами опускались в неглубокие ямы, с каждым днем опустошая недавно отвоеванную Новороссию. Плоды Кучук-Кайнарджийского мира на отвоеванных территориях пожинала смерть, и усилия солдат и полководцев империи в этой войне, казалось, были напрасны.

Рескрипты, приказания, советы о том, как преодолеть опасность, неслись из сановитого Петербурга, выставившего карантинные посты за много верст от царских дворцов. Но чтобы исполнить эти указания, нужны были смелые, самоотверженные, организованные командиры.

* * *

Ранним летним утром капитан Ушаков выводил из Херсона команду своего корабля в степь. Из середины большого квадрата, по углам которого забивали колышки, прошмыгивали между группами моряков суслики, отбегая дальше в поля, становились на холмики и с удивлением смотрели, как люди делали на месте их пристанищ широкие норы для себя. Да, Ушаков приказал отрыть много землянок. Для офицеров, для морских служителей — здоровых, для тех, у кого есть подозрение к болезни, для больных, для выписавшихся из госпиталя, для карантина. Со всех сторон лежали кучи камыша и сухой травы. Недавно прибывший для прохождения службы мичман Пустовалов с удивлением прислушивался к разговору своего командира и пожилого, с обвисшими усами боцмана.

— Ну тан как, Петрович, разложим костры по всей линии или в разных местах?

— В разных местах, ваше превосходительство. Чтобы дым зазря не пропадал. У карантина, у гошпитальных, на входе в лагерь.

— Верно, пожалуй. Да еще в центре у палаток основной команды, чтобы здоровые все под дымком были.

— А еще, Федор Федорович, в костры чебреца и душицы добавлять следует. Лихоманка духмяности не любит, она в гнилостях и прелостях себе добычу находит.

— Вот и давай, Петрович, возьми с десяток служителей и поищи чебреца и других запашистых трав по ярам и рощицам.

Вечером в офицерской землянке, полулежа на свежеструганом лежаке, мичман размышлял вслух:

— Не похож наш командир на капитана первого ранга. С боцманом будто с ровней говорил, а нас в Морском корпусе обучали высоко честь офицера держать, не топтать ее, не снижать.

Дементий Михайлов, корабельный штурман, что вычерчивал за столом какой-то план, не подымая головы, ответствовал:

— Он ее и не марает. Честь, она сверкать должна, как труба медная, а чистят ее боевым и мирным делом.

Мичман пожал плечами: «Ну это честь, а к чему себя так не блюсти, командиром не выглядеть? Команды не слышно. Будто на деревенских посиделках беседу ведет. Сие ни в каких уставах не написано».

Дементий, будто отгадав его мысль, провел под линейку четкую линию и поднял голову:

— В уставах о том, как служителей беречь от моровой язвы, тоже не написаио. А он сбережет, — усмехнулся. — Мы тут так будем бегать, да строить, да упражнения делать, что не до чумы станет.

Да, то были не учебные классы, а непрерывный, почти холопский труд с нелегким заданием каждому офицеру и моряку. Горели беспрерывно костры, кипели котлы с горячей водой, разводили в ведрах уксус, сушили на кострах одежду, затем прокаливали и продымливали ее. На козлах постоянно проветривались постели. Воду привозили с Днепра в бочках, сырую командир пить не давал. Изредка легкие взрывы окутывали пороховым дымом весь лагерь. «Пороха-то она, сердешная, боитси», — утверждал Ушаков.

«Все кислые стали, яко мураши», — похохатывали матросы, обмываясь уксусом. «Да ты трись, трись пошибче, всякая хворость лепетнет», — ворчал боцман, не давая никому улизнуть от ежедневной промывки. Два раза в день докладывал лекарь Ушакову о состоянии команды. Если появлялось покраснение, слезились глаза, вся землянка или палатка становились на легкий карантин, если болезнь не отступала — карантин был полный. Матросам даже разговаривать с соседями запрещалось. Городской госпиталь Ушаков не загружал, а того, кто приходил оттуда, долго выдерживал в карантине и лишь тогда допускал к упражнениям.

Казалось, лишь бы выжить, здесь, на суше, не отойти к праотцам, но его матросы готовились к морским походам: слушали и исполняли команды, вязали узлы, учились забираться на столбы, что поставил он вместо мачт.

Наконец чума не выдержала, отступила.

...Петербург, отмечая радение в борьбе с чумой, особо выделил, по представлению вице-адмирала Я. В. Сухотина, старательного командира морского корабля № 4. Адмиралтейств-коллегия объявила, что «приписывает совершенное свое удовольствие, особливо же капитану Ушакову, отличившемуся неусыпными трудами, попечением и добрым распоряжением, чрез то что он по своей части гораздо скорее успел отвратить опасную болевнь, так что опая от 4 числа ноября больше не показывалась, о чем к нему от Коллегии послать указ...»

Орден Владимира 4-й степени засиял на груди Ушакова. Не за морские сражения, но за битву со смертельной опасностью, за спасенье от гибели русских моряков и командиров, всех морских служителей, что скажут еще свое слово в будущих битвах.

СЕВАСТОПОЛЬ

Русский военный флот (среднего тоннажа) получил базу в Азовском море и в северо-восточной части Черного моря, а русским торговым кораблям было разрешено плавать там наравне с английскими и французскими. Турецкая верхушка, естественно, не хотела усиления России, не могла перенести независимости Крыма и периодически организовывала мятежные выступления среди крымских татар, подкупая влиятельных мурз. Турецкие корабли, нарушая соглашение, посещали крымские гавани, угрожали десантами. Генерал-поручик Суворов сумел четкими маневрами, угрозой применения артиллерии изгнать из Ахтиярской бухты отряд кораблей Гаджи-Мегмета. Удобная гавань не стала базой для турецкого флота, а Суворов был первый русский командующий, кто оценил ее значение. В 1778 году он же провел блестящую операцию по выселению крымских христиан, в основном греков и армян. Это акция скорее экономического характера, ибо наносила существенный и даже непоправимый удар по доходам крымского хана, лишала его финансовой опоры. Переселенцы армянского происхождения поселились у крепости святого Дмитрия Ростовского (будущий Ростов-на-Дону) в слободе Нахичевань, а греческие переселенцы — между реками Берда и Кальмиус, где возникли города Мариуполь и Мелитополь.

Турецкие лазутчики в это время всячески провоцировали крымских татар на выступления и вооруженные вылазки против русских войск, но судьба Крыма была уже решена, и в 1783 году он полностью перешел во владения Российской империи, получив наименование Тавриды.

В мае 1784 года Федора Федоровича Ушакова назначают командиром вновь построенного линейного корабля «Св. Павел», командиром другого линейного корабля «Слава Екатерины» стал граф

Марк Иванович Войнович. Корабли строились в Херсоне, но не оснащались, их потом на камелях (своеобразных плотах) проводили в пристань Глубокую (ближе к устью Днепра) и там доводили до кондиции. Все лето провел Ушаков в хлопотах, занимаясь вооружением, такелажем и парусами, установкой артиллерии. На виду Очакова прошли красавцы корабли, дали салют русской крепости Кинбурн и проследовали в Севастополь, с которым накрепко связала судьба великого русского адмирала.

Указ Екатерины II Г. А. Потемкину «устроить... крепость большую Севастополь, — где ныне Ахти-Яр» последовал еще 10(21) февраля 1784 года. Модная греческая топонимика подходила для нового города — «высокий священный город» не раз подтверждал свою славу *.

Наверное, некоторым городам с первых дней своего существования предопределена высокая судьба. Они становятся символами в истории, их имена вызывают поклонение и святой трепет. В этом нет мистики, их ореол утверждается мозолистыми руками, острой мыслью, бесстрашными поступками обитателей, их доброжелательным нравом, веселым обликом. А для этого надо, чтобы его жители, строители, его созидатели, защитники, его украшатели любили свой город, желали ему добра, счастья, процветания. Замечательно это стремление — сделать свой город самым красивым, самым богатым, гостеприимным для друзей и неприступным для врагов. Севастополь сразу замышлялся таким. Архитекторы и вольнонаемные строители, генералы и работающие с утра до утра рекруты, высшие морские чины и торговцы, крепостные мужики и моряки — все приняли участие в том мощном первотолчке, который вывел Севастополь в разряд замечательных городов наших.

Капитан 1-го ранга Ф. Ф. Ушаков на линейном корабле «Св. Павел» прибыл в Севастополь, когда окружающие холмы начали желтеть, приближалась осень. Морскую деятельность, однако, пришлось отложить. Севастополь строился, и каждая пара рук была на счету. Команда линейного корабля почти вся оказалась на берегу. В те осенние дни русские моряки возводили пристань, были заняты на строительстве домов, складов, казарм. Бережно поддерживая тонкие стволы, высаживали они вдоль наметившихся улиц города яблоньки, каштаны, белую акацию. На строй-

* Севастополь состоит из двух греческих слов «Севастос» и «полис». Есть различные переводы: город славы, величественный, почтенный, достойный поклонения и т. д. Наиболее предпочтительное толкование — «высокий, священный город». В 1797 году Павел I переименовал Севастополь в Ахтияр. Прежнее название было возвращено лишь в 1826 году.

ках и складах, в возводимых помещениях и трапезных — везде успевал тогда организованный, энергичный командир «Св. Павла».

1786 год промелькнул в делах строительных и непрерывных экзерцициях на корабле. Служители учились выходить на ветер, ставить в жестокую качку паруса, распознавать сигналы. В Севастопольской корабельной эскадре под командованием капитана первого ранга Марка Войновича все негласно признавали, что на «Святом Павле» самый расторопный, дисциплинированный и умелый экипаж, самые четкие, понимающие, знающие свое дело командиры, самый неугомонный, бдительный и энергичный капитан. Признавали негласно, ибо Марко Иванович считал, что вышеуказанные достоинства принадлежат лишь ему. Ушаков сделал все, чтобы «Св. Павел» стал лучшим кораблем в эскадре. Участвовал он и в практических плаваниях, приучал офицеров и служителей к «Эволюции в разных движениях». Однако в чинах пока повышались другие. Командовать наличной Севастопольской эскадрой, портом вступил М. Войнович, ставший в 1787 году контр-адмиралом. Старшим членом Черноморского адмиралтейства назначили капитана 1-го ранга Николая Семеновича Мордвинова, получившего звание контр-адмирала.

Потемкин, Новороссия и флот готовились к встрече императрицы — ее должны были встретить собственные адмиралы.

НАЧАЛО ВТОРОЙ ВОЙНЫ С ТУРКАМИ

Неизбежность войны не была столь очевидной в России в 1787 году, да и «блистательная» поездка Екатерины на юг подтверждала это. Г. Потемкин требовал проявлять дружелюбие к турецким капитанам, дипломатам, купцам. Были отданы распоряжения, что с ними следует обходиться «сколь можно ласковее, уклоняясь от малейшего повода к распре и оскорблению, оказывая при том им всякую справедливость и снисхождение».

Однако уже с середины 1787 года из Константинополя от русского посланника Я. И. Булгакова шли крайне тревожные сообщения об активной деятельности при дворе антирусской партии, возглавляемой великим везиром. Султан вел себя нерешительно, не откликался на призывы выступить в поход, однако посол считал, что сторонники везира спровоцируют где-нибудь на границе, скорее всего у Очакова, драку и, «сложа вину на нас, вынудят двор к войне». Старший член Черноморского правления контр-адмирал Н. С. Мордвинов отдает распоряжении приступить к срочной подготовке обороны Севастополя. Вход в бухту был закрыт старыми фрегатами и бомбардирским кораблем, что превращен в плавучую батарею.

Второй и третий отряд Черноморского флота под командованием капитанов бригадирского ранга П. Алексиано и Ф. Ф. Ушакова, после плавания у берегов Крыма, 1 августа возвратились к Севастополю и встали на внешнем рейде. Был отдан приказ принять на кораблях полный припас снаряжения и воды.

...Мудрый и всевидящий Яков Иванович Булгаков шел на заседание Дивана, понимая, что случилось непоправимое: возобладала партия войны. С истерией в голосе великий везир потребовал возвратить Крым, отказаться от Кучук-Кайнарджийского договора, запретить Черноморский флот России, иначе... Усталым (в эти дни сжигались все секретные бумаги, отправлялись последние сообщения в Петербург, Херсон, Кременчуг), но твердым голосом Булгаков отверг требования и тут же был препровожден в страшный Семибашенный замок — Едикуле, предназначенный для врагов султана. Девять лет назад там уже сидел русский посол Обресков, что означало тогда начало первой войны с Турцией при Екатерине. И сейчас 13 августа Турция объявила войну России. По-видимому, после прибытия первого сообщения в Очаков турецкий флот перекрыл лиман. Русские корабли тоже приготовились к бою. Мордвинов понимал, что, уничтожив эти корабли, турки могут высадить десант в Глубокой Пристани, захватить Херсон.

Вдоль Днепра вытянулись суда всех типов, которые способны были нести пушки. Вскоре к ним подтянулись из устья Лимана фрегат «Скорый» и бот «Битюг», отбившиеся от преследователей.

Потемкин, Мордвинов, все морские командиры восприняли их переход как большую победу. Но до этого было еще очень далеко.

Мордвинов предложил Потемкину на утверждение план нападения на турецкий флот, но не у Очакова, как можно было ожидать, а у Варны. В этом несколько авантюрном плане задействован и элемент внезапности, возможность уничтожить флот на рейде, ибо спрятаться в Варненской гавани за огнем береговых батарей не представлялось возможности. Потемкин и его окружение план поддержали. Контр-адмирал Войнович, который возглавлял эскадру, тоже был настроен оптимистически и, естественно, хотел победоносно завершить этот поход, чтобы беспрекословно утвердиться в звании командующего Севастопольской эскадрой. В ответ на робкие пожелания переждать ветры и волнения он высокомерно сказал: «Слова ваши — бабьи сказки, я надеюсь на моих капитанов». У знаменитого и трагического для русского флота мыса Калиакрия эскадра встала в дрейф. А дальше случилось непоправимое.

«Шторм с дождем и превеликой мрачностью обрушился на эскадру. Ломались, как соломинки, мачты, разлетались в клочки паруса, разрывались ванты. Корабли разметало по морю, кое-кто отдался воле волны, кое-кто пытался развернуться к ветру и двигался в юго-восточном направлении, то ли к Тамани, то ли к Синопу. «Мария Магдалина» уже в первый день осталась без мачт, «Св. Андрей» лишился их на второй день».

Пушки, бочки с солониной, переплетенные канатами куски мачт, щиты и переборки — все это носилось по палубам, налетало друг на друга, создавало смертельную круговерть, сбивая и калеча людей. Флагманский корабль «Слава Екатерины» стал тонуть, вода поднялась в нем на три метра. Помпы, ведра, ушаты не помогали. Поломался даже румпель. За борт летело все, что облегчало корабль. Море поглотило мебель, бочки, доски, ядра. В дар Посейдону были выброшены штабные бумаги, карты с диспозицией несостоявшегося сражения и даже разукрашенная бриллиантами табакерка Екатерины, подаренная Войновичу за расторопность при управлении императорской шлюпкой. В тот же час Войнович расторопности не проявил. Спасла находчивость и храбрость офицера Дмитрия Сенявина, освободившего судно от сломанной мачты.

Последствия бури были катастрофическими. Полуразрушенную «Марию Магдалину» отнесло к Босфору с 400 членами экипажа в качестве первого боевого трофеи турок, англичанин наемный капитан Тиздель сдался туркам. Исчез в пучине фрегат «Крым». Жалкое зрелище представляла из себя эскадра, собравшаяся к 22 сентября на севастопольском рейде. С одной мачтой, с переломанными перегородками, с наполненными водой трюмами стояли «Св. Павел», «Св. Андрей», «Перун», «Св. Георгий» и «Стрела». Неведомой силой дотянул в гавань корабль «Слава Екатерины», лишившийся всех мачт и двигавшийся под рангоутом, изготовленным из остатков запасных стеньг и реев. Лишь фрегат «Легкий» сохранил все три мачты.

«Корабли и 50-пушечные фрегаты, о которых никогда не сумлевался, каковы они теперь, страшно на них смотреть», — жалостливо докладывал Мордвинову невезучий контр-адмирал Войнович.

Крым, все побережье были открыты для противника, а не начавшаяся военная морская кампания проиграна.

Потемкин растерялся, впал в панику, написал Екатерине: «Я стал несчастлив. Флот Севастопольский разбит... корабли и фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки». Посчитав Крым беззащитным, он решил сдать его. Окружению Потемкина, Попову, Суворову, пришлось приводить его в себя, строго одернула светлейшего и Екатерина. Крым не сдавать, ибо... «куда же тогда девать флот Севастопольский? Я надеюсь, что сие от тебя писано в первом нервном движении, когда ты мыслил, что весь флот пропал». С мистическим фатализмом она подбадривала князя: «То ли еще мы брали, то ли еще теряли». Через некоторое время Потемкин снова стал хладнокровен, энергичен, полон планов и надежд, как раньше. Внимательнее пригляделся к морским командирам, явственнее увидел заносчивость, отсутствие должной практики в отечественном флоте у Мордвинова, разглядел за внешней решительностью страх дальних походов, робость в командовании у Войновича. Все большее расположение чувствовал Потемкин к командиру «Св. Павла» Федору Ушакову. «Есть же моряки храбрые», — уверял он всех. Да, таковые были.

В это время развернулась новая волна южного отечественного кораблестроения.

В Херсоне в 1788 году строились пять катеров и дубель-шлюпки. В имении Потемкина Мошны в Смелянском графстве также приступили к постройке плавбатарей и дубель-шлюпок. Вспомнился опыт азовских новоизобретенных кораблей, и Потемкин потребовал создать и для Лимана легкие суда, «которые бы могли ходить отчасти в море, неся большие пушки и морплеры».

В Кременчуге разворачивал строительство запорожских лодок будущий строитель Николаева промышленник и полковник Михаил Фалеев.

ФИДОНИСИ *
ВЗОШЕДШАЯ ЗВЕЗДА

Ушаков знал, что Потемкин засыпал Войновича требованиями выйти в море для решающей схватки с турецким флотом. Тот тянул, ссылался на недоделки, благо и Катасонов говорил об этом. Но не недоделки его пугали, не качество судов. Видя свою неудачливость, он все больше впадал в неуверенность, вялость. Катастрофу флота у Калиакрии в прошлом году объяснил Потемкину дурными качествами своих судов. «Не было никаких недостатков в рачении, ни в усердии, ни в осторожности, ни в искусстве; а все произошло от слабости судов и снастей». И уже осмелев, заявлял везде: «Хоть шторм прежестский был, но если бы все крепко было и качество судов лучшее, все устояло бы». Однако чувствовал, что второй раз светлейший его не простит,

* Остров к востоку от устья Днепра.

не оправдает, и явно трусил, выискивая причины, чтобы оттянуть выход эскадры. Неуверенность передавалась экипажам, необстрелянным офицерам. И лишь Ушаков времени не терял, дни и ночи проводил на корабле — учил, учил, учил.

18 июня Войнович решился. Осторожно вывел эскадру в море, последовал с ней к северо-западу, чтобы напасть на турецкий флот, находившийся у Очакова. В эскадре было два линейных корабля и десять фрегатов. Ушаков понимал, что фрегаты маломощны. В европейском флоте мало кто решился бы поставить их в линию против настоящих боевых линейных кораблей. Да еще шлейф малых шебек, корсарских судов, кирлингачей сопровождал русскую эскадру. Кораблей вроде бы и немало, но ясно, что их огневая мощь скудна.

Ушаков возглавлял авангардию, за ним на «Преображении» (после конфузливого штормового разгрома «Славу Екатерины» было приказано переименовать) шел с флагом граф Войнович. Он фактически передоверил командование и принятие решений Ушакову, приглашая того для совета.

1 июля Войнович пишет: «Любезный товарищ. Мне нужно было поговорить с вами. Пожалуйста, приезжай, если будет досуг. 20 линейных кораблей насчитал!»

Русская эскадра при неблагоприятном ветре проследовала в отдалении от Очакова и после Гаджибея у острова Фидониси увидела усиленный турецкий флот. 17 линейных кораблей, 8 фрегатов и масса малых судов заставили Войновича уже просто воззвать к Ушакову.

2 июля: «...Я думаю, друг мой, что ввечеру нам поворотить через контр-марш * к берегу. На сие согласимся после. Авось, Бог даст ветру от берега и взять бы у него с наветра — так и сомнения бы не было. Тут только три корабля хорошо снабжены людьми; а прочее все у них сволочь. На абордаж у нас не возьмешь — люди хороши и подерутся шибко. Наши храбростью им не уступят. Сегодня, думаю, он не подойдет, ибо будет поздно, но завтра рано надобно быть готовым, да и ночью осторожным. Если подойдет к тебе капитан-паша, сожги, батюшка, проклятого! Надобно нам поработать теперича и отделаться на один конец. Если будет тихо, посылай ко мне часто свои мнения и что предвидишь? Будь здоров и держи всех сомкнутых, авось избавимся».

Ушаков, однако, избавиться от боя не желал. Видя, что турки выстраивают линию боевых кораблей, прикинул в уме: у них 1110 орудий, у нас всего 550. Да и калибр наш меньше, металла

* Контр-марш — последовательно, один корабль за другим.

в русские корабли турки будут посылать почти в три раза больше. По всем статьям — силе кораблей, мощи артиллерии — русская эскадра уступала противнику. В случае же абордажной схватки десять тысяч человек с турецких кораблей имели неоспоримое преимущество перед четырьмя тысячами человек русского экипажа.

И тем не менее утром 3 июля Ушаков решительно повел авангардию на сближение. Дул тихий северо-восточный ветер. Турецкий флот лежал на ветре у Ушакова, и он решил выиграть ход у передовых турецких судов. «Святой Павел» и два его передовых фрегата отнюдь не держали строй, а шли как бы в авангарде у неприятеля. Ушаков решил обойти голову колонны и поставить турок в два огня. Гасан-паша был человек опытный: поняв грозившую ему опасность, тоже приказал прибавить паруса. Турецкие корабли оказались легче в ходу, и передовые из них сблизились с авангардией Ушакова. Другие суда вытянулись в длинную рассыпную линию. Началась канонада.

— Стрелять ближними прицельными выстрелами! — приказал Ушаков.

Артиллеристы старались отменно: рвались снасти, летели ошметки парусов, в бессилье обвисали паруса у турецких кораблей. Три первых из них сделали овер-штаг — поворот на другой галс и пошли прочь. Гасан-паша был вне себя, когда увидел сей позорный маневр своих капитанов. Он отдал им приказ: повернуть снова в бой, и для выражения своих чувств велел ударить по своим бежавшим кораблям ядрами. Не помогло! Да и не до бежавших было, сам Гасан уже вступал в схватку с Ушаковым. Он еще не ведал тогда, что это будущий могильщик турецкого флота.

Гасан-паша с яростью набросился на корабль капитана русского авангарда. Ушаков недаром обучал своих моряков и артиллеристов: они творили чудеса, держа скорость и прицельно поражая ядрами флагмана турок. Вся корма у того была разворочена: ход падал. Он вынужденно устремился на юг от молниеносного корабля русских. Его флот сделал это еще раньше, уйдя в темноту южной ночи. Ушаков еще преследовал турок, потопил шебеку, затем повернул к своим. Войнович был в восторге.

«Поздравляю тебя, батюшка Федор Федорович. Сего числа поступил ты весьма храбро. Дал же ты капитан-паше порядочный ужин. Мне все было видно! Сим вечером, как темно сделается, пойдем... к нашим берегам. Сие весьма нужно, вам скажу после. А наш флотик заслужил чести и устоял против этакой силы! Мы пойдем к Козлову: надобно мне доложить князю кое-что. Прости друг сердечный — будь, душенька, осторожен, чтобы нам сей

ночью не разлучиться. Я сделаю сигнал о соединении: тогда и спустимся».

Ушаков подсчитывал потери, их почти не было. Ни одного убитого! Такое редко случается в выигранном сражении.

А наутро вдали замаячил турецкий флот. Ушаков готовился к новому бою, и Войнович запричитал: «Друг мой Федор Федорович, предвижу дурные нам обстоятельства. Сегодня ветер туркам благоприятствует... Дай мне свое мнение и обкуражь! Как думаешь, дойдем ли до гавани? Пошли к фрегатам, чтобы поднимались к ветру. Да сам не уходи далеко очень — сам ты знаешь!»

Турки же, однако, сочли за благо уйти в сторону Варны. Эскадра возвратилась в Севастополь, и уже никакие просьбы Потемкина не заставили Войновича вывести ее в море. То он жаловался на болезни экипажа, то на повреждения судов, то на волнения в Крыму, то на ветры неблагоприятные. Не спешил встретиться с противником командующий Севастопольской эскадрой.

Победа же Ушакова взбудоражила Потемкина — можем сражаться и выигрывать!

ВЫБИРАЯ КОМАНДУЮЩЕГО

Дело Азовско-Черноморского флота начал Алексей Наумович Сенявин, первым командующим Черноморского флота стал вице-адмирал Федор Алексеевич Клокачев, что умер в 1783 году в Херсоне от гнилой горячки. После Клокачева главным командиром Черноморского флота был назначен Яков Филиппович Сухотин с производством его в вице-адмиралы. Необжитые края, необустроенные города, однако, ему не нравились. Он стремился на Балтику и написал И. Г. Чернышеву 3 ноября 1785 года:

«Я сего же месяца, 1-го числа, имел счастье получить от князя Григорий Александровича через прибывшего сюда определенного в Херсонское черноморское адмиралтейское управление старшим его членом флота г-на капитана Мордвинова повеление, чтобы мне сему правлению перепоручить все вообще команды адмиралтейские, в Херсоне находящиеся, а потом возвратиться к С.-Петербургской команде, то есть к прежней моей питомице Государственной Адмиралтейской коллегии...»

Потемкин подбирал командующего. Был внимателен к Мордвинову. Этого педантичного офицера «отличнейших познаний» пригласил в 1785 году в Херсон и назначил старшим членом Адмиралтейского правления. Отца его, известного адмирала, хорошо знали во флоте как создателя книг по навигации, специальных

каталогов и таблиц для мореплавателей. Его особый компас со стрелкой, натертой искусственным магнитом, применяли на многих отечественных кораблях. Отец был яростным поклонником Петра, непреклонным сторонником российских обычаев и традиций. Сын же, после того как побывал в Великобритании, стал страстным англоманом. Англия поразила его. Оттуда он вывез жену, которая покорила его сердце, книгу Адама Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов», которая покорила его разум, и веру в превосходство английских порядков, покоривших его воображение. Его возвышенные общественные устремления не соответствовали российской действительности, не привели к изменениям во флоте, да он втайне и чувствовал, что не рожден большим флотоводцем. Его чопорность и английский педантизм нередко выглядели пренебрежением к сотоварищам и коллегам по службе, вызывали раздражение, а столкновения с неблизкими его сердцу российскими порядками привели к унылости и нервозности. Почувствовав, что с флотом и порядками не управляется, ушел в отставку (как оказалось, ненадолго).

В Севастополе командующим над наличным или действующим флотом и портом стал старший из судовых командиров капитан 1-го ранга Марко Иванович Войнович, серб на русской службе. В мае месяце 1787 года он и Мордвинов были произведены в контр-адмиралы.

Марко Иванович верность российской короне выказывал постоянно, но командир он был нерешительный, нерасторопный, да и неудачливый. Всем понятна его авантюрная вылазка к Варне, окончившаяся чуть ли не катастрофой для флота. Винили небывалой силы шторм, но только ли ветер виноват был? Войнович и Мордвинов больше в бой не рвались.

Потемкину стало ясно, что в командующие они не годятся. Кого выбрать, если не Ушакова? А может, Карла-Генриха-Николая-Оттона Нассау-Зигена?

Потемкину принц Нассау-Зиген был по душе. Оборотист, хваток, храбрец отчаянный. Вспомнил, как принял того в 1786 году в Крыму, присмотрелся и увидел натуру родственную. Высокого роста, хорошо сложен, энергии поразительной, смерть презирает, действует прямо и твердо. Чего только не повидал принц, в каких только авантюрах не участвовал и духом оставался бодрым. Германский принц, но внук и сын француженки, он соединил в себе лучшие и худшие черты сих наций. Порывист и легковесен, упорен и педантичен. В юности Карл-Генрих служил во французской армии, был капитаном драгунов, участвовал в Семилетней войне. Затем его привлекли романтические дали, он вдруг пересел на фрегат «Будес» и совершил вместе с Бугенви-

лем кругосветное путешествие. Князь Таврический любил его рассказы о многочисленных дуэлях, покорении сердец дам белого, смуглого и желтого цвета. Как попал в 1786 году к «великолепному князю Тавриды», так дружба и «склеилась». Екатерина удивлялась. «Странно, как тебе князь Нассау понравился, тогда как повсюду имеет репутацию сумасброда». Но затем и сама, во время путешествия по югу, проявила благосклонность к Нассау и приняла его на русскую службу капитаном. В марте 1788 года принц был уже контр-адмирал, командир гребной флотилии на Днепровском лимане. Быстро прошагал по лестнице принц, без труда, одной храбростью взял награды. Но подходит ли, думал Потемкин, для командира всего флота Черноморского? Есть ли расчет? Выдержка? Знания морского искусства? Думал, думал светлейший да отпустил его командовать Балтийским гребным флотом — с веслами, абордажной схваткой, пожалуй, у принца лучше выйдет, чем с парусным флотом. Тут нужен муж хладнокровный, в морском деле досконально разбирающийся, да и свой, морскими экипажами признанный и любимый. Кто? Наверное, этот сдержанный Ушаков? Храбр. Умен. Молчалив, правда. Но в морском-то бою безупречен, бесстрашен и не беспечен.

14 марта 1790 года Потемкин подписывает ордер Черноморскому правлению, в котором написал: «Предположа лично командовать флотом Черноморским, назначил я начальствовать подо мною господину контр-адмиралу и кавалеру Ушакову. Господин контр-адмирал и кавалер (граф) Войнович отряжен в командование морских сил каспийских... бригадиры Голенкин и Пустошкин имеют быть начальниками эскадр при флоте».

В другом ордере, направленном в этот же день Ушакову, Потемкин твердо предписывает: «Не обременяя вас правлением адмиралтейства, **препоручаю Вам начальство флота по военному употреблению** (подчеркнуто мной. — В. Г.), а как я сам предводительствовать оным буду, то и находиться вам при мне, где мой флаг будет».

В ордере светлейший князь предложил рассмотреть с обер-интендантом Афанасьевым все, «что нужно для снабжения судов на кампанию», расписал порядок ремонта кораблей и определил новые назначения, назидательно закончив: «Препоручаю наблюдать в подчиненных строгую субординацию и дисциплину военную, отдавать справедливость достоинствам и не потакать нерадивым; старайтесь о содержании команды, подавая всевозможные выгоды людям, и удаляться от жестоких побой».

Ушаков же «отдавал справедливость достоинствам» и подавал всевозможные выгоды людям уже давно, без позволений и ордеров, спущенных сверху.

ФИДОНИСИ, КЕРЧЬ, ТЕНДРА, КАЛИАКРИЯ — БЛЕСТЯЩИЕ ПОБЕДЫ. РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ТАКТИКИ...

Именно в этих боях при Фидониси, у Керчи, Тендры и особенно при Калиакрии утвердился флотоводческий гений Ф. Ушакова. Его умелое «опережение» при Фидониси, обход фрегатами неприятельских кораблей заставили дрогнуть турок и удалиться. Ушаков тогда умело соединил маневр с ведением быстрого и точного артиллерийского огня.

Будучи командующим корабельным Черноморским флотом, он под Керчью применил против турецкого флота несколько совершенно новых приемов, которые сами по себе — уже нарушение установленного порядка боя. Но применение этих приемов обеспечило Ушакову победы. Во-первых, он выделил легкие фрегаты в особый резервный отряд командующего и бросил их для развития успеха, для отражения ударов противника. В морской военной практике это было невиданно. На суше, в боевых действиях резерв использовался, но на море резерв не полагается. Здесь же он, выиграв ветер, сконцентрировал огонь на ближайших турецких кораблях и на флагмане. У турецкого вице-адмирала был сбит кормовой флаг. Это вызвало замешательство у неприятеля, а когда Ушаков сделал неожиданный поворот и приказал своим кораблям сделать то же, «ступить ему в кильватер по способностям», «без соблюдения порядка номеров», турецкий флот, почувствовав угрозу расчленения, бежал.

«Стремясь завершить удар, — указывается в «Истории военно-морского искусства», — Ушаков приказал спешно выстроить баталии, не соблюдая назначенных мест. Здесь Ушаков снова отказался от установившегося обычая занимать место в строю в порядке своих номеров. Преследуя противника, он занял место впереди своих кораблей, а не в центре, как того требовали правила формальной линейной тактики».

Так происходило прощание с незыблемой до сих пор знаменитой «Линией», определяющей всю маневренную тактику военно-морских флотов. Но не только в линейной тактике проявил себя новатором русский адмирал. Особо энергично атаковал Ушаков корабль главнокомандующего противника, понимая, что вывод из боя флагмана турок дезорганизует их, внесет сумятицу и разброд. Турецкий флот отличался быстроходностью, подвижностью, но его личный состав был плохо организован, быстро предавался панике при признаках неудачи. Таковые признаки и следовало создавать. В результате Керченской победы попытка высадить десант в Крыму была сорвана. А ведь неизвестно, как протекала бы вторая при Екатерине война с турками и чем бы она

закончилась, если бы хорошо вооруженные отряды десанта соединились с мятежно настроенными ватагами крымских мурз. Зачтем же эту победу контр-адмиралу Ушакову, ставшему во главе Черноморского флота, как главную заявку на победоносную маневренную тактику, на боевитость, на неукротимый напор, которые с этих пор сопровождали его всю морскую жизнь.

При Тендре он действовал совершенно раскованно и дерзко. Перед его волей все отступало. Не следует думать, что турецкий флот готов был капитулировать и скрываться от русского. Нет, он накапливал силы, совершенствовался, сам искал выгодного сражения. Кроме того, он активно участвовал в обеспечении действий сухопутной армии.

Ушаков тоже следил за его перемещениями. Один из постоянных принципов военных действий командующего: знать, где находится противник, в каком количестве, каковы его намерения. Так было и перед Тендрой, когда посылались гонцы во все концы Крымского полуострова, в Херсон, Очаков и к Гаджибею, когда фрегаты Ушакова стремительными тенями проносились вдоль берегов Крыма, появлялись у Лимана, таились за островом Тендра, подходили к устью Дуная.

Собрав сведения о противнике, проанализировав их (ибо нередко это были противоречивые известия), он к началу операции знал больше о противнике, чем тот о нем. И «располагал свои действия» сообразно обстановке.

Особую досаду в Константинополе вызвала гибель 74-пушечного корабля «Капудания» с грузом сокровищ и драгоценностей, вывозимых из Крыма, и пленение контр-адмирала Саит-бея. Это была блестящая виктория. Суворов откликнулся на победу русского флота: «Виват Ушаков!» Да, пальма первенства на Черном море прочно переходила к русскому флоту. Он надежно перекрыл вход в устье Дуная, где неприступной глыбой высился Измаил. Здесь, в его штурме, окончательно утвердилась воинская слава Суворова. Надежное плечо со стороны моря подставил ему Ушаков, выделив Лиманскую флотилию для непосредственных боевых действий.

После Тендры и Измаила была битва при мысе Калиакрия. Калиакрия — самая блестящая морская победа Ушакова. Она развеяла надежды Оттоманской Порты на военный успех, явилась непререкаемым аргументом к миру.

СОВЕРШЕННАЯ ПОБЕДА

Такого маневра капитан-паша турецкого флота и его вдохновитель алжирский паша Саит-Али не ожидали. Между берегом и

турецкими кораблями проходил последний корабль русской эскадры. Артиллеристы береговой батареи, опешив, побежали к пушкам, но посланные вдогонку ядра вреда принести уже не могли. А русские корабли, обойдя противника, отрезав его от берега, разворачивались, становились на ветер и стремительно атаковали турецкий флот. Это был блестящий маневр, обессмертивший имя русского контр-адмирала Ушакова. Правда, об этом многие зарубежные историки и тактики парусного флота постарались позабыть, не вспоминать, приписать его адмиралу Нельсону, совершившему подобный маневр лишь в 1798 году у мыса Абукир. То, что маневр был блестящим и неожиданным, доказывают результаты битв у Калиакрии и у Абукира. Обе битвы закончились катастрофическим поражением эскадр, допустивших противника взять их в клещи. Но факт остается фактом: первым применил этот маневр Федор Федорович Ушаков.

В тот последний день июля 1791 года русский контр-адмирал, отправившийся из Севастополя на поиски противника, увидел его у румелийского берега стоящим на якорях в несколько линий при Калиакрии против мыса Калерах-Бурну под прикрытием береговой батареи. Вот и бросил он тогда, в просвет между берегом и линией расположения турецкого флота, свои корабли. Требовалось большое искусство капитанов и моряков, чтобы не выскочить на берег, не помчаться под турецкие пушки, не замешкаться при выполнении поворотов. Но Ушаков знал мастерство своих экипажей, верил в уменье своих капитанов и поэтому решился на столь рискованный замысел. Пройдя узким коридором, он выиграл ветер. А это небесное топливо парусников обеспечивало движение и скорость, неуязвимость и победу в сражениях тех времен.

Ветер в паруса! Вот к чему стремился русский контр-адмирал. И, обогнув турецкую эскадру, он получил ветер для стремительной атаки. Сражение еще не начиналось, а Ушаков уже выиграл его.

Турки рубили канаты, ставили паруса и, увлекаемые морским течением, стали врезаться друг в друга. У одного упала бизань-мачта, бушприт второго не выдержал удара о соседний корабль и переломился. Капудан-паша попытался выстроить линию баталии, изловить ветер, разворачиваясь. Однако алжирец Сеит-Али с ним не посчитался и решил обойти русскую эскадру, атаковавшую с марша тремя колоннами. Ушаков сразу заметил опасность и решил не дать зайти себе в тыл, не допустить «на ветер» врага. На корабле «Рождество Христово», идущем под его флагом, он, вырвавшись из линии, двинулся на сближение. Саит-Али отдал своему флоту сигнал сомкнуть дистанцию и спустить-

ся к неприятелю, вступив с ним в бой. В пять часов вечера Ушаков обогвал корабль Саит-Али и атаковал его продольным залпом. Знаменитая битва при Калиакрии разгоралась, чтобы осветить ярким светом веков талант великого русского флотоводца.

Дивно, дивно шел флагманский корабль, как будто на императорском параде. Волна разрезалась форштевнем и раскидывала по обе стороны свое пенное кружево. Турецкий флагман поспевал столь же стремительно, но вдруг сбился с темпа и стал отставать от идущего параллельно «Рождества Христова».

— Молодец, Матвей Максимович! Отладил команду! — стукнул плечом в спину капитана Ельчанинова Ушаков. — А сейчас давай сигнал: «Всей линией в атаку! Сомкнуть дистанцию!»

Сигнальные флажки поползли вверх. «Рождество Христово» развернулось и почти преградило путь Саит-Али.

— Сходимся до полукабельтова, Матвей, и огонь!

Молниеносный поворот флагмана — и его бортовые пушки уже ловили своими темными зрачками цели на турецком корабле. А тот, увлекаемый ветром, мчался навстречу огненному смерчу. Но у турка одна пушка на носу, и что она могла сделать с десятками бортовых орудий русских, расписавшихся ядрами в небе у Калиакрии. Ядра калились тут же, в жаровнях на палубе и красноватыми солнышками выскакивали из пушек наперегонки друг с другом. Вращаясь, издавая драконовское шипение, неслись скованные книпеля и, захлестнувшись вокруг формарса-рея, потянули его вниз, круша снасти.

— Бить по флагману! Всем правым бортом, — командовал Ушаков. Он уже испробовал этот прием. Вывести из строя главный корабль противника, заставить его потерять управление — половина победы.

Русская эскадра, вся в дымах, врезалась в строй неперестроившихся турецких кораблей, охватила его полукольцом и посыпала ядрами. Мачты, стеньги, реи лопались, отлетали в сторону, паруса обвисали и обессилевали. Команды турецких капитанов становились все беспорядочнее и бестолковее. Корабли задней линии давали залпы и попадали в передних, те разворачивались, не зная, где враг. Кто-то начал тонуть, другие поворачивались кормой, спешили под ветер.

— Не отпускать! Не отпускать! Прибавить парусов! — давал команду Ушаков, преследуя уходящий в середину турецкой эскадры корабль Саит-Али. А тот, казалось, почувствовал приближающуюся гибель и нырял в сизые языки дыма, прятался за борта своих отстреливающихся кораблей.

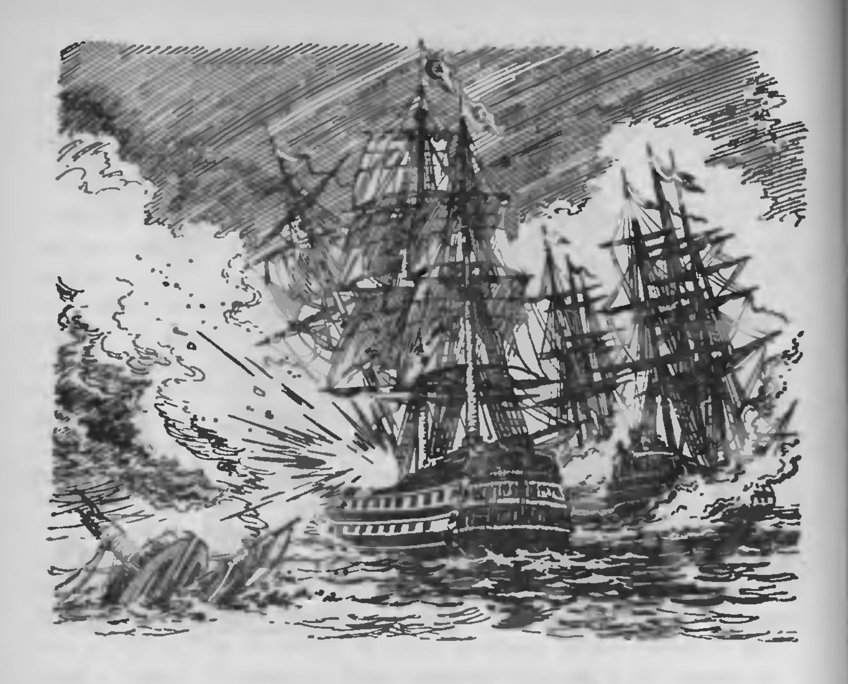
Ушаков не выпускал нити боя из рук. Десятки сигналов отдал по началу атаки: к перестроению, стягиванию в единый кулак, к преследованию уповавшего уже только на паруса да попутный ветер противника.

— Флот разгромлен! Сломали турка, — обнял он Ельчанинова. — Подымай сигнал: «В погоню!» Брать в плен будем.

Новые сигналы появились на флагмане русского флота. Зоркие глаза надо иметь, чтобы различить их, но дозорные, самые остроглазые моряки, уже спешили доложить: «Прибавить парус! Погоня!»

Участь турецкого флота была предопределена. Оставалось завершить битву. Ночные сумерки запахивали сцену перед последним актом — победители предвкушали торжествующий финал, побежденные молились за упокой души. Однако если окончить этим слогом, то следует признать, что тридцать первого июля в небесах царил бог русский, а ночью первого августа его место занял бог восточный. Сгустившиеся сумерки скрыли бегущих от погони, «ветер заштилил», а потом задул в растрепанные паруса оставшихся на ходу турецких кораблей.

— Видны верхушки мачт уходящих! — доложил матрос с са-

линга ранним утром. Как же хотелось Ушакову догнать и порешить весь турецкий флот, чтобы второй раз в истории Отечества засияли медали с коротким словом «был». Однако северный ветер, посылая шквал за шквалом, вскоре превратился в штормовой. Он не щадил турок, многие пошли ко дну, а Ушаков решил не губить свои корабли.

— Завернем за мыс Эмене, — решил он, — здесь у румелийского берега, невдалеке от Фароса, исправим повреждения и догоним.

Быстроходные суда контр-адмирал пустил вдоль берега и получил богатую добычу — транспорты с хлебом, артиллерийское снаряжение с турецких шебек и известия о том, что остатки турецкого флота находятся в Варне. Ветер стих, и Ушаков не мешкая двинулся в погоню.

— Кирлингачи! Ваше превосходительство, под андреевским и бусурманским флагом. Кричат что-то, руками машут.

— Поднять на борт, — скомандовал Ушаков. — Ну что там? — недовольно спросил у вступившего на борт паши. Тот кланялся, а толмач-болгарин, не ожидая, когда турок заговорит, коротко сказал: «Перемирие!»

* * *

Ночной Константинополь вытряхнуло с постелей. Султан с тревогой всматривался в темноту залива. А оттуда, с перерывами, громыхало. Стражу подняли по тревоге, янычары заняли проходы во дворце, глаз в Серале не смыкали до утра. С рассветом предстало печальное зрелище. Обгорелые, со снесенными мачтами, расползшимися по палубе ранеными, стояли в Босфоре несколько оставшихся от эскадры кораблей.

— Зачем ты стрелял? — хрустнул пальцами султан, когда Саит-Али, прибыв с корабля, упал перед ним.

— Великий, флота твоего больше нет, а за нами гнался сам Ушак-паша, и я не хотел, чтобы город застали врасплох. Мой корабль не доживет до вечера, надобно, чтобы пушки с него сняли для защиты столицы.

Султан не предался безрассудной злобе, он понимал, что яростью не остановишь рвущиеся на всех парусах к Константинополю корабли этого непобедимого русского адмирала.

— Ушак-паша! Хотел бы я иметь у себя такого адмирала, — обернулся к раис-эфенди. — Срочно отписать везиру. Перемирие без проволочек.

В Босфоре медленно опускался на дно отдавший последний салют султанскому дворцу корабль Саит-Али.

* * *

Через месяц после сражения Екатерина II писала про Селима II: «Испуганный при виде своих кораблей — лишенных мачт и совершенно разбитых... он тотчас же отдал приказ кончить (мирные переговоры. — В. Г.) возможно скорее... и его высочество, заносившийся двадцать четыре часа тому назад, стал мягок и сговорчив, как теленок».

...Этого памятника в Севастополе, куда возвратился флот Ушакова, нет *. Но он должен стоять, ибо это была выдающаяся победа над старой маневренной тактикой, достигнутая по всем правилам нового военно-морского искусства и даже вопреки тем канонам, которые существовали до сего времени. Адмирал Ушаков проявил то диалектическое понимание сущности боя, которое и знаменовало новое военное мышление, утверждало новую тактику морского боя. Эта выдающаяся морская победа XVIII века поставила Ушакова в ряд самых знаменитых флотоводцев. И не

* У мыса Калиакрия в 1968 году болгарским скульптором Николой Богданьвым выбит трехметровый барельеф адмирала с надписью: «Ф. Ф. Ушаков. 1791 г.».

его вина, если не столь часто и не столь ярко вспыхивает оно в их ряду.

В этом памятнике, на вершине которого должна стоять фигура великого адмирала, обрамлением явятся вычеканенные имена его соратников и помощников, воспитанных в дальних походах, непрерывных упражнениях, боевых схватках под началом Ушакова. Капитаны первого и второго ранга Шапилов, Ельчанинов, Языков, Баранов, Селивачев, Кумани, Чефалиано, Заостровский, Обольянипов, Сенявин, Ознобишин, Сарандинаки, Львов, Шишмарев. Командиры Демор, Ларионов, Белле. Особо хвалил в своих донесениях Ушаков капитана фрегата Великошапкина, который сжег, расстрелял и уничтожил у румелийского побережья немало кораблей противника, и артиллерийского командира Юхарина, проявившего чудеса со своими артиллеристами на корабле «Рождество Христово».

Этот монумент должен зиждиться на ПАМЯТИ о русском моряке, сумевшем не только освоить все навыки, необходимые для быстрого судовождения, маневра, точной артиллерийской стрельбы, но применить их в деле. Уметь подчиняться! — это было старой и необходимой заповедью для солдата и моряка. Уметь действовать споро, расторопно, артельно, делать все безоплошно, без ошибок, без дефектов, точно и четко — это новое внедрил во флот Ушаков.

«Совершенной победой» назвал битву у румелийских берегов в донесении князь Потемкин-Таврический. Да, это была «совершенная» и блистательная победа, и поэтому нужен памятник, где золотом было бы высечено: «Калиакрия, 31 августа 1791 года».

* * *

В декабре 1791 года был заключен Ясский мир, подтвердивший предыдущий Кучук-Кайнарджийский. Мир закрепил присоединение Крыма к России, признал новую границу по Днестру. Украинский и русский народы навечно обезопасили себя от кровавых набегов крымчаков и турок. Россия прорубила морское окно на юг: в Азию, Африку, южную Европу, закончила вековую борьбу за возвращение исконно славянских земель, получила незамерзающие порты на Черном море, так необходимые для роста экономики, вызвала к полнокровной хозяйственной жизни громадные неосвоенные районы. После этой войны зашевелились народы, находящиеся под гнетом Османской империи. К национальной независимости просыпались Балканы.

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

Абдулхак ИГЕБАЕВ

ИСТОЧНИК

Я СУДЬБУ НЕ ПРОШУ

Я судьбу
Не прошу ни о чем.
Лишь бы степью
Лететь на коне,
Лишь стоял бы мой сгорбленный
дом,
Вот и был бы я счастлив вполне.

Я судьбу
Не прошу ни о чем.
Лишь гудел бы
Зимою очаг.
Лишь бы светлым
И теплым лучом
Свет струился в любимых очах.

Я судьбу
Не прошу ни о чем.
Лишь бы цвел
Ослепительный луг,
Лишь бы чувствовать друга плечом,
Да чтоб счастливы были вокруг.

САЛАВАТ

Не всякий след
Стирают годы в прах.
Не всякий путь
Забвение венчает.
Джигиты есть,
Что не умрут в веках,
Пока народ
Добром их величает.
Ты слышишь пенье
В голубой волне?
Что разбудило в ней
Такие трели?
То Салават
Промчал на скакуне
По берегу
Родимой Агидели.
Залюбовался он
Кипеньем трав,
Разгулом ветра,
Синевой простора
И, усмирив
Коня горячий нрав,
Спокойно оглядел
Родные горы.
А родина
Смотрела на него...
Он жив,
Пока лучи пронзают пущи,
Пока земля
Цветет под синевой
И жив народ,
Вослед за ним идущий.

ДУМЫ

В час зари
Под самым небом
На седой скале скуластой
Я стою.
Урал мой древний,
Здравствуй!

Ты скажи, земля родная,
Что живет в крови башкира?
Конь горячий,
Луг кипучий,
Кречет, вьющийся над миром?
Рек стремительных броженье,
Молоко-кумыс тумана,
Ветра вой,
Стрелы скольженье,
Свист летящего аркана?

...Но Урал
Качнул плечами
И улыбкой
озарился:
«Человек похож
На землю,
На которой он родился».

ГОРЬКИЙ ВЕТЕР

Не первый раз
Стучится горький ветер
В окно души
И навевает грусть.
Что ж вздрагиваю я?
На белом свете
Я ничего как будто не боюсь.
Что ж сердце так стучит?
Все думы, думы...
Ни сна,
Ни наслаждения мечтой.
Какой-то холод на сердце угрюмый,
Какой-то непонятный непокой.
И все никак,
Никак не успокоюсь,
Уж скоро ночь минует —
Не вздремнуть.
А может,
Горький ветер — это совесть,
И страшно мне
В ее глаза взглянуть?

* * *

Я судьбой обижен не был.
И, любя свою свободу,
Как из утреннего неба
Я волшебную пил воду
Из источника любви.
Если ж боль меня пронзала,
Словно кто-то рану перцем
Посыпал,
Меня спасало,
Что лечил больное сердце
Я в источнике любви.
Годы тянутся к закату...
Мимо поля,
Мимо стога,
Мимо сгорбленной ограды
Пусть ведет меня дорога
Вновь к источнику любви.

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Друзья мои!
Я посылаю вам
Жемчужный снег
Старинного Урала —
Примите в дар.
По рекам и холмам
Пуховым он разлегся одеялом.
Друзья мои!
Примите пенье птиц
Моих степей,
Лугов медовый лепет.
Пусть льется солнце
В тишину ресниц
И ласточка
Гнездо под крышей лепит.
Примите жизнь,
Надежду и любовь,
Примите гроз
Картавые раскаты.
Примите чистоту

Весенних снов
И слов моих —
И станете крылаты!

ХЛЕБ

Как ни печально, но я не умею
Выращивать хлеб.
Часто мечтою кочую
В ковыльной степи.
Часто смотрю:
На полях начинается сев.
В эти весенние ночи
Сердце не спит.
Глажу ладонью косы пшеницы.
Солнце, ясней!
Клюнет дорогу колос колючий,
Шеей качнет.
Я вспоминаю хлебушек тяжкий
Прожитых дней,
Детство военное,
Сорок непрошеный год.
Хлеб!
В этом слове
Я чувствую силу свою,
Чувства мои родниками,
Стихами звенят.
Хлеб! с этим словом
Уверенно в жизни стою.
Счастлив смотреть,
Как пшеницею дали кипят.
Хлеб — это песня,
Которая в сердце живет.
Хлеб — это сила,
Которую не победить.
Хлеб — это счастье,
Которое в руки плывет.
Хлеб — красота.
И ее никогда не убить.

Перевел с башкирского
Евгений ЮШИН

ПОЭЗИЯ

Евгений АНТОШКИН

ГРАНИ

СТАРУХА

Сквозь замять словно выплыло
село.
И огонек, в ночи подслеповатый,
Как будто снег пересыпал
веслом, —
И скорбно обозначились три хаты.

Старуха дверь открыла —
Как ждала.
У скольких вдов
Я видел эти лица.
Без слов и наши взгляды поняла.
— Нерадостно, — вздохнула, —
Без кормильца...

На стол картошки с хлебом
подала.
— Чай на загнетке, —
Прошептала глухо...
Глядела голь из каждого угла.
Откуда эта страшная разруха?

Так где ж ты спишь,
В каком краю, солдат?

Неужто здесь о ней все позабыли?
И муж ее,
И сын ее,
И брат
Солдатские дороги разделили.

Невеста чья-то.
А потом жена.
И чья-то мать.
Детей рожала в муках.
Вся жизнь ее в мгновенье сожжена:
Нет в доме ни тепла,
Ни ласки внуков.

Землей и потом путь ее пропах.
Потерт башлык,
Застирана рубаха.
Не первая она
В очередях.
Не первой ей
Отпущенные блага.

Не прибрано,
Не топлено жилье.
Слепа.
Как говорят:
Туга на ухо.
Лежат в земле все близкие ее.
Греховна перед кем
И в чем
Старуха,
Что гордо долю вдовью пронесла,
Все отдала для светлых поколений?
И руки,
Все в морщинах и узлах,
Усталые поникли на коленях.

И взор померк.
И сил иссяк запас.
И дни ее короче и короче...
Приди, солдат, к ней
Хоть в последний час,
Хоть в забытье,
Приснись сквозь сумрак ночи.

Забыв заботы,
Все в округе спят.
Спит старый кот в глухой дремоте скучной.
И звезды равнодушные глядят.
И серп луны взирает равнодушно.

Лишь образа мерцают в головах,
Предвестниками сказочного рая...

А где-то плачет девочка-вдова,
Судьбу ее земную повторяя.

ПЕСНЯ

Как ты там,
Посконь-село?
Наша улочка?..
Приглашала нас весна
«На пятачок».
Пой,
Пока не рассвело,
Гармонь-тулочка,
Пой,
Трехрядочка, —
Наш радостный сверчок.

Нас баюкала, ласкала
Ночка темная,
Звезды падали
И таяли в руке.
И горела, разгоралась
Неуемная
Зорька летняя,
Как кровь
На молоке...

Распахали все дороги,
Все тропиночки.
Разбрелись в края чужие
Мужики.
Не огонь уже в глазах,
А только льдиночки.
Остывают на песке
Следы-стежки.

Сокрушаемся чуть что,
В горе маемся,
Если где-то вдруг
Окажемся вдали.
Ну-ка,
Встречный-поперечный,
Потягаемся.
Убедись,
Что наша сила
От земли.

НОВОГОДНЯЯ ЯРМАРКА

Игра огней,
Игра крикливых красок
(На ярмарке лотки теснятся в ряд).
Рябит в глазах от продавцов
И масок,
Вокруг кооператоры галдят.

Юнцы жестикулируют руками,
И очередь пружинит,
Словно цепь.
Здесь маски
С обнаженными клыками
Имеют превосходство в списке цен.

О кутерьма,
Броженье яркой краски,
Как будто мир от голода орет.
И только слышно:
Маски,
маски,
маски,
Здесь каждый маску по душе берет.

Неужто
Все свое
вмиг позабыто?
О этих масок жалкое родство...
И пахнет сплетней,
ханжеством
и бытом,
Когда под маской скрыто естество.

ДОЖДЬ В ФЕВРАЛЕ

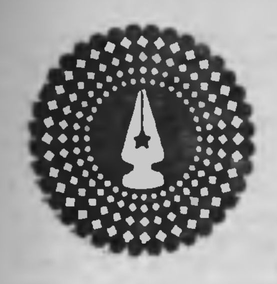
Бьет по стеклам
И стонет в трубах,
Хлещет струями по проводам.
С неба,
Словно сквозь мертвые губы,
Ледяная летит вода.

Это, знаете,
Дождик ложный.
Льдом покроет все,
Сколько ни лей.
Это, как же
Представить можно,
Чтоб лило изо всех щелей?

Вновь февраль
Землю стужей излечит.
Снег в сугробы начнет паковать.
Выйдет в зябких звездах по плечи,
Холод выпустит из рукава.

Ты, синоптик, всегда осторожный.
Расскажи мне
Про думы свои.
Дождь февральский,
Конечно, ложный.
Петь не могут зимой соловьи.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Карем РАШ

КУДА МЫ ИДЕМ?

— Удержат ли большевики власть? — можно услышать в народе сегодня. Спрашивают чаще те, кому «за державу обидно».

Когда-то Наполеон сказал, что четыре газеты могут сделать больше, чем стотысячная армия. С тех пор изменились и тиражи, и сила воздействия на общество, телевидение усилило ее тысячекратно. Никто не возьмет на себя смелость отрицать, что печать — это оружие в идеологической борьбе за умы и сердца. Судьба общества зависит от того, на что направлена эта сила, которая может быть и благом, и поистине «оружием массового поражения». Выступить в защиту здоровых устоев сегодня становится возможным только в сугубо партийной печати. Это не может не тревожить. Слишком много органов держат наготове перья с дегтем, чтобы тут же мазнуть всякого, кто не согласен с репрессивным пониманием перестройки, которое даже оформляется под сборники с «нервно-прокрустовским» заглавием «Иного не дано». Такие установки-заголовки рождены бесплодным отчаянием людей, не имеющих корней в толще народа и не располагающих созидатель-

ными идеями. Теперь, когда храбрые размахиватели кулаками после драки всех, кто стоит за устои державы, чернят «сталинистами», пришла пора спросить: а голодные подростки у станков — это были сталинисты? А на Магнитке, когда юноши зимой вырезали карманы брюк, чтобы сшить себе рукавицы, — тоже были сталинисты? А все павшие в войну с фашизмом и погибшие на перевалах Афганистана, как перед тем на Хасане, Халхин-Голе, КВЖД, Даманском — тоже мракобесы?..

Я выступаю здесь только от своего имени, никем не уполномоченный и никого не представляю. Это выступление не по поручению, а по причастности. Считаю себя причастным и ответственным перед той силой духа, которая хранила, берегла и вела русскую культуру через тысячелетия испытаний мором, голодом, нашествиями, огнем, острогом, казнями, репрессиями, алкоголем, смутой, потреблением и чужебесием, причастным к каждой точке и кайлу ГУЛАГа и ко всем детям, не пережившим родителей на склонах «котлована». Все мученики этого пути — мои со-путники и свидетели, все они зодчие того здания, которое осталось мне в наследство как памятник их подвижнического служения и мук; как святыня — имя ему русская государственность. Это величественное и светлейшее творение от Балтики до Тихого океана, храм, который мне велено ими крепить, очищать, достраивать и оберегать.

Большинство тех, кого сытые обличители сейчас обзывают бюрократами, есть бессознательные служители, в меру своих малых сил и возможностей, все той же идее, что воплотилась в нашей государственности и разрушить которую не под силу прорабам иных перестроек, тем более она не под силу теперь тем разрушителям, которые клянутся перестройкой больше всех, то и дело многозначительно подмигивая Западу.

Печать мутит народ и сеет панику, не дает обществу разглядеть историческую дорогу. Потому люди теряются и ощущают смутное беспокойство.

Выйдем ли мы на путь державной стабильности — это во многом зависит сегодня от того, не сорвется ли в пропасть чужебесия школа.

Так куда же мы идем?

Сегодня этот вопрос задают себе все. Одни с любопытством, другие с надеждой, но чаще с тревогой. Гласность есть школа гражданского мужества, зрелости, ответственности и прямоты. Сопровождают ли наши будни эти достоинства? Афганистан подверг все стороны нашей жизни беспощадному испытанию. В горах за Гиндукушем вся заемная эстрада и чужеродные мысли были отброшены как ненужный хлам. Наши солдаты по нескольку часов не отпускали певцов и требовали петь только о Родине. Учли ли мы этот опыт? Нет. Мы расслабились больше прежнего. С этих же афганских высот мы должны посмотреть на наши школы, куда приходят пятьдесят миллионов детей.

Что мы можем сделать для детей — будущих воинов — на этом дарованном нам отрезке жизни?

Для здоровья всего живого и полноты бытия необходимо мудрое сочетание постоянства и изменчивости. Когда жажда перемен становится зудом, а реформаторов с заемной мыслью, непереваренными мечтаниями плодится множество, — вот тогда революционными становятся уже действия тех, кто защищает устои

государственности. Не правда ли, на первый взгляд парадоксальная мысль? Однако если революционность — это положительное жизнеутверждение, то защиту ствола и истоков, классики и основ, почвы и преданий и передачи их потомству в незамутненной чистоте нельзя не признать деянием революционным, возвышенным и новаторским. Вот для чего нужны в кружках парашютистов, в морских клубах и навигационных школах, суворовских училищах и старорусский язык, и история Отечества, интерес к которой — верный признак молодости общества, а по Пушкину, воспоминание есть «самая сильная способность души».

Самое большое зло, которое несут сегодня нам «реформаторы», — это намеренное разрушение дистанции и как следствие всепроникающая фамильярность. Нет выше культуры, чем понимание человеком исключительности любой социальной роли вне зависимости от возраста и ранга — солдат ты или офицер, учитель или ученик, начальник или подчиненный.

Культура без чувства дистанции не живет.

В центре школы фигура учителя, как в армии личность офицера, а в семье облик отца. Фамильярность есть верный признак размывания личности. Фамильярность — это утрата внутренней духовной осанки, потеря нравственного канона, отсутствие чувства дистанции, которая есть опора межличностной гигиены.

Фамильярность — это разрушение патриота и гражданина.

Она сравнима с тем незаметным грибком, который разъедает самые крепкие здания, фундаменты и кладку. Монолит бывает уже трухляв при внешней прочности. Мы тыкаем друг другу, переходим на жаргон, скороговорку, сквернословие, толкаемся в транспорте. Фамильярничаем с классикой, с прошлым, с властью, с устоями. У нас на лицах или казенная серьезность, или хихиканье. Иронизируем по поводу всего высокого и тем ежеминутно разрушаем его. Ирония всегда фамильярна, она всегда смотрит исподтишка, всегда снизу вверх и всегда разрушительна. Мы фамильярничаем с Пушкиным, смакуя его озорные мальчишеские безделки. Панибратствуем с родным языком, называя блуд хитрым заемным словом «секс», встречу «брифингом», многообразие — «плюрализмом» и т. д. Фамильярность — враг всякого здоровья и главный губитель производительности труда.

Мы в армии фамильярничаем с мундиром, когда перед демобилизацией строгий и потому благородный воинский наряд самовольно дополняется нашивками, но худшая из фамильярностей — это потеря дистанции между солдатами и офицерами и холопско-барские отношения между офицерами во время приветствий, когда принародно на улице старший по званию не отдает честь младшему. Убежден, что офицеры выжгут из своей среды эти манеры, когда осознают, что они незаметно для них заползли в их жизнь из чуждого мира с его заземленностью, узостью кругозора, культом импорта и штампами вместо мыслей.

Будем же помнить, что деньги всегда пахнут... тот, кто крутится, не умеет жить... что рыба никогда не гниет с головы, как бы нам этого ни хотелось, а гниет с каждого из нас. Поговорка насчет рыбы родилась не в народе, а в среде ухмыляющейся дворни. Во всех штабах мира знают, что плохой солдат всегда обвиняет в поражениях командование, хороший солдат во всех неудачах корит себя, и с какого бы места ни гнила рыба, армия всегда держится дольше всех.

Наши солдаты и офицеры показали, что народ не утратил душу, не заложил ее за импорт. Оторванные от родины юноши проявили зрелость мужей, они кровью и утратами, терпением и отвагой вновь восстановили древнюю воинскую отечественную традицию подвижничества. Они в одиночку, брошенные всеми, решали проблему своей духовной правоты. Для русского воина нет более важного на свете вопроса в битве, чем осознание — прав он или не прав. Должен ли пустить в ход оружие или нет. И там, в горах, в стиснутых не мальчишеским бременем душах и поступках вдруг засветился пушкинский свет и ясности, и потребности в дружбе, и лиризма.

Они вдруг почувствовали, что несут вдали вахту, смысл которой еще не ясен их современникам, что они уже переросли душой сверстников, уже увидели новую даль. Ни на минуту мысль о родине не покидала их. За всех них сказал поэт Александр Карпенко, обожженный в Афганистане:

«А за светлую тихую грусть, и за скорбь, что из пламени родом,
Ты простишь нас, Великая Русь, Мы чисты перед нашим народом».

Наши солдаты принесли с собой на Родину самое большое богатство народа, которое стоит всего золота земли, всех сокровищ и всех благ на свете, они сохранили и закалили то, что дает здоровье, силу и счастье, и все это вмещается в одно самое чудное на свете слово — верность. Они не изменили ни присяге, ни дружбе, ни долгу. Здесь речь о здоровой части нашей армии. А верность неразрывна с честью, что в сердце каждого честного мужчины живет с его первым криком. Потому-то, несмотря на все наши хозяйственные неурядицы, на коррупцию, разводы, несунов и даже пьяниц и сирот, принимая во внимание все недостатки, застои, репрессии, все проблемы, взятые порознь и вместе, вопреки наркоманам и бюрократам, мы, порождающие таких солдат, являемся на сегодня все еще самой богатой и самой культурной страной в мире. «Ты простишь нас, Великая Русь, Мы чисты перед нашим народом».

* * *

...Откуда пришли в Афганистан наши воины-интернационалисты, эти, по существу, мальчики, «русские мальчики», о самоотверженности которых писал еще Достоевский. Большинство из них надели мундиры почти сразу же после школы — они живо помнили еще учителей и класс. Все они, поразившие мир мужеством, воспитаны нашей столько раз руганной школой, все они недавние ее ученики. При всех неурядицах семья и школа сумели сохранить и передать огонь старинного подвижничества детям. Сейчас над нашей школой нависла страшная опасность, которую она пережила в двадцатых годах, когда подверглась разрушительной волне эксперимента, когда дети стали объектом непродуманных «открытий», анархии и выборов учителей. Ни одна страна в мире столько не экспериментировала за последние 50 лет, как Соединенные Штаты. Когда «новаторы» до основания расшатали американскую систему просвещения, там остановили энтузиастов и пришли к честному и мужественному выводу, что ни один эксперимент не удался и старая гимназия с суровой дисциплиной и почитанием старших остается недосягаемым идеалом в педагогике.

Битву при Седане в 1870 году, по словам Бисмарка, выиграл немецкий школьный учитель. Битву, изменившую судьбу Германии и карты Европы. Битва при Ватерлоо, по известной формулировке англичан, была выиграна на спортивных площадках Итона — закрытого учебного заведения, где готовят капитанов английской политики, государственности и хозяйства. Мы можем прямо заявить, что битву за Сталинград мы выиграли в двадцатых годах, когда решительно прекратили «новаторский» зуд в школе. Эксперименты с выборами учителей расшатали школу и разрушили до основания народное просвещение, которое по разнообразию программ и подвижничеству учителей признавалось одним из лучших в мире.

Мы не вошли бы в Берлин, если бы дети занимались производительным трудом, а не арифметикой и историей. «Воспитывать — значит решать судьбу», — говорил Белинский, но не только судьбу одного человека, но и державы в целом. Нужны ли свежие веяния? — Да! Ибо «не развивается только мертвый язык». Могут ли дети выбирать учителя? — Никогда! Это гибель школы, и, как мы заметили по Ватерлоо, Седану, Сталинграду, — не только школы.

Может ли солдат выбирать ротного? Такое может позволить себе только армия самоубийц. Жуков, величайший из военных авторитетов, напишет в своих «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Отсутствие единоначалия в военном деле, указывал В. И. Ленин, «...сплошь и рядом ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению».

Нас подучивают: пусть дети выбирают себе учителя, солдаты — командира. Но опыт всех времен, да и здравый смысл, утверждает, что это ведет к разрушению школы и армии, ведет к катастрофе, поражению и гибели тех же детей и солдат. Но мы из ленинского перечня того, к чему приводит «отсутствие единоначалия», выделим одно и дадим его, именно — «панике». Ибо все это сеет в обществе тревогу и панику и ведет к разрушению. Мы прекратили митинговать в школе и устраивать педагогику сотрудничества в двадцатых одновременно почти со знаменитой военной реформой, когда в 1924 году комиссия ЦК признала, что «Красной Армии как силы организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами у нас в настоящее время нет и она не боеспособна». Почти то же самое можно было сказать о нашей школе, разрушенной тогдашней педагогикой сотрудничества, «новаторством», «экспериментами». А ведь унаследовали мы одну из лучших в мире школ, если судить по учебникам и армии подвижников-учителей.

Учитель, утверждал Достоевский, вырабатывается веками народной жизни. Офицер есть абсолютный эталон педагога — труднейшего в мире наставничества, которое не только рассказывает, но и показывает, часто ценой жизни. Хороший офицер есть высший тип учителя, и он вырабатывается веками жертв, служения, ума и народных переживаний. Разговоры о выборности учителей и офицеров должны быть нетерпимы, как пропаганда социальной порнографии, ибо когда речь идет о защите детства и Отечества, то дряблая либеральность есть потакание разложению. Дети должны учиться труду, только пытливому и творческому, через ремесла и созидание. «Детские предприятия» и «детская промышленность» — одного порядка с «детской онкологией». Труду детей не учат у конвейера. Имеет ли это отношение к армии? Ничто не имеет на свете более прямого отношения к армии, чем

школа. Ибо из школы приходят в армию, как бы из одной народной школы в другую.

Грязь неуставных отношений неизбежна, когда уши, сознание и души детей сызмальства осквернены чужой и темной массовой культурой, родники детства забиты мусором, произведенным баловнями застоя. К подростковому возрасту школьника поджидает разрушительный и чужой вой рока, а к поре мужания — свидание с «Маленькой Верой» и «Асса». Прибавьте к этому дефицит и импорт, и набор почти готов — теперь можно уже выбирать офицера в роте или преподавателя в вузе. Дальше вы уже сами все знаете. Дальше скоропалительный брак «по любви» и скоротечный развод.

История не знает примеров, когда существовали бы сильная армия при плохой школе и крепкое государство при слабой семье.

Не пришла ли пора армии и флоту повернуться лицом к школе не для «милитаризации» ее, не для шагистики, а для привнесения в школу того, на чем зиждутся вооруженные силы — здоровья, ибо духовная и физическая осанка солдата закладывается в школе?

Какая сегодня школа, такой завтра будет армия.

Наша нравственная задача — создать школу такого типа, чтобы выпускник, сказавши, как и Пушкин, «в начале жизни школу помню я», вложил бы в это воспоминание тот же просветленный смысл. Теперь представьте себе, что в лицее девяносто процентов педагогов были бы женщины во главе с директрисой. Оттуда не вышли бы ни Пушкин, ни генералы Данзас и Вальховский, ни адмирал Матюшкин, ни канцлер Горчаков. Или, может быть, кто-то будет оспаривать это положение? Когда в Швеции в школах было шесть процентов женщин, то в парламенте и обществе раздались голоса о надвигающейся национальной катастрофе. У нас, можно сказать, все девяносто шесть процентов. Мы давно живем в катастрофической ситуации при всех отрицательных явлениях феминизации. Никакие даже не «железные», а «булатные» леди, взятые вместе и порознь, не смогут привить юноше мужской характер, мужской ум и мужскую поступь. Об этой проблеме всех проблем нашей школы помалкивают реформаторы и критики просвещения. А что такое феминизация среди новобранцев, знает каждый ротный, которого подучивают теперь выбирать.

Не начать ли нам по крупицам, не спеша, не давая клятв, молча, собранно и честно снова собирать и созидать семью как единственную нашу надежду? А в семье вернуть на «мостик» отца. Без семьи нет державы и нет порядка, как нет царя в голове. «На небе, — говорили, — бог, а в море — капитан». Добавим: а в семье — отец. Без отца нет семьи, как нет бригады без бригадира, артели без вожака, корабля без капитана, части без начальника, дома без хозяина, государства — без главы. А без уважения к отцу не будет послушания перед командиром, почтения перед начальником, уважения к главе государства.

Завет матери — живи. Она дала жизнь. Потому мать всегда просит: в тюрьме, в плену, в беде, в походе — но живи!

Завет отца — отчет: как живешь? Помните полковника Тараса Бульбу? Отцовское начало прежде всего нравственное. В этом единстве любви и долга и заключена сокровенная тайна семьи и сила общества, его школы и его армии.

Педагогика — понятие многомерное, глубокое и как подлинное учительство охватывает всю бытийность человека и неисчерпаема, как сама жизнь. Истинная педагогика необходимо предполагает сотрудничество. Последнее — одна из ее очень многих составляющих, как бы малая часть ее. Невежественно и диковато по одному из инструментов учительства, по части называть все явление. Подобное сочетание целого — педагогики — с одной малой ее частью неизбежно искажает и разрушает целое. Видите — опять разрушение. Разве мыслима педагогика без такта? Так что, выпустим на телеэкран нового «новатора», чтобы он мутил и путал стомиллионную аудиторию «педагогической взаимностью» или «педагогикой равенства», или «педагогикой доверия», а то и «педагогикой ответственности», — этак можно без конца? Мы уже давно через голубую соломинку телевизора раздуваем, как цыган кобылу, очередного новатора — то в просвещении, то в науке и экономике, то в социальной сфере, вместо того чтобы воспитывать и призывать зрителя к ответственности, серьезности, вдумчивости и верности выработанным тысячелетними жертвами народных подвижников нравственным устоям.

Ребенок идет в школу развиваться, тянуться, расти нравственно, умственно, физически, а не сотрудничать. Чтобы расти, нужен эталон, а не сотрудник. Да и того в школе не сыщешь с огнем — одни «сотрудницы». Потакая, заигрывая и сотрудничая, стали на святая святых — педагогический совет — звать школьников. Это как если бы «новый демократ» на военном корабле, «перестраиваясь», стал бы время от времени зазывать в кают-компанию на обед несколько матросов. Это разрушило бы дисциплину, устои, порядок, а главное — унизило бы самого матроса и всю команду. Это подглядывание и фальшь вносят в экипаж и школу ложь и двусмысленность, порожденную все той же бациллой фамильярности.

Призвание школы — готовить к жизни. Жизнь не праздник, повторяю, школа — не удовольствие и не дискуссионный клуб. Школа призвана готовить к житейским будням, труду, лишениям, мужеству. Школа должна приучать делать не только то, что в радость, а, напротив, прививать умение, стиснув зубы, преодолевать и скучную зубрежку, и многое другое. Мы настраиваем телевидением и газетами не на преодоление, а на нытье от нагрузок, потому школьник угрюмо и непрерывно рефлектирует. С этим же настроением он идет в армию. А тут ему по телевизору — чудо-новатор. А зритель у нас давно отучен думать и отбирать и стал вроде некоего принимающего пассивного устройства, но зато готового к огульным оценкам. Учителя в провинции, а школьники и подавно, уверены, что в их школу стучится Дед Мороз-новатор. В мешке у него полно чудес, и по меньшей мере — отмена домашних заданий. Учителя уверены, что на дне мешка новый план, который избавит их от комиссий и казенных методик. Новатор уже ногу занес на порог школы, но злые дяди-бюрократы ухватились за мешок и оттаскивают доброго новатора от спасаемой им школы. И тут же звонки... письма... жалобы... крики...

— Пусти новатора!..

Мы тем самым учим винить не себя, не строгости к себе учим, а настраиваем на любимую у нас охоту за козлами отпущения.

У нас на просторах страны тысячи подлинных педагогов, трудолюбивых и незаметных. Учителя, которых объявили «новаторами»,

на самом деле только живые хорошие учителя, какие должны быть в каждой школе. Или мы уже дошли до того, что просто хорошо работающий учитель такая редкость, что попадает в «новаторы»? Каждый из шестерки «новых новаторов» люди сами по себе простые, добропорядочные и просто обаятельные. Если учитель говорит детям в первом классе: «Тише, дети, у нас на уроке уснул Шота, пусть он поспит», — в бытовом плане такой учитель даже мил и симпатичен, пусть и чудаковат. Но когда это перед всей страной, как штрих своей «методики», разумеется, «новой», высказывает член-корреспондент Академии педагогических наук Шалва Амонашвили, это увеличенное и раздутое телевидением уже искажает этот маленький эпизод. На что доброму Амонашвили можно резонно заметить: «Шота пришел в школу учиться, а не спать». Тем более что движение человеческого сердца Амонашвили, милое и отеческое как настроение бытовое, в телестудии звучит как уже «сю-сю-методика», которая имеет мало общего с благородной, глубокой и древней грузинской народной педагогикой.

Но кроме старых и новых новаторов, есть в академии когорта замечательных и честных ученых, которым в этой атмосфере работать невозможно. Атмосферу создала «Учительская газета». Говорят, «пока паны дерутся, у холопов чубы трещат». Чубы трещат более всего у детей, которые страдают от этой возни.

Школа во все времена и во всех здоровых обществах всегда была институтом благородно-консервативным, как спасительно-консервативна любовь к детям. Школа получает от общества только самое умное, самое проверенное и самое здоровое, что вырабатывает совокупный опыт поколений. Потому школе никогда не может быть революционной. Ребенок и без того интенсивно «революционен» в своем развитии и росте. Его надо приучать к мудрой сдержанности, не погасив творящей силы в нем. Как не может быть школа никогда «опережающей», вопреки «Учительской газете». «Опережающая» общество революционная школа есть явление патологическое. Установка, гласящая, что дети во всем должны быть лучше и развитее своих родителей, заведомо ущербна. Она подразумевает небрежение стойкими традициями, убивает «должны» и читается как сомнительное самоуничижение старших. В этом «опережающем развитии» на первое место ставятся «интеллектуальные ресурсы», а на второе — «нравственные». Стало быть, мечтают вырастить завтра таких компьютерных приматов с вывихнутой рок-психикой. Чтобы быть верными свободе волеизъявления, пусть эта горсточка людей создаст где-нибудь на Варшавке или на Таганке, в Переделкине или ином месте свою школу, «опережающую», «революционную» и «рациональную», и мыслящую инако. На каком основании эта химера должна распространиться на всю страну, кто дал право снова после анархии группе лиц разрушать, расшатывать и глумиться над тысячелетними устоями воспитания, выработанными совокупным усилием веков, поколений, жертв, раздумий и трудов. И когда этому разрушению будет положен предел?

Еще один краеугольный принцип школы. На Западе давно подсчитали, что на свете нет более прибыльного помещения капиталов, чем вкладывание их в народное образование, но при одном неукоснительном правиле — школа всегда должна быть убыточна. Родители, отдавая детям все, не думают о воздаянии. Ребенок, выросший в лучах бескорыстия, ответит сторицей. Так же поступает мудрое общество. Те, кто говорят о детском производстве, о школьном хозрасчете, о трудовом опережающем воспитании, закладывают страшное разрушение в завтрашний день общества.

В школе дети учатся — это их главный труд. Только потому, что наши школьники решали более головоломные задачки, чем американские, мы первыми запустили спутник. Это не мое мнение, а вывод американских экспертов.

Накануне прошлогоднего съезда учителей, созванного в нездоровой атмосфере, Государственный комитет по народному образованию принимает решение сделать математику в школах факультативным предметом. В любой стране, приняв такое решение, председатель Госкомитета просидел бы в кресле не больше одного дня, а кабинет министров вряд ли удержался. У нас он, развалив просвещение, только-только входит в раж.

По всему миру повышают планку образования и интерес к знаниям, у нас среди бела дня один из важнейших предметов делают необязательным. Труд школьника должен быть только творческий. Он должен не у станка, на конвейере работать, — у него лишь выработается отупляющая апатия к труду, а создавать пусть табурет, пусть авиамодель, пенал, картинг или новый фрегат, главное, все должно быть впервые на земле и в единственном экземпляре. Когда запахло войной и гроза заставила страну подтянуться, у правительства хватило мудрости велеть Макаренко прекратить воспевать детский труд, к тому же в неволе и без истории и родной почвы. Ему жестко и скупо было сказано, что революцию делали не для того, чтобы дети работали, а чтобы учились. Только поэтому мы смогли создать новые танки, моторы, оружие и новый офицерский корпус, который мгновенно мог освоить эту технику. Вот поэтому «детская промышленность», как понимают ее интеллектуальные невежды, есть «детская онкология» для общества. И «революционность», и «опережающее развитие», и выборы учителей, и сидящие на педсоветах дети, и «детская промышленность», повторим, «сплошь и рядом ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 240).

Академия педагогических наук, по идее, для корпуса учителей и пятидесяти миллионов школьников то же, что для армии Генеральный штаб. Может ли Академия выполнить свою роль среди травли и улюлюканий? Имеет ли это отношение к армии? Более чем прямое.

Основание Академии педагогических наук в 1943-м, в суровый год Сталинграда, когда мы были прижаты к Волге, явилось одним из высших проявлений государственной мудрости и символом единства задач школы, армии и державы. Академия была при Министерстве просвещения РСФСР. И сейчас более половины лучших учебников школы те, что были изданы до начала 70-х годов, когда к Академии было уважение и она отвечала гражданской ответственностью. Потом пришел академик Столетов, один из героев недоброй памяти сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Но Академия еще шла по мощно набранной инерции, данной ей первым президентом Хвостовым. С начала 80-х Академия стала объектом насилия сверху и одновременно травли тех, кто туда хотел попасть. Все началось с попрания освященных традиций. Когда сверху М. Кон-

дакова, кандидата наук, сделали сначала вице-президентом, а потом в один день без объявления выборов академиком вне конкуренции, Академии был нанесен моральный ущерб. Критики Академии оживились. Теперь Академии готовят еще больший урон, после которого она не оправится. В нарушение всех человеческих и правовых норм и здравого смысла в выборах академиков будет участвовать Комиссия по реорганизации Академии. Выходит, перестройку мы начинаем с разрушения основных правовых устоев общества. Это продолжение того же застойного бесцеремонного давления, когда до полуночи по нескольку раз требовали вести переголосование. Все, кто запальчиво чернил Академию, окрыленные «комиссией», бросились, давя друг другу ноги, подавать документы на членство в ненавистном им учреждении. Если комиссия будет выбирать академиков, это будет не только конец Академии, но и признание своего бессилия перед экстремизмом, аппетиты которого растут.

* * *

Не так давно пригласили на встречу в среднюю школу с математическим уклоном группу ведущих преподавателей Военной академии имени Фрунзе. Через Академию имени Фрунзе прошел цвет советского офицерства, она и сейчас открывает парады на Красной площади. Она представляет армию, которая жертвовала собой в Чернобыле, теряла товарищей за Гиндукушем, строила БАМ и чьим скромным служением обеспечена мирная жизнь и учеба детей.

Возглавлял группу офицеров генерал К. М. Цаголов, он же пригласил меня принять участие в беседе.

Когда в большой класс к старшеклассникам вошли полдюжины боевых офицеров, знающих не понаслышке, что такое пуля, засада, мины и смерть, ни один из учащихся даже не встал. Они не только не встали, но даже и не сидели, а вызывающе развалились. И это подростки, почти дети, впервые видевшие вошедших, которые были полны дружелюбия к ним. Несколько дам, представляющих руководство школы, сидели как ни в чем не бывало. Началась со стороны офицеров неловкая и тягостная попытка начать беседу с классами, которые не хотели ничего знать и были глухи, были даже не враждебны, для этого нужно как-никак духовное, пусть злое, усилие. Нет, школьники хихикали, были вяло ироничны и временами развязно скучали. Чувство стыда от того вечера не прошло, видимо, ни у кого из взрослых. Они чувствовали себя как будто в чужой стране. Цаголов, который находил общий язык даже с душманами, не нашел контакта с этими учениками. Всем незаметно дирижировал беспокойный молодой учитель, который сидел за спинами мальчиков. Чувствовалось, что он «сотрудничает» с ними давно. Воздух в школе был явно с душком, настоянный на интригах, в которые вовлечены были «сотрудничающие» юные интеллектуалы. Ребята, видимо, считали, что, как спецшкола, они призваны поставить на место этих «дядек» умными вопросами. Они демонстративно издевались над гостями. Надо было встать и вежливо попрощаться. Но какое-то неудобство останавливало... Все-таки, думалось, дети... Цаголов искренне и горячо, чуть не показывая тельняшку, пытался

их убедить, что офицеры, которые перед ними, такие же люди, как все. Но он ловил только усмешку учителя-дирижера... Несчастные дети! Тлетворный дух всезнайства и иронии уже тронул их неокрепшие души. Но и это можно было бы простить, если бы в них был юношеский вызов, в одежде щегольство и опрятность, в речах соль остроумия, пусть и пробующего свои силы. Была, напротив, в них и даже в девочках какая-то неряшливость одежды, запущенность, перегруженность какими-то заботами и некоторое недержание стана, подобающее старости. Еще год-другой, и эти бедные снобы попадут в армию...

В той же Академии имени Фрунзе начальник музея Академии рассказывал: военрук 29-й школы, что в начале Кропоткинской улицы, попросил позволения прийти в музей со старшеклассниками. Начальник Академии генерал-полковник В. Кончиц, в порядке исключения, разрешил этим «гражданским» посетить музей. Как-никак, ребята из школы, которую он сам закончил. Теперь это английская спецшкола. Старшеклассники выбили начальника музея из колеи на месяц. Пока он рассказывал им об Академии, они слонялись по музею, хохотали, перебивали его и прямо заявили подвижнику музея — боевому офицеру, который тридцать лет по крупицам собирает экспонаты, что им Академия и музей ни к чему. Дескать, они в армии служить не собираются. Поступят через «предков» в вуз, а дальше — дорожка по «загранкам». А войско — это ниже их достоинства. Начальник музея потом почти заболел.

Осенью возвращались с плаца после репетиции парада офицерские батальоны слушателей Академии имени Фрунзе. Шли они батальон за батальоном со свернутыми знаменами, немного ушедшие в себя и усталые. Шли, не чеканя шаг, и от этих молчаливых колонн веяло надеждой, скромной и благородной силой людей, никогда в жизни не знавший аплодисментов. Казалось, среди них шагают незаметно витязи древних дружин. Сама жизнь властно требует иметь при такой академии свое суворовское училище. Уверен, что и школьники соседних школ вели бы себя благоразумней, если бы им на открытых спортивных праздниках района пришлось бы состязаться со своими сверстниками из суворовского училища при Академии имени Фрунзе. «Кадеты» на спортивных дорожках вразумили бы их. Это сильнее лекций.

Как-то даже неловко иметь в стране миллион сирот и только восемь суворовских училищ на всю великую державу. В Америке военных лицеев гораздо больше, а богаче — так и сравнить стыдно. Мы живем теперь в пору созидательной перестройки, а не «хрущевской». Тогда он закрыл не только десять тысяч церквей. Кое-что он «перестроил» так, что армия и общество до сих пор расхлебывают. Одной из таких разрушительных перестроек было упразднение многих суворовских училищ, поставлявших в армию лучшие кадры. Думаю, что любая академия вряд ли до конца выполнит свою социальную роль, если при ней не будет мальчишек, не будут шуметь зеленые побеги. Мальчишки заставляют подтянуться, посмотреть на себя со стороны. Уверен, имей академия суворовцев, офицеры на встрече с юными вундеркиндами и их беспокойным «сотрудником» были бы веселее, насмешливей и находчивей. Суворовские училища ломают кастовость армии. Мальчики в погонах — это как улыбка войска. У народной армии должны быть свои любимцы, и пусть первые наборы пройдут

в детских домах. Это понимает генерал-полковник Владимир Николаевич Кончиц — Учитель учителей.

В. Кончиц за ту форму обучения юношей, которую можно ввести немедленно и которая нами, как и многое другое, незаслуженно забыта. В. Кончиц после семилетки окончил в Москве на Пречистенке военно-учебное заведение с неудачным названием «спецшкола». Эти спецшколы по родам войск до войны были вожделенной мечтой мальчишек. Они после семилетки поступали в них. Носили военную форму с гордостью, но жили в семьях. Это нечто вроде нынешних заведений с не менее неудачным названием ПТУ. По части нелепых названий, имен и формы мы никому не уступим. А форма, по Гегелю, свечение сущности и требует ответственности.

В пору Кончица увлечение импортом было бы немедленно пресечено подростками, как наказывают за предательство знамени. Одежда — очень серьезное дело. Здесь не дизайнеры нужны, а философы-художники. Только невежды думают, что цари придирчиво занимались обмундированием войск оттого, что не знали, куда деть время. Когда Александр III пренебрег на время этим и несколько, я подчеркиваю, несколько унифицировал и упростил форму офицеров, ответом юношества был немедленный и резкий упадок притока в военные заведения. С Кончицом в артиллерийской спецшколе учились сыновья Сталина, Микояна, Фрунзе и Куйбышева. Дети руководителей страны охотно шли в военные школы. Время было не сытое, но духовно собранное. Очень плохое время для себя выбрали фашисты, чтобы напасть на нас. Тогда мальчишки гитарам предпочитали стадионы, а «магам» — парашюты. Раз детство начиналось с суровых испытаний, будьте спокойны, у этих детей не будет проблемы с отцами. Суровость оплачивается благодарностью, верностью, а потакание — «предательством», то есть мальчик дает понять, что, закармливая, его растлевали, и бессознательно мстит за это.

Спецшколы скорее походили на военные лицеи. Ряд ПТУ и сейчас можно было бы перевести в ранг военно-инженерных лицеев. Кончиц окончил в войну спецшколу. Затем за полгода — Киевское артиллерийское училище, и в 17 лет надел офицерские погоны, как бывало в старину. На былых пушкарей он походил и своей неторопливостью, и двухметровым ростом. Отец Владимира Кончица ушел из Новосибирска в первые дни войны командиром дивизии. Сын попал на передний край Ленинградского фронта, да в такую часть, о которой не слышал я, даже перечитав гору мемуаров, работая над повестью «Сибиряки против СС, или Противление злу силой». Не знали об этой части и все военные, которых я спрашивал. Их называли даже на передовой «смертниками». И не зря, должно быть, потому что из 270 юношей в живых осталось человек пять. Кончиц лично знает еще только одного. Они висели в корзинах аэростатов и корректировали огонь наших орудий в знаменитой контрбатарейной дуэли на Ленинградском фронте. Корзина аэростата на тросе, привязанном к лебедке. Висит на высоте полутора километров над линией фронта в непрерывном грохоте канонады, вспышках, вокруг корзины свистят пули крупнокалиберных пулеметов, разрываются осколки, немцы бьют по аэростату из всех стволов. Если снаряд попадает в аэростат, воспламенившись, водород немедленно испепеляет корзину. У «небожителей» только один шанс спастись. Один на

тысячу. Немедленно прыгать с парашютом. На секунду задержись, и пылающий аэростат накроет корзину и полетишь к родной земле ярким факелом. Но и прыгнув вовремя, не дергай кольцо. Задержи... Тогда успеешь приземлиться до того, как аэростат, охваченный пламенем, накроет твой парашют. Каждый день хоронили одного или двух «небожителей». На их место заступали новые мальчики в погонах. Не об этих ли «русских мальчиках» когда-то пророчествовал Достоевский?

Обучать прыжкам с парашютом было некогда. Научат наспех складывать шелк в стропы. Скажут, за какое кольцо дернуть, — и в небо. Пять раз горел молодой офицер Кончиц. Седой был в восемнадцать лет. Ранили несколько раз в корзине.

Вернулся с войны в родную Москву и поступил в академию, в которой сейчас начальствует. Затем будет Академия Генерального штаба, что в проулке Хользунова, и все в одном районе Москвы, и все на одной Пречистенке — на пути из Кремля в Новодевичий. Одна дорога, начиная со спецшколы, — прямая дорога. В Белоруссии есть деревня Кончиц, и все Кончицы оттуда. После войны успел поиграть в волейбол капитан Кончиц в команде чемпионов страны сборной ЦДКА. Кто тогда обращал внимание на осколки в ноге и раны? После корзины аэростата многое переосмысливается, а масштаб невзгод особенно. Прошел генерал Кончиц все, как положено солдату. Командовал на всех ступенях от дивизиона до округа. В академию пришел учить тоже не из кабинета, а с поста Главного советника на Кубе. Вот почему нет в мире педагогов, равных тем, кого дает русский офицерский корпус. Они себя новаторами не назовут, потому что других педагогов и не бывает.

Когда, заброшенные в Афганистан, умирали юноши, армия наша впервые в истории оказалась без дружинных певцов «во стане русских воинов». Вспомним, что Пушкин рвался в Эрзерум к действующей армии.

Пушкин, пристально следивший за состоянием воспитания в России, писал: «Ланкастерские школы входят у нас в систему военного образования и, следовательно, состоят в самом лучшем порядке... Кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении... Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание, за возмутительную — исключить из училища, но без дальнейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастью, слишком у нас обыкновенное...».

Не случайно это письмо начато Пушкиным, он наш современник, наш наставник и душа созидательной перестройки.

Далее он пишет так, будто живет с нами: «Вообще не должно, чтоб республиканские идеи изумили воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны (поэт имеет в виду офицеров-декабристов. — К. Р.). Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. «История Государства Российского» есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять

в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

Поэт спрашивает: «Чему учится дворянин?»

И отвечает: «Независимости, храбрости, благородству — чести вообще».

Он же, наш поэт, проник гениально в сущность жизни армии и сказал, что она сильна, пока в ней есть дух «воинственного повиновения». Не службистского и не холопского, а добровольного и мужественного послушания.

Традиции — это память, а память — воздух культуры и душа и школы, и армии, и семьи. Если на свете нет больше любви, чем отдать «жизнь за други своя», стало быть, нет на земле выше проявления культуры, — то наша армия ни разу в истории через лучших сынов не отступила от этого жертвенного пути, подтвержденного на глазах нашего поколения на острове Даманский, в афганских горах и у смертоносных реакторов Чернобыля. Это и есть высочайшая на земле педагогика, и лучшие ее представители должны занять свое место в Академии педагогических наук, рожденной в год Сталинграда.

В другом месте Пушкин говорит о справедливом негодовании образованного русского общества, возмущенного назначением генерала Сухозанета «в начальники всем корпусом». Кадетские корпуса лучшие учебные заведения России и надежда армии и флота. Поэт осуждает «Выбор Сухозанета, человека запятнанного, вышедшего в люди через Яшвиля — педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве (разрядка моя. — К. Р.) как спокойное местечко в доме инвалидов».

Теперь понятно, что о фрунзенцах и В. Кончице, их начальнике, здесь рассказано не случайно. О генерал-полковнике В. Кончице, насколько мне известно, не было ни одного очерка в центральной печати и ни одной передачи по телевидению. А мужей, подобных Кончицу, в стране и армии тысячи. На них должны бы воспитываться юноши, а не на дрыг-ансамблях по телевизору. Без возвышающих и здоровых примеров телевидение каждый день усиливает одичание общества и делает из всех нас сирот без рода, племени, преданий и учителей.

Почему перед народом не выступит генерал армии Г. Салманов, еще один учитель учителей, ибо, кроме того, что он бил фашистов, потом командовал всеми нашими силами в Афганистане, он теперь начальник Академии Генерального штаба СССР — учебного заведения, единственного в мире в своем роде?

Не дико ли, что в Академии педагогических наук не представлены люди ранга профессора В. Кончица, кто всю жизнь занимался воспитанием и образованием офицеров-педагогов? Как может академия обходиться без начальника единственного в мире Нахимовского училища, Героя Советского Союза контр-адмирала Столярова? Или представителя суворовских училищ? Или генерал-майора Михайлова, руководителя как лучшего в мире духового оркестра, так и военно-музыкального училища для подростков?

Не комично ли, что просвещение бросились спасать актеры, представители самой застойной области культуры? Или театральным деятелям уже нечего делать в своей сфере?* Может, они действуют по старому принципу «неумеющий учит»? Почему в самом главном деле страны не слышно голоса того же боевого генерала В. Слюсаря, Героя Советского Союза, начальника воздушно-десантного училища в Рязани? Это учебное заведение сегодня самое популярное среди молодежи. Оно давно побило все рекорды заявлений на одно место. В 1988 году их было 26 на место. Отсеивались даже суворовцы и медалисты. Мальчишки, не прошедшие конкурс, роют, говорят, землянки на опушках за городом и живут в надежде на чудо-вакансию. Этот социально-психологический сдвиг громадной силы просмотрен кривым взглядом нашего дрыг-телевидения. Стрелка вновь качнулась к здоровью и патриотизму. Почему не слышно голоса адмирала Егора Томко, Героя Советского Союза, начальника Ленинградского высшего военно-морского училища подводного плавания? До каких пор мы, расползаясь, одно не будем останавливать, а другому позволять совершаться? Демократия требует большей воли и разума, чем любой другой строй, а не потакания разложению.

Отчего телевидение и газеты поощряют не то, что нас всех роднит и сплачивает в стране, а то, что разъединяет, разобщает, расщепляет? Может ли победить созидательная перестройка, если мы не создадим особый общественный совет содействия телевидению? Почему в Англии нашлись здоровые силы и создали комитет, который беспощадно вырезает все сцены порно- и насилия, а мы только-только доползли до помоев «маленьких вер» в разгар эпидемии СПИДа? Не будет конца одичанию, сиротству, пьянству и бесхозяйственности, пока на первое место не будет поставлена совесть, а потом образование, пока из всех школ не выведут эстраду и визг, и самым первым государственным шагом и самым важным должна быть коренная перестройка телевидения, где сегодня те, кто не служит Советскому Союзу, имеют решающий перевес над теми, кто служит Советскому Союзу. В мире нет ни одной страны с подобной патологической ситуацией. На экране перед лицом всей страны представители тех, кто защищает ценой жизни державу, люди, подобные В. Кончицу, должны совместно с руководством Академии педагогических наук при участии общественности дать новое направление воспитанию.

Необходимо создать новую авторитетную правительственную комиссию по народному образованию.

Необходимо остановить суетливую возню «поворотчиков» школ, использующих государственные печатные органы как инструмент для разрушения школы, и не только школы. Модель, которую использовали так называемые театральные деятели на съезде Союза кинематографистов, теперь хотели опробовать на съезде учителей. Даже исполнителей тех же пригласили, чтобы наверняка добить недавно еще лучшую в мире школу, которая теперь держится на плечах усталых женщин. Страна собралась созидать всерьез и надолго, и потому самая страшная опасность для перестройки — безудержное форсирование ее.

Три года наше телевидение и печать под предлогом борьбы с недугами школы взвинчивает страсти вокруг просвещения. Они

* Театр потерял в 1987 году три миллиона зрителей (из газет).

сумели взбаламутить школу, внести в нее раздор, посеять недоверие между учителями и учениками, между школой и руководящими органами, ни разу при этом не сказав о кардинальных проблемах просвещения. Пока мы усиливаем истерию вокруг сбитых с толку детей и родителей, японцы умно и последовательно ведут свою страну ко всеобщему высшему образованию, а мы лучшие силы народа — наших неокрепших подростков — толкаем в ПТУ, лишенные устоев и традиций. Только в один Ленинград мы привезли в ПТУ 20 тысяч подростков со всей России и оставляем без теплоты, присмотра, ласки посреди казенных голых стен, наедине с соблазнами и жестокостью «неуставных отношений». Взрастив их здесь, мы будем чернить армию и вновь взвинчивать истерию.

* * *

Дети из школы идут домой. Солдаты из армии спешат домой. Люди с заводов и фабрик, полей и учреждений торопятся вечером к теплым очагам домой — в семью. И школа, и вооруженные силы, и держава держатся на семье. После бессловесной давки в транспорте, раздраженной беготни по магазинам, после отчужденной толпы сограждан и угрюмых продавцов мы добираемся до родного порога. Но и здесь нас не ждет покой. Газеты, телеэкран и радио полны недовольства, двусмысленных суждений, безапелляционных советов, подсчетов взаимных барышей писателей, и все это на фоне псевдореволюций — «сексуальных», «научных», «зеленых», «технических» и доброго десятка других, хотя никаких революций нет и в помине. Идет поступательное развитие технологий. С застойных времен пускают в оборот несколько словосочетаний вроде «опережающее развитие» или «трудовое воспитание» («воспитание трудом» может быть, а «трудовое воспитание» нерусская бессмыслица вроде «педагогика сотрудничества» или «парк культуры»). Затем эти словосочетания незаметно вкрадываются в речи ответственных лиц и приобретают каноническую номенклатуру. Так печать становится главной фабрикой бюрократического жаргона, загрязняющего сознание и усиливающего путаницу и панику в обществе. На Западе этот грохот, шум и децибелы нужны, чтобы под шумок сбыть товар. На Востоке говорят: «Вор любит шумный базар».

Зачем нам в созидательной перестройке весь этот взвинченный тон, мутный поток полуистин на плохом русском языке, и кто его поддерживает под видом гласности? Особенно разрушительным нападкам подвергаются основные устои державы — семья, школа и армия. Даже самые благородные человеческие качества можно подстегиванием довести до своей противоположности. Исконно русскую совестливость и самокритичность, педалируя, можно переродить у иных в угрюмое недовольство собой, у других — в мучительное самокопание, а у третьих, сдобрив алкоголем, довести до того, что Кант назвал «сладострастным самоосквернением», — оно незаметно становится господствующим настроением общества и литературы. Писатели копаются в душах предателей, полицаев, дезертиров. На первый план попадают не созидатели, а вечно недовольные неудачники. Страшная нравственная опасность в том, что репрессии прошлых лет стали чтивом. Авторы соревнуются как бы в ошеломляющих цифрах простреленных затылков. Горе и трагедия стали расхожей наркотической инъекцией. В обществе, которое не может похвастать духовностью на фоне обезглавленных церквей, отравленной почвы, это приобретает зловещий оттенок. Мы заполнили страницы темами насилия, а нам надо растить детей, сажать дубравы, очищать реки, заново осмысливать свой исторический путь, укреплять армию, строить новые школы, лицеи, бассейны, дороги. Мы увлеклись и, критикуя троцкизм и сталинизм, не заметили, как, хотим того или нет, пропагандируем насилие. А кругом незащищенные школьники и студенты без политического иммунитета. Им надо расти, крепнуть и верить. Нельзя в такой атмосфере ни растить детей, ни работать, ни служить Отечеству. Кто имеет право писать о репрессиях без гласного, глубокого, всестороннего разбирательства экспертов? На каком основании оплакивают одних и молчат о других? Такой подход к народной трагедии чреват разгулом порочных мотивов. Пусть особый комитет не пропустит ни единой пострадавшей души, пусть издают том за томом трагический мартиролог нашей земли, пусть публикуют списки создателей ГУЛАГа, пусть партия возьмет это в свои руки, но пусть прекратится вакханалия в периодике, ибо выплескивать в печать домыслы без всестороннего разбирательства есть нарушение всех человеческих и юридических норм. Нам надо строить новую жизнь, а нашим детям не дают выкарабкаться из кровавых ям ГУЛАГа.

Верность священным преданиям — самая новаторская и творческая сила на земле, потому в пору истерической вакханалии вокруг школ хотелось бы в защиту детства, семьи и армии и державы подытожить сказанное словами польского поэта Немцевича, так полюбившимися К. Рылееву, что он предварил ими свои «Думы»: «Воспоминать юношеству о деяниях предков, дать ему познания о славнейших эпохах народа, сдружить любовь к Отечеству с первейшими впечатлениями памяти есть лучший способ возбудить в народе сильную привязанность к Родине. Ничто уже тогда тех первых впечатлений, тех ранних понятий подавить не в силах: они усиливаются с летами, приготовляя храбрых для войны ратников и мужей добродетельных для совета».

Не ставя под сомнение достоинство каждого члена «Комиссии по реорганизации», должен заметить, что она не следует этому завету. А выборы ею академиков станут самой позорной страницей в истории нашего просвещения, ибо это есть разрушение устоев, оплаченных дорогой ценой. Академия педагогических наук при всех своих недостатках, строго говоря, не хуже любого учреждения, которое представляет каждый член «Комиссии по реорганизации». Беру на себя смелость утверждать, что, имея претензии к Академии более основательные и серьезные, чем любой член комиссии, я тем не менее недостойной считаю ту травлю, которой подвергается это учреждение. Модель, которая отрабатывается на школе, Академии и армии, может быть применена завтра к любой государственной структуре. Итак, кто следующий?

Если каждый член «Комиссии по реорганизации» не откажется выбирать академиков, то нынешним действительным членам академии остается только один путь спасти личную честь и уберечь школу от разрушения, защитить детство — это отказаться от участия в выборах. Наемная армия — признак распада общества, пусть даже богатого. Историческая миссия нашей армии всегда

была жертвенной и подвижнической, ибо армия на Руси древнее христианства и старше славянской письменности. Армия как школа нации — самый укорененный в народной жизни институт. В истерии разрушительной критики подверглись оскорблениям многие замечательные ученые-академики, но наибольшее число нападок пришлось на долю академика С. Батышева, Героя Советского Союза. Непонятно, почему Совет ветеранов безучастен к публичным унижениям своих членов. В обществе жажда репрессивной критики становится у части людей болезненным влечением. Повернуть такое общество лицом к созиданию, основам культуры и семейным началам становится все трудней. Перестройка есть перегруппировка сил перед обновлением. Можете ли вы представить армию, которая пошла бы в наступление, пустив впереди боевых порядков обоз музыкантов, писарей, газетчиков и поваров? Мы пока и есть такая армия. У нас впереди не государственные мужи и те, на ком держится держава, — в авангарде переимчивые актеры, торопливые газетчики, приплясывающие эстрадники, заблудшие узкие специалисты, неудачники от педагогики и подмигивающий кривым взглядом телеэкран. Куда наших детей и страну ведет эта несчастная, зараженная паникой авангардная толпа?

Казенщина изжила себя в просвещении. Но это вовсе не значит, что пришло время такой разрушительной нелепости, как «педагогика сотрудничества» с сидящими на педсоветах детьми. Зачем нам менять одну дикость на другую? Для чего своими руками душить остатки просвещения нелепым участием «общественности» в выборах академиков? Французы говорят: «Старайтесь, чтобы смеющиеся были на вашей стороне». На нашей стороне не будет смеющихся, кроме выбранной «Комиссией» в Академию шумливой толпы критиканов. Потому в период разброда, неопределенности и поисков твердой почвы пришла пора революционной твердости, пора классики, освященных веками культурных основ, пришло время лицеев, не элитарных закрытых учебных заведений, а сети лицеев со всенародным поворотом к детству, к основам, ко всеобщему интересу к античности, старорусскому языку и благородной возвышающей латыни с ее прославлением гражданской доблести. Свое слово должна сказать военная педагогика, и, наконец, школа ждет мужчин-педагогов как главной своей надежды, ибо в центре школы фигура учителя, которого мы призваны вырабатывать по Пушкину.

Фонд культуры СССР своими программами возрождения классического наследия и Рублевский центр совместно с Русской энциклопедией, Детский фонд имени В. И. Ленина начали первые шаги в созидании нового культурного ландшафта Отечества. Слово за Академией Генерального штаба, созданной пушкинской светлой порой, за Академией 1943 года — генеральным штабом просвещения и за Академией общественных наук при ЦК КПСС и Академией наук СССР.

Объединенное заседание высших органов четырех академий должно выработать решение и положить конец разрушению школ, которые есть основы государственности, созданной веками подвижничества и жертв.

...Каждый день прохожу мимо школы, которую окончил когда-то генерал-полковник Кончиц. Перед школой высеченные в камне юноши в военной форме — мальчики, павшие на войне. Это выпускники артиллерийской спецшколы. Среднюю школу посетила

в свое время супруга Рейгана во время визита американского президента. Первого сентября любит открывать здесь учебный год член-корреспондент Академии педагогических наук писатель А. Алексин. Теперь здесь на парадном крыльце на виду у десятков идущих за первоклассниками родителей стоят старшеклассницы и курят. У них такой вид, как будто они только что вышли с педсовета, где решали с учителями проблемы воспитания. Еще в прошлом году этого не было. «Учительскую газету» и ее покровителей можно поздравить — «педагогика фамильярности» набирает силу. Этих девочек уже можно ввести в состав редколлегии «Учительской газеты», чтобы быть верным логике событий...

Может, хватит нам шарахаться от угрюмой казенщины к расслабленному сотрудничеству; не пора ли повернуться к несметным сокровищам родного наследия и передать эти богатства законным наследникам — детям?

Завтра группа «новаторов» при газете или журнале создаст «комиссию» из очень уважаемых академиков, актеров и писателей и, призывая «друзей газеты» поддержать «политику сотрудничества», станет всем внушать, что мы уже созрели для демократических выборов секретарей ЦК партии. Если модель создана для выборов даже академиков, то следующий шаг напрашивается. Все это в конце концов, повторим еще раз, «ведет неизбежно к катастрофе, хаосу, панике, многовластию, поражению».

Пусть шумят и клянутся перестройкой, но оставят в покое школу и армию. Осознаю, что очень много хороших людей в слова «педагогика сотрудничества» вкладывают дорогие для себя чувства. Однако воспитание требует, кроме мыслей, и ответственности. У читателей могло создаться впечатление, что автор неправомерно сближает армию и школу. Нет, разница между ними очевидна, но при ведомственном отчуждении полезно вспомнить то, что нас объединяет друг с другом, ибо если армия и народ едины, то школа та часть народа, которую армия заслоняет в первую очередь. Это два института в обществе, куда приходят не по найму и выбору, а по гражданскому долгу и обязанности. Пусть митингуют и выбирают в другом месте. Впрочем, и там сначала надо потрудиться, потом выбирать. В противном случае самыми демократичными у нас становятся далеко не самые трудолюбивые. Нам надо возвращать уважение к знанию и пытливости. И в прошлом у нас, да и сейчас во всех странах, глава государства непрерывно и деятельно вмешивается в жизнь школ, вузов и академий. Рейган лично награждал в Белом доме лучших школьников. А мы сделали своих детей заложниками дилетантов от педагогики, а школу — полем для безответственных экспериментов.

Куда же мы идем, и кто же будет «решать судьбу» наших детей? Партия взяла курс на «духовное обновление» и созидание. Слишком многие клянутся сегодня именем перестройки, а преследуют групповые цели. Одни боятся возрождения сталинизма, а их оппоненты не меньше встревожены скрытой реабилитацией троцкизма. Но нет никакого исторического будущего как у «Огонька» с «Учительской газетой», так и у их крайних оппонентов. И казенная жестокая бездушность сталинизма, и суетливое беспокойство педагогики расслабленности несостоятельны, ибо лишены животворного роста и корней. Нам нужна не шоу-программа, а план, рассчитанный на долгое дыхание в преддверии нового тысячелетия. Только широкая гуманизация жизни и углубленная

гуманитаризация образования могут стать базисом нового движения в общественной жизни и педагогике. Детство нуждается в истинах бесспорных и освященных веками. Мы можем сейчас как в просвещении, так и в праве опереться только на культуру классики. Будем помнить, что одна за другой вышли книги «Тарас Бульба» Гоголя и «Капитанская дочка» Пушкина — оба произведения по народности и силе стали вершинами русской и мировой культуры. Они и сейчас путеводны для нас. Действия обоих произведений разворачиваются на рубежах России, и эталонами доблести и чистоты там выступают воины.

Не страшно ли, что держава, имеющая богатейшие традиции воинского служения, дружинной доблести и армейской культуры, не имеет при своей Академии педагогических наук отделения военной педагогики?..

Предполагаю, что эта статья не всеми будет принята. Коль скоро гласность не значит голосить, предполагает диалог и корректность, а не истерично торопливое «иного не дано» — то пришла пора учиться и слушать, и, если надо, парировать иное мнение. Придется расстаться с полюбившейся многим кистью с дегтем. Беру на себя смелость утверждать, что ни в одной демократии не было случая, чтобы издевались и глумились, не позволяя ей ответить, над женщиной, посмевшей высказать открыто свое мнение. Нина Андреева подписалась лично под письмом и несет личный моральный ущерб, как бы ни намекали двусмысленно на ее вдохновителей. Выдавать за новаторство такую «модель демократии» опасно, ибо Пол Пот имеет основание посчитать себя обкраденным и обидеться. Я не согласен со многими положениями статьи Нины Андреевой, хотя не убежден, что она в ней тосковала по сталинизму. Как не разделяю вожделений Юрия Афанасьева, мечтательно закатывающего глаза около кабинета Троцкого в Смольном.

Историческое время и сталинистов, и троцкистов кончилось.

Никакие словесные ухищрения не скроют политической пошлости их мотивов.

Пришла пора созидания.

Несогласных с положениями статьи приглашаю к открытому разговору сначала в печати, а потом на телевидении. Оппонентом может быть, разумеется, любой. Может, попробует перо на родине академик Сахаров, или оторвется хоть на время от воспитания студенчества Ю. Афанасьев, или ответит демократ Егор Яковлев?

Кто из певцов плюрализма готов к честному разговору об основных проблемах школы, семьи, армии, общества? Как в США, так и во всех странах Запада левацкий экстремизм во всех обличьях «демократии» терпит уже четверть века одно сокрушительное поражение за другим. Люди устали от истерии, демагогии и разрушения. Похоже, что мы имеем дело с последним всплеском этого исторически изжившего себя направления. Будущее за созиданием на родных устоях во имя детства, мира и света.

●

О ТРАГЕДИИ РАСКАЗАЧИВАНИЯ

«Уважаемые товарищи! — пишет нам С. Царев из Ростова-на-Дону. — Перечитайте Директиву Я. М. Свердлова от 29 января 1919 года.. Я. Свердлов наряду с Троцким несет ответственность за организацию расказачивания и геноцида на Дону... И преступления Свердлова против народа «увековечены» в массе памятников, названий улиц и площадей, даже в названии города!..

Помимо этого, Свердлов, как глава ВЦИК, санкционировал (и был инициатором) убийство уже не царствующей семьи Романовых...

Этого, по-вашему, недостаточно для пересмотра образа «друга народа»?.. Восстанавливая историческую справедливость, необходимо проводить ее не выборочно, а принципиально и до конца. Имя же Свердлова вы стараетесь оберегать...

Город Свердловск должен стать снова Екатеринбургом!»

Нам адресована копия. Оригинал отправлен в Советский фонд культуры. Но вопросы, поднимаемые в письме С. Царева, раздаются все чаще — по телефону, на регулярных митингах у памятника Свердлову в Москве, на одноименной площади,

у одноименной станции метро. Идут и письма. Читатель из Подмосковья С. Куликов выражает недоумение: «С детства знакомо имя Свердлова, а ведь по сути мы о нем мало что знаем. Сплошное «белое пятно» в черной кожанке!» Москвич Апи Тинчурин интересуется, как реагировап на расказачивание великий Шопохов! Андрей Болдырев из Впадимирской области в своем письме подчеркивает необходимость «не стопько ужасаться расказачиванием, сколько депать выводы, и не топько о прошпом, но и о будущем». Учитывая вопросы читвтепей, мы пубпикуем сегодня ряд метериапов о Я. М. Свердлове и расказечивении.

Отдеп очерка и пубпицистики

Я. М. Свердлов: организатор гражданской войны и массовых репрессий

16 марта 1989 года исполнилось 70 лет со дня смерти Якова Михайловича Свердлова. Однако ни один печатный орган не откликнулся на эту, в общем-то, примечательную дату и не посвятил этому «пламенному» революционеру ни одной строчки.

Может быть, потому, что в начале 19В9 года, как бы ко дню рождения Свердлова, в печать просочились сведения о нем совершенного иного, непривычного характера. Достаточно прочитать роман А. Знаменского «Красные дни» (опубликован в «Роман-газете» в начале 19В9 года), очерк Е. Лосева «Трижды приговоренный...» (журнал «Москва», № 2, 19В9 г.) и диалог между В. Кожиновым и Б. Сарновым, опубликованный в мартовских номерах «Литературной газеты» за 1989 год. А. Знаменский, Е. Лосев и В. Кожинов приводят убедительные факты и документы, которые от нас много лет скрывали.

Что же, кроме этого, написано о Якове Свердлове в нашей литературе? Как ни странно, практически лишь том воспоминаний о нем, составленный его женой К. Т. Новгородцевой.

Обратимся к официальному изданию, каким является Большая Советская Энциклопедия, и откроем том 23 (последнего, 3-го издания). В статье о Свердлове говорится, что он «член КПСС с 1901 года», «родился в семье ремесленника-гравера», «профессиональный революционер», «вел работу в Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Казани и др.».

Там же сказано, что «в 1902—1903 гг. неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, высылкам», «в декабре 1905-го возглавил комитет РСДРП в Екатеринбурге», «был инициатором создания Центрального бюро по руководству партийной работой среди ссыльных Нарымского края», «руководил в Екатеринбурге Уральской областной партийной конференцией», «после Апрельской Всероссийской конференции избран секретарем ЦК, делегирован во ВЦИК», «руководил организационным бюро по созыву 6-го съезда РСДРП(б), на котором избран членом ЦК», «после съезда Свердлов возглавил Секретариат ЦК РСДРП(б), «8(21) ноября 1917 по предложению Ленина избран Председателем ВЦИК...».

Но сейчас, в связи с призывом к «новому мышлению», приходится во многом сомневаться. И вот почему. В 50-м томе БСЭ (1-е изданив) говорится несколько иначе: «Свердлов... с 1901 принимал участие в социал-демократическом движении». Не сообщает о принадлежности Свердлова к КПСС с 1901 года и сам В. И. Лвнин: «...В первый период своей деятельности, еще совсем юношей, он, едва проникнувшись политическим сознанием, сразу и целиком отдался революции». (Речь памяти Я. М. Свердлова на экстренном заседании ВЦИК 18 марта 1919 года. См. книгу «О Якове Свердлове», 19В5, с. В.)

Ни слова о принадлежности к партии с 1901 года не сказано и в некрологе (см. «Правду» от 1В марта 1919 года). Как ни странно, ни слова о вступлении Свердлова в партию в 1901 году не говорят ни его брат Герман Свердлов (см. Энциклопедический справочник «Гранат», том «Деятели СССР и Октябрьской революции», 1924, с. 14—18), ни К. Т. Новгородцева в своих воспоминаниях о муже (см.: «О Якове Свердлове», с. 187—211).

Никаких подробностей о вступлении Свердлова в партию в 1901 году нет и в воспоминаниях дочери Свердлова — Веры (там же, с. 211—216). Однако сестры Софья, Сарра и брат Вениамин, спустя много лет после смерти своего брата, вспомнили, что «к пятнадцати годам он стал уже революционером, а в шестнадцать лет вступил в партию». В какую? Если большевизм, как течение политической мысли (по известному выражению В. И. Ленина), возник на II съезде РСДРП, состоявшемся в Лондоне в 1903 году.

В довоенной партийной печати о принадлежности к партии того или иного партийного деятеля писали так: член РСДРП с такого-то года, в таком-то году (с обязательным указанием месяца — этого всегда требовал Ленин) примкнул к большевикам. У Свердлова ни того, ни другого нет. И до сих пор никто не отважился издать политическую биографию Свердлова. Ее, видимо, тоже нет. Смею предположить, что это в партии большевиков случайный человек — как и многие другие, примкнувшие к большевикам после марта 1917 года, когда партия вышла из подполья...

Я. М. Свердлов родился 22 мая 1885 года (по старому стилю) в Нижнем Новгороде (ныне город Горький) на Покровке (ныне улица Свердлова). Отец — Мираим (по другим данным — Мовша, ибо в документах часто упоминается отчество Я. Свердлова — Мовшович) Израилевич — был не «ремесленником-гравером», как сообщается в БСЭ, а владельцем граверной мастерской. Фамилию отца сам Яков почему-то не указывает.

Яков имел трех братьев (Зиновия, Вениамина, Льва) и двух сестер (Сарру и Софью) — от первого брака отца. От второго брака отца — братья Александр и Герман. О матери почти ничего не известно, кроме того, что ее звали Елизаветой Соломоновной и что она была домашней хозяйкой. Дед по отцу — саратовский купец.

Сестра Софья была замужем тоже за ювелиром — владельцем граверной мастерской Авербахом. По воспоминаниям сестер Сарры, Софьи и брата Вениамина, «в детстве Яков был резвый не по годам, казался старше своих лет. Если он давал обещания, всегда выполнял. Если ставил перед собой какую-нибудь цель, добивался ее, какого бы труда это ему ни стоило».

В протоколе допроса Свердлова (№ 16 от 12 января 1910 г.), подписанного им самим, сообщаются такие детали биографии: в графе «вероисловедание» — «иудейское», в графе «происхождение и народность» — «из мещан, еврей», в графе «образование» — «в 1900 г. окончил 4 класса, 15 лет от роду», в графе «привлекался ли ранее к дознаниям, каким и чем они окончились» — «привлекался в 1902 и 1903 гг. а Нижнем Новгороде за принадлежность к тайному сообществу; дознания были прекращены...».

Вот некоторые вехи из революционной биографии Свердлова в Нижнем Новгороде:

3 декабря 1901 года, в 16-летнем возрасте, Яков впервые задерживается (арестовывается) полицией на два дня за участие в демонстрации при проводах А. М. Горького (7 ноября 1901 года).

5 мая 1902 года арестовывается на 14 дней за участие в демонстрации на похоронах студента Б. И. Рюрикова.

14 апреля 1903 года арестован; при обыске взяты листовки Нижегородского комитета РСДРП. 11 августа освобожден из-под ареста. 12 ноября подчинен гласному надзору полиции на 2 года по месту жительства родителей.

24 ноября 1903 года участвует в похоронах студента А. В. Яровицкого. 7 декабря — в похоронах А. В. Панова, состоявшего под надзором полиции в Нижнем Новгороде.

21 марта 1905 года участвует в похоронах застрелившегося гимназиста Панова в Ярославле. 3 апреля опять в Нижнем Новгороде, участвует в похоронах застрелившегося Н. И. Девяткова.

17 июня 1905 года выступает на собрании приказчиков в помещении Всесословного клуба в Нижнем Новгороде с призывом добиваться удовлетворения требований «силой и оружием».

Множество недоуменных вопросов вызывает и его «революционная работа» в Костроме, Казани, Ярославле, Перми, Екатеринбурге и других городах. 28 сентября 1905 года Свердлов приехал в Екатеринбург, где познакомился с Клавдией Тимофеевной Новгородцевой — дочерью екатеринбургского купца (в ее честь одна из улиц в Свердловске названа ее именем). Она была на 9 лет старше своего мужа, хотя официального брака между ними не было.

10 июня 1906 года арестовывается на улице в Перми с паспортом на имя Л. С. Герца «после разгрома боевой организации», 22—23 сентября 1907 года осужден на два года по приговору Казанской судебной палаты.

Из кого состояла эта боевая организация — в донесении Пермского губернского жандармского управления в Петербург не сообщается.

Отсидев ровно два года (единственное тюремное заключение Свердлова), он выехал в Москву. 13 декабря 1909 года арестовывается на собрании Исполнительной комиссии московского комитета РСДРП под фамилией И. И. Смирнова. Но московский комитет РСДРП еще в 1905 году (спустя 4 месяца после его образования) был разгромлен, а его первый секретарь — Землячка (урожденная Залкинд Розалия Самойловна) — была арестована. Сменивший ее В. М. Лихачев был арестован в декабре 1908 года. А сама московская организация большевиков берет начало с марта 1917 года (см.: «Московская городская организация КПСС, 1917—1988 гг.», «Московский рабочий», 1989 г.). В статье о Свердлове, помещенной в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» (изд. «Советская энциклопедия», 1977 г.) об этом историческом факте в биографии Свердлова ничего не сообщается.

11 марта 1910 года постановлением Министерства внутренних дел он приговаривается к высылке на 3 года в Нарымский край.

17 марта Свердлов подает прошение в департамент полиции о замене высылки в Сибирь выездом за границу. Ему отказывают, и 31 марта 1910 года он высылается из Москвы по этапу в Томскую губернию. Там он познакомился с Филиппом (партийная кличка) Исаевичем Голощекиным (он же Шая Исаакович Голощекин) и другими революционерами, которым потом, будучи Председателем ВЦИК, оказывал протекции.

По воспоминаниям В. М. Косарева, написанным 30 лет спустя после смерти Свердлова, «как только Яков Михайлович прибыл в Нарым, он сейчас же взялся читать лекции по политической экономии». Возникает вопрос, где же он ее изучил с четырьмя-то классами образования?

Лекции он читал недолго — 27 июля Свердлов бежит из ссылки. В сентябре 1910 года появляется в Петербурге, а 10 ноября пишет листовку в связи со смертью Толстого за подписью «Группа социал-демократов».

14 ноября 1910 года арест в Петербурге, как «агента ЦК большевиков» (из журнала «Красный архив», 1934 г.). Когда же Свердлов примкнул к большевикам? Документы об этом молчат.

30 апреля 1911 года постановлением Особого совещания Свердлова снова высылают в Нарымский край, теперь уже на 4 года. 18 июня при попытке бежать вновь арестован. 7 декабря 1912 года бежит. 10 февраля 1913 года арестовывается на квартире Г. И. Петровского в Петербурге, а 4 апреля постановлением Особого совещания приговаривается к высылке на 5 лет в Туруханский край.

О деятельности Свердлова в Туруханском крае вспоминает другой ссыльный — Б. И. Иванов, но уже 37 лет спустя после смерти Свердлова: «...По инициативе Свердлова возник вопрос об организации в селе Монастырском потребительского кооператива, который должен был охватить все станки Туруханского края. Перед кооперативом ставилась задача: продажа населению товаров, а также скупка у населения мехов, пушнины и рыбы». Ну, это уже хоть какая-то и конкретная и полезная работа. Там, в туруханской ссылке, и застала Свердлова февральская революция.

В марте 1917 года он выехал из туруханской ссылки. Остановился в Красноярске (21 марта), где «выступал на партийном и советском собраниях, разоблачая меньшевистско-эсеровских соглашателей» (из книги «Избранные статьи и речи Свердлова», 1944 г.).

Кто же из большевиков знал Свердлова в Красноярске, пробывшего в ссылке с небольшими перерывами около 7 лет? Известно, что в большевистской фракции РСДРП в дни февральской революции насчитывалось 14 тысяч рабочих, почти 6200 служащих, немногим более 1800 крестьян и 1500 — представителей других социальных прослоек. В ряде городов и районов страны, особенно в непромышленных центрах, большевики состояли в общих с меньшевиками объединенных организациях. А в Красноярске фактически их не было.

В. И. Ленин, получивший 2 марта 1917 года впервые известие о революции в России, выдвинул задачу всемерного организационного и идейного укрепления рядов партии. Он решительно выступил против организационного единства с меньшевиками, считая

такое единство «величайшим несчастьем». И это «величайшее несчастье» свершилось — вчерашние меньшевики, те, кто совсем недавно выступал против Ленина, стали срочно переодеваться в большевистские одежды.

В телеграмме большевикам, отъезжающим в Россию, 6 марта 1917 года Ленин со всей силой подчеркивал недопустимость каких-либо соглашений с другими партиями. Свердлов, естественно, не знал об этой телеграмме Ленина. Но этот факт биографии Свердлова подтянули к «разоблачению» им меньшевиков и эсеров в Красноярске.

За очень короткий срок (с момента выезда из Красноярска 23 марта, приезда в Петербург, оттуда в Екатеринбург) Свердлов вдруг стал «любимцем уральских рабочих», которые 15 апреля 1917 года на Уральской партконференции «избрали Свердлова делегатом на Всероссийскую апрельскую конференцию». А 25 апреля он делает первый публичный доклад.

О принадлежности к партии большевиков — ни слова. Какую же фракцию он представлял на апрельской конференции? Большевиков, меньшевиков или бундовцев? Неизвестно, где и когда Ленин познакомился со Свердловым. На Апрельской конференции или в октябре 1917 года? Во всяком случае, впервые имя Свердлова упоминается в 34-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина (июль — октябрь 1917 года) на странице 434, где приводится первое (до революции) письмо В. И. Ленина Свердлову. Написано оно 22 или 23 октября 1917 года (то есть буквально за два дня до переворота):

«Тов. Свердлову. Только вчера вечером узнал, что Зиновьев письменно отрицает свое участие в выступлении Каменева в «Новой жизни». Как же это Вы ничего мне не присылаете??? Все письма о Каменеве и Зиновьеве я посылал только членам ЦК. — Вы это знаете; не странно ли после этого, что Вы точно сомневаетесь в этом. ...По делу Зиновьева и Каменева (они выступили против вооруженного восстания. — Г. Н.), если вы требуете компромисса, внесите против меня предложение о сдаче дела в партийный суд: это будет отсрочкой. «Отставка Каменева принята?» Из ЦК? Пришлите текст этого заявления». Записка В. И. Ленина Свердлову была проигнорирована — так же, как и другими членами сформированного ЦК (на 6-м съезде РСДРП(б).

Можно считать, исходя из того, что и Свердлов и Ленин выступали на Апрельской конференции, они увидели друг друга впервые в апреле 1917 года. Но ни в одной из своих реплик по ходу обсуждаемых вопросов Ленин не упоминает имени Свердлова.

27 июля 1917 года Свердлов делает «Организационный отчет ЦК 6-му съезду партии». Судя по тексту отчета, он совершенно не знал расстановку сил, был далек от практической работы партии. Доклад путаный: о фракциях, о том, что есть большевики, — ни слова. Даже слова «большевик» не произнесено ни разу.

В его отчете упоминаются 4 тысячи межрайонцев, вступивших в партию. Межрайонцы состояли из меньшевиков-интернационалистов и большевиков-примиренцев, вышедших соответственно из фракций меньшевиков и большевиков. Они не хотели выводить Россию из войны и занимали выжидательную позицию (отсюда и название межрайонцы). В зависимости от того, кто возьмет верх: большевики или меньшевики, — они и строили свою политику. Именно вступившие в большевистскую фракцию межрайонцы и сыграли роковую роль в дальнейшей судьбе революции.

На съезде Свердлов знакомится с межрайонцами. По воспоминаниям Ю. Н. Флаксермана, делегата VI съезда РСДРП(б), «весь он как бы светился, излучал бодрость и энергию. Он протянул мне руку, крепко сжал мою и радостно сказал: к нам пришли межрайонцы! Впереди была большая работа, партия крепиле свои ряды, а в межрайонке — Луначарский, Володарский и другие...». Флаксерман подзабыл назвать «других»: Троцкого, Урицкого, Иоффе, Мануильского.

Во многих источниках, в том числе и в БСЭ, утверждается, что 29 апреля 1917 года и на 6-м съезде РСДРП Свердлов «избирается членом ЦК партии и секретарем ЦК». Однако статья И. Плотникова «Герой революционной борьбы» («Вечерний Свердловск», 3 августа 1987 г.) опровергает эти утверждения: «...По существу, он стал секретарем, первым секретарем ЦК в современном смысле. Официально же таковым не был, не избирался, хотя об избрании его секретарем ЦК после Апрельской конференции часто говорится в литературе, справочниках».

Мало кто знает, что 27 октября (9 ноября) 1917 года, на второй день после переворота, на первом заседании ВЦИК Председателем ВЦИК был избран Л. Б. Каменев (Розенфельд). Но в связи с дезорганизаторской политикой и неподчинением ЦК Каменев через 11 дней был смещен с поста Председателя ВЦИК. В (21) ноября 1917 года его на этом посту заменил Свердлов. Выдвигает его кандидатуру на этот пост В. И. Ленин (здесь расхождения с БСЭ нет). Как вспоминает Н. К. Крупская, «выбор был исключительно удачен». «Удачным» оказался и выбор Ильичем Троцкого на пост председателя Высшего военного совета Республики.

Ну а о том, насколько «выбор был исключительно удачным», говорят события, происшедшие за время (1 год и 4 месяца) пребывания Свердлова у власти. В своей речи при открытии Учредительного собрания 5 января 1918 года (которого все ждали) Свердлов делает упор на «беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах». Здесь же, «в интересах обеспечения всей полноты власти... декретируется вооружение трудящихся». Свое выступление Свердлов закончил странными, далеко идущими словами: «Позвольте надеяться, что основы нового общества, предуказанные в этой декларации, останутся незыблемыми и, утвердившись в России, постепенно охватят и весь мир».

Когда Свердлов сказал, что Исполнительный комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов поручил ему открыть заседание Учредительного собрания, в зале раздались голоса справа и в центре: «У вас руки в крови, довольно крови...» Известно, что Учредительное собрание просуществовало только 12 часов 40 минут. Большевики набрали всего 25 процентов голосов, и выборы были признаны ими недействительными, контрреволюционными.

В своем выступлении на заседании ВЦИК 4-го созыва 20 мая 1918 года Свердлов откровенно говорит, что «если в городах нам уже удалось практически убить нашу крупную буржуазию, то этого мы пока еще не можем сказать о деревне». Неоднократно в своей речи он подчеркивал: «...Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных

В газете «Биржевые ведомости» от 6 июля 1917 года промелькнуло интервью корреспондента газеты с уполномоченным офицером 1-го донского казачьего полка: «Трудно было удержать казаков и преображенцев, арестовавших большевика Каменева. Но они готовы были предоставить большевика в распоряжение штаба округа при том, однако, обязательном условии, что арестованный, как и другие арестованные, понесет должное наказание как подстрекатели и как лица, исповедующие программу, недопустимую во время революции. Трудно передать негодование казаков, когда они узнали о том, что Каменев выпущен и гуляет на свободе». А казаки, привлекавшиеся Временным правительством для разгона демонстраций и наведения порядка, не предполагали, что Л. Б. Каменев 20 дней назад вошел в состав ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, куда, кстати, вошли его товарищи по партии (от РСДРП): Г. Е. Зиновьев, Е. С. Коган, Я. Д. Ленцман, М. М. Лашевич, Я. З. Ерман, В. И. Ленин (от большевиков 35 человек), М. Я. Гендельман, А. Р. Гоц (от эсеров 101 человек) и представители других фракций. Известно, что некоторые члены ВЦИК вошли в состав Временного правительства. Фактически же было двоевластие. И казаки не знали, чьи же приказы выполнять. Накануне переворота (25 октября 1917 года) они заняли позицию вооруженного нейтралитета...

Переход казачества на сторону Советской власти происходил медленно и трудно, что «объясняется не только политическими и социально-экономическими условиями того времени, но и в известной мере ошибками, допущенными в отношении казачества в центре и на местах» (энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР», 1983, с. 248).

Одной из таких ошибок, наиболее существенной, была подписанная единолично Свердловым 24 января 1919 года директива Оргбюро ЦК РКП(б) о поголовном истреблении казаков. Вот некоторые фрагменты из этой зловещей директивы: «...Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью... Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам... Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания. Центральный Комитет постановляет...»

Вот так и пошло со времен Свердлова: «Центральный Комитет постановляет...» Росчерком одного человека — миллионы шли на эшафот. И все неукоснительно выполнялось под страхом смерти.

На самом деле ЦК ничего не постановлял. Пленум ЦК РКП(б) 16 марта 1919 года (в день смерти Свердлова) отменил январскую директиву Свердлова. Но было уже поздно — адская машина была пущена в ход. Да и как же ее можно было остановить, если директива исходила от самого Председателя ВЦИК, народом не избранного?

Свердлов, добравшись до власти, не жалел ни стариков, ни женщин, ни детей.

Когда истребление казаков уже шло полным ходом и они, защищаясь от неслыханного террора, восстали против Советской власти, в день похорон Свердлова открылся VIII съезд РКП(б).

В. И. Ленин, выступая с политическим и организационным отчетом, отметил роль Свердлова следующим образом: «Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе (организационной. — Г. Н.) мы были вынуждены всецело полагаться и имели полное основание полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения».

Выступая в прениях, делегат от Московской губернской организации РКП(б) Н. Осинский подчеркнул ту часть выступления Ильича, в которой затрагивалась характеристика деятельности Свердлова, и, в частности, сказал: «Надо поставить вопрос прямо. У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопросов. Организационная работа ЦК сводилась к деятельности одного товарища — Свердлова. На одном человеке держались все нити. Это было положение ненормальное. То же самое надо сказать и о политической работе ЦК. За этот период между съездами у нас не было товарищеского коллегиального обсуждения и решения. Мы должны это констатировать. Центральный комитет, как коллегия, фактически не существовал».

В другом своем выступлении Осинский отмечал и такую деталь: «Констатировалось неоднократно, что у нас организационная работа держалась на т. Свердлове. Ставилось в большую личную заслугу т. Свердлову, что он может в себе объять необъятное, но для партии это далеко не комплимент... никакого руководства не было. Секретариата ЦК фактически не существовало...»

Во многих выступлениях на VIII съезде с горечью отмечалось, что «у нас усиленным образом развивается покровительство близким людям, протекционизм, е параллельно — злоупотребления, взяточничество, партийными работниками чинятся явные безобразия» (Осинский), что «по волостям и уездам сидит масса партийных работников, ненавистных населению» (Волин Б. М.), что «классовая борьба в деревне, в виде создания комитетов бедноты, привела ко всякого рода злоупотреблениям и восстаниям» (Кураев В. В.). К появлению декретов о комбедах Свердлов имел прямое отношение.

А делегат съезда от Военпродбюро Костеловская М. М. прямо сказала: «Этот метод работы (Свердлова. — Г. Н.) доказал, что таким образом мы не только не вносим классового расслоения, гражданской войны в деревню, а, наоборот, восстанавливаем против себя все слои крестьянства — крупного, среднего и мелкого, — забиваем клин между городом и деревней, то есть не в том месте, где это требуется».

В газете «АиФ» (№ 34, 1988 г.) сообщается, что «в первом Советском правительстве Л. Троцкий, по предложению Свердлова, занял пост наркома по иностранным делам» и ему, Троцкому, «принадлежит идея бюрократизации государственного и общественного строя страны». А Свердлов явился родоначальником бюрократизации партийного аппарата. Об этом с болью говорили многие делегаты VIII съезда РКП(б).

Как же закончилась жизнь этого «пламенного революционера»? И здесь — вопросы.

6 марта 1919 года Свердлов выступил в Харькове с краткой речью на 3-м Всеукраинском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В этот же день он дал телеграммы в Серпухов, Тулу, Курск, Белгород и Орел, в которых «считал целесообразным видеться с товарищами» (видимо, с ру-

ководителями местных партийных органов. — Г. Н.). В этот же день в 21 час он выехал из Харькова.

Поезд в Орел пришел 7 марта в 10 часов утра. Свердлов, судя по последней телеграмме, не собирался выходить из своего поезда, но ему все-таки пришлось выйти — в это время на вокзале проходила забастовка железнодорожников. По воспоминаниям П. С. Виноградской, опубликованным спустя 53 года после смерти Свердлова, «враждебная нам зарубежная пресса лживо писала тогда, что Якова Михайловича якобы убили в пути крестьяне. Мне кажется, что именно во время **этой беседы** (с крестьянами, как сообщает Виноградская. — Г. Н.) он **простудился»** (подчеркнуто мной. — Г. Н.).

И далее она уже более подробно сообщает, что «Якову Михайловичу пришлось даже помитинговать». «Это произошло в Орле. Когда поезд подошел к перрону, недалеко от станции произошло собрание железнодорожных рабочих. Товарищ Б. М. Волин (он же Фрадкин), который был тогда председателем Орловского губисполкома, пришел к Свердлову просить его выступить на митинге... Пришла делегация от имени рабочих и заявила, что железнодорожники хотят слушать только Свердлова... Он был восторженно встречен рабочими, поделился с ними своими радостными думами о создании III Коммунистического Интернационала. Вернулся Яков Михайлович совершенно охрипшим...»

Виноградской показалось, что он «простудился». Так ли это все-таки? Отчего именно в этом месте мемуаристка испытала нечто вроде «провала в памяти»? Что все-таки произошло во время его встречи с рабочими? Чем можно объяснить, что поезд со Свердловым прибыл в Москву только 11 марта? Да и привел бы в восторг бастующих рабочих в 1919 году спич о III Коммунистическом Интернационале?

Вопросы, вопросы... Известно лишь, что через пять дней после приезда в Москву Свердлов скончался от «гриппа с осложнением на легкие»...

По воспоминаниям родственника Свердлова Н. И. Подвойского (сын Свердлова Андрей женился на дочери Подвойского), «Свердлов оставил партии отличные кадры, мастерски подобранные, выученные, расставленные по боевым местам... Особенно оберегал он кадры от заражения их троцкистским позерством, от зиновьевско-каменевско-рыковского капитулянтства перед буржуазией, от бухаринского путчизма, фразерства, бестолковщины» (опубликовано впервые в книге «О Якове Свердлове». Политиздат, 1985, с. 278).

Не за эти ли заслуги старинный Екатеринбург в ноябре 1924 года был переименован в Свердловск?

Герман НАЗАРОВ

Незаживающее горе

Что такое расказачивание? Это не только физическое уничтожение донского казачества, но и духовное обворовывание народа. Станицы переименовывали в волости, хутора — в деревни. Казаков выгоняли из куреней, а в их дома привозили людей из Воронежской, Вологодской, Ярославской губерний. Запрещали носить фуражки и штаны с лампасами. Оскорбляли, насиловали женщин. Грабили мирное население. Казак не дал закурить комиссару станицы Боковской — тот его застрелил. Что-то не понравилось ревкомовцу — ставят казака к стенке — и пулю в лоб. Или рубят шашкой... А рядом стоящий ревкомовец похваляется, что он, мол, с одного раза до пояса развалит казака. Зовут первого попавшегося казака — и рубят его...

Что оставалось делать казаку, если его со всех сторон зафлажили, как дикого зверя? Дон вольный, широкий, плыви куда хочешь, но с обоих берегов стреляют в тебя, как в бешеную собаку.

И каких только издевательств не придумывали ревкомовцы! Вплоть до того, что запретили пасху и колокольный звон. Святыни православия — церкви закрыли и приспособили их под склады, избы-читальни и нардома. Колокола сбрасывали на каменные паперти. Они раскалывались, вызывая приступ дикого восторга вновь вылупившихся активистов. В варварском упоении они еще глумливее начинали бесноваться возле поверженных молитвенных символов. Золотом сияющие кресты над куполами обвязывали веревками и раскачивали до тех пор, пока они медленно не начинали клониться. Выдранные с корнем, падали на крышу куполов, и храм не то чтобы тускнел или терял свой величавый и святой вид, но как-то кощунственно оглумлялся.

Запретили пасху, троицу, петров день, престольные праздники, рождество, иордань, прощеное воскресенье, день поминания усопших, церковный обряд венчания, крещение, исповедь, причастие... Запретили веками освященное духовное очищение совести человека. Омовение души...

Запретили традиции народа, обворовав его до нитки и низведя до нищенски-рабского существования. Выдрали корни, на которых покоилась духовная культура... Постылое и постыдное наступило время. Исчезала Россия. Исчезали донские казаки.

И все это происходило якобы во имя идеи революции, предполагавшей освобождение, раскрепощение, возвышение человека труда! Произошло обратное — кощунственное оглупление народа. Да ему же еще и дали имена этих же палачей и заставили им молиться, как иконам?!

Круги директивы Свердлова, узаконившей насилие, расходились все шире.

Вершители судеб казачества знать не знали уклад жизни этого удивительного общества, в котором никогда не было духа преклонения перед насилием и подчинения несправедливости. А Свердлов, Троцкий, Донбюро и РВС Южного фронта своими действиями последовательно и систематически превращали друзей Советской власти в ее врагов.

Пленум ЦК РКП(б) 16 марта 1919 года отменил январскую директиву Свердлова, но Донбюро не посчиталось с этим и 8 апреля 1919 года обнародовало еще одну директиву: «Насущная задача — полное, быстрое и решительное уничтожение казачества, как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества...»

Руководитель Донбюро С. И. Сырцов, торопясь продолжать кровавое дело, телеграфирует предревкома станицы Вешенской:

«Свяжитесь с отрядом 8-й армии т. Малаховского, выделенным для подавления контрреволюционеров, примите руководство политической стороной. За каждого убитого красноармейца и члена ревкома расстреливайте сотню казаков. Приготовьте этапные пункты для отправки на принудительные работы в Воронежскую губернию, Павловск и другие места всего мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет включительно. Караульным командам приказать за каждого сбежавшего расстреливать пятерых, обязав круговой порукой казаков следить друг за другом». И тут же с восторгом докладывает в вышестоящие органы: «Крестьяне начинают расправу над казачеством. Станицы и хутора ревкомы переименовывают в волости и деревни. Выводится из обихода слово «казак». Станицы в Миллеровском районе обезлюдели. Казаки с семьями ушли с отступающей армией, зная, что оставшихся ждет крутая расправа... Сделать крестьян своей опорой в деле ликвидации казачества!»

Кто же он такой, этот Сырцов, который садистски распоряжался судьбой донских казаков?

С 1912 года по 1916 год учился в Петербургском политехническом институте, в 1917 году прибыл не Дон, было ему тогда 24 года от роду, и начал руководить казаками, считая Дон «русской Вандеей».

Другой такой студент, Иона Эммануилович Якир, сын кишиневского фармацевта, двадцатилетним прибыл на Дон — после учебы в Базельском университете (Швейцария) и Харьковском технологическом институте, и, став членом РВС 8-й армии, приказывал: «Ни от одного из комиссаров дивизий не было получено сведений о количестве расстрелянных белогвардейцев, полное уничтожение которых является единственной гарантией прочности наших завоеваний. В тылу наших войск и впредь будут разгораться восстания, если не будут приняты меры, в корне пресекающие даже мысль возникновения такового. Эти меры: полное уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения. Никаких переговоров с восставшими быть не должно» (ЦГАСА, ф. 60/100, оп. 1, д. 26, л. 252).

Как раз в это самое время коммунисты Москвы — из Замоскворецкого и Сокольнического районов — были посланы на Дон для разъяснения идеалов революции и укрепления Советской власти. Они свидетельствуют о том, как на практике осуществлялась директива Свердлова о расказачивании.

Слово М. В. Нестерову из Замоскворецкого района столицы:

«Будучи командирован в Донскую область, находился в станице Урюпинской. Партийное бюро возглавлял человек, не знающий быта казаков, действовал по какой-то инструкции из центра и понимал ее как полное уничтожение казачества. Ревтрибунал расстреливал казаков-стариков иногда без суда. Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые еле волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60—80 человек. Принцип был такой: «Чем больше вырежем, тем скорее утвердится Советская власть на Дону». Никакого разговора, только штык и винтовка. Вели на расстрел очередную партию — здоровые несли больных... Не верили люди, что Советская власть несет такой ужас... Во главе продотдела стоял некто Голдин, его взгляд на казаков был такой: надо всех казаков вырезать! И заселить Донскую область пришлым элементом. Ревкомовцы врывались в дома, требовали хлеб, скот, масло, яйца... Отбирали даже стельных коров на убой... Зная казаков раньше свободолюбивыми, имеющими свою выборную власть, работая коллективно — в семье 25—30 человек — без найма рабочей силы, теперь я встретил забитого казака, боящегося незнакомому человеку сказать лишнее слово, боящегося показаться на улице — отберут лошадь, а самого расстреляют. А расстрелы были ужасные. Иногда без суда...»

Свидетельствует Краснушкин К. К. из Сокольнического района: «Комиссары станиц и хуторов грабили население, пьянствовали, отбирали скот и продукты в свою пользу... Трибунал разбирал по 50 дел в день. Люди расстреливались совершенно невиновные — старики, старухи, дети... Расстреливали на глазах у всей станицы сразу по 30—40 человек, с издевательствами, раздевали донага. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать... С гиканьем, свистом, при всем народе...»

Вешенский ревком возглавлял член Донбюро И. Решетников. Сырцов, руководитель Донбюро, как бы оправдывая действия своего выкормыша, доносил Секретариату ЦК: «Уважаемые товарищи, считаю для сведения Секретариата сделать несколько разъяснений — расстрелянных в Вешенском районе около 600 человек». Мол, неправду люди говорят, что много в Вешках расстреляли — всего лишь 600 невинных душ...

Председатель ревкома станицы Морозовской некто Богуславский отличился особой «старательностью». Желая угодить вышестоящему начальству, которое прислало бумагу, что, мол, мало расстреливаешь казаков, мол, либеральничаешь, он напился пьяным, пошел в тюрьму, вывел толпу, отсчитал 64 человека и на глазах у всех расстрелял...

Именно январская директива Свердлова явилась причиной восстания казаков станиц Верхнего Дона в ночь с 11 на 12 марта 1919 года. Нельзя не упомянуть о таком факте — первой восстала станица Казанская, встречавшая Красную Армию хлебом-солью и многотысячным митингом...

«Огонек» (№ 48, ноябрь 1988 г.) пишет: «Мы имеем такие города, как Ленинград, Свердловск, Хабаровск и другие, которыми будет долго гордиться человечество».

Умышленное ли это незнание или убого-духовное? Я лично Свердловым — организатором расказачивания и убийства моего народа, гордиться не буду.

Это против моей совести, чести и достоинства.

Евгений ЛОСЕВ

* * *

Когда Як-40, упав на крыло, снижается над Вешенской, так что уже хорошо различимы рядки сосен в желтопесках и крутой изгиб Дона-батюшки к родимому Азовскому морю, и легко себе вообразить, с какой высоты оглядывали окрестности станицы летчики в гражданскую войну, невольно приходит на память — хочу я того или нет — печальная и страшная история, рассказанная двумя пилотами, поручиками Бессоновым и Веселовским на Войсковом Круге после посещения станицы Вешенской весной 1919 года (я думаю, что классовый подход, привитый нам с детства, под-

скажет, как относиться к событиям, поэтому считаю возможным избавить читателя от уравновешивающего правду семинарского комментария и даю рассказ в чистом виде):

«Поруч. Веселовский. Г-да чл. Войскового Круга! Низкий и горячий привет шлют вам герои Верхнедонцы. Шлют привет и осиротевшие матери, жены и дети. Не буду описывать всех ужасов и мерзостей, творимых пришедшими извергами. Для этого не хватит ни времени, ни слов; скажу только несколько случаев.

В одном из хут. Вешенской ст. старому казаку за то только, что он в глаза обозвал коммунистов мародерами, вырезали язык, прибили его гвоздями к подбородку и так водили по хутору, пока несчастный старик не умер.

В ст. Каргинской забрали 1000 девушек для рытья окопов. Все девушки были изнасилованы и, когда восставшие казаки подходили к станице, выгнаны вперед окопов и расстреляны.

В ст. Вешенской, с приходом большевиков, началась необыкновенно веселая жизнь комиссаров: устраивались частые попойки с оркестрами музыки.

На одну из таких попоек организаторы пригласили всех местных гимназисток. Разумеется, никто не пришел, и в результате был издан декрет о том, что всякий родитель, который не пустит свою дочь, будет немедленно расстрелян. Многие девушки пошли и вернулись с «вечера» с поруганной честью.

Наконец, еще случай неслыханного кощунства над религией. С одного из ближайших хут. ст. Вешенской прибежала дочь священника со «свадьбы» своего отца, которого в церкви венчали с кобылой.

После «венчания» была устроена попойка, на которой попа с попадьей заставили плясать. В конце концов батюшка был зверски замучен...

С чувством тревоги спускались мы недалеко от станицы. Но вскоре тревога рассеялась. Нас окружили женщины и дети, поднявшие ужасный рев, рассказывая о всех ужасах и насилиях «Коммунии»...

Торжественный колокольный звон, радостный и бодрящий, впервые огласил мертвые до того улицы станицы. Весь путь нашего следования был усыпан цветами. Кругом раздавались здравицы Войсковому Кругу, отцу-Атаману и Войску. Был отслужен благодарственный молебен. После молебна пошли осматривать лазареты. Проходили мимо шеренг из детей училищ, громко приветствовавших нас.

Больные и раненые просили передать, что восстали они сами, без офицеров, и благодарили за присланный табак.

— Был бы табак, а снаряды и оружие добудем.

Теперь же разрешите передать вам (обращается к председателю) цветы, присланные вам вешенцами.

Летчик при гробовом молчании развертывает газетную бумагу и вынимает несколько увядших веток сирени — эмблему надежды.

Буря аплодисментов огласила залу. Многие смущенно, виновато улыбаясь, подносили платки к глазам. Многие плакали навзрыд».

Знал ли гимназист об этой истории? Знал ли, когда молодым художником объезжал хутора и станицы, беседовал со стариками

и молодыми казаками, участниками Верхне-Донского восстания?

Я думаю, знал.

Я думаю, Шолохов не кривил душой, когда писал Горькому 6 июня 1931 года о своей писательской позиции — не заострять, а даже несколько смягчать реальную картину на Верхнем Дону: «Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию; причем сознательно упустил такие факты, служившие непосредственной причиной восстания, как бессудный расстрел в Мигулинской ст(ани)це 62 казаков-стариков или расстрелы в ст(ани)цах Казанской и Шумилинской, где количество расстрелянных казаков (б. выборные хуторские атаманы, георгиевские кавалеры, вахмистры, почетные станичные судьи, попечители школ и проч. буржуазия и контрреволюция хуторского масштаба) в течение 6 дней достигло солидной цифры 400 с лишним человек».

Великий художник земли русской, которого прозвали почему-то свирепым реалистом, прекрасно отдавал себе отчет в том, какова должна быть доля страшной правды, чтобы не повредить поэтическому впечатлению, поэзии, не ранить — и без того израненную жизнью — душу читателя...

Но Горький, к кому обращался затравленный рапповцами гений, и сам испугался, всячески проявляя свою «пролетарскую бдительность» перед «вождем народов».

Соответствующе настраивал он и Фадеева в письме от 3 июня 1931 года, утверждая, что книга «доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут. За это наша критика обязана доставить автору несколько неприятных часов».

Рапповская критика, с благословения «буревестника революции», лихо принялась расказачивать и автора, и его роман, да так, что, если бы не вмешательство самого Сталина, не видать бы «Тихого Дона» ни нам, ни тем более эмигрантам, плакавшим над полынной правдой великого, чудом появившегося произведения...

Благодаря Константину Прийме до нас дошла со слов самого Михаила Шолохова история «прохождения» «Тихого Дона»... Писатель так рассказывал: «Войдя в гостиную Горького, где сидел Сталин, он сразу понял, что они вели разговор о его романе.

— ...И когда я присел к столу, — рассказывал Шолохов, — Сталин со мною заговорил... Говорил он один, а Горький сидел молча, курил папиросу и жег над пепельницей спички... Вытаскивал из коробки одну за другой и жег — за время беседы набросал полную пепельницу черных стружек... Сталин начал разговор со второго тома «Тихого Дона» вопросом: «Почему в романе так мягко изображен генерал Корнилов? Надо бы его образ ужесточить...» Я ответил, что в разговорах Корнилова с генералом Лукомским, в его приказах Духонину и другим он изображен как враг весьма ожесточенный, готовый пролить народную кровь. Но субъективно он был генералом храбрым, отличившимся на австрийском фронте. В бою он был ранен, захвачен в плен, затем бежал из плена в Россию. Субъективно, как человек своей касты, он был честен, закончил я свое объяснение... Тогда Сталин спросил: «Как это — честен?! Раз человек шел против народа, значит, он не мог быть честен!» Я ответил: «Субъективно честен, с позиций своего класса. Ведь он бежал из плена, значит, любил родину, руководствовался кодексом офицерской чести... Вот художественная правда образа и продиктовала показать его таким, каков он

и есть в романе... Самым убедительным доказательством того, что он враг — душитель революции, являются приводимые в романе его приказы и распоряжения генералу Крымову — залить кровью Петроград и повесить всех депутатов Петроградского Совета!» Сталин, видимо, согласился со мной и задал вопрос: откуда я взял материалы о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южного фронта по отношению к казаку-середняку? Я ответил, что в романе все строго документально. А в архивах документов предостаточно, но историки их обходят и зачастую гражданскую войну на Дону показывают не с классовых позиций, а как борьбу сословную — всех казаков против всех иногородних, что не отвечает правде жизни. Историки скрывают произвол троцкистов на Дону и рассматривают донское казачество как «русскую Вандею»! Между тем на Дону дело было посложнее... Вандейцы, как известно, не братались с войсками Конвента французской буржуазной революции... А донские казаки в ответ на воззвания Донбюро и Реввоенсовета Республики открыли свой фронт и побратались с Красной Армией. И тогда троцкисты, вопреки всем указаниям Ленина о союзе с середняком, обрушили массовые репрессии против казаков, открывших фронт. Казаки, люди военные, поднялись против вероломства Троцкого, а затем скатились в лагерь контрреволюции... В этом суть трагедии народа!..

Сталин подымил трубкой, а потом сказал: «А вот некоторым кажется, что третий том «Тихого Дона» доставит много удовольствия белогвардейской эмиграции... Что вы об этом скажете?» — и как-то очень уж внимательно посмотрел на меня и Горького. Погасив очередную спичку, Алексей Максимович ответил: «Белогвардейцы даже самые положительные факты о нас могут перевернуть и извратить, повернув их против Советской власти». Я ответил Сталину: «Хорошее для белых удовольствие! Я показываю в романе полный разгром белогвардейщины на Дону и Кубани!» Сталин снова помолчал. Потом сказал: «Да, согласен! — и, обращаясь к Горькому, добавил: — Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию!» Горький согласно кивнул: «Да, да...» За всю беседу Сталин ничем не выразил своих эмоций, был ровен, мягок и спокоен. А в заключение твердо сказал: «Третью книгу «Тихого Дона» печатать будем!»

И сейчас вижу, — продолжал вспоминать Михаил Александрович, — это давнее летнее утро, длинный стол в гостиной, на нем — сияющий самовар, стаканы с чаем, Максима Горького, который сидит на торце стола и молча жжет спички, и Сталина — с дымящейся трубкой...

— Как Сталин мог знать содержание третьей книги «Тихого Дона»? — спросил я. — Разве вы посылали ему рукопись?

— Нет, — ответил Шолохов. — Рукопись я ему не посылал... Видимо, Алексей Максимович Горький сам давал Сталину рукопись романа... Во всяком случае, в ходе беседы со Сталиным я понял, что он хорошо знает ее содержание во всех деталях и подробностях...

Я еще спросил Шолохова:

— А как вы себя чувствовали при встрече?

Михаил Александрович ответил:

— Несомненно, я волновался... Решалась участь моей книги, решался вопрос, который я в письме к Горькому назвал «проклятым вопросом». Однако Сталин был очень корректен и объективен, а я отвечал ему точно и убежденно...»

За правду, высказанную во весь голос в защиту русского народа, троцкисты пытались отправить Шолохова на тот свет, как Фрунзе. Спасла его безвестная русская женщина, приподняв белую повязку, она повела глазами из стороны в сторону, предупреждая о смертельной опасности, несмотря на укол анестезиолога, Шолохов нашел в себе силы встать с операционного стола.

Вот кек описывает эту историю Петр Гавриленко, духом и обликом истинный запорожец, товарищ Шолохова по охоте и рыбалке долгие годы.

«Однажды, — рассказывает Гавриленко, — я все-таки... поинтересовелся: превда ли, что в Москве его однажды пытелись отравить?

Оказалось — правда. Один из приятелей человека, ранее работавшего на Дону, пригласил его к себе пообедать. Съев одну сардинку, писатель сразу почувствовал невыносимую боль в животе.

В больнице врачи сказали:

— Острый приступ аппендицита, необходимо немедленно делать операцию.

Михаил Александрович заметил, что одна из врачей все время, не отводя глаз, пристально смотрит на него, как бы говоря ему взглядом: «Не соглашайся». Писатель так и поступил, и это спасло его. В действительности никакого еппендицита не было, отравление скоро прошло, боли утихли.

— Я никогда больше не встречался с этой женщиной. И даже фамилии ее не знаю. Так что и поблагодарить не мог, — вспоминает писатель».

В 1930—1938 годах, как нам теперь хорошо известно, на Шолохова готовилось «дело» как на руководителя повстанческого движения на Дону, Кубани и Тереке, как на матерого белобандита; дико, смешно, нелепо! — все это так, но когда за дело берутся люди, рожденные, чтоб «сказку сделать былью», то тут не до смеха: перечитайте-ка воспоминания первого секретаря Вешенского райкома партии Петре Лугового, обнародованные в журнале «Дон» (1988, № 6—9), как по заданию Ежова, Когана (зам. нач. облотдела НКВД) и др. — начальник Вешенского райотдела НКВД Н. Н. Лудищев добывал показания у казаков на Шолохова и как вели себя эти заговорщики потом в Центральном Комитете партии:

«Сталин спросил у Когана, — свидетельствует П. Луговой как очевидец разбора дела в ЦК в 1938 году, — давали ли ему задание оклеветать Шолохова и давал ли он какие-либо поручения Погорелову. Коган ответил, что такие поручения он получал от Григорьева и что они, эти поручения, были согласованы с Ежовым. Ежов сейчас же встал и сказал, что он об этом ничего не знает и таких указаний не давал.

Тогда Сталин спросил у Лудищева, что ему известно об этом. Лудищев встал, опустил руки по швам и не сказал ни да, ни нет, показав этим, что он «солдат партии», что прикажут, то он и сделает».

Быть может, благодаря этому солдатскому качеству — не заду-

мываясь, исполнить любое приказание — Лудищев остался жив и даже пошел в гору...

Среди бумаг Петра Лугового, писем, телеграмм, выписок из архивов, набросков из воспоминаний о Шолохове однажды в руки мне попал небольшой клочок бумаги. Луговой описывает посещение гостиницы (должно быть, «Москвы»), где останавливался и работал Шолохов, и застольный разговор меж ним, Лудищевым, Шолоховым и неким Кривенюком: «Кривенюк спросил Лудищева Н. Н., участвовал ли он в расстреле так называемых врагов народа. Лудищев рассказывает следующее:

— Дали мне расстрелять одного с двумя ромбами (или армейского офицера, или работника разведки). Я повел его как будто на допрос в комнату следователя, затем открыл дверь в следующую комнату. Эта комната для расстрела, в ней на полу были насыпаны опилки. Указал арестованному идти прямо вперед, сам немного отстал и сзади выстрелил в него.

На этом все было кончено. После я выпил стакан спирта.

Когда я пришел домой, жена указала мне на кровь на левой стороне белого кителя. Я сказал, что слегка порезал палец.

Во время этого разговора Шолохов сидел за столом, подперев голову, как бы дремал, не принимая участия в разговоре. Услышав слова Лудищева о выстреле в затылок ромбисту и о крови на кителе, вскочил со стула, открыл стол и выхватил из стола револьвер, направил его на Лудищева и с возмущением сказал:

— Сколько Пушкиных убили...

Лудищев также вытащил револьвер, и они так стояли друг против друга. Мне пришлось их разнимать. Шолохова я отвел в спальню номера, а Лудищеву сказал, чтобы он ушел из номера. Шолохов долго после этого не мог успокоиться и с полгода не звонил и не встречался с Лудищевым. Но потом снова с ним стал встречаться».

«Как-то я, — признался Петр Гавриленко, — спросил Шолохова, почему он так добродушно относится к людям, дававшим ложные показания против него. Михаил Александрович пристально поглядел на меня, молча закурил папиросу и потом, грустно покачав головой, ответил:

— Они не виноваты, их заставили... Были такие люди...

Было видно, что Михаилу Александровичу не хочется продолжать разговор на эту тему».

Михаил Шолохов чудом остался жив... Можно лишь догадываться, что стало с гимназисточками, с этими невинными жертвами классового подхода, как жили потом они, так ли, как Аксинья, обесчещенная пьяным отцом (скорее рапповской идеологией, давившей на писателя в молодые годы), или счастливее, кто знает.

А что творилось на Кубани, на Тереке, на Урале!.. Какие моря казачьей крови потекли по Руси-матушке! Все одиннадцать или двенадцать казачьих войск (если учитывать и расформированную Сечь Запорожскую) истекли кровью, были потоплены в морях крови. Что же, эту утрату Россия ощутила теперь в полной мере.

И все же память неистребима. Народ все помнит!

Скажите, кто мог бы вообразить, что в расказаченной России найдется некий московский профессор, всю свою жизнь прозанимавшийся зарубежной литературой, который вдруг напишет такое вот кровью выплеснувшееся на бумагу стихотворение, и тихим плачем прилетит оно на Дон, к великому страдальцу и певцу русской истерзанной души.

Казак с серьгою в темном ухе
ХЛЕБНИКОВ

Ты, выкорчеванное начисто,
ты, изведенное под корень,
былое русское казачество —
незаживающее горе.
И память о тебе всезнайками
заплевана почти по брови —
корят казачьими нагайками,
не помнят о казачьей крови...
Да, пусть тебе землею плачено
и пусть гордилось ты по праву —
но сколько же тебя потрачено
за триста лет российской славы!
Побеги Дуба Запорожского,
ветвилось ты, с врагами споря,
от моря теплого волошского,
до желтого лихого моря.
Каймило степь станицей русскою,
песками шло, текло рекою,
Яицкое и Оренбургское,
Донское, Волжское, Терское,
Сибирское и Черноморское,
Кубанское и Семиречье,
по всем границам барсом порскало,
звенело дерзкой русской речью,
цвело лампасом, шашкой лязгало,
папаху набекрень носило —
Амурское и Забайкальское,
и сколько вас еще там было.
Тот шел в тебя, кому ни в пахари,
ни в толстосумы, ни в юроды —
зато и жаловали плахами
тебя паны и воеводы.
Кто песню пропоет печальную
о гибели хмельной и зряшной,
в столетья книгу поминальную
кто занесет твой жребий страшный?..

Роман Михайлович САМАРИН,
Болшево, март 1961 г.,
профессор МГУ

Кажется, все уничтожено непрекращающейся политикой расказачивания страны, стерты с лица земли имена станиц под видом увековечения памяти славных сынов Отчизны; вместо Уманской —

Калининская на Кубани; даже Троцкая должна была бы быть на Дону; а хутор или колхоз Кагановича и я помню, в гости туда с родней ездили; станица Усть-Медведицкая, откуда был родом Серафимович, прикрыта его славным именем одного из первых пролетарских писателей и первооткрывателя писателя уровня «Слова о полку Игореве»; сам Михаил Александрович, правда, на почетную провокацию не пошел и не позволил своим бессмертным именем ликвидировать имя станицы Вешенской. Район Шолоховский, райком Шолоховский, райисполком Шолоховский, а райцентр — так и остался станицей Вешенской, помнящей свою ужасную, свою кровавую и все-таки великую историю!

Память — неистребима! Память — единственное, что нас спасет!

Традиции ведь существуют (пусть ныне только в памяти) не для того, чтобы их почитали и воспевали, а для того, чтобы им следовали. Традиции — ведь это наша внутренняя, глубоко в нас заложенная природа жизни на земле наших предков.

И если ныне народы страны перестраиваются — каждый на свой манер и лад, неужто потомки казаков не заслужили право на свое внутреннее самоуправление (речь вовсе не о «самостийности», кстати говоря, навязанной казачеству извне, подброшенной врагами укрепления российской государственности), на оживление опробованных столетиями порядков вечевого народовластия, о каких ученик А. С. Серафимовича (сдавший экстерном экзамены в гимназии), знаменитый земляк его из Усть-Медведицкой Ф. К. Миронов, писал еще в 1912 году (в брошюре, изданной подпольным путем):

«...Не пора ли, братцы, снова вернуться к такому самодержавию, а не царскому и дать его всем народностям, входящим в состав государства Российского? При народном самодержавии будет хорошо всему народу, а при царском — хорошо только помещикам, дворянам, попам и всякому начальству!.. И всем нам от мала до велика видно, что ничего у нас от прежних прав и вольностей не осталось. Того, чего с оружием в руках не сделали половцы, нагайцы, татары и турки, то с подлой лаской на языке и лестью, с хитростью на сердце сделали московские цари: они лишили Дон свободы, счастья и богатства, оставив на его долю рабство, темноту и невежество, горе и бедность!..»

Несмотря на некоторый однобокий демократизм думского депутата, все зло видевшего в московских царях, а не наднациональной бюрократии, пережившей все власти на земле и ставшей новым, анонимным самодержавием, идеи Миронова, оплаченные кровью в борьбе с троцкизмом и расказачиванием (Миронова без суда и следствия убили в тюремном дворе во время прогулки выстрелом с вышки), достойны внимания и уважения.

Если идея народного самодержавия, утопленная троцкистскими ревкомами и ревтрибуналами в крови, засиженная, как мухами, бюрократами всех степеней и посвящений, возродится — Россия оживет и выживет. Если нет, остается надеяться только на то, что бюрократы и аппаратчики, расказачив остатки казачества, уже не вооруженного ни сохой, ни саблей, но еще помнящего, как сеять и убирать хлеб и как защищать Отчизну от врагов, — сами — теперь уже не на словах, на деле — займутся хлебопашеством, ибо эксплуатировать им будет некого.

Виктор ЛЕВЧЕНКО

* * *

Расказачивание — дело, которое крупнее своей географии и своей что трехлетней (1918—1921), что, скажем, даже двадцатилетней истории. «Сорвать погоны, отнять оружие, выселить в отдаленныа области, запретить называться казаком», — круто взбудоражили душу, распалили голову Мишке Кошевому эти слова троцкистских манифестов. Ему же, впрочем, еще летом семнадцатого года вручил в Питере курчавый студент в очках значок с портретом Маркса и передовую листовку. Почему не согласиться: был замысел превратить всю страну в обиталище и «местожительство» для временных, казенно перемещаемых и размещаемых жильцов как рабочей силы без роду без племени. И не о подобном ли, еще до указов Троцкого, размышлял, скажем, «великий Хлебников»: его стандартизированный «дом будущего» с массой портативно-вставных ячеек-камер — это, по словам смехача-мечтателя, «общежитие для цыган двадцатого века». Велика ли разница с теплушками под новый рабочий скот из наметок «военного вождя республики»? Авангардизм и казенное людоедство сходились логично и легко.

Так же легко заметить, что это было преддверием беды всенародной, было побоищем не только донского или северокавказского значения. Удар был нанесен по самой сердцевине народного достоинства; и то, что объявили позорным на Дону, Кубани и Тереке, оно же было потоптано вскоре и в России, и в Сибири. Случается, говорят так: «Гражданская война нашла своего художника-гения, а лихо коллективизации — нет». Неужели? Перечитайте «Тихий Дон» внимательней: вся коллективизация там обозначена исчерпывающе. Ясно, какой она будет, и во встрече двух хуторян, Кошевого и Мелехова, на исходе гражданской войны все это ясно уже до предела. Пулю врагу пущу в лоб не задумываясь, — обещает Кошевой. Так что хмурое утро двадцать второго года, когда Мелехов опять возвращается в Татарский, потеряв уже все, кроме разве самой жизни и сына, — это явный канун, а не конец. И, разумеется, канун этот гораздо грознее, чем тот спектакль припадения к родному порогу, который бывал тогда же в ходу других, более респектабельных, возвращенцев.

В общем, на Дону, как и в «Тихом Доне», состоялся смотр коренных вопросов на долгие годы вперед для всего народа и всей страны.

Тут начинался — а казакам к передовой не привыкать — наш всероссийский крестный путь, где воскресение для распинаемого было вопросом о возможности разве что чуда. (Это, естественно, вполне понимали устроители Голгофы, ободряя себя с полным основанием теми мировоззренческими прописями, согласно которым чудес не бывает.) Впрочем, естественно-непреложной закономерностью явилось и то, что устроители бойни, ее художники-оформители, ее барды и зазывалы, ее горланы-полпреды и прочая, и прочая потом вступили в драку друг с другом из-за освобождавшихся квартир с видом на Москву-реку или на «ах, Арбат, мой Арбат» — и довольно быстро разорвали на части уже самих себя.

Еще раз об историческом взгляде на случившееся: ведь есть еще одна возможность понять, почему речь идет не только о двадцати годах и не о семидесяти. Под нож была пущена тысяче-

летняя гордость и память, даже больше чем тысячелетняя культура, двухтысячелетние европейские святыни. Потоптана сокровищница, из которой черпало, не расхищая и не глумясь, поколение за поколением лучших русских людей. Поэтому понятно: в годы расказачивания, разумеется, досталось и им: за «душок патриотизма», как говаривал Анатолий Васильевич Луначарский, и т. п.

Многое удалось обновить до прямой неузнаваемости. Песня «Любо, братцы, любо» стала расхожим номером на забаву радиомалышам — как типичная сцена из быта пьяной махновщины (а как же иначе). Платов-атаман в «мультиках» и «мюзиклах» (якобы «по Лескову», по «Левше») преображен ради перевоспитания поклонников славы Бородина в дураковатого Держиморду. Кто-то «на радио» упорно называет Ростов «столицей славного Дона». Старый казак из станицы Ессентукской Спиридон Есаулов, по-своему продолживший и закончивший путь по мелеховскому шляху, через войну и белое движение, через раскулачивание, заграницу и партизанский отряд на Кавказе в 42—43-м годах (как рассказал в «Молоке волчицы» Андрей Губин), кончил жизнь своеобразно. В знак «признания заслуг» его наконец нарядили в черкеску с газырями и поставили чем-то вроде фольклорно-кукольного вышибалы при курортном ресторане «на водах». Наконец, и административно-мифологические очертания страны как совокупности «производств», «населенных пунктов», «регионов», «промснабов» и «местожительств» для «масс людей» и «рабсилы» с ее «человеко-днями» тоже получили известную определенность. И разве только краткая пушкинская повесть в стихах о том, как против лихого донца выезжает турецкий «красный делибаш», сохраняет в чистоте и наращивает свой безупречный смысл — не иначе как пророчества на столетие вперед.

Поразмышляем над этим. И по примеру Добролюбова — хотя и тот Пушкина постиг лишь отчасти — не устанем вспоминать: тысячеликий внутренний турок — напасть самая лихая. Как изжить и отвести ее? Не оружием, заметил народный заступник, а только созданием повсеместно того духа, которого басурман никак не переносит. («Когда же придет настоящий день?» в этой своей части — вещь, которую мы оценили еще не полностью.)

...Делибаш уже на пике, а казак без головы. Снова вслед за Пушкиным, которому так нравился Дон заветный, славный от Аракса и Евфрата до Тихого океана и Парижа, почему и нам не подумать о будущем, для будущего, не делать то, что насущно уже сегодня? Это нужно и сыну казака, и всем русским, и всем искренним народам: ведь был же казак когда-то нужен всей России. И надо сказать-таки когда-нибудь на голос потоптанного отца: слышу, батько! Тогда и чудо возможно, и памятник Платову станет на свое место.

Сергей НЕБОЛЬСИН

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ПОСЕЕШЬ ВЕТЕР...

Нв небольшую заметку, помещенную в «Дискуссионной трибуне», «Лицом к правде» («Молодая гвврдив», 1989, № 3), пришло много глубоких и серьезных писем-размышлений, исполненных сердечной боли и неодолимого желания не дать воспроизвести вновь уже случившеесв в нашей непростой истории. В заметке шла речь о возрождении стрвшной првктики «митинговых судилищ», уличной демократии, которвя чвще всего не имеет ничего общего с демокрвтией нвстоящей и свидетельствует о ее немощности или полном отсутствии.

Возмущение вызвал призыв «Мемориала» — осудить всех оствввшихсв в живых чекистов, сотрудников НКВД...

«Нужен нвучный, глубоко правдивый поиск причин наших бед нв протяжении всей советской истории», — единодушное мнение читателей.

«Охлокрвтия служит плутократии» — этот вывод также сделан многими читателвми.

Письма читателей — глас народа, кладезь народной мудрости. Я их всегда читаю с бо́льшим интересом, чем статьи профессиональных журналистов. Нет заданности, боязливого огляда на незримого цензора. Есть правда в том первозданном виде, в каком она и гуляет по свету — в своей сермяжной одежке, босоногая и с непокрытой головой...

Сравниваешь письма, пришедшие в редакцию «Молодой гвардии», с письмами «сталинистов», которые публикуют «Огонек» и «Советская культура», — и не можешь отделаться от мысли, что продиктованы они заданностью мышления этих «перестроечных» изданий: им так хочется унизить, втоптать в грязь всех, кто не впадает в эйфорию при виде самозваного «прорабства», что ненависть эта поневоле проступает в строках их будто бы «оппонентов». Косноязычные «откровения» «сталинистов» характеризуют скорее мечту этих изданий — иметь в качестве противника именно такое пугало. Ведь с ним очень просто бороться!

К сожалению, нет возможности привести полностью все письма, пришедшие в редакцию «Молодой гвардии», поэтому ограничусь кратким обзором.

Опускаю слова благодарности читателей журнала за публикацию «острого материала», пожелания и впредь быть «такими же мужественными и принципиальными» — они почти в каждом письме. Замечу лишь: это тоже характеристика времени, когда требуется со стороны редакции недюжинное мужество, чтобы вступиться за наше Отечество, за правду о нашей истории. А ведь ни Мамая, ни Чингисхана в наших пределах вроде бы нет...

«Я родился в 1922 году, в семье крестьянина-единоличника, — пишет **Куликов Николай Федорович, зам. пред. совета ветеранов войны и труда, г. Шуя.** — Я хорошо помню коллективизацию, во время войны был рядовым разведчиком, получил тяжелое ранение в ногу. В 46-м вступил в ряды КПСС. Жизнь моя была нелегкой, как и большинства простых советских людей. Но я хорошо помню, как из года в год улучшалась жизнь крестьян и рабочих и как благодарны были наши родители Советской власти. Я помню также и время репрессий, как теперь говорят. Но таких, как наша семья, они не касались, поэтому в среде простых людей не было ни страха, ни боязни. Считали так: если кого посадили, значит, за дело.

Теперь-то ясно, что фальшивые дела фабриковались и с помощью простого народа — ведь была политика сверхбдительности, и об этом изо дня в день писали в газетах, говорили по радио. Да и вредительства тоже было много — то взрыв, то авария... Мы, конечно, верили, что это действуют «враги народа».

Вот поэтому нельзя в допущенных беззакониях в отношении невинных людей обвинять кого-то одного или группу лиц. Репрессии чинились при участии всей партии, всем аппаратом и с полного одобрения всего народа. Очень редкие люди могли поднять свой голос против.

В журнале напечатана статья «Охлократия на марше» Ларисы Мироновой, и я считаю, что было бы полезным, если бы редакция поручила ей взять интервью у Василия Федоровича Алексеева, комсорга роты, которая охраняла Бухарина. Молодежи было бы интересно узнать, как он, совсем еще юноша в то время, воспринимал происходящее и какое тогда было отношение к репрессиям среди населения. Ведь он сам спасал всех, кого только мог. Сотрудники НКВД не были извергами, как их сейчас изображают. И я из своего опыта могу подтвердить, что напрасно осужденных, злостно оклеветанных спасали и И. В. Сталин, и коммунисты, и сами сотрудники НКВД. Ведь творила беззакония система! А не кто-то конкретный...»

О неудовлетворенности «перестроечной» прессой пишет **Е. Е. Стороженко, г. Светлый Калининградской области:** «Прочла «Охлократию на марше» и хочу решительно заявить: призывы к расправе над новой частью нашего общества — чекистами, сотрудниками НКВД, провокационны и направлены против демократии и преследуют неправедную цель — оглушив нас сенсациями, отвлечь от чего-то более важного. Я согласна с автором в том, что не может психически здоровый человек призывать нас вновь к массовым расправам. Только бесноватый мог такое выдумать! Но самое страшное — находятся тысячи людей, которые на этот призыв откликаются. Вновь нагнетается массовый психоз, вновь создается атмосфера лжи и нетерпимости в обществе. Нет у нас в стране сейчас людей, которые бы не зачитывались публицистикой. Читаю и я, но с каждой публикацией вопросов все больше. Большая часть того, что печатают популярные газеты и журналы, несытно, а то и вовсе неперевариваемо — это когда речь идет о прошлом. Что же касается дня нынешнего, то тут и вовсе подавиться можно... Примут ли статью «Охлократия на марше», поймут ли? Ведь она написана с заглядом в будущее. Ведь уже сложились устойчивые стереотипы причин наших бедствий, а Лариса Миронова призывает **начать поиск** научно обоснованных объяснений беззакония... Пока же действительность напоминает мне тот самый «бег на месте общепримиряющий...». Я бы только добавила: с оглядкой назад и ничего хорошего впереди не обещающий».

Перекликается с письмом Стороженко и мнение, высказанное **участником Великой Отечественной войны Б. И. Новиковым, Москва:**

«Почему надо судить именно чекистов или следователей? Ведь следствие вели с санкции прокурора и под надзором прокуроров, а потом направляли материалы в судебные органы, и там уже определяли виновность и выносили приговор! Журнал занял трезвую позицию и не стал пинать этих людей и атукать, как это сейчас модно и даже считается делом доблестным: ведь многих уже нет и они не могут оправдаться. А те, кто жив, ответного слова не получают нигде. Их травят, а они, если не умирают от сердечного приступа, молча терпят обиду, очень горькую оттого, что большинство из тех, кто пошел служить в ЧК и НКВД, были простыми рабочими пареньками, которые, себя не жалея, защищали Советскую Родину. И не их вина, что высшие чины не всегда были справедливы и правдивы. Но спрашивают сейчас с рядовых... Почему так много невиновных оказалось среди репрессированных, надо вдумчиво разбираться, а не искать «козлов отпущения». До ответа нам еще ой как далеко. Ведь прошлое может вновь вернуться — в образе «борцов» с ним».

К сожалению, в этих письмах ситуация обрисована довольно типичная. Мне сообщила из Ленинграда одна женщина, дочь следователя НКВД: «Невозможно нигде добиться правды. С ужасом включаю телевизор, «Пятое колесо»... Все жду с замиранием сердца: вдруг назовут фамилию моего отца? Тогда мне жизни больше не будет. Ведь в моей семье все — и муж, конечно, — большие почитатели «Мемориала». О том, что мой отец работал в НКВД,

никто не знает — ни дома, ни на работе. Еще при Хрущеве против него, рядового сотрудника, было сфабриковано дело, которым хотели прикрыть более крупную фигуру. С тех пор вот так и живу в вечном страхе. Отец сидел в Бутырке, его пытали, но так и не добились ложных показаний и оговоров. Потом вышел указ, и его выпустили. Но дело так и висит над ним, теперь уже мертвым. Вот сейчас опять начали... Прошу вас мою фамилию нигде не называть! Ведь народ сейчас очень озлобленный, и никто разбираться не станет».

«Осудить всех оставшихся в живых чекистов, сотрудников НКВД!» — даже трудно поверить, что этот дикий призыв мог появиться в наши дни, когда мы так много узнали о митинговых процессах, о самосудах... А ведь сейчас гласность и демократия!» — так пишет **коммунист В. П. Большаков, Москва.** Его письмо — настоящая новелла. О том, как его дед, морской офицер К. М. Черемхин, осужденный по оговору, попал в лагерь и что с ним далее произошло. — «Непокорный зэк и не думал смиренно коротать годы в заключении и в конце концов сбежал. Проплутав в среднеазиатской пустыне несколько суток, он вдруг почувствовал сильную боль в желудке. Приступ язвы разрывал нутро дикой болью, и дед решил, что раз пришел час умирать, то уж лучше среди людей. И стал пробираться обратно в лагерь. Полуживого, его доставили к начальнику. А начальник, следуя уставу, должен был деда на месте расстрелять. Но вместо этого он отправил деда на лечение, а потом сообщил ему, что после его побега пришла бумага о помиловании. Все происходящее казалось деду сказкой, ведь он уже распрощался с жизнью! Никто и никогда не попрекал его впоследствии тем, что он был осужден. А он сам до конца своих дней вспоминал начальника лагеря с уважением и благодарностью. Так за что же я буду проклинать сотрудника НКВД, проявившего такое человеколюбие — ведь мог бы шлепнуть на месте?! Я уверен, что таких в органах было большинство. И они спасали людей, если была хоть малейшая возможность. Конечно, были и карьеристы, службисты. Но они ведь всюду есть!»

«Именно охлократия повинна в том, что у нас направо и налево навешивались ярлыки «саботажник», «вредитель», «кулак», «враг народа» на большие группы людей, которые после этого подлежали массовому уничтожению. Теперь охлократы ищут виновных среди пяти миллионов чекистов, оставшихся в живых сотрудников НКВД. А дальше кто? И где конец этой ужасной очереди? Из газеты в газету кочуют одни и те же обвинения — написанные будто под копирку. Может быть, такая была установка? Так назойливо это делается, что у многих возникает сомнение: нет ли за этим чего-то более серьезного, но такого, о чем нельзя народу говорить? Охлократия всегда была соучастником трагедий, а значит, и косвенным виновником тех бед, которые обрушивались и по-прежнему обрушиваются на наш народ», — таково мнение **члена КПСС А. Седых, г. Рыбное.**

«Становится все очевиднее, что всплывшие на волне обновления провокаторы, демагоги, фарисеи, все эти «ультра», по существу, выполняют социальный заказ явных и скрытых противников социализма, — пишет **полковник В. Н. Новиков, Москва.** — Именно с их помощью разжигают неприязнь к разным группам населения, стравливают нации, поколения, стремясь превратить наше общество в отвратительный гадючник. А какая перестройка там, где все

ненавидят друг друга, какое торжество «общечеловеческих принципов» — нетрудно догадаться.

И вот опять устроили пляску на трупах — с мистификацией разоблачения беззаконий 37-го! До тех пор, пока не будет создан надежный заслон натравливанию одних групп населения на другие, одних «категорий» на другие, беззакония будут возвращаться по-прежнему, хотим мы того или нет. Хватит! Насмотрелись мы на этих «смельчаков», которые так любят проливать кровь невинных жертв. Хватит сеять «траву раздора» на нашей и так напитанной братской кровью земле! Спасибо вам, молодогвардейцы, что не испугались нарушить устав охлократии и смело и твердо проводите свою линию. Вы решительно выходите на новый уровень, и читатели не замедлят ответить вам признательностью. Конечно, надо «сечь на воздусях» розгами правды таких, как «непорочные девицы ивановы» и прочие коротичи, те, кто совесть продает за полушку. Но куда важнее и нужнее сейчас то, что начали делать вы: публицистическая разборка завалов истории. И делать это надо чистыми руками, тогда и народ откликнется. Когда же пытаются одну клевету подменить другой, более осовремененной, то веры таким горе-исследователям нет. Надоела конъюнктура, а сейчас она и вовсе непереносима. Правду и только правду хотим мы знать. А распинать и запугивать у нас умеют — заплечных дел мастера не переводятся, значит, есть для них и почва, и пища.

С моим фронтовым товарищем приключилась такая история. Его оклеветали при Хрущеве, и он до сих пор не может доказать свою невиновность, потому что никто его не хочет слушать! В прошлом он — чекист. Когда-то государство нуждалось в его службе, и он был в почете. Теперь другие времена — можно отдать на заклание и чекистов, и сотрудников НКВД, «пустить их в расход», как говорится... Но справедливо ли это? У каждого времени свои законы, почему же мы об этом забываем? Так можно дойти до того, что станем судить солдат, воевавших на войне, если вдруг кому-нибудь придет в голову «доказать», что война была «незаконной». Где же логика?..»

Есть в этом письме одна мысль, показавшаяся мне очень актуальной: неблагодарность государства по отношению к тем, кто в трудную минуту отдавал всего себя службе народу. Глупо и преступно казнить таких людей, даже если выясняется, что дело, которому они себя отдавали, было не так уж необходимо. Надо научиться спрашивать с тех, кто заставляет нас совершать бессмысленные акции. А еще правильнее, как мне представляется, создать такую систему власти, чтобы она сама себя предохраняла от преступных действий.

О разбое в прессе пишет **К. А. Корниенкова.** С ней приключилось вот что: с 18-летнего возраста собирая материалы по истории нашего Отечества, Кира Алексеевна создала у себя дома настоящий музей. Много там материалов и о жизни Сталина. Она, чтобы иметь побольше свободного времени, оставила директорство два года назад и работает в школе-интернате учителем труда. Однажды к ней обратились работники телевидения, предложив сняться для «Взгляда» в сюжете о Сталине. Предложение это она приняла спокойно: ведь по ее письмам, уличающим «перестроечных» борзописцев во лжи и фальсификации, были публикации в разных печатных органах. И вот что она пишет: «Слова статьи «Охлократия на марше» о том, что «произвол на страницах прес-

сы, сомкнувшись с анархией снизу, может создать «поле» повышенной напряженности и это никак не будет совмещаться с объявленным курсом на дальнейшую демократизацию», следует рассматривать как факт свершившийся: события в Молдавии, Прибалтике, Азербайджане, Нагорном Карабахе, а теперь вот и в Грузии, есть не что иное, как ответ на подстрекательства «Огонька» и прочей «либеральной» прессы. А следующий абзац статьи Мироновой относится непосредственно ко мне: «Не обязательно стрелять в человека, достаточно распять его на страницах газеты. Исход будет один: и сегодня обыватель так же труслив, как и 50 лет назад... 12 лет я проработала в специнтернате № 81 Москвы директором, отдавая работе всю себя. И была отдача... Весь свой досуг (по выходным, главным образом) я тратила на сидение в Библиотеке имени Ленина, отыскивая малоизвестные документы и свидетельства. Меня не устраивала та история, которую нам преподносили в виде «последнего слова науки», и я сама хотела докопаться до правды о Сталине, о нашем прошлом. Своих увлечений я ни от кого не скрывала. Убеждение в том, что Сталин — личность огромного масштаба, крепло во мне по мере работы над темой. С началом перестройки я попала в число «сталинистов» — так «прорабы» называют людей, не разделяющих их взглядов на нашу историю. Ладно, «сталинистка» так «сталинистка», хоть и не очень приятно называться словом, позаимствованным «прорабами» из арсенала Троцкого... Когда ко мне приехало телевидение, я поставила непременное условие: просмотр материала перед выходом в эфир, что мне и было обещано. 5 января 1989 года это интервью состоялось. Беседовали мы более часа, и мне показалось, что съемочная группа осталась разочарованной. Видно, хотела показать зрителям твердолобого дурачка, фанатично бубнящего о «железной руке» и прочей чепухе, в которой обычно обвиняют «сталинистов». Но ничего такого они от меня не услышали... И я была уверена, что интервью в том виде, как это было записано, сослужит добрую службу настоящей, а не «прорабовской» перестройке. Но вот 6 апреля одна из моих коллег принесла в интернат номер «Московского комсомольца» и с возмущением прочла коллективу заметку, настраивающую зрителей на просмотр «Ступеней», где будет показан сюжет со «сталинисткой», которая работает в интернате... Дальше вообще начинался настоящий кошмар: оказывается, все 12 лет, пока я здесь работаю, в интернате витала атмосфера угнетения детей, воспитательный процесс сводился к избиению непокорных и помещению их в психиатрические больницы. Тут я вспомнила, что мне был задан вопрос, влияют ли мои убеждения на мою работу. Я ответила — конечно. Ведь и сам Сталин, и многие из тех, кто с ним работал, в первую очередь были тружениками, целиком отдававшими себя избранному делу.

Я бросилась на телевидение, но ответственный товарищ мне сказал, что уже ничего нельзя сделать, передачу снимать не разрешат. Но, уверил он меня, там нет ничего такого, что могло бы меня огорчить. Однако что-то не верилось в его слова...

И вот настал вечер. Впечатление превзошло все мои ожидания. Мои слова перемежались вставками: бросали реплики люди, уже не работающие в интернате и к которым я никогда не имела никакого отношения. Все они уволились как не справлявшиеся с детьми — ведь дети у нас особенные, с задержкой развития, и требуется не просто добросовестное отношение к работе, но и великая любовь к ущербным воспитанникам без какой-либо надежды на отдачу. Надо уметь идти на самопожертвование ради этих детей, а это не всем удается. Но тем не менее три бывших сотрудника рассуждали так, будто они-то и были непризнанными макаренками, а вокруг клубились вампиры... Из передачи получалось, что в интернате действительно царит «драконизм» и насаждаю его я, в силу своих убеждений. Мои душевные и физические затраты вряд ли окупаются присвоенными мне званиями «Отличник просвещения», «Ветеран труда», наградой «За доблестный труд», если учесть, что 7 лет я практически не выбиралась из интерната, до тех пор, пока не наладился быт, пока не сложился устойчивый коллектив и дети не почувствовали себя как дома. Хорошо, что мои коллеги, с которыми я работаю не один год, правильно поняли передачу, — ничего, кроме возмущения, у них не вызвавшую. Но как быть мне с моими многочисленными друзьями, которых у меня по всему Советскому Союзу десятки? Что, писать каждому оправдательное письмо? А вся моя вина в том, что я не согласилась признать клевету на Сталина. Удивительно, что на передачу ЦТ охотно отозвалось радио Мюнхена, где старательно пересказало все «ужасы», царящие в сиротском приюте, где работает «сталинистка»... Хотелось бы, чтобы мое письмо прокомментировала Л. Миронова, которая мне известна как автор повести «Детский дом».

Что ж, комментирую. Передачу, о которой пишет К. А. Корниенкова, мне тоже «посчастливилось» увидеть. Те, кто читал мою повесть, хорошо себе представляют, как тяжел труд воспитателя в таком учреждении. Мне же с первых кадров — как только камера заскользила по интернатскому интерьеру, стало ясно, что в этом заведении долго и упорно трудились горячо любящие детей люди. Напоказ такое не создашь. Да и лица детей говорят сами за себя. Смонтированные без всякой логики куски, бьющие на эмоции заявления горе-педагогов, — все это не внушало доверия. Да и музыкальное и фотографическое обрамление передачи выдавало авторов с головой. Двойственное впечатление оставляла передача и у тех, кто ни к «сталинистам», ни к детдомовским работникам не относится: с одной стороны, бесконечно долгое замирание камеры на фотографиях Сталина в квартире Киры Алексеевны, откровенное любование ими, с другой — не менее откровенный контекст: сталинизм и варваризм нераздалимы. Получился какой-то винегрет, заправленный вместо масла тормозной жидкостью...

Вообще, рассказы об «агрессивных «сталинистах», не подтвержденные фактами, уже давно перестали вызывать уважение даже в среде самих приверженцев этой идеи. А вот примеров, что называется, «обратных» сколько угодно. И постепенно начинаешь понимать, что «сталинизм» — это и есть современный экстремизм. Таким образом, пугало, созданное средствами массовой информации, обретает реальные черты. Пугали, пугали, да и сами «в козленочка превратились»! Очень подозреваю, что уже через полгода появятся портреты Сталина и вся соответствующая атрибутика культа. Но только не истинный Сталин предстанет пред наши изумленные очи, а сочиненный охлократической прессой. Потому что плутократия, та самая, которой служат охлократы, нуждается в фетише! Им нужен культ!!! Вот поэтому и двойственность такая в ряде публикаций: вроде бы ругают чуть ли не матом «товарища Сталина» и в то же время тайно и сладострастно мечтают о возвра-

щении «железного вождя». Будем внимательны и не позволим провести себя на мякине.

Глубоко тронуло меня письмо читателя из Волгограда В. И. Ронина. Вот что он пишет: «Вы не поверите, какое тягостное, гнетущее чувство испытываешь, когда читаешь во всех газетах всяческую антисоветскую дребедень, а рядом нет человека, которому можно было бы высказать свое негодование. Мало, очень мало осталось тех, кто, жизни своей не щадя, отстаивал независимость нашей Родины... Да, наступило смутное время!..» А далее тов. Ронин В. И. на 20 страницах плотным текстом излагает «мнение старого коммуниста», напечатать которое полностью, возможно, взялся бы какой-нибудь исторический журнал. Приведу лишь некоторые выдержки из его обширного письма: «Дело обстоит намного серьезнее, как мне кажется, чем это изложено в статье Л. Мироновой. Одни «лжеперестройщики» преследуют узкокорыстные цели — создать себе авторитет, покуражиться, покрасоваться в роли ниспровергателя, поглумиться над трупом, — но это, я думаю, всего лишь мелкие хулиганы. Они кричат о необходимости расправы со «сталинистами», старыми членами партии, сотрудниками НКВД и т. д... Однако, думается мне, их век недолог. Такое вряд ли понравится народу. Но существует и другой тип «прорабов», которые, пользуясь моментом, стремятся направить перестройку совершенно по другому руслу. Они ратуют за возрождение нэпа и переигрывают лозунг «кто — кого» в нужном им плане. Создается культ «перестройщика», который, как Иисус, глаголет только истину. И молодежь, что особенно опасно, на это клюет! Молодежь не знает, какая шумиха была поднята в начале 30-х годов средствами массовой информации во всем мире по восхвалению Гитлера: это и помазанник божий, это и спаситель рода человеческого от коммунистической заразы, это и сверхчеловек, сверхгений, способный творить чудеса... Гитлер был превращен в знамя самой густопсовой реакции, а международные империалисты принялись осыпать его золотым дождем, вооружая фашистскую банду до зубов... Вот в этих условиях и началось у нас создание «культа личности» Сталина — в противовес культу Гитлера. Вот что писал об этом английский ученый Джон Берналл: «Как это ни странно, но вопрос о ликвидации культа личности Сталина был поставлен самим Сталиным». Действительно, на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС в 1946 году Сталин заявил, что с культом личности Гитлера покончено, значит, нужно кончать и с культом личности Сталина. Это есть в документах, но о них дотошные прорабы помалкивают. Могу привести еще ряд примеров, подтверждающих борьбу Сталина против собственного культа. Когда была организована Выставка достижений народного хозяйства, прямо у входа намеревались установить статую Сталина, а у каждого павильона — бюст Сталина, Сталин пришел в негодование, когда ему показали макет ВДНХ, и даже грубо заявил: «Что вы суете своего Сталина в каждую дыру!» И это можно подтвердить документально — ведь первоначальный план ВДНХ сохранился. Далее. В 1952 году по случаю окончания строительства Волго-Донского канала имени В. И. Ленина был назначен грандиозный митинг на площади у входа в канал. Воодушевление строителей не знало границ. И вдруг сообщение — Сталина на митинге не будет! Перед выездом в Сталинград он узнал, что у входа возведена грандиозная статуя Сталину из бронзы, и буквально рассвирепел: «Канал имени В. И. Ланина, а вы

ткнули туда эту дурацкую статую Сталина!» Свидетелей этого разговора было множество, в том числе и ныне здравствующих. Не правда ли, странновато вел себя «параноик», стремящийся к неограниченной власти?

Культ личности был «официально объявлен» в 1934 году, на XVII съезде партии С. М. Кировым, который первым публично заявил, что «Сталин является выдающейся личностью», «продолжателем дела Ленина» и т. д. Речь Кирова нашла полное одобрение и на съезде, и в народе. Сам Сталин в восторг от нее не пришел, но его убеждали, что «так надо». До этого — что легко проверить, — никакого публичного восхваления Сталина не было! Кирова убили те, кому Сталин был не по душе, и произошло это через шесть месяцев после съезда. Это и послужило поводом к развязыванию репрессий — чтобы покарать «врагов народа»... «Тройки», инициированные Кагановичем, сделали свое черное дело. Но нельзя считать, что карали только невинных. Сталин же вообще был против массовых расправ. Но джинн уже был выпущен из бутылки. И заявление Сталина об обострении классовой борьбы по мере приближения к коммунизму нисколько не повлияло на ситуацию, тем более что не он первый этот тезис выдвинул (см. «Великий почин» В. И. Ленина). Сегодня же, когда раабилитируют всех подряд, почему-то забывают о том, что уже в 1939 году были наказаны те, кто, пользуясь моментом, направо и налево сводил счеты, занимая при этом высокие посты и располагая большой властью. Именно они в 1956 году стали указывать на тех сотрудников НКВД, которые их самих выводили на чистую воду в 1939-м! Вот почему сегодня среди «жертв сталинизма» так много настоящих преступников, а среди «виновников репрессий» — людей, всеми силами им препятствовавших. Эту правду надо знать!»

Настоящую статью, содержащую глубокий анализ охлократии как современного явления, прислал участник Великой Отечественной войны, инженер-разработчик Г. М. Глебов, Москва. «Наше поколение ныне бессовестно шельмуется, — пишет Геннадий Михайлович, — но стоит повнимательнее присмотреться, из чьих уст льется эта брань, то удивляться перестанешь. Такие всю жизнь кого-то или что-то предают, спеша услужить власть имущим. Они, «дворцовые прихлебалы», готовы рвать в клочья тех, кто неугоден их хозяевам. А видимость «народной массы» они находят среди люмпенов, которых сами же и наплодили. Я тружусь в сфере производства и знаю, что творческий, активный в коллективном труде человек не пойдет митинговать на улицу — ни за левых, ни за правых, но в критическую минуту просто надает по шее и тем, и другим. Дирижеры охлократической камарильи прекрасно понимают, что народ вот-вот проснется и возьмет власть в свои руки, не передоверяя ее тут как тут подоспевшим к «раздаче власти» «гигантам мысли» и прочей элите. Вот этого они и боятся! Эпидемии либерализма подвержено чиновничество в худшем понимании, обслуживающая его интеллигенция, окружившая себя деклассированной пеной. Это и есть ОХЛОКРАТИЯ — власть черни, выдающей себя почему-то за интеллектуалов. Пролетариат — рабочие, колхозники, трудовая интеллигенция — имеют на либерализм стойкий иммунитет, им ближе действительная демократия, но пока их-то и не допускают к органам власти! Не позволяют пролетариату в своем пролетарском государстве стать по-настоящему гегемоном. Что и продемонстрировали выборы депутатов на съезд Советов. Создава-

лось Советское государство как рабоче-крестьянское, а теперь власть попросту захвачена элитой. Теперь понятна и спешка в поиске «козлов отпущения» — ведь надо было поскорее заклеймить рабоче-крестьянское государство и демонтировать его. Еще более хотелось бы им спровоцировать гражданскую или межнациональную войну, и, к сожалению, кое-что удается... Опять же работает на охлократию и ее хозяев наша политическая близорукость. А что касается преступлений прошлого, то о них можно судить только по законам того времени. Иначе это просто блудливое сведение счетов, политиканство ныне властвующих, цель которого — расчистить место для новых преступлений. Перестройка все откровеннее превращается в расстройку государства, морали, нравственности с истреблением оборонного и экономического потенциала. Иначе и не могло быть, когда конструктивного плана народу не предъявлено, и общество оказалось без руля и ветрил. А кому это выгодно, понятно по бурным аплодисментам из-за океана и с берегов Альбиона. В поисках преступников среди покойников как бы не проглядеть таковых среди ныне благоденствующих!»

К рассуждениям Глебова вплотную примыкает письмо **юриста из Днепропетровска Э. Оянерова.** «Тронула и разбередила статья «Охлократия на марше» ...Да, последние события показали, что к нашим политическим болтунам нельзя относиться снисходительно — они не безопасны... Во все времена стоящая у власти элита старалась законодательно закрепить социальную несправедливость, обездоливая большинство и давая привилегии «избранному» меньшинству. Обездоливают большинство, которое должно работать на «избранных», как правило, и избирательным правом. С тех пор, как из Конституции (1936 г.) была изъята ст. 131, которая квалифицировала деяния расхитителей как «врагов народа», наше общенародное хозяйство разворовано по мелочам и по-крупному. Теперь же воры хотят «жить в законе», вот и требуют новую Конституцию, которая узаконит их права на частную собственность. Лезли в народный карман все, кому не лень, а мы все стеснялись сказать: «Довольно, господа! Попользовались!» Чего-то ждем и сейчас...

Но они, грабители народа, не только не устыдились своих деяний, но и отважились устроить беспрецедентное шоу — выборы, претендующие стать своеобразным эталоном классического попрания демократии как власти народа. Балалайщина вокруг выборов уже подготовила общественное мнение к тому, что и «парламент» недалеко уйдет в этом отношении. Вот это и есть — ОХЛОКРАТИЯ НА МАРШЕ! Нас обвели вокруг пальца так, что мы и пикнуть не успели. В силу новых законов, принятых в связи с политической реформой, наши избиратели утратили былое равноправие: вместо прямых выборов — многоступенчатые; избирательные комиссии, не имея на то полномочий, лишали кандидатов в депутаты их права продолжать предвыборную борьбу. Кроме того, одни избиратели имели один голос, а другие — до двух десятков, в зависимости от того, сколько человек баллотировалось по данному округу и в каких организациях состоит сам избиратель. Но самое вопиющее нарушение демократии — это вышибание одним махом из сферы номенклатуры миллионов наших граждан, имеющих по былой Конституции право быть избранным на любую должность: в связи с новой структурой партийно-советского управления, искусно навязанной народу, впервые в мирное время партийный и советский руководитель сливаются в одном лице! Кроме того, в ущерб пропорциональной справедливости отдано предпочтение отдельным общественным организациям. Так, 38-миллионный комсомол и 25-миллионный отряд ветеранов приравнены к полуторамиллионному отряду ученых и еще меньшему отряду представителей творческих союзов (180 тыс.). Все эти категории избирателей получили по 75 мандатов. А профсоюз, насчитывающий до 85 процентов избирателей (рабочих, служащих, интеллигенцию), имеет столько же мандатов, сколько и крестьяне (15%) — по сто. Вот такая арифметика.

Все это указывает на антипролетарский, а значит, и антисоветский характер такой избирательной системы. При таких обстоятельствах вести разговор о так называемом правовом государстве есть полная бессмыслица. Кроме того, охлократы, поспешившие возвестить о переходе к правовому государству, думаю, преднамеренно «не заметили», что мы сегодня не можем обеспечить его даже чисто теоретически, ибо у нас адвокатов, которые играют особую роль в правовой защите личности, аж 25 тысяч — против 420 тысяч в США. Но и это ведь не все. Правовая защита граждан определяется не только наличием мощной адвокатуры, но и беспристрастным судом, надлежащим надзором за законностью со стороны Советов и прокуратуры, а также правовым воспитанием, об отсутствии которого можно судить хотя бы по наличию у нас юридической литературы (3 журнала против 150 в США!) Неграмотного человека будет обманывать каждый!

Но и это еще не панацея от нарушений законности и прав граждан, ибо в США, где по формальным данным все должно быть в ажуре, ущемлений прав граждан и общества больше, чем в любом другом государстве, ибо над правом довлеет денежный мешок.

Современная олигархия достаточно окрепла материально, сплотилась духовно и теперь может в открытую выражать свои притязания на полноту власти, ненавидя «плебеев» всей душой. Ну а что же мы — «плебеи»?»

На этот вопрос отвечает **читатель из пос. Болшево Московской области М. Бор-Михайлов:** «Пишу вам, дорогие товарищи, хотя мне это и очень трудно — сложная операция на глазах временно вывела меня из строя. Читаю с большим напряжением, но № 3 «Молодой гвардии» прочел от корки до корки. Особенно обрадовала меня статья «Охлократия на марше». Права автор — охлократия марширует! Она спешит услужить сильным мира сего, тем, кто, пользуясь коррупцией, развратил госаппарат и партийные органы. Почему-то ищут взяточников, а тех, кто давал взятки, не трогают! Вот им-то сейчас и нужен нэп, чтобы раздать задаром, за гроши, наше общее богатство. Три года кричат о «злодеяниях Сталина», а все для того, как верно пишет Миронова, чтобы оставить корень зла в почве. Но вспомним: в Югославии не было того, что сейчас называют «сталинским социализмом». Они сразу пошли по иному пути. Но репрессии были и там, и еще какие! Бывшие товарищи по партизанскому отряду отправляли своих же боевых друзей на гибель — только за то, что те не хотели признать Сталина злодеем. В 1948 году начались там эти страшные репрессии, которые проводили «антисталинисты» против «сталинистов». А последние ничем себя не запятнали — они ведь не были у власти! На Голом острове — югославских Соловках — под палящими лучами тропического солнца, среди голых камней, коротали свои дни в непосильном

труде «сталинисты», страдая только за свои убеждения... И еще надо помнить: власть — это не только орган, где заседают политики. Это особое устройство всего хозяйственного организма. Вот и давайте делать так, чтобы наше хозяйство стало единым кооперативом, не деля национальные богатства на «виды собственности». Не надо нам «хозяев», которые будут тянуть из народа жилы в погоне за прибылями. Народ и сам способен хозяйничать. Надо идти путем поиска настоящего народовластия, а не той «обманки», которую попытаются подсунуть охлократы».

Итак, ясно — за настоящее народовластие! Но как при этом должна быть организована экономика? Мыслями на этот счет делится **москвичка В. М. Бондаренко, экономист:** «Если в обществе все еще отсутствует нужный механизм согласования экономических и социальных целей — значит, отношения остаются по-прежнему уродливыми. Это и толкает иных обществоведов и историков к поиску «ошибок» прошлого и настоящего в тех или иных чертах верховной власти. Однако занятие это столь же ненаучное, сколь и бесплодное.

Да, альтернативы перестройке нет. Но надо ясно отдавать себе отчет, что это за перестройка. А предполагает она, на мой взгляд, опять же неверные действия, которые еще более усугубят экономическое положение, а значит, и социальное, нашего общества. Бюрократ и новый буржуа великолепно смогут ужиться, подкармливая друг друга, и в этом нет никакого сомнения. А народ опять останется в проигрыше. Квинтэссенцией социалистического механизма хозяйствования, как мне представляется, должны стать договорные отношения; на практике должен осуществиться основной принцип социализма: от каждого — по способностям, каждому — по результатам его труда. Вот тогда человек и станет настоящим хозяином на производстве! Отпадет необходимость искать разнообразные формы принуждения к труду — идеологические и экономические (талоны, растущие цены и т. д.). **Введение различных форм организации производства (кооперация, множество моделей хозрасчета, и т. д., аренда...) без установления взаимосвязи с потребителем напрямую приведет уже в ближайшее время к хаосу, неудержимому росту цен при сокращении объемов выпуска продукции, а это спровоцирует острейшие кризисные ситуации, национальные и региональные конфликты.** Соединение работающего человека только со средствами производства — необходимое, но недостаточное условие. Важно одновременно сформировать урегулированный спрос (рынок социалистического типа, никакого отношения не имеющий к чисто капиталистическому, чего у нас, к сожалению, не понимают!) не на основе директивного планирования, а на основе индивидуального заказа и адресного производства (через договора с предприятиями, ассоциациями потребителей и др.). Так поступают сейчас в большинстве развитых стран, но у нас это должно пойти еще легче, так как «сам бог велел» — в силу централизованного и планового характера экономики в прошлом. Для связи потребителей с производителями необходимо создать единую систему информации, доступную каждому заинтересованному лицу, — этому могут помочь системы ЭВМ, кабельное телевидение и другие современные средства коммуникаций. Вот тогда цепочка будет замкнута, а человек становится одновременно и хозяином, и потребителем, и эти функции находятся в диалектическом единстве — нет былого отчуждения. Таким образом мы получим рыночные отношения не в зачаточной раннекапиталистической форме, а в самой высшей — социалистической. План и рынок будут объединены рационально, дополняя друг друга.

Каждый член нашего общества будет иметь равный доступ к благам, ограниченный лишь его трудовым вкладом: лучше работал — больше потребляешь. Но все это можно организовать только тогда, когда перестройка пойдет по инициативе снизу — добровольным, а не принудительным (пусть даже экономическими методами) способом.

Вот это и поставит надежный заслон рецидивам прошлого!»

Что ж, добавить нечего, замечу лишь, что при такой форме организации хозяйства отпадет необходимость иметь искусственные органы политической власти: все нужное обществу сложится в процессе производства. Но, раз перестройка пойдет снизу, должно быть реализовано на практике **одно самое главное условие: свобода слова.** Только в таких условиях возможно избежать манипуляций массовым сознанием и навязывания под прикрытием «плюрализма» антинародных лозунгов. Общество — не самоубийца, и если оно раскрепощено на деле, а не выборочно, то мы, граждане нашей великой страны, найдем способ спасти ее будущее. А так, в условиях ограниченной возможности доступа к средствам массовой информации, сплошь и рядом на наши головы обрушиваются фальсифицированные сведения, и мы еще больше запутываемся... А в мутной водице ловят рыбку с еще большим успехом те, кому любая сумятица на руку. Политическое и гражданское созревание нашего народа происходит фантастическими темпами: то, что было сказкой, утопией вчера, сегодня — уже реальность. Пора, пора, дорогие соотечественники, решительно взять на себя ответственность за судьбу Советской Родины! Я верю, пройдет время, и все темные пятна с ее лика будут смыты, и история наша предстанет во всем своем величии и трагизме.

Еще раз спасибо всем, приславшим письма.

Лариса МИРОНОВА

ИСКУССТВО

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ

САМЫЙ ЖЕСТОКИЙ РОМАНС ЭЛЬДАРА РЯЗАНОВА, ИЛИ ОТ КОГО СПАСАТЬ РОССИЮ?

«Дух перестройки» в фильмах «Забытая мелодия для флейты» и «Дорогая Елена Сергеевна»

У Эльдара Александровича Рязанова есть некий сценический образ — «народного» режиссера, знатока чаяний масс. Этот образ режиссер избрал себе сам еще в бытность ведущим «Кинопанорамы»: отеческий тон, легкость, развлекательность отобранного материала, доходчивость, на любой, как говорится, вкус и цвет. И после режиссер всегда оказывался там, где предполагалось (и полагалось) быть «народу»: сперва с Высоцким, теперь с Галичем и всегда — чуть-чуть в оппозиции, но никогда — обеими ногами.

Эльдар Александрович — человек исключительно обаятельный, к тому же обладающий гипнотическим даром: слушая его выступления, ощущаешь всю меру доверия, словно посвятили тебя в какую-то большую тайну, подняли до уровня сообщника. Это состояние можно передать загадочным: «Мы-то с вами все понимаем...» И что же такое мы понимаем? А понимаем мы, что настали новые времена. Когда все можно. Или почти все. И право первого слова в такие времена получает тот, кто больше всех настрадался от застоя, хлебнул лиха, отлежался на «полке».

И по всему выходит, что право на это первое слово по праву принадлежит опальному режиссеру Рязанову. О. Басилашвили в рубрике «Последнее впечатление» «Литературной газеты» (1988, № 5) так и сказал: «Забытая мелодия для флейты» — первый в нашем кинематографе фильм, где автор ярко и бесстрашно говорит о своем отношении к дню сегодняшнему». То, что «ярко», — судить не нам, памятуя о калашном ряде. Только вот берут сомнения по поводу «бесстрашия». В чем же, собственно, оно заключается? Если режиссер горячо поддерживает перестройку, которая, как известно, идет от самой партии, то для такого отношения в общем-то бесстрашие ни к чему. Если Рязанов относится к перестройке скептически, то и тогда все-таки, в эпоху гласности, «бесстрашие» — слово чересчур героическое.

Отношение режиссера к перестройке — мудрое, иначе — мягко-ироническое: бюрократы тоже люди, к тому же порой очень милые, у них такие аппетитные и красочные застолья и апартаменты (в фильме сцены «красивой жизни» на высоте!), так что давайте посмеемся и «реанимируем их своей любовью», как искренне написала читательница Н. Котляревская в том же номере «Литгазеты». Что ж, позиция вполне милосердная и гуманная, только при чем здесь бесстрашие? Или, может, бесстрашно клеймит режиссер управленческий аппарат, живописуя, вернее — кинописуя, мифический (надо понимать: типически обобщенный) госкомитет, загадочную «вертушку» с гербом и какого-то неправдоподобного «небожителя» из Совмина или ЦК, больше походящего на начальника овощной базы или директора рынка? Есть в фильме и черные «Чайки», переиначивающие под себя правила уличного движения, правда, все равно в нем больше Внешторга, чем партийной элиты, ну да ладно.

Все бесстрашие «перестроечной» темы сводится, таким образом, к «подноготной» глубине социально-критического анализа (как и в «Гараже»!) и многозначительным намекам. Но нам, простакам, и невдомек, что в этих намеках — вся соль, квинтэссенция, так сказать, программы «мы-то с вами понимаем...».

Если не тема «перестройки», то что же такого нового приберег для нас «народный» режиссер в своем «первом в нашем кинематографе фильме»? Критики дружно подсказали: тему «любви». По трезвому осмыслению выходит, правда, что темы как таковой вообще нет. Она исчерпала себя лет пятьсот тому назад в мировой литературе и лет шестьдесят — в самом кинематографе. Неужели в 1987 году могла найтись наивная душа, способная умилиться истории любви «батрачки и барина»?! Она — бедная, но гордая и чистая, он — прекрасный сказочный принц на новом «Москвиче», томящийся в узах Гименея рядом с нелюбимой женой из «высшего общества». Это уже не мелодраматично, а просто пошло.

Если у кого-то есть еще сомнения на этот счет, предлагаем ему провести небольшой эксперимент: необходимо всего лишь переставить местами жену и медсестру. Итак: горькая повседнев-

ность коммуналок, соленых огурцов, вареной картошки, мизерных зарплат, любящей, но глуповатой в своей защитной агрессивности жены додавливают неудавшегося флейтиста, а ныне бухгалтера Филимонова... И вдруг! О чудо! Прекрасная, умница, скромная, интеллигентная девушка. Луч света, так сказать. Филимонов бросается к ней и бросает жену-медсестру. Вновь образовавшаяся счастливая пара. И, о боги! Вот так повезло: новая молодая жена (уже после свадьбы) открывает свой главный козырь: «Мой папа — о-о-ох!» — и пальцем — высоко в небо, на самый Олимп. Поцелуй. Хэппи-энд!

Кажется, неплохой вышел сюжетец? По крайней мере, честнее и свежее предложенного «жестокого романса». Правда, тема «любви» в «Забытой мелодии» не исчерпывается линией межсословных симпатий. Есть в этом фильме и смелая — тут бы и употребить наше слово — «бесстрашная» сцена с обнаженной Догилевой в полный рост.

Народная игра требует быть до конца честным и объективным и уважать реальность. А она такова, что Рязанов, бесспорно, режиссер крупный, к тому же ищущий и очень ранимый. Не знаю, удалось ли доказать всю несостоятельность двух «главных» тем «Флейты», но основная мысль в другом — «перестройка» и «любовь» — линии хотя и неудавшиеся, однако сугубо «реверансные». Э. Рязанов снял фильм совсем о другом. Надо трезво смотреть на вещи: не мог такой режиссер ограничиться модной публицистикой и заезженной мелодрамой. В искусстве есть одна жестокая истина, которую сами люди искусства скрывают от «потребителей»: это внутренне присущая ему эгоистичность. То, что книги, картины и песни делаются в первую очередь для зрителя, слушателя и читателя — исторически сложившаяся иллюзия. В первую очередь искусство творится для себя и утверждения себя (для чего и нужен зритель).

«Забытая мелодия» — не исключение. Этот фильм — для «себя» еще в большей мере, чем все предыдущее творчество этого режиссера. Что же в «Мелодии» сокровенного, настоящего? Это — тема третья, а по сути, первая и единственная — тема смерти. Нельзя сказать, что зритель ее не заметил. Нет, он заметил, но как-то сразу отшатнулся, убежал от нее — на него дунуло ледяным, таинственным и зловещим метафизическим ветром, в равной мере непривычным и незнакомым. Читательница Н. Котляревская так и пишет: «Второй раз вместе с друзьями мы разобрались, кто же составляет печальную вереницу фигур «по ту сторону» — пожилые люди в обшарпанных судебных коридорах, жертвы Чернобыля, пассажиры с «Нахимова» и водолазы...» И все — несколько осторожных и испуганных строк. Между тем тема смерти и составляет ядро «Забытой мелодии». Именно здесь Рязанов потерпел сокрушительное поражение, в первую очередь как художник.

Обращение к смерти — закономерный этап в эволюции созидания творческой личности. О неслучайности этой темы для Рязанова говорит и то, что холодное дыхание ее отчетливо ощущалось в обоих стихотворениях, которыми режиссер завершил свой творческий вечер на телевидении. Однако поэзия и кино обладают далеко не равнозначной суммарной мощностью заряда. Проблема, затронутая в стихотворении и изображенная на экране, с различной силой поражает душу зрителя или читателя. Поэтический

«эксперимент» Рязанова прошел, киновариант разорвался и, что самое ужасное, ранил окружающих.

Столкновение со смертью для простого человека (да и для философа тоже) является самым суровым испытанием. Чувством ответственности за тему проникнуты «Восхождение» Шепитько, «Смерть Ивана Ильича» Кайдановского, «Ностальгия» Тарковского. Ответственность, такт и осторожность.

В «Забытой мелодии для флейты» тема повела режиссера, растворила его волю в своей стихии. И произошла катастрофа. Весь фильм неотступно приближается к сцене смерти Филимонова, которая разверзается неприкрытой и непонятной раной. В ней есть все: леденящий ветер, дикая тоска одиночества, отчаяние небытия, кровоточащая скорбь в глазах преждевременно ушедших и... ошеломляющая беспомощность главного героя и вместе с ним — режиссера.

Что получает зритель от щедрой «Мелодии»? Саднящий страх перед неразрешенной проблемой бытия, еще одно, псевдохудожественное подтверждение своей беспомощности перед тайной Смерти? Но главное — одиночество, у зрителя такое чувство, будто его завели в дремучий враждебный лес и бросили там на произвол судьбы. Так что же это: очередной выверт «гуманного» искусства, режиссерская установка на эпатаж или творческая безответственность? Нельзя решать проблемы в искусстве чуждыми ему средствами, нельзя прикрывать призывами к «жестокой правде жизни» (можно добавить — и смерти) свою художественную беспомощность.

Не так давно нечто подобное случилось в фильме Подниекса «Легко ли быть молодым?», который из-за своей антиэстетической установки перенял прозекторскую тональность и атмосферу морга у изображенного в нем же доморощенного молодого псевдорежиссера-экспериментатора. Ну так там все-таки кино документальное, а здесь самое что ни на есть художественное.

Вот такой «жестокий романс» получился у «народного» режиссера в «первом в нашем кинематографе фильме». Правда, как оказалось, перестройка и любовь — это «понарошку», приманка на откуп, для поддержания сложившегося сценического образа. Для широких масс, так сказать. Для себя и для «элиты» было припасено кое-что другое — «смертельное».

«Самый жестокий романс», исполненный на «Флейте», явился первым актом драмы и одновременно первым таймом «народной» игры. После первого последовал «второй в нашем кинематографе фильм» — «Дорогая Елена Сергеевна», — снятый по сценарию Л. Разумовской. С мягким юморком пожурив милых бюрократов во «Флейте», Эльдар Александрович Рязанов, видимо, осознал, что дело это неблагодарное, и тут же вспомнил знаменитое: «А судьи кто?!» В эпоху гласности и демократизации этот пылкий монолог-обличение было решено направить в обратную сторону: не на «фамусовых», а на «чацких». К чему ловить каких-то чиновников-бюрократов (по трезвому рассуждению — самих себя), когда вот они, виновники — молодые подонки и изверги, ату их, ребята!

«Елену Сергеевну» «народный» режиссер решил слепить по-простому, «по-нашему», чтобы все было понятно, никаких там двусмысленностей, экивоков и реверансов: вот это — хорошая, чистая, наивная, светлая, полная идеалов наследница «народников»,

а это — хитрые, коварные, бессердечные, опустошенные «чуждой» музыкой изуверы-«тинэйджеры».

Топорно оброненная в начале фильма фраза «В тот день, казалось, ничто не предвещало беды» даже самому тупоумному представителю зрительских масс позволяет догадаться, что вот «щас что-то будет». Такая доступность киноуловок призвана родить в сердцах широкой публики чувство горячей признательности за доверие и околоэстетическое удовольствие от сознания сопричастности. В фильме с любовью и бережностью переданы все «народные» (читайте — обывательские) антипатии: глухая неприязнь к загранице и к тем согражданам, которые там работают, подозрительность к газетчикам: «Сейчас печатают такое иногда...» (с угрозой и осуждением в голосе); высокомерная насмешка над всякими интеллигентскими словобреднями, навроде спора о Зле и о том, «чтобы был выбор» (за которым, кстати, стоят глубокие раздумья многих русских мыслителей, от Достоевского и Соловьева до Бердяева и С. Булгакова). Куда как проще в этом не разбираться, а вот так, взять и высмеять, смешать с грязью, вложив слова в уста молодого подонка.

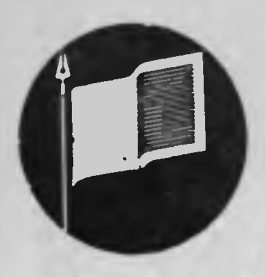
То, что четверо мучителей Елены Сергеевны — люди конченые, сомнения ни у кого не вызывает. Непонятно только, во имя чего понадобилось «народному» режиссеру сегодня проводить такое сокрушительное аутодафе над, по сути, «невинным поколением»? Но непонятно только на первый взгляд. Однако уже по ходу фильма становится ясно, что перед нами отчаянная попытка спасти реноме «поколения шестидесятых». Это их ценности и идеалы противопоставляются выродившимся «детям». Какие же это ценности? Во-первых, внутреннее моральное совершенство, понятое, однако, своеобразно. Я живу в мире тотальной лжи и террора, каждый день я обманываю своих учеников, я говорю им то, во что сам не верю (хотя и боюсь себе в этом признаться), но при всем этом я не подменю контрольную работу даже ради здоровья матери. Что ж, это — позиция. Нет ничего омерзительнее сцены с обыском, его осуждение и зрителем и режиссером однозначно. Да, поколение шестидесятых не приемлет обыска, то есть попрания прав личности со стороны другой личности, зато мирится с попранием прав всего общества, всего народа, с государственным произволом и государственным обыском. Такое мироощущение — не парадоксально, а глубоко трагично, в нем — вся беспомощность этого поколения, неспособность его сегодня же делать дело и как следствие — подмена дел словами, «заговаривание перестройки», страх перед днем сегодняшним и постоянное рефлектирование в прошлое. Поэтому-то сегодня брежневский фетиш «борьбы за мир» подменен милым сердцу шестидесятников фетишем «Сталина», а в магазинах как не было колбасы при сталинистах, так ее нет и сегодня, при детях хрущевской оттепели.

Вот она, тема, уважаемый Эльдар Александрович, вот он, акт гражданского мужества: осознать свое поколение той худшей частью нации, которая осталась после того, как в годы репрессий были уничтожены лучшие представители народа, а значит, лучшая ее часть, осознать себя и попытаться художественными средствами преодолеть трагизм болезненного рефлектирования, отыскать возможность для гражданского делания, а не говорения. Куда как проще заявить, что «жизнь — это подлость», и постыдно свалить всю вину на «детей» (последнее это дело!), при этом уж совсем по-стариковски воюя с ветряными мельницами рок-музыки. А дети, между прочим, как им и полагается, в который раз демонстрируют воспитанную вами в них по своему подобию социальную инфантильность и не живут, а играют: чего только стоит заключительная реплика: «Мы вам завтра все вымоем и на место поставим»! Так от кого же, Эльдар Александрович, «спасать Россию»? И кто же все-таки переступил ту самую заветную грань, за которой — пропасть и падение? А может, в нашей «народной» игре, которую мы затеяли, такой гранью стало как раз обвинение, брошенное своим детям? И если у Подниекса — откровенная конъюнктура и заигрывание, то как назвать урок Елены Сергеевны?..

* * *

Игра между тем продолжается: газеты сообщили, что Эльдар Рязанов работает над экранизацией «романа-анекдота» В. Войновича о приключениях «солдата Ивана Чонкина». Наконец-то наш любитель романсов нашел подходящий литературный материал и не станет больше расходовать силы в заранее обреченных на провал попытках справиться с А. Н. Островским и покушениях на «философскую» проблематику. Но не станет ли? Ведь Э. Рязанов в новом поиске. В «Огоньке» № 35 за 1989 год в статье «Прощай, Чонкин» Э. Рязанов сообщил, что работа над фильмом прекращена, поскольку В. Войнович в свое время продал права на экранизацию романа английской фирме «Портобелло продакшн».

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Станислав КУНЯЕВ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ТОТАЛИТАРНОЕ

Тоталитарное мышление — главная болезнь двадцатого века — имеет разные политические, социальные, культурные, правовые и прочие формы, которые объединены одним принципом: «До основанья!» До основанья переделать человеческую природу, до основанья перестроить хозяйственную жизнь, до основанья перестроить культуру, до основанья выкорчевать все корни, все традиции, все обычаи, доселе рожденные и выработанные человечеством. До основанья перетрясти систему религиозных взглядов, политических систем, человеческого быта, землеустройства...

И то, что несколько десятилетий назад нам казалось справедливым, естественным и необходимым, сейчас вдруг оказывается катастрофическим, тупиковым, кажется чуть ли не болезнью или агрессивным помрачением, охватившим группы людей, классы (а порой и целые народы) в недалеком прошлом. А ведь какие грандиозные планы строились еще совсем недавно и сколько яростного энтузиазма они вызывали. А сегодня мы — да и не только мы, а, пожалуй, все человечество с недоумением глядит с нашей подачи в

прошлое и недобрым словом поминает отцов и патриархов тоталитарного мышления.

Вот что писал один из них несколько десятилетий тому назад: «Нынешнее расположение гор и рек, полей и лугов, степей, лесов и морских берегов никак нельзя назвать окончательным.

Кое-какие изменения, и немалые, в картину природы человек уже внес; но это лишь ученические опыты в сравнении с тем, что будет.

Если вера только обещала двигать горами, то техника, которая ничего не берет «на веру», действительно способна срывать и перемещать горы. До сих пор это делалось и в целях промышленных (шахты) или транспортных (туннели), в будущем это будет делаться в несравненно более широком масштабе по соображениям общего производственно-художественного плана. Человек займется перерегистрацией гор и рек и вообще будет серьезно, и не раз, исправлять природу... Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всем ее объеме, с тетеревами и осетрами, через машину изменит направление рек и создаст правила для океанов.

Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший хомо сапиенс, снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки».

Это написано Львом Троцким-Бронштейном и напечатано в его статье «Искусство революции и социалистическое искусство» («Правда», 29 сентября 1923 года).

Конечно, уж чем-чем, а тетеревами командовать научились!

Много я читал сочинений самых известных идеологов тоталитаризма XX века, но такой всеобъемлющей и всеразрушительной идеологической программы (поневоле вспоминается роман «Мы» Е. Замятина!) не встречается ни у кого из них. Параноиком был Гитлер, сегодня называют параноиком Сталина, но то, что настоящим параноиком тоталитаризма был Троцкий — для всех здравомыслящих вне сомнений. В этих его рассуждениях сконцентрировано все, на что сегодня мы смотрим с ужасом: господство технократии, поворот северных рек, преступления Минводхоза, дегуманизация промышленности, отчуждение человека от земли и от самого себя, расистские концепции «выведения» новой человеческой породы. А если еще вспомнить, что Троцкий был главным идеологом создания лагерной системы подневольного труда, то придется признать, что, прокляв в тридцатых годах имя Троцкого, мы не отвергли его дело — мы жили и развивались, в известной мере, по планам, предначертанным его демонической рукой. И сегодня мы изживаем это наследство, отказываемся от него, порой даже не понимая, кто является одним из главных идеологов разрушения жизни на нашей земле в XX веке. Идеология тоталитаризма... Чем быстрее мы стряхнем с себя ее лохмотья, тем быстрее вернем человека к самому себе. К естественному, природному, включенному в цепь поколений... Тем успешнее будет наша борьба с новыми тоталитарными веяниями сегодняшнего дня: с массовой античеловеческой культурой, с тотальным атеизмом, с концентрацией тотальной власти, которая разработана в трудах всех великих инквизиторов человеческой истории.

Вот такие размышления и породили мои «Дневники эпохи перестройки»...

I. «ЕГО НАЗЫВАЛИ ЧЕСТЬЮ И СОВЕСТЬЮ ПАРТИИ...»

В 1988 году, на четвертом году перестройки, в издательстве «Политическая литература» вышла книга воспоминаний, очерков и статей более чем полусотни авторов об одном из виднейших идеологов 20—30-х годов — Емельяне Ярославском. Ярославский был крупной фигурой ленинско-сталинской эпохи: секретарь ЦК РКП(б), академик, главный редактор журнала «Историк-марксист», создатель газеты и журнала «Безбожник», бессменный член ЦК и участник всех съездов партии, председатель Союза воинствующих безбожников, один из главнейших идеологов «Правды». Среди мемуаристов профессиональные революционеры (А. Луначарский, Д. Мануильский, А. Лозовский), журналисты (М. Мержанов, Д. Заславский, С. Гершберг), историки (И. Минц, П. Поспелов, М. Шейнман), писатели (М. Шагинян, И. Гуро, Л. Сейфуллина), близкие Е. Ярославского — его родной брат Моисей Губельман и дочь Марианна Ярославская.

Это книга-панегирик: «Его называли честью и совестью партии»; «Говорить о Ярославском как об историке — значит говорить о нем прежде всего как об историке партии»; «Человек энциклопедической образованности»; «Более 20 лет вся партия, все учебные заведения страны и сеть партийного просвещения изучали историю нашей партии по учебникам Е. М. Ярославского»; «Он был биографом Ленина»; и т. д. и т. п. ...Читаешь — и диву даешься.

Впечатление такое, будто книга издана не в 1988-м, а в 1938 году, ибо — ни в воспоминаниях, ни во вступительной статье, ни в комментариях — нигде не сказано, что Е. Ярославский был идеологом того же типа, что и Бухарин, Жданов, Мехлис, что, будучи одним из главных идеологов эпохи, он от начала до конца дней своих проповедовал и внедрял в жизнь идеи тоталитаризма и бездуховности, что он написал не только биографию Ленина (о чем сказано), но и лакейскую и апологетическую биографию Сталина (о чем умолчано). Что «Краткий курс истории ВКП(б)» — в большой степени творение рук этого «академика», который настолько ненавидел все русское прошлое, что позволял себе в своих выступлениях такие саркастические тирады: «Недавно было 35-летие московской парторганизации. С чего бы, вы думали, началась музыкальная часть? Со «Слова о полку Игореве».

Но это — цветочки. Лишь в последнее время стало возможным сказать, что возглавляемый Ярославским Союз воинствующих безбожников, сыгравший решающую роль в разрушении десятков тысяч церквей, более чем тысячи монастырей, уничтожении древних рукописей и бесценных икон, в политических процессах и преследованиях церковных деятелей, начиная от высших иерархов церкви и кончая самым скромным деревенским священником, в надругательствах над религией и верующими выращивал людей с искаженным антинациональным, агрессивным мировоззрением, людей, которые воспитывались в презрении к истории родной страны и родной культуры. Для того чтобы эти разрушительные агрессивные силы в несформировавшихся душах созревали как можно раньше, по инициативе Емельяна Ярославского возрастной ценз для вступления в Союз безбожников был снижен в 1925 году с 18 до 14 лет... Доступ к легальному и соблазнительному разрушению «старой культуры» и «очагов опиума народа» был открыт для четырнадцатилетних — находящихся физиологически в самом агрессивном состоянии переломного возраста — хунвейбинов, чья возрастная разрушительная энергия была помножена на идеологические установки. В христианской религии и православной церкви Ярославский видел врага, который должен быть уничтожен. «У нас нет ни партии кадетов, ни партии меньшевиков, открыто действующих, но у нас есть партия мракобесов, объединенных в религиозные организации», — писал он в 1935 году.

Из анахронической, как бы вытащенной из запасников 30-х годов книги воспоминаний совершенно непонятно, как же это «первый ленинец» превратился в «верного сталинца», как «истинный интеллигент», «талантливый художник и примерный семьянин» (как писала недавно «Комсомольская правда»), «человек энциклопедической образованности» стал фанатичным разрушителем отечественной культуры. Обо всем этом в книге ни слова.

В 1920 году выдающийся ученый А. В. Чаянов издал книгу «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Но вышла только первая часть «утопии», вторая была «зарезана» цензурой после внутреннего отзыва Е. Ярославского, который писал: «Крестьянская реакционная утопия с возвращением к индивидуальному хозяйству, к славянофильству, к коалициям печатается на великолепной бумаге в 1920 году в гос. издательстве в то время, как у нас не хватает букварей для ликвидации неграмотности, когда мы сокращаем тираж газет и печатаем их на оберточной бумаге» (карт, архив ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 45, л. 11). Вот так Е. Ярославский решил судьбу книги Чаянова и сэкономил бумагу для бесчисленных изданий своих антикультурных, вульгарно-социологических брошюр и для журнала и газеты «Безбожник», которые были бесславно ликвидированы перед войной, поскольку обстановка потребовала не оплевывания, а возрождения чувства русского патриотизма. «Кулацким манифестом» назвал Ярославский книгу Чаянова в «Правде» от 25 января 1921 года.

Очень выразительно характеризует человеческий облик Е. Ярославского эпизод из мемуаров «Крутой маршрут», принадлежащих перу Е. Гинзбург, партийной журналистки 30-х годов, узницы сталинских лагерей. Книга вышла в 70-х годах на Западе и недавно была опубликована в нашей периодике.

«Поехала я к Емельяну Ярославскому, который обвинил меня в том, что я «не разоблачила» неправильность статьи Эльвова, и который сам эту статью поместил в редактированной им, Ярославским, четырехтомной «Истории ВКП(б)». Было от чего взяться за голову!» «Я никогда не думала, что Ярославский, которого называли партийной совестью, может строить такие лживые силлогизмы. Из его уст я впервые услышала ставшую популярной в 1937 году теорию о том, что «объективное и субъективное — это по сути одно и то же». Совершил ли ты преступление или своей ненаблюдательностью, отсутствием бдительности «лил воду на мельницу» преступника, ты все равно виноват... Теперь Яро-

славский предъявил мне обвинение в «пособничестве врагам народа». Сдержанность оставила меня. Я закричала на этого почтенного старика, затопала на него ногами. Я была способна броситься на него с кулаками, если бы между нами не сверкал полировкой письменный стол... Тут он снова накинул на лицо привычную маску ханжеской суровости и квакерской прямолинейности. Потом сказал с почти натуральной дрожью в голосе:

— Никто лучше меня не осознает моих ошибок. Да, я человек, не мыслимый вне партии, виноват в этом перед партией.

У меня уже висел на кончике языка новый безумный по дерзости вопрос:

— Почему же ваша ошибка искупается только ее осознанием, а я почему должна расплачиваться кровью, жизнью, детьми?»

Мы клеймили Жданова за постановления, ломавшие творческие судьбы Ахматовой, Шостаковича, Зощенко... Но прошло время, их творчество в полной мере возвращено в культуру. То, что уничтожено идеологами типа Ярославского — сожженное, взорванное, сметенное с лица земли, — невозвратимо. Ждановщина — детский лепет по сравнению с такого рода масштабами. Но почему же вопреки воле истории и здравому смыслу сегодня издаются такие, наводящие тень на плетень книги? Может быть, потому, что заслуги Е. Ярославского и разрушительной борьбе с русской культурой, со «старой Россией», с «русским патриотизмом» настолько велики, что деятелям подобного типа их нынешними идейными внуками прощается все — даже самое страшное по нынешним временам: грех сталинизма?

А у меня к Емельяну Ярославскому есть, кроме гражданского, и личный счет.

В 1907 году молодой врач Николай Аркадьевич с женой Натальей Алексеевной — тоже врачом — прибыли в глухие места Арзамасского уезда — в земскую больницу. Несколько лет они лечили русских и мордовских крестьян, расширяли больницу в селе Рогожка, добирались до самых забытых богом и людьми уголков лесного края, борясь с трахомой, туберкулезом, холерой.

Это были мои дед с бабкой. Когда через шесть лет их перевели в Нижний Новгород, крестьяне плакали, расставаясь с молодыми врачами.

В Нижнем Новгороде дед, когда началась война 1914 года, построил на пожертвования купцов больницу Красного Креста, основал кафедру хирургии при медицинском институте, стал профессором и председателем суда чести нижегородских врачей.

В революцию и гражданскую войну дед с бабкой переоборудовали больницу под лазарет для красноармейцев и вплоть до 20-го года боролись с эпидемиями сыпного тифа, пока не заразились сами... Их хоронили торжественно — с военным оркестром, с речами, с делегацией красноармейцев, с некрологами в революционных газетах Нижнего Новгорода, на почетном кладбище знаменитого Печерского монастыря, стоящего на волжском откосе. Больницу Красного Креста назвали больницей имени доктора Николая Аркадьевича Куняева. (Мемориальная доска в честь деда, установленная в 1985 году, висит на фасаде больницы.) Но наступил роковой 30-й год. Имя основателя больницы было снято с ее фасада. Волна антирелигиозного вандализма, непрерывно питаемая разрушительной волей Емельяна Ярославского, докатилась до стен древнерусского монастыря. Он был закрыт, разграблен, монастырское кладбище снесено... Сейчас там мебельная фабрика. На месте кладбища спортивный городок, волейбольная площадка. Где-то на ее территории покоится поруганный прах деда и бабки, замечательных граждан России и Нижнего Новгорода. Могила другого моего деда по материнской линии, крестьянина, а потом сапожника, также была уничтожена, когда рушили под Калугой церковь Георгия на Поляне, а заодно и церковное кладбище.

Злая воля атеиста и русофоба лишила меня дорогих могил моих предков. Да только ли меня? Десятков, сотен тысяч, а может быть, и миллионов русских людей! Потому мы имеем полное право требовать, чтобы урна с прахом этого фанатика была изъята из священной Кремлевской стены, чтобы ему, чья деятельность уничтожила столько материальных и духовных свидетельств нашей исторической памяти, столько могил наших предков, судьба отплатила той же монетой: пусть не останется на нашей земле никаких улиц, никакой надгробной или мемориальной плиты с его именем. Он был идеологом беспамятства — да будет ему закономерным уделом забвение.

II. О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ И БОЛЬШОМ ТЕРРОРЕ

Одиннадцатого сентября 1988 года журналист Лев Безыменский на вопрос «Комсомольской правды»: «Какие события этой недели Вас огорчили?» — заявил: «Я глубоко потрясен — не расстроен, а потрясен — тем, что в Москве пришлось запретить митинг по поводу 70-летия красного террора. Потрясен, конечно, не запретом, а тем, что есть в нашем обществе люди, которым пришло в голову митинговать в дни 70-летия покушения на В. И. Ленина и убийства М. С. Урицкого, но не против этих кровавых актов контрреволюции, а в защиту их организаторов...»

Л. Безыменский здесь, как говорится, «наводит тень на плетень», ибо митинги были не в защиту террористов Фани Каплан или Леонида Канегиссера (как известно, расстрелянных без суда и следствия), а в память так же без суда и следствия уничтоженных Петроградской ЧК так называемых «заложников»: на следующий день после покушения на Урицкого было «пущено в расход», для острастки, 920 человек (по принципу классовой принадлежности — бывших дворян, чиновников, офицеров, членов их семей), а вскоре общее число жертв красного террора дошло до 10 тысяч. ЧК не щадила ни женщин, ни стариков. Списки расстрелянных вывешивались осенью 1918 года на доме № 2 по улице Гороховой.

«Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, — пишет в своих «Воспоминаниях» вдова поэта Н. Я. Мандельштам, — и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили «гекатомбой трупов».

Итак, Л. Безыменский поднял вопрос: как сейчас относиться к красному террору? Его личное отношение меня не удивляет: в данном случае я вспоминаю народную мудрость — «яблочко от яблони...»

Отец нашего журналиста, поэт Александр Безыменский, был вдохновенным апологетом террора во все времена. Он воспевал

в стихах и речах террор гражданской войны, славил кровавое
раскулачивание, а в 1937 году заявлял: «Я одобряю приговор
страны, но я жалею о том, что привести этот приговор в испол-
нение поручено не мне» (*«Л. Г.»* 1.2.1937 г.). Он же спровоциро-
вал появление письма в «Правде», решившего участь Павла Ва-
сильева, он же охотно откликался в рифму на приговоры три-
дцать седьмого года. Словом, гены или воспитание — я вновь
возвращаюсь к Л. Безыменскому — сделали свое дело. Не пере-
велись еще у нас защитники революционного террора. Впрочем,
все это пустяки, ибо сейчас, когда мы вроде бы строим правовое
государство, неизбежно историкам и юристам придется ответить
на нелегкий вопрос: что такое «революционная законность»? Име-
ет ли она связь с репрессиями тридцатых годов? Где, когда и в
какое время изменилось содержание понятия и изменилось ли?
Почему геноцид по отношению к донскому и кубанскому каза-
честву, расправа с тамбовскими восставшими крестьянами, же-
стокое раскулачивание, расстрел многих тысяч заложников в
августе 1918 года, в июле того же года расстрел безо всякого
суда царя, царицы, их детей, в том числе и несовершеннолет-
него наследника и ни в чем не повинных слуг, почему эти ак-
ции, как и многие другие, называются «революционной закон-
ностью», но не «государственным терроризмом», а расстрел Туха-
чевского, Якира, Каменева, Бухарина, Ягоды и многих других
«государственных террористов» времен гражданской войны —
«сталинскими репрессиями»?

Я думаю, что, пока мы не установим природу и взаимосвязь
этих явлений, мы так и не сможем объяснить, почему Горький и
Короленко, Бердяев и Волошин, Плеханов и Шаляпин — в 1917—
1920 годах осудили все гримасы красного террора с не меньшим
отвращением и гневом, чем мы сегодня осуждаем кровопролития
сталинской эпохи. Эти русские интеллигенты в отличие от обоих
Безыменских были потрясены репрессиями тех лет. Анатолий
Рыбаков, как бы вторя Л. Безыменскому, пишет в «Москов-
ских новостях»: «Неприемлемы, на мой взгляд, предложения
превратить «мемориал памяти жертв сталинских репрессий» в
мемориал памяти жертв репрессий вообще...» Но почему «вооб-
ще»? Разговор идет весьма конкретный о последних семидесяти
годах нашей истории. Но я понимаю, в чем тут дело: «дети Ар-
бата» хотят зафиксировать для будущего лишь один выгодный
только им исторический миг — миг мученической гибели своих
отцов, и боятся того, что взгляд современника разглядит, как
двумя десятилетиями раньше их отцы вершили не менее страш-
ные преступления, облекая их в формулу «революционной за-
конности». Да... На таких двух опорных плитах мемориал, види-
мо, не устоит, памятник рухнет, потому-то Рыбаков невольно и
выдает свои истинные чувства, говоря: «Каждый волен иметь
свои взгляды, и я вправе их иметь. Я защищаю идею «Мемо-
риала» в том виде. в каком она сформировалась в сознании па-
родном». Смело сказано. Но письма Короленко Луначарскому о
произволе ЧК, «Несвоевременные мысли» Горького об уничто-
жении сразу после революции старой интеллигенции, публици-
стика 1921 года Соколова-Микитова, соловецкие мемуары Ива-
нова-Разумника и многих других узников, «Воспоминания»
Н. Я. Мандельштам и т. д. — всего не перечесть! — это ведь
тоже «сознание народа», но сформировавшееся не в эпоху пере-

стройки, а 70 лет тому назад и дождавшееся наконец-то своего часа.

«Разница чрезвычаек, — писал В. Короленко А. Луначарско-му, — и прежних жандармских управлений. Последние не имели права расстреливать — ваши чрезвычайки имеют это право и пользуются им с ужасающей свободой и легкостью» («Новый мир», 1988, № 10). Каждый месяц перестройки радует и ужасает нас публикациями все новых документов, доказывающих органическую связь «революционной законности» и «большого террора». Последние публикации на эту тему — история жизни и смерти одного из героев гражданской войны, Филиппа Кузьмича Миронова, обнародование директивы Я. Свердлова «Об отношении к казачеству», которую нельзя охарактеризовать иначе, как инструкцию к геноциду, публикация приказов члена Реввоенсовета 8-й армии Ионы Якира («Москва», № 2), бывшего студента Базельского университета, сына кишиневского фармацевта, «с лицом красавицы еврейской», как писал о нем в стихах Борис Слуцкий. Приказ гласил: «Предатели-донцы еще раз обнаружили в себе вековых врагов трудового народа... Всем частям, действующим против восставших, приказывается пройти огнем и мечом местность, объятую мятежом...» А мятеж, как убедительно доказывают документы тех лет, был сознательно спровоцирован директивой Свердлова, политикой Троцкого, действиями того же Якира. Уничтожались не только восставшие казаки, но и их семьи — женщины, дети, старики. А то, что сами «донцы» — это и есть «трудовой народ», вчерашний швейцарский студент не признавал и чеканил в приказах: «расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения».

И. Якир был осужден и расстрелян в 1937 году как шпион многих империалистических держав. Несправедливый приговор! Было бы более справедливым судить его гораздо раньше — за фашистские (хотя такого слова в те годы еще не существовало) приказы во время гражданской войны, за геноцид на Дону, за гибель тысяч невинных людей. Расстрелы заложников, расстрелы пленных, сдавшихся при условии сохранения жизни, стали в гражданскую войну обычным делом. Пятаков, Бела Кун, чекист Кедров, Землячка, да многие прославились на этом поприще. Вроде бы все ясно как божий день, однако вновь и вновь находятся и в наше время адвокаты красного террора. Писатель Анатолий Макаров выступил в газете «Советская культура» со статьей «Что мне крепостное право?», где оправдывал этот геноцид, уничтожение мирного населения, процентное уничтожение мужчин все теми же аргументами: «Казаки в течение многих лет были самой верной, привилегированной силой самодержавия», разгоняли демонстрации, размахивали нагайками.

Писатель-эмигрант Роман Гуль, автор знаменитого «Ледяного похода», в своих мемуарах так рассказывает о событиях в Крыму, куда были посланы Троцким Бела Кун и Розалия Самойловна Землячка (урожденная Залкинд):

«Перед отъездом в Крым Бела Кун цинически заявил: «Товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым, пока там останется хоть один белогвардеец... В Крыму верховный руководитель террора и его напарница Землячка расстреляли более 100 тысяч (!) бывших военнослужащих (белых), которым сначала бы-

ла «дарована амнистия». Для процедуры расстрела составлялись списки, но они были недостаточны, и Бела Кун приказал всем бывшим военнослужащим под угрозой расстрела зарегистрироваться для «трудовой повинности». И вот по этим-то спискам Бела Кун с Землячкой и повели массовые расстрелы»...

В те дни Максимилиан Волошин познакомился с диктатором Крыма, о чем написал в письме берлинскому эмигрантскому издателю А. Ященко. Поэт писал о том, что Бела Кун не раз показывал ему списки приговоренных к расстрелу и, демонстрируя свое всемогущество, разрешал вычеркивать одно имя из каждого десятка. Каждый раз свидание поэта и палача заканчивалось тем, что Волошин молился за убиваемых и убивающих, а Бела Кун присутствовал при молитвах.

Однажды Волошин нашел в списках и свое имя — тогда Бела Кун со смехом вычеркнул его из страшного документа.

Впоследствии в стихотворении М. Волошина «Дом поэта» недаром появились строки о «красном вожде», бывавшем в его доме. О том, что все происходило именно так, как рассказывает Роман Гуль, подтверждают «Стихи о терроре» М. Волошина, повесть В. Катаева «Уже написан «Вертер», роман В. Вересаева «В тупике», рассказывающий, как молодое белое офицерство — вчерашнее студенчество, не желавшее эмигрировать, — с облегчением встретило весть об амнистии. Но, как пишет В. Вересаев в записи обсуждения романа в 1923 году высшим руководством страны, «вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию, и объявлялось, те, кто на регистрацию не явится, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленнейшая кровавая бойня. Всех являвшихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов». Когда Вересаев во время обсуждения своего романа на квартире у Каменева спросил Дзержинского «для чего все это сделано?», Дзержинский ответил: «Мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями».

...С тех пор прошло семьдесят лет. Все тайное стало явным. Все забытое — вспоминается. Но зачем тогда опытному историку Рою Медведеву утверждать: «Если в первые пятнадцать лет Советского государства основной упор в местах заключения делался на перевоспитание, то теперь на физическое уничтожение»? В годы красного террора даже до заключения, как правило, дело не доходило, все начиналось и кончалось физическим уничтожением. Именно в те времена, в начале 20-х годов, Анна Ахматова написала лишь недавно обнаруженное четверостишие:

Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам,
Здесь праведных пытают по ночам
И голодом неукротимых морят.

После политической реабилитации Н. И. Бухарина сразу же разгорелись споры о его взглядах и убеждениях. Все чаще и чаще в прессе стала звучать мысль, будто бы он был демократом, гуманистом, «блестящим человеком» (Б. Сарнов), что лишь он и только он мог бы возглавить ход истории, альтернативный сталинизму. В. Амлинский в очерке, посвященном Бухарину,

вспоминает слова последнего о том, что «совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике», «Лит. газета» печатает письмо читателя о том, что «Бухарин и его единомышленники — это, может быть, последняя попытка отстоять демократические начала».

Но, на мой взгляд, все подобные высказывания или своеобразная антиисторическая аберрация зрения, или нежелание знать полную правду из чисто кастовых соображений.

Не мог политический деятель высшего ранга, при котором лились реки крови и буйствовал красный террор вкупе с революционной законностью, быть гуманистом. А если он был «антисталинистом», то одновременно был и человеком тоталитарного мышления. Отношение к народу как к сырью для осуществления своих планов — главная черта тоталитаризма. Этой болезнью болели все главные претенденты на роль вождя в послеленинскую эпоху — и Сталин, и Троцкий, и Каменев, и Бухарин, и Киров, и Зиновьев, и Пятаков. Так что если и была альтернатива сталинизму, то альтернативы тоталитаризму не было.

Что стоят размышления Бухарина о том, что мы могли бы не пойти на Брестский мир и пожертвовать несколькими десятками тысяч «питерских рабочих» ради мировой революции (1918 г.), или о том, что ради создания нового общества можно пойти на все, «начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью» («Экономика переходного периода», 1920 г.). Читая бухаринские статьи о Есенине, о «нации Обломовых», об антисемитизме, его вульгарные характеристики академика Павлова, Бунина, Тютчева — видишь невооруженным глазом нигилистическое неприятие русской истории, русской культуры, русского национального характера и фанатическую веру в необходимость насилия для его переделки. (Недаром нынешняя русофобская кампания в прессе так тесно связана с возвеличиванием Бухарина.) Даже в своем письме-завещании будущему ЦК, опубликованному со слов вдовы Бухарина в «Огоньке» (1988, № 17), находясь на волоске от гибели, развенчанный лидер «альтернативы» говорит, что вот «уже седьмой год у меня нет и тени разногласий с партией».

И это после разорения крестьянства, после миллионов умерших голодной смертью в 1930—1933 годах, после процессов Промпартии, после расстрелов Каменева, Зиновьева, Тухачевского и т. д.! «Нет и тени разногласий»... Не зря вдова Мандельштама, с благодарностью относясь лично к Бухарину за длительное покровительство поэту, все-таки считает важным сказать в мемуарах, что меценат был всегда «принципиальный сторонник революционного террора».

Сейчас, подводя итоги 20—30-х годов, одно из преступлений против русского народа мы называем словом «раскрестьянивание».

Но кто же являлся автором этого зловещего термина?

В 1925 году была принята резолюция ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы». А годом раньше собрались на совещание главные идеологи эпохи (Воронский, Раскольников, Бухарин, Авербах, Радек, Троцкий, Луначарский, Безыменский, Д. Бедный и др.), чтобы подискутировать и выработать вышеупомянутую резолюцию. Н. И. Бухарин на этом совещании произнес речь, в которой изложил такую программу по отношению к крестьянству: «Мы должны вести такую политику,

чтобы постепенно, с такой постепенностью, с какой мы ведем крестьянство, учитывая весь его вес и его особенности, вести его по линии раскрестьянивании точно так же и в области художественной литературы, как и во всех идеологических областях». Так что не будем делать из Бухарина крестьянского заступника, чем занимаются сегодня многие органы массовой информации. Не случайно, что именно Бухарину, своему единомышленнику по отношению к русскому крестьянству как к реакционной силе, М. Горький в 1925 году шлет письмо-совет или даже письмо-инструкцию со следующим предложением:

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть теперь же.

Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима».

Жаль, что это письмо опубликовано лишь сегодня («Известия» ЦК КПСС, 1989, № 1), иначе давно стало бы ясно, что Бухарин в «Злых заметках» с вдохновением выполнил пожелания Горького.

Весьма любопытно то, что «нещадную критику» крестьянской литературы Горький считает по плечу лишь двум идеологам — Троцкому и Бухарину, признавая их настоящими «мужикоборцами». Понятно, почему при таких убеждениях десятилетие спустя М. Горький не заступился ни за Клюева, ни за Клычкова, ни за Платонова, ни за Павла Васильева.

Заканчивая разговор о Бухарине, вспомню лишь один эпизод из его жизни, изложенный вдовой в ее мемуарах, недавно опубликованных «Знаменем». В 1936 году Бухарин вместе с Лариной ездил в Париж, чтобы выкупить у немецких социал-демократов архив Маркса-Энгельса. В сделке в качестве посредника принимал участие меньшевик-эмигрант Николаевский, с которым у Бухарина случались любопытные диалоги:

— Ну, как там жизнь у вас в Союзе?

— Жизнь прекрасна, — ответил Николай Иванович. <...>

— А как же коллективизация, как же коллективизация, Николай Иванович? — спросил он (Николаевский. — Ст. К.)

— Коллективизация — уже пройденный этап, тяжелый этап, но пройденный. Разногласия изжиты временем. Бессмысленно спорить о том, из какого материала делать ножки для стола, когда стол уже сделан. У нас пишут, что я выступал против коллективизации, но это прием, которым пользуются дешевые пропагандисты. Я предполагал иной путь, более сложный, не такой стремительный, который тоже привел бы в конечном счете к производственной кооперации, путь, не связанный с такими жертвами, обеспечивающий добровольность коллективизации. Но теперь, перед лицом наступающего фашизма, я могу сказать: «Сталин победил».

О народе, о крестьянстве, о людских жизнях «любимец партии», если верить вдове, говорит с холодным профессионализмом политика, исповедующего принцип: «Лес рубят — щепки летят!». Так что все нынешние разговоры об «антисталинизме», или «гуманизме», или «интеллигентности» Бухарина можно считать новейшим мифом кастового происхождения. Нигилистическое отношение к народу, его истории, культуре, религии, фанатическая уверенность в правоте своих теорий, гипертрофированное представление о своей роли в истории, нетерпимость, перетекающая в юридическую легализацию террора и насилия, — вот главные признаки тоталитарного мышления. Сегодня, когда на нас обрушилась лавина разоблачений, документов, мемуаров, мы, к сожалению, часто забываем, что борьба тоталитарной воли с народом началась гораздо раньше, ибо эта воля возникла задолго до сталинизма и даже до революции. Сталинизм ее чудовищное, но законное дитя. Я убеждаюсь в этом, когда читаю книги о лагерях и репрессиях двадцатых годов — «Тюрьмы и ссылки» Р. Иванова-Разумника, познавшего вкус лагерной похлебки уже в начале двадцатых годов, «Негасимая лампада» Б. Ширяева — одного из первых узников Соловецких лагерей, «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам, «Погружение во тьму» О. В. Волкова.

Все они, к сожалению, изданы на Западе. У нас есть — и немало — книги и мемуары о сталинских лагерях, но о терроре 20-х годов и системе борьбы с инакомыслием, о лагерях тех лет книг почти не существует. Люди, которые могли их написать, либо погибли, не дожив до XX съезда, либо всяческими путями — до войны, во время войны — ушли на Запад, где и издали немногие, но страшные свидетельства «досталинских репрессий». И как это ни странно, даже сейчас мы воспринимаем их свидетельства как нечто не то чтобы враждебное, но крайне нежелательное: хватит, мол, с нас сталинизма, нам бы с ним разобраться, а вы нас еще дальше куда-то тащите! И однако без этого знания происхождения сталинизма мы не объясним.

Вот что писала честная свидетельница времени Н. Я. Мандельштам в шестидесятых годах:

«Сейчас многие хотели бы соединить двадцатые годы с сегодняшним днем и восстановить добровольное единство, которое создавалось в те дни. Люди, уцелевшие от двадцатых годов, ходят сейчас среди новых поколений и всеми силами стараются им внушить, что тогда был пережит неслыханный расцвет — наука, литература, театр! — и если бы все шло намеченным тогда путем, мы бы уже взобрались на самые вершины жизни. Остатки Лефа, сотрудники Таирова, Мейерхольда и Вахтангова, студенты и преподаватели ВИФЛИ и Зубовского института, профессора, выпущенные Институтом красной профессуры, марксисты и отовсюду изгнанные формалисты, все, чье тридцатилетие выпало на двадцатые годы, еще и сейчас призывают вернуться в ту эпоху и снова, уже «не допуская никаких искажений», пойти открывшейся им оттуда дорогой. Иначе говоря, они не признавали себя ответственными за то, что произошло после. Но так ли это? Ведь именно люди двадцатых годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят — щепки летят... Каждая казнь оправдывалась тем, что строят новый мир, где не будет больше насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного «нового». Никто не заметил, как цель стала оправдывать средства, а потом, как полагается в таких случаях, постепенно растаяла. И именно люди двадцатых годов начали аккуратно отделять овец от козлищ, своих от чужих, сторонников «нового» от

тех, кто еще не забыл самых примитивных правил общежития... Двадцатые годы — это период, когда были сделаны все заготовки для нашего будущего: казуистическая диалектика, развенчивание ценностей, воля к единомыслию и подчинению. Самые сильные из развенчивателей сложили головы, но до этого они успели взрыхлить почву для будущего».

Федор Раскольников был наряду с Бухариным одним из таких «самых сильных». Когда я читаю его гневную филиппику, брошенную из-за границы в лицо всесильному диктатору: «А где герои Октябрьской революции? Где Антонов-Овсеенко? Где Дыбенко? Вы арестовали их, Сталин! Вы растоптали и загадили души ваших соратников. Вы заставили идущих с Вами с мукой и отвращением шагать по лужам крови вчерашних товарищей и друзей... Где маршал Блюхер? Где маршал Егоров? Вы арестовали их, Сталин!» — то думаю, что в этом крике сказалось многое: и отчаянная истерическая смелость Раскольникова, и его политическая наивность, и даже, может быть, невольная демагогия человека, внезапно осознавшего крушение своей жизни. «Несправедливо! Не может быть! Не хочу!»...

Но Раскольников, конечно же, должен был знать, что под приговором Тухачевскому, Якиру, Корку, Путне стояли подписи Крыленко, Блюхера, которые в следующую волну репрессий из палачей превратились в жертв. Люди, шагающие «по лужам крови вчерашних товарищей» по логике исторического возмездия, видимо, прошли неизбежный путь. Нельзя в течение многих лет проливать моря́ крови на гражданской войне, жить в атмосфере и практике расстрелов и репрессий, раздувать с юных лет пожар классовой беспощадной борьбы, пламя которой в конце концов рано или поздно подбирается ко всем этажам полицейско-бюрократическо-партийной машины, и наивно полагать, что в этом кроваво-огненном хаосе можно не обжечься и не запачкаться кровью. Колесо истории вращалось неотвратимо.

Бела Кун, Тухачевский, Якир, видимо, думали, что они сумели обесценить жизнь своих врагов, но они обесценили любую жизнь, в том числе и свою. «Кровавые кости в колесе», по словам Мандельштама, все время трещали, и все время одни заменялись другими, и тот, кто вроде бы руководил вращением колеса, сделав неосторожное движение, вдруг оказывался захваченным его вращением и с ужасом обнаруживал, что уже не он вращает колесо, а оно тащит его к общей могильной яме. Я думаю, что Раскольников преувеличивал страдания соратников Сталина, когда писал, что они шагают по лужам крови «с мукой и отвращением». Это был народ закаленный, не раз перешагивавший через многие кровавые лужи. «Мы шли к победе революции по колено в крови», — говорил Киров, вспоминая минувшие годы. Крыленко, перед тем как сесть на скамью подсудимых, возглавлял советскую юриспруденцию с 1927 по 1937 год и лично разрабатывал всю юридическую систему, служившую основанием для массовых репрессий. Но, создав практику беззакония, этот деятель уготовил судьбу себе самому, Р. Иванов-Разумник, проведший в крыленковских лагерях, тюрьмах и ссылках, с короткими выходами на волю, все двадцатилетие с 1921 по 1941 год, так вспоминал о нем:

«Один раз в камеру попал даже и наркoм — пресловутый и всеми презираемый народный комиссар юстиции Крыленко. Рассказывали, что в камеру соседнюю с нашей посадили примо после ареста и перед отправлением в Лефортово этого патентованного негодяя — «чтобы сбить с него гордость». Он должен был начать свой стаж с «метро» около параши, а потом испытывать и все прочие камерные удовольствия. Он хватался руками за голову и вопил: «Ничего подобного я не подозревал!»

Наверное, это больше похоже на правду, нежели железно-романтическое поведение в тюрьме Рубашова — героя романа А. Кестлера «Слепящая тьма», потому что мемуары Иванова-Разумника написаны узником того времени, а не иностранным журналистом. Можно ли людей, вдохновенно и щедро проливавших кровь, культивировавших репрессии по отношению к своему народу, подписывавших ради того, чтобы удержаться в своих креслах, любые приговоры своим товарищам, от которых отвернулась фортуна, можно ли людей такого типа считать несчастными жертвами, пострадавшими от несправедливости? А может быть, в том, что они пострадали, и заключается высшая справедливость истории. Другое дело, что возмездие они получали от сил зла. Но что делать! В истории такое случалось не раз: когда у добра не хватает сил, то зло само начинает проводить роковую работу по осуществлению своеобразной, хотя и страшной, справедливости. Это — один из сверхчеловеческих и всегда действующих законов истории: зло в результате своего переизбытка начинает самоистребление.

«Вы открыли новый этап, который войдет в историю нашей революции под именем «эпохи террора», — гневно бросил Раскольников в лицо диктатору. Но «эпоха террора» началась много раньше, и Раскольников не мог этого не знать. О нем самом и о его жене Ларисе Рейснер существуют воспоминания той же Н. Я. Мандельштам, рисующие революционную семью с неожиданной стороны:

«Раскольников с Ларисой жили в голодной Москве по-настоящему роскошно — особняк, слуги, великолепно сервированный стол... Своему образу жизни Лариса с мужем нашли соответствующее оправдание: мы строим новое государство, мы нужны, наша деятельность — созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти...

Со слов О. М. я запомнила следующий рассказ о Ларисе: в самом начале революции понадобилось арестовать каких-то военных, кажется, адмиралов, как их тогда называли. Раскольниковы вызвались помочь в этом деле: они пригласили адмиралов к себе, те явились откуда-то с фронта или из другого города. Прекрасная хозяйка угощала и занимала гостей, и чекисты их накрыли за завтраком без единого выстрела. Операция эта действительно была опасной, но она прошла гладко благодаря ловкости Ларисы, заманившей людей в западню».

Воздух тоталитаризма сгустился до предела уже к середине двадцатых годов. Семья изгоев — Осип Мандельштам и его жена почувствовали нехватку кислорода очень рано. Но гораздо раньше эту нехватку ощутили правые эсеры, меньшевики, высылаемые из страны интеллигенты. «Я вспомнила старика Г., провинциального врача, — пишет Надежда Мандельштам, — в самом начале двадцатых годов в Москве. Он приехал «хлопотать» и ничего не добился. «Никого не осталось, — сказал он мне. —

Они сослали всех, даже Милю, даже Нолю»... Он перечислял мне сыновей и подростков-внуков: «Так никогда не бывало». Старик знал, что в старые времена, когда старшего сына отправляли в ссылку, а это случалось весьма часто, к нему тут же привозили внуков. Арест сына не затрагивал никого из членов семьи — все оставались на воле и жили, где кому вздумается. Теперь старик пытался отхлопотать кого-нибудь из несовершеннолетних, но у него ничего не вышло».

Вот что такое тоталитарное мышление, рождающее тоталитарную юридическую практику. Можно, конечно, усомниться — нет ли здесь преувеличения: Надежда Мандельштам все-таки была гонима и притесняема, не принадлежала к официальной элите. Но вот свидетельство другой женщины — ее сверстницы, активного партийного функционера 20—30-х годов Зинаиды Немцовой, чей отец был профессиональным революционером (странно, конечно, называть это дело профессией), соратником Ленина. Сама Немцова была приближенной Кирова, руководила партийной организацией крупного ленинградского завода, в 1937 году попала в лагеря, где встретилась со своими политическими противниками начала двадцатых годов, против кого она и ее соратники боролись теми же методами, которые она испытала на себе 15 лет спустя... Свидетельства Немцовой удивительны:

«Политизоляторы. Они были специально созданы после эсеровского процесса. Удобные камеры. В них люди могли работать. Или не работать — по выбору. И географически политизоляторы находились в хороших местах. Можно было гулять. Но люди считались арестованными, то есть заключенными. Хотя и пользовались библиотекой. Им предлагалось: изучайте. Проверьте свои знания. На подлинниках. Вернитесь к Марксу, к Ленину. Поработайте над собой. И окончательно решите вопрос о своих убеждениях... Потом мы встретились с теми троцкистами, когда ехали на пароходе от Котласа в Княжпогост, двигаясь па Воркуту... Всех, кто сидел в политизоляторах, направляли ведь в обычные лагеря. На том пароходе оказалась громадная группа троцкистов, они себя называли «ортодоксами». У нас с ними произошла драка. Потому что мы их называли фашистами, а они — нас...» Вот так в воспоминаниях 90-летней женщины вырисовывается драма тоталитаризма, его «самоедство», внутрипартийное противостояние «ортодоксов» и «фашистов», достойных друг друга и одинаково обманутых прагматиками из породы Макиавелли.

Читая такое, понимаешь, что Рой Медведев, утверждающий, будто бы первые массовые политические процессы начались у нас в 1927 году, ошибается. Процессы начались много раньше. Так же, как и З. Немцова, писательница Евгения Гинзбург в книге «Крутой маршрут» вспоминает о том, как в 1937 году она встретилась в тюрьме с политзаключенной Надеждой Дерьковской. Дерьковская была правой эсеркой, муж ее погиб уже в середине 20-х годов на Соловках, сама она, начиная с 1921 года, жила то в лагерях, то в ссылках. Сын ее вырос в лагерной неволе. Откуда же взялись у нас политзаключенные, имевшие в 1937 году пятнадцатилетний стаж гонений за плечами? Да будет известно историку Рою Медведеву, что взялись они из двух крупнейших процессов 1922 года — церковников и правых эсеров. Процессы были сугубо политические, жестокие, беззаконные, закончившиеся и смертными приговорами, и громадными сроками заключения. Сколько было расстреляно служителей церкви — до сих пор неизвестно. Двенадцать членов партии эсеров, обвиненных в том, что в 1918 году их партия устраивала заговоры против большевиков, были приговорены к смертной казни. Лишь мощный протест западноевропейской интеллигенции, вмешательство М. Горького и Анатоля Франса приостановили вынесение приговора на неопределенный срок — в зависимости от того, как будут вести себя остатки партии эсеров. Осужденные стали заложниками. В 1924 году смертный приговор был заменен различными сроками тюремного заключения и ссылок.

Интересно то, что Бухарин был защитником на процессе 1922 года. В 1937 году это было поставлено ему в вину. Вдова Бухарина в своих мемуарах утверждает, что Бухарин в симпатии к правым эсерам был обвинен совершенно напрасно, потому что — цитирую: «Поскольку защитники доказывали правильность показаний своих подзащитных, разоблачавших ЦК правых эсеров, они по сути делали с обвинением общее дело». Получается, что Бухарин, как защитник, вел себя на процессе правых эсеров точно так же, как и его «защитники» на суде вели себя в 1937 году — «делали с обвинением общее дело».

А о процессах церковников и говорить нечего. Там даже защитников не было. За тех западноевропейская интеллигенция не заступалась. Расстрелы и Соловки стали их естественной участью. Но обратим внимание на одно обстоятельство. Даже удостоверившись воочию, что все двадцатые и тридцатые годы эсерка Дерьковская и ее сын провели в лагерях и тюрьмах, Евгения Гинзбург все-таки восклицает: «Великие, чистые, юные наши двадцатые годы!» Восклицание искреннее — но замечательное тем, что оно есть красноречивый образец кастового мышления: «Если хорошо моей касте — значит, мы живем в хорошее время». Так что я не верю А. Рыбакову, что идея «Мемориала» «сформировалась в сознании народном» только как антисталинская. Такой, и только такой, поспешили ее объявить «Огонек» и «Московские новости». Но, словно бы отвечая этой наспех состряпанной исторической лжи, П. Флоренский — внук выдающегося русского мыслителя, ученого и священника Павла Александровича Флоренского — на вечере памяти своего великого деда, погибшего в 1937 году, сказал: «Недавно в «Огоньке» были перечислены страстотерпцы за правду: Чаянов, Бухарин, Вавилов, Тухачевский, Флоренский, Пастернак, Платонов и еще кто-то. Смешение семян и плевел, жертв и убийц, осужденных и палачей — это попытка отбеливания кровавых пятен с белых одежд преступников — вот что это такое. Способ проверенный. Когда надо выкормить чужих щенят, их кладут в одно лукошко с родными, подлинными и перемешивают. Сука отличает их по запаху, а теперь все смешалось, и она облизывает их всех, кормит. С Иудой целовались до преступления. Зачем же после? Посмертно?» Зададимся и мы этим же вопросом...

Сейчас идет пересмотр дел, касающихся репрессий 30—40—50-х годов. Но эти формулировки ущербны — нельзя забывать о невинных жертвах репрессий годов двадцатых... Сегодня, может быть, мы имеем последний исторический шанс оправдать их, покаяться и поклониться их мукам, их страданиям, их пролитой крови.

●

ИЗ ПИСЕМ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

«ПРАВОЗАЩИТНИКИ»

«Книжное обозрение» поместило 30 июня этого года письмо некоего Н. Терещенко, который обвиняет журнал «Молодая гвардия» в «обнаженной проповеди великорусского шовинизма, открытом разжигании ненависти к евреям как национальности».

Я тоже по национальности, как Н. Терещенко, украинец, долгое время жил в Днепропетровской области и в самом областном центре, «обильно населенном представителями различных национальностей». И так же, «атмосфере, в которой я рос, абсолютно не был присущ шовинизм», как не присущ он атмосфере, в которой живу сейчас на русской земле. Тоже выписываю журнал «Молодая гвардия» и, читая большинство материалов, нахожусь а атмосфере, которой абсолютно «не присущ шовинизм», тем более «разжигание ненависти к евреям как национальности».

Но, читая «Книжное обозрение», я действительно подчас попадаю в атмосферу разжигания национальных страстей и культивирования русофобии. Само письмо офицера в отставке Н. Терещенко тому очередной пример.

«Разве можно решить проблему нормализации межнациональных отношений и сплотить все национальности государства, если никем практически не обрывается, не пресекается и даже публично не осуждается разжигание отчужденности и враждебности в отношении одной из творческих, созидательных национальностей?» — вопрошает отставник.

Да, верно, нельзя, если одни нации, по Н. Терещенко, будут «творческие», «созидательные», а другие не будут таковыми или будут менее «творческими», «созидательными». Ставя вопрос таким образом, Н. Терещенко, а вместе с ним и руководители «Книжного обозрения» скатываются к расовой теории самых мрачных времен гитлеризма, когда был тот же дележ на «лучших» и «худших». Нетрудно представить, какой раздался бы протест со страниц того же «Книжного обозрения», если я свою украинскую нацию назвал бы «одной из творческих, созидающих», а ту же еврейскую не поставил в тот же ряд и отнес бы к прочим, как это делает полковник в отставке.

Доживая свой век, я и не знал, что в СССР существуют национальные элиты. Спасибо «Книжному обозрению», оно открыло мне глаза... Да ведь противопоставление одних национальностей другим ведет к расколу общества! Именно благодаря писаниям таких, как Н. Терещенко, благодаря деятельности таких изданий, как «Книжное обозрение», и возникают все чаще в разных местах страны национальные конфликты.

А что касается еврейского вопроса — то он, конечно, существует. Здесь можно вспомнить слова М. С. Горбачева: «Вы говорите о «еврейском вопросе». Если еще в какой-то стране евреи пользуются такими политическими правами, как в нашей стране, я был бы рад это услышать. Еврейское население, составляя 0,69 процента от всего населения страны, представлено в ее политической и культурной жизни в масштабах не менее 10—20 процентов...» А в своем выступлении 1 июля 1989 года по телевидению М. С. Горбачев сказал: «Вытеснение одних наций другими, призывы и действия подобного рода могут привести к всеобщей беде».

Вот это не забывать бы таким «правозащитникам», как Н. Терещенко, и таким изданиям, как «Книжное обозрение», во многих публикациях которого мы, читатели, наблюдаем откровенную неприязнь ко многим известнейшим русским писателям, наблюдаем зачастую ничем не прикрытую русофобию.

В моей жизни так сложилось, что самыми близкими друзьями оказались люди еврейской национальности. Но я как-то никогда не думал — евреи они или не евреи, просто хорошие люди, мои друзья. Часто мы вместе читаем газеты и журналы, обсуждаем прочитанное. Бывают у нас и полярные суждения, но по самым важным, кардинальным вопросам общественной жизни наши мнения не расходятся. И от того, что на многие вещи и явления мы смотрим по-разному, никто из нас не стал ни русофобом, ни антисемитом. Наоборот, мы острее поняли, что при попытках шельмования представителей русской культуры — чего стоит только заявление о том, что один «шедевр» Розенбаума дороже всех писаний Василия Белова — надо всем становиться на ее защиту: украинцам, евреям, грузинам, белорусам, всем народам страны.

«Завершая это письмо, я как ветеран партии и комсомольского движения...» — пишет Н. Терещенко. Так вот, и тоже участник войны, офицер, член партии, «ветеран комсомола», в который меня приняли прямо в окопе, настаиваю на прекращении публикаций «Книжным обозрением» и другими изданиями антирусских материалов, вредных нашему обществу и нашей революции.

Что же касается «Молодой гвардии», то вопросы межнациональных отношений журнал освещает объективно, исходя из реальных фактов, обстоятельств и событий.

В. ШАПОВАЛОВ,
ветеран Великой Отечественной
войны, член КПСС,
г. Белгород

С ЧЬЕЙ ПОДАЧИ?

«Сердитое» письмо Н. Терещенко («Книжное обозрение» № 26 от 30.06.89 г.) заставило меня вторично, более внимательно и

вдумчиво, перечитать критическую статью М. Устинова, опубликованную в журнале «Молодая гвардия» № 3 за 1989 год. Как и в первый раз, я не нашел в ней никакого «криминала» в отношении лиц еврейской национальности.

Поскольку В. Халупович в своем стихотворении дал емкую картину гонения евреев от времен Святополка II Изяславича, Владимира Мономаха, Екатерины II и до наших дней, — критик М. Устинов был вынужден, не касаясь литературно-художественной стороны, дать весьма аргументированный экскурс в историю существования евреев в России начиная с X века и до сего дня. Сделал он это, учитывая социально-политические условия каждой эпохи, тогда как В. Халупович всех смешал в один ряд: князей, царей и советских людей (читай «антисемитов»). И сделал Устинов это в отличие от Н. Терещенко спокойно, уважительно, как вдумчивый и серьезный исследователь, ссылаясь на историков и публицистов, скрупулезно указывая не только фамилии авторов и названия их трудов, но год издания и даже страницы источника. Возмущение же Н. Терещенко носит бездоказательный эмоциональный характер. Если М. Устинов не только не оскорбил, но даже не назвал ни одной фамилии своих потенциальных оппонентов, то рассерженный Терещенко всем, от автора критической статьи до редакции журнала «Молодая гвардия» и руководителей ЦК ВЛКСМ, наклеил ярлыки («агрессоры», «антисемиты» и пр.), сравнивая их с... Петлюрой, Махно и даже с пропагандистами гитлеровско-геббельсовского толка: «косвенно плюют на могилы бойцов, командиров и партизан (?) еврейской национальности, погибших в боях с фашистскими оккупантами... безнаказанно (!) шельмуют 2 млн. евреев...» и т. п. В заключение он требует (?) полностью прекратить публикование на страницах журнала «Молодая гвардия» антиеврейских и иных шовинистических материалов! Отставной полковник, член партии с 1926 года, в пылу полемики, видимо, забыл, что он живет уже не в сталинско-ждановские времена, когда в ходу были бездоказательные обвинения в антиеврействе, шовинизме и т. п.

Великую Отечественную войну я начал командиром стрелкового взвода, а когда убили нашего комбата капитана Г. Радченко, мне пришлось командовать мотострелковым батальоном. С 1942 по 1945 год я не слезал, как говорится, с «передка».

Моя грузинская фамилия (отец грузин, мать русская) и 17-летнее проживание в Средней Азии (г. Ашхабад) были «веским» аргументом, и поэтому начальник штаба батальона капитан Андрианов направлял из пополнения всех солдат нерусской национальности в мой взвод, в котором были русские, украинцы, узбеки, таджики, туркмены, грузины, осетины, армяне, евреи и другие. Не зная никакого языка, кроме русского (!), я старался всех солдат взвода подготовить к предстоящим боям в равной степени. И все они воевали отлично, все они были патриотами нашей Родины, все жили дружно. Никого из них я не различал по национальному признаку, как не делаю этого и сейчас. Всех людей, независимо от национальности, я оцениваю прежде всего по человеческим качествам: каков он гражданин, каков патриот, что он за работник и как относится к своим служебным обязанностям, умен ли, компетентен ли, честен, порядочен ли и т. п.

Поэтому я никак не могу понять: почему можно критиковать кого угодно, но только не еврея? Это какая-то «неприкасаемая»

нация, стоящая в особом ряду нашего многонационального государства? Чуть затронешь — сразу попадешь в «антисемиты» и «антиперестройщики». Вот и наш Н. Терещенко, возомнив себя «прорабом перестройки», пытается заткнуть рот всем несогласным с ним. Если уж так его раздражает журнал «Молодая гвардия», то интересно знать, что он думает о журналах «Огонек» и «Юность», которые с поспешностью, достойной лучшего применения, угодливо предоставили свои страницы эмигранту в ФРГ В. Войновичу, публикуют его роман-анекдот (что за жанр?) «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Нетрудно догадаться, что Войновичу не дают покоя лавры всемирно известного сатирика Я. Гашека, автора романа-памфлета «Похождения бравого солдата Швейка», но незадачливому автору «анекдота» о советском «чокнутом» солдате Иване-дурачке далековато до чешского классика. Образ же Ивана Чонкина вызывает неприязнь и даже брезгливость, чего и хотел, очевидно, добиться автор.

По моему мнению, никакой это не роман и даже не анекдот, а самая обыкновенная злобная, грязная клевета на Красную Армию, в которой я прослужил более 35 лет и армейскую жизнь поэтому знаю не понаслышке.

Вот где бы возмутиться Н. Терещенко: как это редакции таких популярных массовых журналов, как «Огонек» и «Юность», опустились до такого уровня безвкусицы, безыдейности и даже пошлости, чтобы с помощью грязного и нечистоплотного пера обливать помоями наши славные Вооруженные Силы? И как назвать тех, кто плюет на армию, которая спасла советский народ (в том числе и евреев) и народы Европы от нацистского порабощения, армию, которая вот уже 45 лет обеспечивает мирный труд советских людей?

Н. Терещенко проливает крокодиловы слезы и скорбит по бойцам, командирам и... партизанам еврейской национальности (что-то последних среди партизан не встречал), погибших в боях с фашистскими оккупантами, но забывает, что на полях боев в годы Великой Отечественной войны осталось навечно лежать более 10 миллионов русских, украинцев, белорусов, узбеков, грузин и людей иных национальностей.

Или возьмем другого эмигранта, Иосифа Бродского, которому не менее услужливо предоставляет свои страницы журнал «Юность». Читаешь стишки этого «нобелевского лауреата» и диву даешься: за что его так превозносят чуть ли не вровень с самим Пушкиным? А почему так популярны А. Рыбаков, М. Шатров, Л. Разгон и другие? За то, что они оплевывают все прошлое своей Родины, за то. что они «успели» сориентироваться и раньше других стать в ряды «застрельщиков перестройки», приклеивая всем инакомыслящим приставку «анти»? Эти «смельчаки» раньше и пискнуть-то не смели, зато сейчас всех учат, как жить, что писать и т. п.

А преуспевшие в борьбе с «врагами народа» бывшие сотрудники НКВД, жестокие палачи Ягода, Коган, Берман, Фирин, Раппопорт, Френкель, награжденные при строительстве Беломор-канала, — их тоже нельзя трогать, так как они еврейской национальности?

Уверен, что критика в журнале «Молодая гвардия» какого-либо лица другой национальности не затронула бы так Н. Тере-

щенко, как справедливая критика еврейского поэта В. Халуповича. С чего бы это?

Разделяю опасение русских литераторов, деятелей культуры и искусства, озабоченных тем, что в последнее время средства массовой информации прибирают к рукам и, как говорится, «заказывают музыку» разные шатровы, рыбаковы, войновичи, сахаровы и их апологеты — коротичи, адамовичи, евтушенки и другие.

Н. Терещенко льет слезы по поводу «гонений» советских евреев в СССР и не обращает внимания на то, что на пятом году перестройки льется кровь и гибнут сотни армян, азербайджанцев, турок-месхетинцев, грузин, узбеков, казахов... Десятки и сотни тысяч беженцев! То тут, то там митинги, забастовки, массовые драки, погромы и разбой?! Позор! Вот куда бы обратить свой гнев тов. Терещенко! Ан нет, тут он спокоен. А вот когда «обидели» одного еврея печатно, он вознегодовал.

И, наконец, хотелось бы спросить Н. Терещенко: по велению ли сердца он так разгневался на редакцию журнала «Молодая гвардия» или же с чьей-то подачи?

С уважением,
Б. КИКНАДЗЕ,
ветеран войны и Вооруженных Сил,
член КПСС с 1943 года,
полковник в отставке,
г. Свердловск

РАППОВСКИЕ ПРИЕМЧИКИ

До глубины души возмущен опубликованным в «Книжном обозрении» письмом Н. Терещенко, которое является не чем иным, как прямым и откровенным политическим доносом, исполненным, как говорится, в классических традициях сталинских времен. Тогда подобные доносы немедленно вызывали беспощадный «пролетарский» суд, в результате чего летели головы, лилась невинная кровь. Ах, какой ностальгией по тем временам охвачен Н. Терещенко, а вместе с ним эта газетка — «Книжное обозрение». Я невольно подумал: а бывший этот полковник Н. Терещенко не служитель ли в прошлом ГУЛАГа? Уж очень терминология у него гулаговская.

Сиониствующие псевдодемократы даже самую малую критику в адрес еврейского автора тотчас объявляют проявлением антисемитизма. Этим же методом пользуется и Н. Терещенко. Но подобные методы вызывают у всех порядочных людей только гнев.

В рапповские времена русскую культуру, русских писателей часто насиловали и громили «Иваны, не помнящие родства», выпестованные кагановичами, губельманами и проч. Но сейчас времена иные, а приемы критики у иных авторов, методы работы иных изданий прежние. Позор!

А. М. ВАСИН,
г. Мончегорск, Мурманская обл.

НАШ КАЛЕНДАРЬ

Николай БУРЛЯЕВ

«Я ГРУДЬЮ ШЕЛ ВПЕРЕД, Я ЖЕРТВОВАЛ СОБОЙ...»

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

«За дело общее, быть может, я паду...» — написал шестнадцатилетний Лермонтов. А позже:

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной.

Поражают не столько эти смутные предчувствия рокового конца, свойственные многим творческим натурам, сколько поистине вещие подробности смерти поэта.

Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был.

Или:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя...

Наибольшей тайной в лермонтоведении окутан трагический финал жизни Лермонтова, его «к а з н ь»... По сей день нам

неизвестно, что случилось «во вторник 15 июля 1841 года близ Пятигорска, у подножия горы Машук, где Лермонтов был убит выстрелом в грудь навылет».

Попробуем хоть немного погрузиться в эту тайну. Зададим вопросы себе и будущим исследователям жизни Лермонтова, чью честную, бескомпромиссную работу, чьи ответы ожидает наша культура.

Вероятно, был близок к проникновению в одну из этих тайн выдающийся литературовед и критик Юрий Иванович Селезнев, чья жизнь так внезапно оборвалась в расцвете творческого взлета и чье пятидесятилетие со дня рождения отмечается в этом году. Он рассказывал о своих исследованиях лермонтовского окружения последних двух лет его жизни, известного в лермонтоведении как «Кружок шестнадцати». Юнцы от шестнадцати до двадцати трех лет: графы, князья, бароны, дети особо приближенных к императору отцов, неотступно преследовали Лермонтова последние два года его жизни. Впрочем, заглянем в Лермонтовскую энциклопедию: **«Кружок шестнадцати», петерб. оппозиционный кружок аристократической молодежи (1838—1840)».** «Проявленная осторожность наводит на мысль о конспиративном характере кружка»... Один из участников кружка, Браницкий, писал о том, что, **встречаясь ежевечерне,** «шестнадцать» «рассказывали друг другу о событиях дня, **болтали обо всем и все обсуждали** с полнейшей непринужденностью и свободой, **как будто бы III Отделения вовсе не существовало»** (подчеркнуто мною. — Н. Б.).

Члены кружка «в большинстве принадлежали к верхушке новой, «романовской» аристократии. Среди «шестнадцати» — отпрыски наиболее приближенных к Николаю I семейств» (Фредерикс, Голицын, Паскевич, С. Долгорукий, Шувалов, Васильчиков). Удивителен тот факт, что, когда Лермонтова выслали из Петербурга на Кавказ в 1840 году, «Кружок шестнадцати» едва ли не в полном составе поспешил за ним. «Вскоре после вашего отъезда я видел, как через Москву проследовала вся часть «шестнадцати», направляющаяся на юг. Я часто видел Лермонтова во все время его пребывания в Москве» (из письма Самарина к Гагарину). «Рисунки Гагарина показывают, что большинство членов кружка оказались на Кавказе одновременно с Лермонтовым». Эйхенбаум трактовал этот факт в трех вариантах: «Либо конспиративный кружок был раскрыт и члены его высланы из Петербурга или им «посоветовали» уехать, либо они добровольно поехали туда вслед за Лермонтовым».

Привязанность кружковцев к Лермонтову поистине удивительна: «шестнадцать» не только покинули Петербург в 1840-м одновременно с Лермонтовым, но и съехались там на время отпуска Лермонтова в 1841-м. Но вскоре Лермонтова снова изгоняют на Кавказ, и снова, по крайней мере, несколько человек из «шестнадцати» следуют за поэтом, окружают его в Пятигорске в последние дни жизни. Двое из «шестнадцати» (Васильчиков и Столыпин-Монго) присутствуют при убийстве Лермонтова. И начинаются вопросы: почему А. Столыпин-Монго, дважды приводивший своего родственника Мишеля Лермонтова под пули (на дуэль с Барантом и на дуэль с Мартыновым), до конца своей жизни не написал правды о его смерти? Почему убийце Лермонтова, Мартынову, взятому под стражу, позволили свободную переписку с секундантами? И почему при этом показания их все равно полны противоречий? Мартынов писал: «Был отмерен барьер в 15 шагов...» Васильчиков позже говорил о 10! «Существует важное свидетельство того, что акценты в пользу Мартынова а показаниях секундантов появились уже в ходе следствия; в первые же часы после дуэли они говорили другое» (Лермонтовская энциклопедия. с. 152). Почему столько противоречий в показаниях секундантов и Мартынова в количестве прозвучавших на дуэли выстрелов? Почему секундант Лермонтова Глебов пишет убийце Лермонтова Мартынову: «Я должен же сказать, что уговаривал тебя на условия более легкие... Теперь покамест не упоминай о условии 3 выстрелов; если же позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего: надо будет сказать всю правду» (?) (там же, с. 153).

Какова подлинная роль введенного в следственную комиссию подполковника корпуса жандармов Кушинникова, «осуществлявшего по заданию Бенкендорфа секретный политический надзор...» и «исправно докладывающего о происходящем Бенкендорфу»? (там же, с. 154.) Когда и куда исчезли все документы о деятельности Кушинникова на Кавказе? Куда исчезло окончание «Исповеди» Мартынова, решившегося в конце жизни написать правду о том трагическом событии? Какова достоверность версии о том, что Мартынов во время церковной исповеди говорил священнику о своей невиновности?

Дело об убийстве великого поэта России было закрыто, но открытыми и безответными остались вопросы потомков к участникам этого преступления.

Замечательный философ и историк русской культуры Даниил Андреев писал о том, что Лермонтов — «огромный — один из величайших у нас в XIX веке — ум».

Вновь и вновь просматривая скупые сведения о «Кружке шестнадцати», не находишь ответа на вопрос: что общего могло быть у величайшего в XIX веке ума, Лермонтова, как уже доказано специалистами, на десятилетия опережавшего развитие своего поколения, с юными отпрысками отцов, «жадною толпой стоящих у трона»?

Именно во время «ежевечерних встреч шестнадцати» в 1838 году Михаил Юрьевич пишет один из своих поэтических шедевров — «Думу», в которой ясно высказывает свое отношение и к «детям», и к «отцам»:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.

Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властию — презренные рабы.

Именно в это время Лермонтов пишет:

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...

«Скучно, и грустно»! — и это среди пятнадцати-то «друзей-единомышленников»? И нет ни одного, кому поэт мог «руку подать»?..

Тогда же, в период «ежевечерних встреч», Лермонтов признается:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски...

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Это написано 1 января 1840 года, а четыре месяца спустя, после дуэли с Барантом, он был выслан на Кавказ, сопровождаемый, как известно, все тем же «пестрым окруженьем». Известно также, что Лермонтов никогда и нигде не высказывал своего «дружеского» отношения к этому таинственному «кружку». Хочется задать будущим исследователям жизни Лермонтова вопрос Ю. Селезнева, не успевшего завершить свою работу: «не является ли этот «Кружок шестнадцати» своеобразной организацией по ликвидации Лермонтова?» Спустя несколько дней после убийства Лермонтова генерал Граббе писал: «Несчастная судьба у нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти».

Однако на этом вопросы не заканчиваются. Современный специалист в области баллистики, подполковник бронетанковых войск, кандидат наук К. В. Кузенев (его имя достаточно известно лермонтоведам) много лет посвятил изучению гибели поэта. Тщательно обследовав место дуэли с помощью соответствующих приборов, В. Кузенев установил, что наибольший угол наклона места дуэли равен 3 градусам. Если бы дуэль в действительности проходила по всем строгим, всегда соблюдаемым, дуэльным правилам, пуля пронзила бы тело Лермонтова почти в строго горизонтальном положении, максимум — под углом 3 градуса. В акте медицинского осмотра тела указывается: «При осмотре оказалось, что пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастении ребра с хрящом, пробила правое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны» (Летопись, с. 169—170). Согласно Лермонтовской энциклопедии такой угол раневого канала, то есть от 12-го ребра до противоположного 5-го межреберья, уклон при нормальном положении туловища составляет **не менее** 35° (стр. 153). Как смешно и нелепо выглядят все попытки специалистов оправдать это «балетными позами» противников.

Даже при поверхностном сопоставлении истории гибели двух величайших русских поэтов — Пушкина и Лермонтова, умерщвленных один за другим с интервалом в четыре года, видно, что к решению судеб русских пророков причастен один и тот же круг лиц. Трагедия Пушкина и трагедия Лермонтова связаны в один узел многими роковыми совпадениями. В обоих стреляли «друзья» — Дантес и Мартынов. Пушкин был лишен жизни пистолетом, одолженным Дантесом у Баранта. Барант ровно через три года стреляет, быть может, из этого же пистолета в Лермонтова и... к счастью, промахивается. Но через год Лермонтова «добивает» приятель Дантеса, Мартынов. Одна и та же модная петербургская гадалка мадам Кирхгоф предсказывает гибель Пушкину, а спустя несколько лет — Лермонтову! Явно не последнюю роль сыграл в трагедиях Пушкина, Лермонтова, а ранее и Грибоедова министр иностранных дел России, масон, австрийский шпион, Карл-Роберт Нессельроде, приведший в итоге своей «деятельности» Россию к войне с Турцией. Ненависть супругов Нессельроде к русской культуре и к величайшим ее представителям Пушкину и Лермонтову известна. Лермонтовская энциклопедия констатирует: «После дуэли Лермонтова с Э. Барантом Нессельроде был одним из противников «помилования» поэта». Жена Нессельроде — «враг А. С. Пушкина. Ее салон отличался снобизмом, консерватизмом и безразличием к русской передовой культуре. 16 марта 1840 она сообщила сыну, что семье Баранта «все выказали величайшее сочувствие».

Лермонтовские стихи на смерть Пушкина — это, по сути, стихи и на смерть Лермонтова — судьбы поэтов сходны в своем трагическом повторении.

И к самому Лермонтову применимы его стихи, адресованные его кумиру А. С. Пушкину:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни...

Настораживает неослабевающая тенденция современных «специалистов», критиков, драматургов, девальвирующих образ Лермонтова, именующих его в центральной печати «антихристом», объявляя его более шотландским, чем русским поэтом, представляющих поэта на театральных сценах как аморального маньяка, автора строк «прощай, немытая Россия», строк, которых Лермонтов не писал.

В заключение вспомним проникновенные слова Даниила Андреева: «Настигнутая общим врагом, оборвалась недовершенной миссия того, кто должен был создать со временем нечто, превосходящее размерами и значением догадки нашего ума — нечто и в самом деле титаническое... В победе утверждающего начала и в достижении наивысшей мудрости и просветленности творческого духа и лежала несвершенная миссия Лермонтова... В глубине его стихов, с первых лет до последних, тихо струится, журча и поднимаясь порою до неповторимо дивных звучаний, вторая струя: светлая, задушевная, теплая вера. Надо было утерять всякую способность к пониманию духовной реальности до такой степени, как это случилось с русской критикой последнего столетия, чтобы не уразуметь черным по белому написанных, прямо в уши кричащих свидетельств об этой реальности в лермонтов-

своих стихах... Если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого непредставимого для нас и не повторимого ни для кого жизненного пути, который привел бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа и где мудрость, прозорливость и просветленное величие таковы, что все человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и с трепетом радости... Так или иначе в 70-х и 80-х годах прошлого века Европа стала бы созерцательницей небывалого творения, восходящего к ней из таинственного лона России...»

26-летний Лермонтов уже стоял на пороге новых, невиданных творческих откровений, готовился к написанию грандиозной трилогии из трех эпох, трех царствований российской истории. Одно за другим выходили из-под его пера жемчужины Слова, невиданные по силе и красоте поэтические шедевры: «Мне грустно, потому что я тебя люблю», «Горные вершины спят во тьме ночной», «Наедине с тобою, брат...», «Люблю отчизну я...», «Ночевала тучка золотая...», «В полдневный жар в долине Дагестана...», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк...» Именно в это время, «настигнутая общим врагом, оборвалась» его жизнь.

Но и то, что успел создать Лермонтов, поставило его в первый ряд великих писателей России и мира. Его учениками признавали себя Толстой, Достоевский, Чехов, Горький, Бунин...

Убежден, что и на все грядущие века Михаил Юрьевич Лермонтов пребудет для потомков не только учителем высочайшей духовной поэзии, но и пророком, бесстрашным подвижником русского духа, явившим пример самоотверженного служения Отечеству.

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 17.08.89. Подп. в печ. 28.09.89. А04978.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 18,4
Тираж 655 000 экз. Заказ 258. Цена 60 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21